DK217
.N425

ЦЕНТРАРХИВ

М.В.НЕЧКИНА

ОБЩЕСТВО СОЕДИНЕННЫХ СЛАВЯН

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1927

UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA

BOOK CARD

Please keep this card in book pocket

PARTIAL TITLE

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

DK212
.N425

This book is due at the WALTER R. DAVIS LIBRARY on the last date stamped under "Date Due." If not on hold it may be renewed by bringing it to the library.

DATE DUE	RET.	DATE DUE	RET.
OCT 2 2 1990	NOV 29 '91		

ЦЕНТРАРХИВ

Н-59

«ВОССТАНИЕ ДЕКАБРИСТОВ»
ИССЛЕДОВАНИЯ ПОД РЕДАКЦИЕЙ М. Н. ПОКРОВСКОГО

ДБ
370
Н59

М. В. НЕЧКИНА

ЗАКРЫТЫЙ ФОНД
Библиотеки Политехникума

ОБЩЕСТВО СОЕДИНЕННЫХ СЛАВЯН

DK 212
.N425

ПРОВЕРЕНО

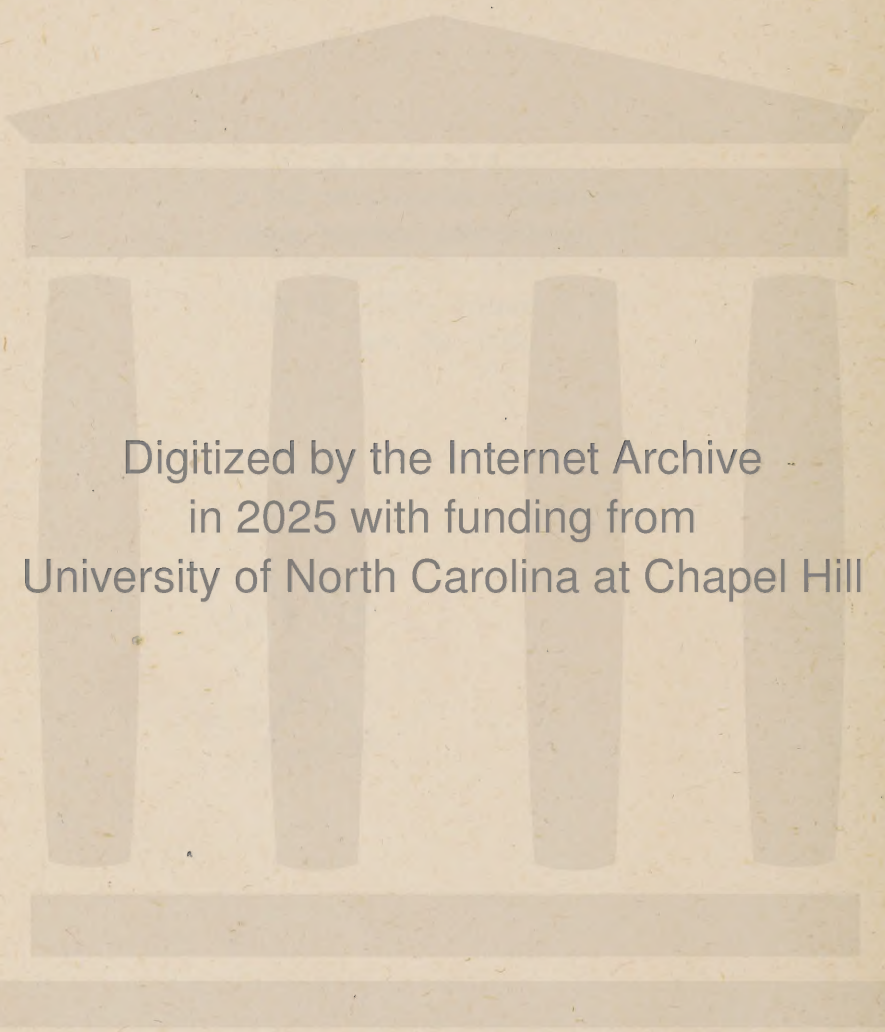
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ★ 1927 ★ ЛЕНИНГРАД

ОТПЕЧАТАНО
в 1-й образцовой типографии
гиз'а. москва, пятницкая, 71.
Главлит № 74373.
Гиз № 16333. Тираж 3.000.
Зак. № 1035.

497317
ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

Целию сего общества есть введение в России чистой демократии, уничтожающей не токмо сан монарха, но и дворянское достоинство и все сословия, и сливающей их в одно сословие — гражданское.

Из показаний *Борисова 2-го.*



Digitized by the Internet Archive
in 2025 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/obshchestvosoedi00nech

ОТ АВТОРА.

Общество Соединенных Славян до сих пор почти не исследовано. Одна из глав книги М. В. Довнар-Запольского «Тайное общество декабристов» (М. 1906) и статья Н. Коробки «Декабристы братья Борисовы и Общество Соединенных Славян» («Современник» 1911, кн. 5) — вот, в сущности, самые крупные по об'ему работы об этой своеобразной «разночинной» группе декабристов. Даже в капитальном труде В. И. Семевского им уделено очень мало внимания. Остальные исследователи декабризма посвящают им несколько строк или в лучшем случае страниц. Обширный архивный материал о «Славянах» почти не изучен. Между тем настоятельная необходимость его исследования назрела давно. Декабризм интересует современного историка, как определенный этап революционного развития в его столетней перспективе. Чтобы выяснить его происхождение, эволюцию и связь с последующей революционной историей, необходимо прежде всего изучить все многообразие его форм. Декабристы не представляют собой группы, спаянной одной революционной идеологией. Одни из них тесно связаны с прошлым дворянской России, в то время уже дряхлевшей и близившейся к агонии. Другие глядят в будущее, их организации — зачатки грядущих движений. «Славяне» относятся к последним. Их потомкам — революционерам-разночинцам — суждено почти вековое революционное будущее. Поэтому их изучение особенно необходимо.

Состояние литературы о «Славянах» и неразработанность архивных материалов обусловили и отношение к теме. Прежде всего необходимо восстановить фактическую историю Общества Соединенных Славян и дать его социальный анализ. Работа велась над обширным архивным материалом: мною использован богатый фонд следственного дела и судопроизводства декабристов, хранящийся в Архиве Октябрьской революции, в отделе падения старого режима, секция XXI (в ссылках сокращено: АОР, опср, XXI), фонд дежурного генерала собственной е. и. в. канцелярии, находящейся в бывшем Лефортовском, ныне

Военно-Историческом Архиве (в ссылках сокращено: ВИА), некоторые материалы ленинградских архивов, отчасти — материалы Центрального Архива Восточной Сибири (в ссылках секращено: ЦАВС) и немногочисленные документы, принадлежавшие частным лицам.

Тема об Обществе Соединенных Славян близко соприкасается с темой о Южном обществе декабристов, так как оба общества слились летом 1825 г. В серии «Восстание декабристов», в которую входит настоящая книга, предполагалось издание двух специальных работ, касающихся Южного общества. Это обстоятельство ставило определенные рамки моему изучению южных декабристов.

Работа была закончена летом 1925 г., но условия печати задержали ее появления в свет почти на два года. Размер работы был ограничен, и поэтому для большей полноты периода революционных действий «Славян» (1823—1826) пришлось отказаться от изображения их сибирской жизни на каторге и поселении. Поэтому интереснейший момент последней — заговор в Зерентуйском руднике — остался за пределами настоящей книги, но материал о нем опубликован мною в журнале «Красный Архив» (№ 13, 1925 г.). Эта же причина заставила крайне сжать аппарат примечаний и ссылок.

Милица Нечкина.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ДИФЕРЕНЦИАЦИЯ ДВОРЯНСТВА В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

В 1905 году рабочий класс шел под лозунгами вооруженного восстания и демократической республики. Тогда этим требованиям было больше восьмидесяти лет. Их зарождение в истории русского революционного движения мало изучено. Мысль, приведенная в эпиграфе книги и звучащая столь знакомо для старых революционеров, принадлежит декабристу Петру Борисову, члену Общества Соединенных Славян.

В 1912 году, отмечая столетний юбилей со дня рождения А. И. Герцена, Ленин писал: «Чествуя Герцена, мы видим ясно три поколения, три класса, действовавшие в русской революции. Сначала — дворяне и помещики, декабристы и Герцен. Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но дело их не пропало. Декабристы разбудили Герцена, Герцен развернул революционную агитацию. Ее подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями Народной Воли. Шире стал круг борцов, ближе связь их с народом. «Молодые штурманы будущей бури» — звал их Герцен. Но это не была еще самая буря. Буря, это — движение самих масс. Пролетариат, единственный до конца революционный класс, поднялся во главе их и впервые поднял к открытой революционной борьбе миллионы крестьян. Первый натиск бури был в 1905 году».

Но революционер-разночинец уже таился в среде самих декабристов. Слова «страшно далеки они от народа» правильно характеризуют декабристов в целом. Но в их среде была скромная, до сих пор почти неизученная группа революционеров другого рода. И южные и северные декабристы одинаково думали, что революция может быть только военная. В их революционных планах «народ безмолвствует», — действуют только революционные генералы в «густых эполетах», офицеры, которым послушна огромная солдатская масса, так же послушна, как на царских парадах. Дворянство и в 1825 году вносило в революцию

элементы дворцового заговора. Но когда типичный представитель Южного Общества декабристов М. П. Бестужев-Рюмин приехал к членам Общества Соединенных Славян с предложением слиться с южанами, ему пришлось долго об'яснять, что такое военная революция. Славяне поняли не сразу. Фразы Бестужева-Рюмина об опасностях волнений «черни», о необходимости революции без кровопролития «наподобие испанской» были им чужды. Они были сторонниками революции народной. Они первые внесли в русское революционное движение эту идею, которой суждено было такое большое будущее.

Члены Общества Соединенных Славян представляют собою главным образом безземельное, «пролетаризированное» дворянство, жившее «с одного жалованья». Молодые армейские офицеры в малых чинах, юнкера, прапорщики, подпоручики, они были дворянами лишь по названию. В их взглядах на жизнь, в их идеале социального строя нет ничего дворянского. Это — идеал интеллигента-разночинца, демократа до мозга костей. В мелком чиновнике «из почталионских детей», в невзрачном писце губернаторской канцелярии, в беглом крестьянине, подделывавшем дворянский паспорт, чтобы добиться завидного места канцелярского служителя нижнего земского суда, в мелком шляхтиче «на приватной» службе в графском имении они чувствовали близкого человека, думавшего так же, как они, ценного члена их тайного общества и верного сотрудника. Тот революционер-разночинец, который начал свою славную историю с Чернышевского, в сущности уже намечался в лице Соединенных Славян. В первые десятилетия XIX века разночинец уже существовал. Он жил, говорил, действовал, организовывал революционный протест, он заковывался в цепи царским правительством, приговаривался к четвертованию, он ссылался на каторгу в Сибирь... Обществу Соединенных Славян принадлежит этот первый разночинный подвиг.

Проследим бегло историю дворянской «пролетаризации» первых десятилетий XIX века и обрисуем ту новую группу интеллигентов-разночинцев, в которую влился «дворянский пролетариат» естественным ходом хозяйственного развития. Для этого придется прежде всего остановиться на разложении крепостного хозяйства под влиянием развивающихся капиталистических отношений и на диференциации дворянства.

Крепостное хозяйство, бывшее проявлением и орудием торгового капитала, столкнулось с требованием огромного поднятия производительности труда и не смогло на него ответить, не взорвав своей крепостной оболочки. Хлеб помещичьего имения, совершав-

ший ранее свой «натуральный» оборот в кругу того хозяйства, где был произведен, и лишь в некоторой части своей массы имевший товарное лицо, становился все больше и больше товаром. Новые хозяйственные условия вызывали изменения самого строения тогдашнего общества. В классовой структуре крепостной России происходили значительные сдвиги. Процесс диференциации происходил не только в среде дворянства, им были захвачены и другие общественные слои, — поэтому рос внутренний рынок. Кроме того, спрос на хлеб со стороны Европы все возрастал, укреплялся взгляд на Россию как на «житницу Европы», увеличивался русский хлебный вывоз. Барщинный крестьянин оказывался устаревшим орудием, дававшим слишком низкую производительность труда. Перед помещичьим хозяйством встает неотложная задача приспособления к новым условиям хлебного рынка. Необходимо создать новую систему хозяйства, соответствующую требованиям капиталистических отношений. Хлеб-товар становится непосредственной целью сельского хозяйства. «Если от трудов и избытков земледельца, — писал «Земледельческий Журнал», издававшийся Московским обществом сельского хозяйства, — ожидают города своего продовольствия, то те землепашцы, которые ничего не продают, но сами покупают на торгах хлеб для прокормления себя, должны почитаться бесполезными членами общества. Даже и тот поселянин, который в состоянии прокормить токмо себя, приносит столь же мало пользы, как цеховые ремесленники в городах, например портные и сапожники, когда они успевают одеть и обуть только себя и семейство свое» [1]. Эта мысль буквально была общим лозунгом: побольше бы продать. «Сбыт составляет душу промышленности. Как пламень, не находя для себя исхода, уничтожается, так и промышленная деятельность, не изливаясь произведениями своими по рынкам, останавливается и умирает» [2]. Подводилась и общая теоретическая база под это требование: «Избыток в хлебе составляет внутреннюю силу монархий и привлекает к себе богатства извне» [3]. Помещик становился предпринимателем. Среди других причин играло роль и понижение средней урожайности. Земля истощалась: в 1800 — 1809 годах средняя урожайность с десятины для всей России равнялась 8,1 четверти, а в 1820 — 1829 годах — 6,7 четверти [4].

Приемы приспособления разлагающегося крепостного хозяйства к начинающейся капитализации многообразны: усиливается барщина, вводится детальная регламентация хозяйства, присылаются управляющему длинные инструкции относительно всех вопросов хозяйственной жизни — от определения сроков вспашки и площадей засева до числа розог ослушникам-крепостным. Дворянство изощряется в способах

понуждения крестьян к прилежному отбыванию барщины, принимает меры к «своевременности» браков крепостных, заботясь о нужном приросте даровой рабочей силы. Наиболее экономически сильное дворянство вводит машины, применяет новые приемы удобрения земли. Улучшение сельскохозяйственной техники — больной для дворянства вопрос. «Труды Вольного Экономического Общества к поощрению в России земледелия и домостроительства», «Земледельческий Журнал» и другие подобные издания полны статей по этим вопросам. «О заведении лугов», «О молотильной машине нового устройства», «Об осушении болотных местностей», «Правила относительно погоды для садоводства», «Правила, на коих основывается паханье земли», «О двукратном собирании картофельных плодов в одно лето», — такие статьи так и пестрят на их страницах [5]. «Я не стану распространяться, милостивые государи, — говорит «Неизвестный» в «Записке о хозяйстве, устроенном в одной подмосковной по новому способу землевладения», — о том, сколько сей старинный предрассудок (т.-е. оставлять поле под пар) несправедлив и вреден сам по себе» [6].

Помещики заботятся и о новых видах чисто промышленной эксплоатации земли. Сыплются работы об усовершенствовании важной отрасли дворянского хозяйства — винокурении: «Об обращении в пользу горячих паров при винокурении и новом для сего снаряде», «О винокурении и откармливании домашнего скота в Лифляндии», «О новом изобретении по части винокурения». В 1819 году Вольное Экономическое Общество дает специальную задачу — об уничтожении работ на винокуренных заводах по воскресным дням без убытка для владельца, каковую и разрешает барон А. А. Крюденер, представив обзор своего винокуренного хозяйства под благочестивым девизом «Помни день субботний». Прежде всего помещику советовалось стать предпринимателем, чтобы обеспечить себя от разорения: «Помещик, имеющий сто душ ревижских, может завести фабрику на первой случай не более 5 или 6 станов и бичевую прядильню» [7]. Разрабатывается вопрос о «способе приготовления из обыкновенного российского льна вещества наподобие хлопчатой бумаги и шелка», а из статьи «О разведении испанских овец в Слободско-Украинской губернии» мы узнаем, что «сей род овец в течение краткого времени трудолюбием российских хозяев распространился в наших губерниях, особливо южных, до столь значительного количества, что уже число их в разных уездах определяют не десятками и сотнями, а тысячами, и во всей России миллионами. Люди обыкновенно, особливо по части сельского хозяйства, ни за что так охотно не принимаются, как за то, в чем *видят явную*

прибыль *). Многие из помещиков, занимаясь разведением испанских овец, не только приобрели значительные капиталы, но через то имеют также счастливый успех в усовершенствовании своего хозяйства»[8]. Особенное внимание необходимо обратить на состояние южного хозяйства: юг кормил русский север и отчасти центр, был основой русского хлебного вывоза. Об истощении южных земель свидетельствует задача, данная Вольным Экономическим Обществом в 1820 г.: «О произведении в южных губерниях России на унавоженной озимой пашне лучшего урожая нежели у соседей». Штабс-капитан В. Я. Ломиковский разрешил ее (под девизом «Унавоживание полей есть благоразумное содействие природе») и получил награду[9]. Вопрос быстрой капитализации юга для нас исключительно важен, так как почти все деятели Общества Соединенных Славян—украинцы. А такие «современные» для нас названия статей, как «Описание весьма выгодной электрической махины» (кстати, изобретенной членом Вольного Экономического Общества) и «Незгараемая крышка для крестьянских изб», довершают картину работы технической мысли. Отсюда понятно, почему самым характерным для дворянского настроения этого периода является тоска о «капитале».

Новые требования сталкиваются с крепостной обстановкой. «Земледельческий Журнал» помещает статью «О новоизобретенной молотильной машине с приложением гравированного рисунка», а помещик резонно спрашивает, вполне признавая ее совершенство: «Да, как же, батюшка, — если бы я завел у себя молотильню, так что бы стали делать у меня бабы-то целую зиму?»[10]. И в этом сопоставлении вся суть конфликта. Для всяких нововведений нужен капитал, но его нет. Капризы рынка, быстрая смена кон'юнктур требуют гибкости хозяйственного аппарата, гибкости, которую капитализм приобретает в наемном труде: выгодно работать — принанял больше рабочих, расширил производство, невыгодно — рассчитал, свернулся. А крепостные все время оставались при помещике, и в неурожайные годы их надо было кормить. Аграрный кризис 20-х годов сильно затронул дворянское хозяйство и ускорил процесс его разложения.

По исчислениям П. И. Лященко, потеря помещичьего хозяйства в годы кризиса выражалась в среднем в 40—80 миллионов рублей в год.

На этом общем хозяйственном фоне становится вполне понятен процесс диференциации дворянства. Если крупное и среднее дворян-

---

*) Курсив мой. *М. Н.*

ство могло приспособляться и бороться, могло переждать невыгодную кон'юнктуру, употребить зерно для винокурения и закупить для этого оборудование, могло заводить «овец испанской породы» и пасти их на том поле, на котором становилось невыгодным сеять хлеб, то мелкий дворянин был лишен этих возможностей по недостатку средств. Обеднение и разложение дворянской массы засвидетельствованы многими современниками. Дворянская задолженность росла, вести хозяйство становилось все труднее. Показательно сравнение данных 8-й (1835) и 10-й (1858) ревизий: они захватывают несколько более позднюю эпоху, но обрисовывают процесс во всей его характерности. Беспоместные и мелкопоместные (последние — имеющие до 20 душ крестьян) составляют собою к 1836 году 59,9% всей массы дворянства: первых 17.763 чел., вторых — 58.457 чел. из общего количества дворян в 127.603 чел. Они владеют лишь 4,7% всего количества крепостных. 10-я ревизия вскрывает линию развития дворянской диференциации: беспоместных дворян— 3.623, мелкопоместных — 41.016 из общего количества дворян, владеющих крепостными, в 103.880 чел., т.-е. 43% всего дворянства. Эти 43% владеют лишь 3,2% всех крепостных крестьян. Значит численность мелкого дворянства за 20 с небольшим лет с 59,9% упала до 43%, т.-е. около 16,9% всего мелкого дворянства были вынуждены ликвидировать свои имения [11]. Наиболее экономически устойчивым оказывается среднее дворянство. Заметим, что по 8-й ревизии общее количество дворян, владеющих крепостными,—127.103, а по 10-й—103.880, следовательно 18,3% всей дворянской массы перестали владеть крепостными, и добрая доля этих 18,3% приходилась на мелкопоместных и беспоместных дворян. Другую сторону того же процесса вскрывает рост недворянского землевладения — купеческого, мещанского, крестьянского. В 1833 году А. С. Пушкин в «Мыслях на дороге» отмечает упадок Москвы, как признак упадка всего дворянства в целом: «Обеднение Москвы доказывает... обеднение русского дворянства, происшедшее частью от раздробления имений, исчезающих с ужасной быстротой, частью от других причин».

Процесс «пролетаризации» дворянства шел постепенно: из мелкопоместного дворянин становится беспоместным, но с несколькими душами крепостных; затем исчезают и эти последние, и дворянин оказывается дворянином лишь по имени, с одним воспоминанием о дворянстве. Из всех способов приспособления к новым хозяйственным условиям мелкопоместный дворянин мог избрать лишь одно: крайнюю степень интенсификации барщинного труда—технические усовершенствования, рациональная организация были ему недоступны. Этим способом пользовался

он и позже, в сороковые годы. Заблоцкий-Десятовский пишет в записке о крепостном состоянии в России о мелкопоместных Костромской губернии, что бо́льшая часть их «в полном смысле слова почитает своих мужиков за животных, которые должны только приносить им по возможности большой доход. Мужик их может работать на себя только в воскресенье». «Мелкопоместное дворянство, — пишет наблюдательный калужский помещик, пожелавший остаться неизвестным, — постоянно пребывающее в поместьях своих, могло бы, конечно, обратить более внимания на благоустройство хозяйства своего; но *недостаток в капитале* *), а иногда чересполосное владение при всех хозяйственных познаниях лишает их средств улучшить ход экономических занятий [12]. Выпутаться из кризиса мелкопоместное дворянство не могло и медленно отпадало от своего класса, теряя хозяйственные признаки, присущие последнему.

«Владельцы небольших поместьев, — читаем мы в том же журнале подробную мотивировку этой медленной хозяйственной агонии, — встретят более затруднений в приспособлении к настоящему их хозяйству нововводимых, лучших устройств по следующим причинам:

«Во 1-х, *по недостатку в капитале для необходимо-нужного обзаведения.*

«В странах, где пошва земли без надлежащего удобрения приносит весьма скудную жатву, хлебопашество не может земледельцу доставить большой прибыли. Он будет трудиться ежегодно, переворачивать снизу вверх тощую и глинистую землю, но труды его нимало не вознаградятся. — Пройдут столетия, а нивы не токмо не уплодотворятся, но истощат и последние питательные силы. Надлежало бы обратиться к первой опоре хлебопашества, к скотоводству, и посредством оного предначать подкрепление земель, устроить теплые и способные для накопления навоза клевы, составить запас корма для долговременного зимнего продовольствия скота, завести лучшие землепахательные орудия, свойственные пошве и способные для разных земных произведений. — *Но на все сии хозяйственные потребности необходимо нужен капитал; и как оного у весьма многих небогатых хозяев в готовности не имеется* *), то все то, что нужно было бы немедленно исправить и дополнить, обыкновенно отлагается с году на год, а между тем весь ход хозяйства останется в первобытном худом состоянии и при таковых недостатках надолго или навсегда пребудет в том же несовершенном виде.

---

*) Курсив мой. *М. Н.*

«2-е. *По чересполосности пашни и всяких угодий в общем владении.* Сия неопределенная собственность есть одно из самых важных неудобств в земледелии. Чересполосность везде явно препятствует доброму хозяйству. Например, пахотное поле, состоящее из нив, принадлежащих разным владельцам, обречено навсегда однообразному неустройству общей пашни. Тут нет уже возможности приспособить какие-либо частные улучшения, нельзя и подумать о введении полезного плодопеременного хозяйства и никак не можно решиться на травосеяние и на удобрение сенокосных лугов. Таковые поля и луга как дети под надзором многих нерадивых нянек: что один на них сеет, то другой травит скотом».

Процесс обеднения шел быстрым темпом. «Многие помещики, которые при умеренном состоянии едва и прежде могли жить... теперь не знают, где приобрести помощь» [13]; рекомендация порядка, бережливости, деятельности была мелкобуржуазной защитной реакцией против дворянского несчастья. Тонкий наблюдатель, симбирский предводитель дворянства кн. М. П. Баратаев, между прочим привлекавшийся по делу декабристов, делил всех дворян на 5 разрядов, в числе которых был разряд дворян только по названию — они производили крестьянскую работу, «неприличную» дворянскому званию. «На сих дворян... нужно воззрение правительства и определение им класса политического бытия их», так как вследствие общения с крестьянами и бродягами они совершают уголовные преступления и порочат дворянское сословие. Эти штрихи дорисовывают картину хозяйственного перерождения мелкого дворянства.

Тип обезземеленного дворянина, так называемый «hobereau», хорошо известный кануну французской революции 1789 года, ведом и России. Сначала русский мелкий дворянин отчаянно борется, — продает одно именьице, покупает другое, закладывает, платит проценты, денег все нет — перезакладывает. Растут его долги и государству и частным лицам, — круг кредиторов все суживается, суммы мельчают. Ничто не помогает: начинается вторая стадия — имение отбирается в опекунский совет, описывается, продается за долги. Иногда от всего имущества уцелеет только маленький деревянный дом на окраине провинциального города да один-два дворовых, которых надо кормить. Безнадежные судебные тяжбы с богатыми соседями часто кончались не в пользу слабого. На руках остается большая семья, детей надо учить «прилично» дворянскому званию. Единственный выход — помещение мальчика в кадетский корпус, и то при помощи протекции богатого родственника или знакомого. Лучшая судьба для дочерей — выход замуж

за какого-нибудь коллежского регистратора, мелкого чиновника или купца, соглашающегося взять дворянку-бесприданницу. Часто обезземеленные дворяне оказываются приживалами в имениях богатых соседей и из милости получают кусок за барским столом. Другие живут на продаваемые вещи, на «движимое имущество», оставшееся от благополучных времен. Наиболее естественным исходом была царева служба — военная или чиновничья. Самым ходом хозяйственного развития разночинная масса, которую пополняет деклассированное дворянство, толкается в аппарат управления. Развивающаяся система капиталистических отношений расширяет этот аппарат, повышая спрос на интеллигентскую рабочую силу. Обезземеленный дворянин, попадая в эту роль, начинает жить на заработную плату, то в качестве чиновника государственной службы, то в качестве управляющего делами крупного помещика, его секретаря, архитектора, писца. Дворянская идеология в таком человеке отмирала, нарождалась новая, чаще всего мелкобуржуазная.

Вопрос о перерождении и расширении этого аппарата управления новым хозяйством,—перерождении, отчасти даже захватившем и аппарат государственного управления, изучен мало, но чрезвычайно любопытен. Возьмем хотя бы вопрос о капитализирующемся сельском хозяйстве. Хозяйство нового типа уже не могло управляться по-старому полуграмотным бурмистром, главной агрономической добродетелью которого было то, что он не пьет. Социальный состав общества не мог удовлетворить этот запрос; отечественная интеллигенция давала недостаточные кадры для обслуживания капиталистическго аппарата. Выписывался ученый англичанин, но что в нем толку? Приехал, поработал, увез русские деньги, «а искусства не оставил» [14]. Надо было создавать какой-то суррогат «третьего сословия», которое требовалось новой экономикой еще во время Екатерины. «Еще раз обещаю вам, мадам, среднее сословие, — легкомысленно писала она своей парижской приятельнице, М-me Жоффрен, хотя вынуждена была прибавить в раздумьи, — но все-таки устроить его будет весьма трудно». Глубокую истину последнего замечания ясно чувствовали члены императорского Московского общества сельского хозяйства, попытавшиеся «устроить» третье сословие из... крепостных крестьян.

Московское общество решило в сельском хозяйстве «часть феоретическую» соединить с практикой, основать практическую ферму или хутор при школе, где подготовлялись бы *будущие приказчики*. «В иностранных землях, — резонно из'ясняла об'яснительная записка к программе школы, — хлебопашество, торговля и искусства обязаны

своим усовершенствованием разряду людей, именуемых людьми среднего состояния (le tiers état). Они соединяют просвещение с навыком к труду хозяйственному и сими двумя значительными средствами вознесли все части промышленности до того совершенства, *которое нас пленяет и которое желали бы видеть в нашем отечестве*» *).

«В России людей сего разряда нет; просвещение есть принадлежность одного дворянства; а сие последнее сословие, движимое честию и приверженностью к своему государю, действует под победоносными его знаменами или занимается судопроизводством; для улучшения же сельского хозяйства потребны некоторые познания, соединенные с постоянным трудолюбием.

«Кого определяем мы в приказчики или бурмистры? Крестьянина, который ничего нового и лучшего не придумает, или дворового человека, который хорошим поведением и весьма малым знанием грамоты отличился от прочих наших людей; одно трезвое поведение уже достаточное право на место приказчика. *Вот от кого теперь зависит хлебопашество и вот отчего оно у нас не улучшается* *. Между сими людьми предпочтение обыкновенно получает тот, который деятельностью своей, называемой усердием к господину, хотя и с ущербом для крестьян, более посеет хлеба и более сожнет. Познания их в хлебопашестве не простираются далее познания крестьян, от которых они научились. Смотрение за скотом самое дурное и нехозяйственное. Весною, от дурного зимнего содержания, скот долго не приходит в надлежащие силы; зимою множество оного умирает, ослабевшие от несмотрения коровы отеливаются слабыми телятами, которые в скором времени гибнут; в стадах нет почти никакого приращения; доход скотных дворов ничтожный, и сия часть хозяйства в совершенном упадке...

«...Недостаток в хороших приказчиках давно уже был замечен; ибо недаром велась русская пословица: не купи села, а купи себе приказчика.

«Из всего вышеописанного полагаю нужным представить почтенному Обществу, что к первым его занятиям принадлежит учреждение школы, в коей бы приготовлялись люди, способные к занятию должностей приказчиков в деревнях и которые имели бы достаточно сведения» *).

Проект этот был найден обществом «весьма хорошим», и оно потратило немало труда на проведение его в жизнь. Прибавим к общей

---

*) Курсив мой. *М. Н.*

картине, что ученики, за которых платили помещики, изучали и черчение планов, и физику, и химию, и даже науку о пахоте, что за добропорядочным поведением их следил, с одной стороны, священник (обязательно или вдовый или из монахов), а с другой стороны—унтер-офицер из отставных (есть даже особый разряд в положении школы: «об унтер-офицере»). Так должна была «устраиваться» замена «третьего сословия».

Между тем это «третье сословие» нарастало стихийно. Появлявшаяся разночинная масса искала применения своим силам в наличном хозяйственном и государственном аппарате. Дворянин, хотя и безземельный, пользовался здесь тем преимуществом, что ему была открыта военная служба. Дворянство давало право на офицерский чин. Но вся структура армии крепостнического государства была дворянской, не приспособленной к нуждам нового социального типа, нарождавшегося в дворянстве. Командный состав того времени был отделен резкой границей от мужичьей солдатской массы, и в армии наблюдается любопытное явление — «отыскивание дворянства»: захудалый дворянин, попавший в рядовые, а иногда и крестьянин всеми способами пытаются достать, а иногда подделать или купить документ о дворянстве, открывавший им путь к высшим чинам.

Жалованье дворянина-офицера было скудное: предполагалось, что он уже обеспечен имением и крепостными. Самая служба требовала крупных расходов — на обмундирование, лошадей, на поддержание сложившихся в офицерской среде привычек. Особо дорогой и привилегированной была служба в гвардии. Туда должны были итти первые ученики кадетских корпусов, на самом же деле туда могли итти только наиболее обеспеченные дворяне. Зато гвардия давала близость ко двору, возможность головокружительных успехов по службе. Безземельному дворянину о гвардии не приходилось и мечтать. Ему оставалась армейская служба, для успехов в которой ему не хватало ни связей ни денег. С трудом существуя на одно жалованье и часто им же поддерживая семью, мать, отца, он медленно продвигался вперед, часто обходился чином и подолгу не получал производства. Он был бесправен: высшее начальство его не жаловало, часто притесняло, давало ход более богатому дворянину со связями. В чисто дворянской структуре армии «бывший» дворянин был отщепенцем.

Из нарождающейся разночинной массы, пополняемой разлагавшимся дворянством, и вышла революционная группа Соединенных Славян. Процесс, описанный бегло в этой главе, сейчас предстанет перед нами в живых лицах.

497317

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ОБЩЕСТВА СОЕДИНЕННЫХ СЛАВЯН И ПЕРВЫЕ ЕГО ЧЛЕНЫ.

В семье отставного майора 8-го класса Ивана Андреевича Борисова воспитывалось два сына — Андрей и Петр. Андрей был лишь на два года старше Петра, и братья росли и учились вместе. В семье, кроме них, было еще трое младших детей — две дочери и сын. Борисовы жили бедно. Мы знаем, что в 1826 году скудный казенный «пансион» в 200 рублей в год был главнейшим средством содержания этой семьи. Борисовы были дворяне по названию. Имения у них не было никакого. 20-летним юношей, прямо со школьной скамьи, отец Борисовых стал учителем — первоначально в С.-Петербургском морском кадетском корпусе, затем в Черноморском кадетском корпусе и в Черноморском штурманском училище. 7 марта 1804 года он вышел в отставку и поселился в Курской губернии. С осени 1825 года жил в селе Боромле, Ахтырского уезда, в наемной квартире. Едва ли жизнь семьи во время детства Петра и Андрея была лучше в материальном смысле, чем в 1826 году, когда ахтырский земский исправник донес слободско-украинскому гражданскому губернатору, что отец Борисовых «находится в самом бедном положении». Отец немного зарабатывал, занимаясь «архитектурой», чертил планы провинциальных домишек, следил за их постройкой. Это был незаурядный человек. Он сам учил сыновей; в программе обучения была не только грамота и уменье считать: братья учились российскому языку, географии, истории, математике и первым началам астрономии. Чувствуется, что отставной майор имел разносторонние интересы и познания, которыми, очевидно, обязан был самому себе. Еще одна любопытная черта: в этой семье не было ни показного ханжества, ни обрядности, ни постоянных религиозных «упражнений», столь характерных для большинства тогдашних дворянских семей. В ней уже был сломан традиционный дворянский уклад, как уничтожена была и самая хозяйственная суть дворянства. «Мой родитель, — писал позже Петр

Борисов, — не старался влить в меня чрезмерной набожности, он часто говорил мне, что богу приятнее всех жертвоприношений видеть человека честным и делающим добро, что бог смотрит не на полные, но на чистые руки, а еще более на чистое сердце». Может быть, особая обстановка, в которой писались эти строки, вынудила Борисова еще на одну фразу об отце: «однако не поселял в душе моей вольнодумства...». Это писалось для следственной комиссии. Возможно, что такова и другая мысль: «мнений относительно правительства я от него никаких не заимствовал». Надо было оттородить старика-отца от всяческих подозрений.

Трезвая обстановка бедной, свободной от религиозного дурмана семьи давала закал воле, рано знакомила с тяжелыми сторонами жизни. Тонкий и пытливый ум братьев находил пищу в чтении. Они рано пристрастились к нему. «История», преподаваемая отцом, очевидно, включала в себя историю греков и римлян, и первые понятия о демократии, республике, народоправстве были почерпнуты братьями из чтения жизнеописаний великих мужей: Плутарха, Корнелия Непота, из занятий греческой и римской историей. Правда, братья относились к ней различно, по словам Петра. Все эти знания вселили в нем «с детства любовь к вольности и народодержавию». «Чтение греческой и римской истории поселило во мне еще с юности любовь к демократическому правлению». «Я с младенчества был влюблен в Демократию, — пишет Петр, но с Андреем во время он якобы расходился. — Очень часто, еще будучи дома, мой брат ссорился со мною за моих греков и римлян, ему не нравились мои политические мнения, он был врагом народодержавия». Уже самый факт, что четырнадцатилетний «враг народодержавия» ссорился с двенадцатилетним поклонником вольности, влюбленным в демократию, говорит за себя: мысль рано стала развиваться и работать в этом направлении.

Отголоски французской революции доходили до братьев и давали им более свежие примеры вольности и борьбы за нее. Но в отцовском доме, в деревенской глуши споры из-за греков и римлян были лишь подготовительной школой, не прилагаемым к жизни умствованием. Еще не было непосредственного, жесткого знакомства с жизнью: охранял возраст и родительский дом.

Оба брата — Андрей 18, а Петр 16 лет — поступили юнкерами в июне 1816 года в 52-ю легкую роту 26-й артиллерийской бригады. Относительная самостоятельность, некоторая материальная обеспеченность и новизна обстановки не заставили их бросить прежних привычек — чтения, работы над пополнением своих знаний. Повидимому,

больше этой работой занимался Петр, чем Андрей. Петр был мягче и мечтательнее, Андрей — жестче и практичнее.

Первое, что бросилось им в глаза в дворянско-бюрократической александровской армии, были жестокость и произвол, жертвой которых они вскоре и сами сделались. Неприятности по службе, выговоры, замечания, часто грубые и чиновничьи, были почти ежедневными событиями в жизни самолюбивых и развитых юношей. Неприятности сыпались как из рога изобилия. «В штрафах и под судом не был, — пишет Андрей, — но неудовольствия по службе разного роду случались почти ежедневно, которые правительством в счет не ставятся: от них терпит одно самолюбие, а более ничего». Говоря о своем вольномыслии, Петр пишет, что «к сему способствовали также неудовольствия и огорчения, собственно мною получаемые». Было легко обидеть нищего юнкера, без имени и связей, без денег: жаловаться ему некуда и некому. Больно задевало их и то, что они наблюдали. Особенно один случай до глубины потряс Петра. Бывший фельдфебель, фейерверкер и рядовой той роты, где служили братья, пьянствовали и растратили казенные деньги. Начальник артиллерии дал приказ наказать их палками. Собрали роту. Привели виновных, поставили перед ротой, сняли рубашки и обнаженных стали бить. Петр не мог вынести этой картины. Несмотря на строжайшую дисциплину, он покинул строй, «вышел из фронта и давал самому себе клятвы уничтожить наказание такового рода, хотя бы сие стоило мне жизни».

Порыв протеста и чувство возмущения рождались в нем не только при виде телесных наказаний. Роты обычно располагались в деревнях, в имениях, в небольших городах. Почти незнакомое в детстве крепостное право предстало во весь свой рост наблюдательному юношескому взору. «Несправедливости, насилие и угнетения помещиков, их крестьянам причиняемые, рождали во мне всегда подобное чувствование и укрепляли в моем уме либеральные мысли». Нужно было как-то бороться, как-то изменять жизнь. Это становилось все яснее и яснее. И вот организовывается первое тайное общество. Это общество носило название «Первого согласия». Наивное, слабое, с неясной организацией, это скорее было не общество, а игра или уход в мечту, которой хотелось оборониться от действительности. Повидимому, его инициатором был Петр. Ему хотелось образовать таинственное содружество по правилам «Питагоровой секты». Идеал, взятый из древне-греческого мира, пришелся по душе братьям. Религиозное товарищество Пифагора, к концу VI столетия до нашей эры потрясшее всю культурную жизнь западной Эллады и захва-

тившее бо́льшую часть Великой Греции, через две с половиной тысячи лет отозвалось слабым эхом в местечке Решетиловке, Полтавской губернии, в мечтании двух юнкеров. Основной чертой было религиозно-нравственное самовоспитание, очищение религии от предрассудков, протест против соблазнов и распущенности. Пифагорейцы пренебрежительно относились к внешним благам жизни и высоко ценили развитие наук и искусств. В подражание греческому союзу Петром основана была 13 мая 1818 года «Питагорова секта». Андрей в это время был в отлучке и узнал о «секте», когда вернулся. «Целию сего общества, — рассказывает Петр, — были одни правила «Питагоровой секты», усовершенствование себя в науках, художествах и добродетели, любовь и дружба». Петр нарисовал и девиз общества: «две руки, соединенные вместе над жертвенником с надписью: «La gloire, l'amour et l'amitié». Сразу бросается в глаза сходство с масонскими символами: девиз общества едва ли случайно совпал с распространеннейшим у масонов знаком согласия. Юнкер Волков, живший в большой дружбе с Борисовыми, был приглашен в члены секты. Эта юношеская наивная затея — первая попытка организовать протест против действительности. Но, как и подобает индивидуалистам-мечтателям, они начали изменение этой действительности с реформы *себя,* с нравственного усовершенствования. Петра особенно пленяла таинственность «секты». «Предавшись сим мечтам и строя воздушные замки, в свободное время я рисовал иероглифы, вымышлял костюмы и прочее». Волков и Андрей разделяли эти мечты. Петр до конца не освободился от этой психологии мечтателя-одиночки: уже после восстания Черниговского полка, когда Общество Соединенных Славян было открыто и заговорщики спешно уничтожали все документы, Горбачевский в деревне Смолдыреве хотел сжечь рисунки Петра Борисова, имевшие отношения к «Питагоровой секте». Петр попросил сохранить их, мечтая конец жизни провести в уединении и писать историю возникновения и падения тайных обществ, основанных им.

«Первое согласие» быстро перестало удовлетворять основателей, — слишком далеко оно было от жизни и от их интересов. Да и самая служба приносила им все больше неприятностей от начальников, особенно самолюбивому, резкому и решительному Андрею. В идеале общества появляется политическая цель. Мечтатель Петр берет ее опять под древними философскими формами: «Наконец, я убедил Волкова и моего брата, которые мне в этом противились, присоединить к первой цели основание известной Республики философа Плотина и принять имя «Друзей Природы» [15]. Упоминание о сопротивлении

брата, вероятно, только цензурная вставка для следственной комиссии: оба брата усиленно выгораживали друг друга. Андрей же прямо признается, что всегда преследовал цель политическую. «Видя разные несправедливости и угнетения в империи и имея воспаленное воображение насчет любви к отечеству, я вознамерился составить тайное общество с той целью, чтобы требовать по усилении оного от государя положительных законов, коим бы он сам был подвластен». Философско-масонские мечтания сразу принимают земную форму требования конституции, которая была тогда у всех на устах в революционно настроенных дворянских и буржуазных слоях. Приглашение к этой цели брата и Волкова и самое основание общества «Друзей Природы» Андрей приписывает себе. Повидимому, здесь имела место общая деятельность братьев. Правда, требование конституции Андрей до времени хранил как «сокровенное намерение». Общество «Друзей Природы» стремилось к «усовершенствованию нравственности и очищению религии от предрассудков». Число членов возросло: юнкер 15-й артиллерийской бригады Корсун и 52-й батарейной роты Лукьянович примкнули к обществу. Петр Борисов написал для этого общества бо́льшую часть правил, клятвенное обещание и устав. Вскоре после производства братьев Андрей все это «предал огню». «Девизом оного, — пишет Петр об обществе «Друзей Природы», — сделал солнце, выходящее из-за горного хребта и рассеивающее своими лучами собравшиеся над ним тучи, с надписью: «взойду и рассею мрак». Опять перед нами масонские формы, при чем следует отметить, что в Житомире была масонская ложа «Рассеянного мрака», принадлежавшая к союзу Астреи. Многие члены этой ложи были в сношениях с декабристами — членами Южного Общества [16]. Трудно с точностью сказать, знали ли братья Борисовы об ее существовании и принадлежали ли к ней. Во всяком случае здесь несомненное совпадение в терминологии. 14 июня 1826 года подпоручик Василий Иванович Корсун, живший и работавший тогда при императорском военно-сиротском доме, дал подписку в отказе состоять членом каких-либо тайных обществ [17] и упомянул об обществе «Друзей Природы», прямо именуя его «Орденом» и указывая, что в нем не получил никаких степеней. Он говорит, что принят был в «Орден» в местечке Будищах, Полтавской губ., Зиньковского повета, где в то время квартировала 9-я артиллерийская бригада. По словам Петра Борисова «Корсун и Лукьянович хотя были Друзьями Природы, но им нравилась только наша дружба, они не думали о нашей цели и даже не понимали оной, в то время они еще мало читали, все их сведения

ограничивались одною математикою». Следственная комиссия к «Ордену» отнеслась снисходительно и не поняла его сути за вычурностью масонских форм. «Орден Друзей Природы», — рапортовал дежурному генералу главного штаба его величества полковник Адлерберг 1-й, — не имел политической цели, а единственно нравственную и предполагаемые средства к достижению оной, равно как и правила, были не что иное, как ребяческие умствования» [18].

Эти «ребяческие умствования» скоро перестали удовлетворять и самих Борисовых. Обострялись их служебные отношения, росла сознательность, а расширяющийся круг знаний давал все больший материал для организационных форм и идей, в которых можно было бы воплотить протест против окружающего. «Я любил читать, — говорит Петр Борисов, — всякую новую мысль хотел прежде, нежели сделаю ее своею, разобрать и доказать самому себе истину оной, но будучи ослеплен любовию к Демократии и свободе, каждую вольную мысль находил справедливою и не мог ничем опровергнуть оной. Для чтения избирал сочинения только тех писателей, коих мысли и дух были сходны с моими. Таким образом я нечувствительно сделался либералом. Желание быть полезным человечеству занимало меня всегда, я положил себе за правило искать истины и думал, что, образовываясь в мнениях, меня погубивших, я ищу ее и найду. *Общее благо есть верховный закон* — вот максима, которая была основанием и моей религии и моей нравственности». Чтение Петра было очень серьезным. После производства в офицеры он «совершенно предался» изучению «Натуральной Истории, Философии и Морали» [19].

Молодежь, в среде которой вращались Борисовы, — военная мелкота, вроде поручиков, подпоручиков, прапорщиков и юнкеров, часто была близка к ним по образу мыслей. Борисовы были образованнее, знали языки. Петр, например, сам выучился польскому языку и в один год французскому настолько, что свободно мог читать любую книгу. Приятели их подчас интересовались «одной только математикою», но образ мыслей был один и тот же. Борисовы незаметно сделались центром вольнодумческих разговоров. Петр сочинял стихи и прозу, переводил Вольтера и Гельвеция и часто давал товарищам читать «свои листочки о разных материях, но которые всегда были вольнодумческие», — показывает его ближайший приятель Горбачевский. Но общество «Друзей Природы» уже не удовлетворяло братьев.

«Несправедливая взыскательность со стороны начальников и насмешки над патриотическими моими мнениями, коих не скрывал, утверждая во мне чувство негодования, решили, наконец, учредить

такое общество, которое бы ближе соответствовало сокровенному моему намерению» — таково было настроение Андрея Борисова. На этот раз настроение бывшего «врага народодержавия» всецело совпало с настроением брата, и политические их мнения сильно сблизились. «Жестокое обращение некоторых командиров с их подчиненными, притеснения, делаемые многими помещиками их крестьянам, равно и собственно мною иногда несправедливо получаемые неудовольствия по службе, усилили, а желание оказать услугу человечеству и надежда быть счастливее внушили мне пагубный дух преобразования». Эти мечты «разгорячили» голову Петра. Решено было образовать новое тайное общество. В ту же пору Борисовы познакомились с одним замечательным человеком, которому суждено было сыграть большую роль в их новой затее.

8-я артиллерийская бригада стояла в то время в Новоград-Волынске — небольшом городке Волынской губернии. К концу года городок был потрясен необыкновенным событием: из Варшавы в цепях привезли шляхтича Юлиана Казимировича Люблинского и отдали под надзор полиции за участие в польском тайном обществе. К сожалению, подробностей об этом мы не знаем [20]. Люблинский поселился в доме своей матери Констанции Люблинской, уроженки Варшавы, но жившей в то время в Новоград-Волынске в своем маленьком доме.

Люблинский был от рождения хил и слаб, страдал припадками падучей болезни. Это помешало мальчику учиться в «училищах Межирицких у ксендзов Пияров» (Люблинский был католиком); он ушел из училища одиннадцати лет, не окончив его по болезни. Вероятно, и бедность сыграла здесь известную роль: в 1826 году мать его после ареста сына оказалась «в бедном положении, имея только лишь дневное пропитание с оставшегося после умершего первого сына ее, губернского секретаря Целестина Люблинского, движимого имущества» [21]. Жажда знания была велика у этого хилого, больного человека, и деятельной работой самообразования он достиг больших результатов. Все свободное время посвящалось занятиям. Люблинский буквально живет среди книг. «От малолетства моего имел стремление к наукам, — пишет он о себе, — сам себя выучил российскому, латинскому, французскому, по части итальянскому и немецкому языкам, без употребления учителей, ибо я небогат. От малолетства же дух любопытности и собственного рассуждения, по причине слабого здоровья, которое отнимало мне пользоваться физическим занятием, здоровью служащим, ввели меня к читанию книг, разбиранию составов правительства. Прочитание сочинений г. г. Beccaria, Filangieri дало

мне познать всю силу человеколюбия...». Наиболее старался он усовершенствовать себя в политической экономии и администрации, — «к сим наукам получил я стремление по прочтении сочинения Montesquieu, Say, которые случайно попались мне, где я нашел Smith, Storch, Ganilh Jakob Malthus и прочих сочинителей, которых я старался иметь и читать».

Борисовы узнали о Люблинском и первые захотели познакомиться. Ему тогда было 23 или 24 года. Знакомство состоялось в доме его матери и быстро перешло в дружбу, хотя замкнутый и самолюбивый Люблинский все время сохраняет в общении с братьями несколько высокомерный тон более знающего человека. Они вместе гуляли в лесу близ города, «разбирали» цветы, рассуждали о животных (Петр Борисов «довольно имеет сведений в ботанике и натуральной истории» [22], а Андрей «особенно прилагал старание к изучению философии, физики и натурально истории» [23], вместе читали «L'esprit des lois» Монтескье и «Encyclopédie Philosophique ou Dictionnaire» Вольтера. Безбожие представляло собою еще одну тему разговоров. Люблинский был неверующим и, несмотря на строгий надзор гражданских властей за исполнением обрядов и требовательность католической церкви, к которой официально принадлежал, не бывал у исповеди и причастия. Борисовы же были воспитаны без «чрезмерной набожности» и полны вольнодумных мыслей. Петр давно питал сомнение «относительно некоторых мест «Старого Завета» и некоторых обрядов, установленных церковью, о коих не говорит Иисус Христос». Этими сомнениями он был «одолжен некоторым французским авторам и собственному своему рассудку». «В моем вольнодумчестве укрепляли меня притеснения, многими священниками как нашей, так и католической церкви их прихожанам оказываемые, так же как и худая мораль некоторых из них». В показаниях он прибавляет фразу: «Однако я не без веры». Это указание на широкий деизм, который мог быть заимствован им у Вольтера. На вопрос: «какой он веры и каждогодно ли бывает на исповеди и у святого причастия», Петр Борисов отвечает: «...у святого причастия бывал ежегодно, выключая 1819, 1820 и 1826 годы». Последний выключен по причинам понятным — он был уже под арестом, но причин, почему не бывал у исповеди раньше, когда за этим строго следило начальство, не приведено. Андрей на тот же вопрос лаконически отвечает: «у причастия бывал», пропуская слово «святого» (почти никто из декабристов его не пропускает) и не отвечая на вопрос, так как ударение в нем ставится на словах «каждогодно ли». Люблинский же не был на исповеди три года. Мы не узнали бы этого, если бы

не имели письма Борисова 2-го к Выгодовскому (от 23-го «мессидора» 1825 года). Последний служил в канцелярии волынского губернатора и мог помочь Люблинскому в деле, которое хотели возбудить «ужасно» вооружившиеся против него католические священники. «Вы, конечно, спросите — за что? Смейтесь, — он здесь три года, и не был на исповеди, говорят они, и вот его вина». Далее Петр Борисов пишет: «И я и мои приятели ручаются всеми земными благами, что сей гонимый всеми Л.— человек набожный, обожающий бога всем сердцем, всем духом и всем разумом». Дело опять идет об общем широком деизме Люблинского. Кстати, этот случай дает блестящий пример того, как часто декабристы, по причинам понятным, лгали в своих показаниях: Люблинский пишет в следственной анкете, что он на исповеди и у святого причастия бывал.

Борисовы рассказали ему о тайном обществе «Друзей Природы», об'яснили его цель и показали правила. Люблинский рассмеялся и назвал их «маленькими философами». Братья, очевидно сильно задетые, стали просить его «написать лучше». Самолюбию поляка было польщено, он открыл им свою давнишнюю, вероятно знакомую по прежней революционной практике мысль и сказал им, что «лучше будет искоренить ненависть, каковою пылаем друг к другу, а то через соединение отраслей Славянских посредством «Катехизиса», или правил [возможно], ибо мы все есть Славяне и из одного племени происходим».

Эта мысль поразила братьев и вызвала их восторг. «Соединить вместе все славянские поколения и сделать оные свободными показалось мне предприятием блистательным, ибо я думал через то доставить счастие не только моим соотечественникам, но даже другим народам». Таково было мнение Петра. Андрей же замысел всеславянского об'единения связывал с давнишней своей политической целью. «Мы выдумали отдаленную цель, *соединение славянских племен в одну республику* и написали для оной правила, или катехизис, и клятвенное обещание. Средством сим я полагал возможным, набрав значительное число членов, открыто требовать от императора законов».

Так было основано тайное Общество Соединенных Славян. Это произошло в 1823 году.

Политической целью этого общества было образование федеративного союза славянских республик. Число их было восемь: предполагалось об'единить русских, поляков, венгров [24], богемцев, кроатов, далматов, сербов и «мораван». Каждое племя, освобожденное «от самовластия», имело бы «приличное» ему постановление, т.-е. формы управления, законодательство и пр. могли бы отличаться у разных племен. Все «поколения» об'единяются в один федеративный союз. Решено было

«в центре союза построить город, в который бы посылались депутаты от славянских народов и находилось бы Главное Управление федеративного союза. На берегах же морей, близ славянских земель лежащих, основать торговые порты». Их предполагалось четыре: Балтийский, Черный, Белый, Адриатический [25]. Сословия должны были быть уничтожены, крестьяне освобождены. Оба брата вместе с Люблинским написали правила общества, по масонско-карбонарскому обычаю названные ими катехизисом, хотя в них нет ни вопросов ни ответов. Петр Борисов, усердно выгораживающий брата, говорит, что они написаны «собственно» им; Андрей Борисов говорит, что написал бóльшую часть «правил». «Правила», или «Катехизис», я с Борисовым написал», — категорически утверждает Люблинский. Так как авторство было тяжкой виной, а выгораживать Борисовых он не был намерен, можно окончательно утвердить их общее авторство. Кроме «Катехизиса», написано было клятвенное обещание, но Люблинский в этом участия не принимал и, вероятно, правильно предполагает, что оно осталось от предыдущего общества «Друзей Природы». Написано оно братьями Борисовыми. В тексте «Катехизиса» употреблялись символические знаки, которые они выбрали вместе с Люблинским. Мистическая клятва в духе карбонариев приносилась на мече, для большего возбуждения энтузиазма, в отличие от общества «Друзей Природы», где клялись на евангелии. Как гласила клятва, в Общество Соединенных Славян член вступал «для освобождения себя от тиранства» и возвращения роду человеческому свободы, обязывался никогда не выдавать сочленов, хотя бы грозил «самый ад со всеми своими ужасами», а к цели славянского единства итти во что бы то ни стало, хотя бы через тысячи смертей и тысячи препятствий, посвятив цели общества последний вздох. Приносивший клятву призывал на свою голову самые страшные бедствия в случае своей измены. «Катехизис» состоял из 17 пунктов. Он давал целый ряд правил личной нравственности, требовал смирения, простоты, скромности, воздержания, отказа от владения рабами, «когда сам рабом быть не хочешь», прославлял просвещение — науки, художества и ремесла, — требовал борьбы с предрассудками, верности в дружбе, защиты невинности. Кратко излагалась и политическая цель Славян. Славянин в достижении ее и в исполнении всех правил, предписанных катехизисом, должен был надеяться лишь на своих друзей и на свое оружие.

Средством достижения цели Славянского Общества было оружие и прием новых членов. Прием был организован по примеру западных тайных обществ; напрашивается сравнение с карбонариями. Принимаемый член должен был знать только принимающего, чтобы общество

не могло быть открыто во всем своем личном составе. Но подобная организация приема не привилась — все члены были знакомы между собой по службе в одной армии. Члены надеялись, что эта организация, распространившись, вберет в себя или целиком все славянские народы или в такой значительной части, что тогда можно будет открыто требовать конституцию и воплотить в жизнь политический замысел общества. Они хотели вовлечь в свою организацию широкие массы.

Борисов 2-й тотчас же деятельно принялся за прием членов. Его брат показывает, что от приема воздерживался, чтобы сохранить в обществе более «весу». Это не совсем так, некоторые члены были приняты братьями совместно [26]. Сейчас же после основания были приняты два члена. Прапорщик 8-й артиллерийской бригады Владимир Александрович Бечаснов [27] был принят в декабре 1823 года, а подпоручик той же бригады Иван Иванович Горбачевский был принят в конце 1823 года, может быть в том же месяце. Оба принятые были людьми того же социального слоя, что и братья Борисовы, и выделялись в окружающей военной среде. Бечаснов — один из беднейших Славян. В 1826 году после ареста сына мать его, «вдова 8-го класса» Надежда Ивановна Бечаснова, осталась совершенно без всяких средств с двадцатилетней дочерью, «лишенною ума». Второй сын служил портупей-прапорщиком в Нижегородском пехотном полку. Она жила в Кременчуге и не имела «ни в Кременчуге и нигде никакого движимого и недвижимого имения и капиталов, кроме необходимого одеяния». Пользовалась она пристанищем и пропитанием в доме тамошних «благородных дворян единственно из сострадания к ее бедности». В 1825 году «по уважению ее положения ей было высочайше пожаловано 600 рублей единовременного пособия за вычетом из оных 10% в пользу инвалидов» [28]. Ясно, что дворянство Бечаснова было звуком пустым, не избавившим его мать от настоящего нищенского существования приживалки.

Бечаснов воспитывался сначала в Рязанском уездном училище и потом в губернской гимназии, «из коей, не кончив курса, — пишет он, — в конце 1813 или начале 1814 года — когда именно, не могу припомнить, — вышел». В сентябре 1814 года «старанием господина генерал-ад'ютанта Сазонова» определен был во 2-й кадетский корпус.

На военную службу он поступил по выходе из корпуса прапорщиком в 8-ю артиллерийскую бригаду (в 1821 году). Он получил командование 5-м взводом, а после смотра главнокомандующим «препоручено было мне заниматься школьниками», обучать солдат грамоте и счету в школе артиллеристов. На военной службе он охотно «занимался книгами и поэзией» — это и обратило на него внимание Борисовых. Сам он

пишет о себе, что не имел особой склонности к философской литературе, до которой были охочи Борисовы. Вольных стихов и книг он «весьма мало читал, ибо не находил пищи для своего воображения, которое более было склонно принимать Петрарку и подобных и тихую безвредную поэзию отечественных авторов, нежели мнения сухих и бурных философов». Легко поверить, что он много читал: немного напыщенный сентиментализм и романтика эпохи отражались на стиле его показаний. Борисовы отдавали Бечаснову предпочтение перед другими офицерами, делились впечатлениями о прочитанном, советовали ему «бросить романы, как не заслуживающие потери времени, предлагая читать хороших писателей, трагедии, стихи, сочинения Пушкина и других, постепенно разгорячавших пылкое воображение, потом глубокомысленные рассуждения, как то: Эккартсгуазена, некоторые переводы из Вольтера, «Максимы» Сегюра и другие подобные отрывки, осуждали охоту к волокитству и вообще страсть к забавам и удовольствиям; все сие было называемо легкомыслием и слабостью духа, и что я от людей здравого рассудка чрез свою ветренность заслужу название пустого человека и пренебрежение». Самолюбию Бечаснова было польщено, а «таинственный вид» Борисовых все более его заинтересовывал, росло желание проникнуть в их намеки и двусмысленные слова. Чтобы поддержать хорошее мнение Борисовых о себе и удовлетворить своему любопытству, Бечаснов «начал иногда заниматься важными философическими рассуждениями, вступать с Борисовыми и Люблинским в политические суждения и по обыкновению, согласуясь с их мнениями, осуждать поступки правительства»... Так зародилось «вольнодумство» Бечаснова, которое он приписывает всецело братьям Борисовым, в особенности — отставному (Андрей Борисов вышел в отставку в 1824 году). В декабре 1823 года Бечаснов проезжал селение Кануны и остановился отдохнуть в квартире Борисовых. Здесь они открыли ему об Обществе Соединенных Славян — желание Бечаснова «проникнуть в таинственный вид Борисовых» было удовлетворено: он стал членом общества.

Когда Борисовы приняли в общество Ивана Ивановича Горбачевского, ему было 23 года. Он родился в 1800 году, 22 сентября, в небогатой семье надворного советника Ивана Васильевича Горбачевского. Главным источником материального обеспечения семьи было жалованье отца. Мать его, из фамилии Конисских, «была когда-то помещицей», как пишет декабрист в письме к кн. Е. П. Оболенскому из Сибири [29]. Она «была истая малороссиянка, т.-е. ничего не понимала и не знала, кроме монахов и Киевской лавры, куда отдавала последнюю копейку; зато была набожна и хозяйка, т.-е. много было сала и моченых яблок».

Мальчик учился сначала в Витебском народном училище, а в 1813 году перешел в Витебскую губернскую гимназию, курс которой кончил в 1817 году. В том же году один из родственников отвез его в Петербург и определил там 24 августа в «Дворянский полк» [30]. В 1818 году над семьею Горбачевского стряслась беда: отец, 30 лет прослуживший в Витебской казенной палате, был удален от должности вместе с другими членами и предан суду «по указу правительствующего сената от 8 марта 1818 года за происшедшие в Казенной Палате при заключении с подрядчиком Гурвичем контракта на поставку провианта беспорядки». 20 мая 1820 года департамент решил дело и представил гражданскому губернатору; от него 23 августа того же года дело поступило в сенат и в 1827 году было «из оного еще не возвращено» [31]. 27 июня 1820 года Горбачевский был выпущен из Дворянского полка прапорщиком в 1-ю батарейную роту 8-й артиллерийской бригады. По дороге (бригада стояла на Украине) он заехал к отцу и узнал, что мать умерла. Сестры вышли замуж, отец оставался один. В это время разыгрывается интереснейший эпизод в жизни «дворянина» и «помещика» Горбачевского.

Перед от'ездом сына отец вынул какую-то связку бумаг и сказал: «Ты теперь получил звание; вот тебе документы на владение имением после твоей матери, делай что хочешь». Дело было в том, что мать Горбачевского, как пишет он сам в письме к кн. Е. П. Оболенскому, «не знаю уже каким образом, сделала так, что имение, тоже не знаю, большое или малое, передала мне и моему брату». Отец хозяйства не вел и «не любил ничего подобного».

Передавая связку, он просил сына, если он будет когда-нибудь в деревне, непременно побывать на той яблоне, «на которую он, бывши мальчиком, туда лазил; она стояла на берегу ручья, особенно». Сын бросил на дно чемодана связку, которую он так и не развязывал и никогда не узнал, что в ней написано. В губернском городе какой-то родственник, «дурак набитый и чиновник», привязался к «помещику» и стал настаивать, чтобы тот с'ездил в свою деревню. Тот твердил ему в ответ, что «всякая деревня помещичья для меня отвратительна», но, вспомнив, что «надо побывать на яблоне — исполнить волю и завещание отца», согласился, тем более что это было по дороге в Полтавскую губернию, где тогда стояла бригада. Приехали. Горбачевский рассказывает, что он: «Не входя в дом, побежал к яблоне, сбросив с себя сюртук, полез на яблоню, чуть себе шею не свернул, посмотрел кругом, опять долой и прихожу к дому; а чиновник уже собрал там народ — посмотреть на нового барина. Увидевши толпу хохлов, не знаю кому, я приказал лошадей запрягать, дальше ехать; чиновник вытаращил глаза.

— «Куда так скоро?

— Вот ваши крестьяне.

—«Вот ваши крестьяне.

«Я, чтобы кончить развязку, подошел к толпе и сказал им речь, конечно, она не Цицерона и Демосфена, но по-своему, потому что меня вся эта глупость взбесила.

— «Я вас не знал и знать не хочу, вы меня не знали и не знайте, убирайтесь к чорту.

«Сел в тележку и уехал в ту же минуту, даже не поклонившись родственнику чиновнику, который за это жаловался на меня отцу, а тот хохотал до упаду». Уже через много времени Горбачевский вспомнил о связке и послал ее в Грузию к своему брату (там в то время стояла его часть), «предлагая ему эти бумаги взять и владеть имением, говоря в письме, что я не хочу быть помещиком, что я не хозяин, что я не знаю в этом толку и что я так же отказываюсь от всего того, как и отец...». Брат прислал бумаги обратно и написал, что «он таких мерзостей не чтец и что ты, брат Иван (извини), — глупец». Сестра писала брату, что «крестьяне поставили в своей церкви образа Иоанна Богослова и Николая Чудотворца (имя мое и брата моего) и молятся им. Сестра моя об этом писала с восхищением и умилением, а я ей отвечал, что всегда я малороссиян считал глупцами и всегда буду их таковыми почитать и об них так думать; тем вся эта история и кончилась...» [32].

Правдоподобна ли она? Горбачевский очень точен и правдив в своих письмах, рассказывает о ней своему близкому другу, между прочим дает много бытовых штрихов, которые едва ли мог бы выдумать. Кроме того, случаи отказа от имений в то время бывали, а владение какой-нибудь разоренной деревней в эпоху кризиса дворянского хозяйства не только не могло представляться заманчивым, а наоборот, — даже пугать хлопотами и неизбежным разорением. В 1827 году, после ареста сына, 65-летний отец его продолжал жить в Витебске, где имел «деревянный, мало стóящий домик, заключающий все его состояние. Поведения и качеств, по общей известности, наилучших. Пропитывается сам и содержит дочь свою, вдову, собственными трудами и вспомоществованием благотворительных людей. Кроме означенной дочери, вдовы, имеет еще двух дочерей, находящихся в замужестве за служащими по гражданской части чиновниками, также не имеющими имений...» — таковы были сведения генерал-губернатора губерний Могилевской, Витебской, Смоленской и Калужской — кн. Хованского. Губернатор препроводил Татищеву просьбу старика Горбачевского обратить внимание на его «девятилетнее страдание» и уважить просьбу о возвращении ему места по

службе. Кн. Хованский препроводил прошение начальнику Главного штаба, но чем дело кончилось, неизвестно [33].

В исходе 1823 года Горбачевский был в деревне за 4 версты от города. Внезапный приезд Борисова очень обрадовал его. Перед ужином Борисов спросил:

— Хочешь, я тебе открою секрет, — будешь ли молчать? «Мне больше ничего не оставалось делать,— доносит Горбачевский следственной комиссии, — как уверить его, что он может быть покойным. Он вынул из кармана два листочка, в них было написано [клятвенное] обещание и правило, дал мне их прочитать, уверяя меня притом, что сие никогда не может быть открыто, потому что знаешь только того, кто принял; второе — что действий никаких, ответов тоже»... Так рассказывает Горбачевский о принятии его в члены общества; конечно, многое он исказил для следственной комиссии с целью выгородить себя: у члена Славянского общества были обязательные действия и ответственность, подробнее об этом ниже.

В начале 1824 года в общество был принят подпоручик Пензенского пехотного полка Петр Федорович Громнитский [34], 21 года (по формуляру на три года старше). Родом он был из дворян Пензенской губернии. По сведениям, собранным после суда над ним, «отец его, отставной капитан Громницкий, и мать живут в Пензенской губернии в Керенском уезде, имеют еще двух сыновей, в военной службе находящихся, и трех дочерей, девиц, при них живущих; за ними, Громницкими, состоит 267 душ крестьян, но как они обременены долгами, то домашние их обстоятельства крайне стеснены», — таковы были сведения Пензенского генерал-губернатора Бахметьева. Цесаревич Константин разыскал еще в подведомственной ему Виленской губернии какого-то «бывшего регента Валкомирского земского суда Ивана Громницкого», который «почитал» себя родственником осужденного. «Однакож помянутый регент родства своего за верное не утверждает и состоит в крайне бедном положении». Родственник ли Громнитскому этот «бывший регент» или нет, ясно одно: несмотря на первый среди Славян случай владения крепостными, перед нами далекое от среднего дворянского типа хозяйство— разоряющееся имение, обремененность долгами и «крайне стесненные обстоятельства» [35]. Мальчик воспитывался во 2-м кадетском корпусе, откуда был выпущен 1 февраля 1819 года прапорщиком в Пензенский пехотный полк. В конце 1820 года он преимущественно находился при корпусной или дивизионной квартире в «Жолнерной команде» и получил несколько наград: высочайшие благодарности и «третное жалованье не в зачет». Любимыми его предметами, как показывает он следственной комиссии,

были: отечественная словесность, история и география, закон божий, — уклон, несомненно, «общественный». С Борисовыми Громнитский познакомился в 1822 году и скоро подружился. Пошли разговоры о «правительстве с самой невыгодной стороны». Не пропускался ни малейший случай, «где бы можно было сказать что-либо дурное на особу царствующую или на особ, имеющих влияние в правительстве». Влияние Борисовых и их убежденность были огромны. Петр «с силою и жаром говаривал... всегда о подобных предметах и, так сказать, умел ловить минуту, удобную для исполнения его предприятий», — признается Громнитский. Почва была готова, пропаганда шла успешно, и момент был уловлен. Когда, наконец, приглашение в тайное общество было подкреплено «текстами из Гельвеция, Вольтера, Рейналя и других», он не мог устоять и согласился. Ему, как и другим членам, не было открыто Борисовым истинное происхождение Общества Соединенных Славян. Сказано было, что общество велико и сильно, имеет отрасли в других славянских землях, что сам Борисов принят некиим Тулубьевым случайно, проездом. Борисов говорил ему, что собирается ехать в Петербург, узнать как об Обществе Славян, так равно и о том, не существуют ли еще какие общества и, ежели есть, то стараться соединиться с ними». Горбачевский говорил ему о каком-то графе Макгавли, родом сербе, который якобы уехал на родину распространять там Общество Соединенных Славян.

Позже Громнитский стал заместителем председателя Общества Соединенных Славян.

Борисов 2-й утверждает, что отставной поручик Красницкий был принят случайно [36]: просто Андрей Борисов неосторожно разговаривал при нем с Горбачевским «и заставил его подозревать, что они находятся в тайном обществе». Боязнь, что Красницкий может выдать, и заставила принять его в члены, но якобы Петр Борисов «после сего... старался отклонить его от участия в наших действиях и не давал ему никаких бумаг». Очевидно, нежелание впутать в дело семейного человека заставило Борисова дать ложные показания о важном посреднике между Обществом Соединенных Славян и поляками. В 1819 г. Красницкий служил подпрапорщиком в Нашебургском пехотном полку, затем в 1823 году вышел в отставку. Во время вступления в Славянское Общество занимал какую-то незначительную должность в имении генерал-ад'ютанта графа Уварова, где было много поляков среди служащих. Во-первых, «бумаги» общества — клятва и «Катехизис» — Красницкому были известны, — это выдает сам Борисов, говоря, что Красницкий не открыл их другому члену — Жебровскому [37], а во-вто-

рых, Красницкий в делах общества принимал деятельное участие и, главным образом, по принятию членов-поляков. Он, вероятно, был старожилом тех мест и хорошо знал польское население, указывая нужных обществу людей. Недаром, принимая Красницкого, Борисов 2-й сказал в ответ на возражения Горбачевского и Бечаснова, что его принять можно и что «он для меня будет полезен». Правда, Красницкий в начале знакомства с Борисовым не знал даже, что такое «конституция», и Борисов смеялся над ним, передавая об этом Горбачевскому.

Мы встретимся еще с этим таинственным членом в самые критические минуты жизни тайного общества. Следственная комиссия не поняла его роли и отнеслась к нему снисходительно, приговор же ограничился тайным надзором местного начальства [38].

Борисов 2-й показывает, что 3 февраля 1824 года общество пополнилось еще одним членом: им принят был шляхтич Фаддей Антонович Жебровский, 24 лет. Это — первый представитель той мелкой шляхты, с которой связывались Славяне в противоположность Южному Обществу, стремившемуся об'единиться с крупным польским дворянством. Он был секретарем графа Ильинского. Воспитывался он у ксендзов «Вазылянов» в местечке Любаре Волынской губернии — типично для поляка-католика. Потом обучался он в г. Виннице и с 1817 года по 1820 (или до начала 1821) в Виленском университете — первый член общества с университетским образованием. Вероятно, Жебровский имением не обладал и не мог рассчитывать ни на что, кроме собственного труда. «Желал я себе вступить в должность публичною, но как в том моим намерений много для себя знашол прешкоб, то принужден был вступить в привантую службу у сенатора Ильинского», — об'ясняет Жебровский не то по-русски, не то по-польски. Он начал учиться русскому языку лишь за шесть месяцев до ареста. Упорно отрицая наличие в себе вольнодумных мыслей, Жебровский невольно выдает противное:

«Чытал я много книг, но таких, которые имеют сходство с худежествами или Литературою. А ежели иногда и прочтил какое вольнодумчее дело, которых Франция немало издала, занят литературою и оценяя более мое спокойство над все злотые надежды, не разбирал их мысли и думал только о моих обязанностях и о том, как быть спокойным. Шесть месяцев только как стал я обучаться и языка и Литературы Российской. Сочинения Жуковского дали мне узнать ее красоту и побуждали к переводу. Так всегда занят, смело и откровенно уверить могу, что вольнодумчее мнение никогда не имели ко мне малейшего приступу!» [39].

Сначала он отказался вступить в общество, но Борисов и Красницкий приехали вторично и настаивали, — тогда он согласился. Борисов 2-й показал ему только один катехизис Славян, но, «заметив в нем нерешимость, не открыл ему ни настоящей цели общества, ни средств к достижению оной». Особой горячности к делам общества Жебровский не проявлял, да к тому же уехал вскоре в Варшаву и Вильну по делам графа Ильинского почти на год.

В том же 1824 году Петру Борисову посчастливилось напасть на человека, которому суждено было сыграть заметную роль в делах тайного общества. Александру Семеновичу Пестову было всего 21 год. Умный, энергичный, скупой на слова и решительный в действии, Пестов проходит по всей истории общества неизменным: ни поражение Черниговского полка, ни неудачная попытка поднять восстание в других частях, ни тяжелое время следствия не поколебали его твердости и не заставили упасть духом. В графе его формуляра, относящейся к происхождению, занесено: «из дворян Херсонской губернии, коллежского советника сын, крестьян не имеет». Сведения новороссийского генерал-губернатора о состоянии его семьи (собранные после суда над ним) рисуют яркую картину разоренного дворянского хозяйства. «Отец его, помещик Херсонской губернии, Александровского уезда, коллежский советник Семен Пестов, после тридцатилетней службы с многочисленным семейством остался без пропитания». Как это случилось? Была большая семья — 9 человек детей — и «содержание многочисленного семейства и некоторые имущественные обстоятельства вовлекли фамилию сию в неоплатные долги» [40]. Дедушка, отец жены, желая поддержать Пестовых, подарил дочери имение, «из 125 душ состоящее», да после смерти кого-то из родственников она унаследовала другое — состоящее из 200 душ, но и это не помогло. В 1826 году первое имение уже было продано за долги, «но неуплаченных осталось более 60 тысяч рублей, на удовлетворение которых описывается к публичной продаже и другое имение». Вероятно, когда Пестов был ребенком, жилось несколько лучше. Он сначала воспитывался дома и имел четырех учителей: «1-й — Петр Пьер, 2-й — Иван Финк, 3-й — Петр фон-Берх, 4-й — Михайло Дунальтет и, сверх того, учился у мадамы Александры Кузнецовой». Но качество учителей возбуждает сомнения. Правда, в формуляре значится: «Российской грамоте писать-читать, арифметике, геометрии, алгебры и артиллерийскую науку знает», но французского языка, на котором говорило чуть ли не все российское дворянство, Пестов не понимал. Юнкером Пестов сделался в 1816 году, когда ему было не больше 13—14 лет, прапорщиком стал в 1820 году, а подпоручиком — в 1824 г.

В ноябре того же года он был выбран в бригадные квартирмейстеры *), а с июня 1825 года был взят генерал-майором Богуславским, начальником артиллерии 3-го пехотного корпуса, в ад'ютанты. «В штрафах и по суду и без суда совершенно не в каких не был как в юнкерской, так равно и в офицерской моей службе», — подчеркивает самолюбивый Пестов. Принят в члены он был в учебной команде близ Житомира. «Я дал клятвенное обещание не щадить живота моего для восстановления свободы», — добровольно показывает он генералу Левашову при первом допросе, хотя эту деталь легко можно было скрыть, и она усугубляла вину.

Пожалуй, еще ярче и любопытнее поручик Полтавского полка Алексей Васильевич Усовский, один из самых гордых и непреклонных Славян. Он, как и многие из них, — украинец, уроженец города Переяславля Полтавской губернии. Его мать имела в этом городе дом и несколько душ крестьян. Редко кто из декабристов может сравниться с ним по силе его ненависти к крепостному праву. Одаренный острой наблюдательностью, очень развитой способностью обобщения и прекрасно владеющий словом, он — один из выдающихся обличителей александровского режима. В 1814 г. — 12 лет — он был определен во 2-й кадетский корпус, где учились Горбачевский, Кузмин, Борисовы и Бечаснов: там и состоялось их первое знакомство. В начале 1824 года Горбачевский и Усовский были оба в учебной команде близ города Житомира, но стояли в разных деревнях, расположенных неподалеку одна от другой. Горбачевский передал однажды Бечаснову и Борисовым поклон от Усовского, Бечаснов ответил тем же, и, приехав к Горбачевскому, хвалил Усовского. «Бывши я один раз у Усовского, именно помню сие было вечером, пивши чай, читали мы русские стихотворения (собрание русских стихотворений), потом разговорились о масонах и об обществах. Между сими разговорами я Усовскому говорю: «и я знаю одно общество, хочешь я тебе открою и скажу все?». Горбачевский дал ему прочесть правила Славян и клятвенное обещание. В этот раз Усовский якобы окончательно согласия не дал, но обещал молчать. Наиболее проявил он себя позже на лещинских собраниях. Начальство не любило гордого Усовского, и он подвергался непрестанным гонениям, особенно от полковника Тизенгаузена, члена Южного Общества декабристов. Горбачевский, вообще не стеснявшийся опорочить кого-нибудь перед след-

*) Так называлось лицо, заведывавшее хозяйственной частью бригады по денежному, провиантскому, квартирному и вещевому довольствию. В армии бригадный квартирмейстер избирался обществом офицеров из числа офицеров чином не старше поручика. Избиратели отвечали за избранного в случае растрат.

ственной комиссией и шедший на прямые доносы, предполагает даже, что эти личные неприятности и толкнули Усовского[41] на вступление в тайное общество, в надежде расположить к себе М. П. Бестужева-Рюмина, а через него — Тизенгаузена. Это — явная клевета.

В той же учебной команде под Житомиром Борисов 2-й принял в члены Александра Дмитриевича Высочина, прапорщика 6-й конно-артиллерийской роты. Он ничем себя не проявил и рано отстал от общества. В том же году были приглашены, но не дали согласия еще двое: подпоручик 2-й легкой роты, гроза солдат, Одинцов 2-й собирался было вступить в члены, «но мои разговоры относительно уничтожения крестьян *), — показывает Борисов 2-й, — и похвалы свободе, равенству и народодержавию сделали его холодным, — он так и не вступил в общество». Юнкера 4-й парочной батарейной роты Павла Казимировича Головинского — вероятно поляка — Борисов 2-й приглашал вступить в общество в июне или в июле 1824 года в Новгород-Волынске. Он происходил «из дворян Волынской губернии», но крестьян за ним «не состояло». Позже, по замыслу Борисова, он должен был выполнить важное поручение во время восстания: поднять шляхту и привести подкрепление. При первом приглашении Головинский согласия не дал и стал окончательно членом общества перед самым выступлением войск в лагерь под Лещиным.

«В конце 1824 года тайное общество под названием Славянского Союза или Соединенных Славян состояло из малого числа членов, рассеянных по разным местам южной России». Так начинает свои «Записки» Горбачевский, и действительно, после всего, сказанного выше, мы можем наполнить эту общую фразу конкретным содержанием.

Русское революционное движение, начиная с народовольцев, приучило нас ждать от тайного общества определенных организационных форм, центрального комитета, собраний, с'ездов, твердо поставленных целей и неуклонного стремления к ним. Этого не было в Обществе Соединенных Славян, и к нему нельзя подходить с подобными требованиями. Опыта тайных революционных обществ еще не было, до простейших с нашей точки зрения организационных истин доходили путем длительных заблуждений и ошибок. К тому же общество еще было слишком молодо и малочисленно. Собрания его были случайны и собственно даже не могут назваться собраниями. Это были встречи друзей, споры о правительстве за чашкой чая, совместное чтение

*) «Уничтожение крестьян» — обычное для документов той эпохи выражение, обозначающее освобождение крестьян от крепостной зависимости. Под крестьянином декабристы прежде всего разумеют крепостного.

вольнодумных стихов, когда служебное поручение заносило в зимнюю морозную ночь в деревню, где стоял товарищ. Но этого им было мало. Члены общества подобрались беспокойные, жаждущие действия. Таинственная форма клятвы и масонские знаки «Катехизиса»» могли их развлечь, но не могли заполнить внутренней жизни общества и заменить отсутствие определенной цели. В этом было отличие их понимания от мировоззрения старого дворянского масонства, дряхлевшего в умиравших масонских символах. И организатора общества — Петра Борисова — не удовлетворяло его создание. В его голове роились планы преобразования, а в его поведении чувствовалась определенная продуманность. Неотложнейшим делом было численное расширение общества, и Борисов 2-й энергичнее других принимает новых членов. Замечательно классовое чутье этого «дворянина»: он безошибочно останавливается на представителях того же социального слоя. Вероятно, здесь не было осознанного *плана,* а именно было организационное чутье. Вопрос о всеславянском характере общества не перестает его занимать, и он намечает и проводит в жизнь определенный план действий, предусматривающий привлечение поляков. Сам он вращался в этой среде, знал польский язык, всю жизнь от детских лет до зрелого возраста провел на Украине. Но, очевидно, с польской средой его связывали не только политические симпатии: на левой его руке были натерты порохом латинские «литеры» М. В. — начальные буквы имени его невесты Мальвины Бродович [42]. Источники очень скупы на сведения о революционных связях Борисова с поляками. Но Красницкий был выбран как посредник, и в планомерной деятельности по привлечению поляков сомневаться нельзя. «Святая ложь» Борисова о широте общества и распространении его в различных славянских «поколениях» не соответствует действительности, но отражает планы. Ясно, что мифический граф Макгавли, поехавший в Сербию распространить идею общества Соединенных Славян, — мечта и горячее желание Борисова. Когда общество насчитывает какой-нибудь десяток членов, он уже думает об его планомерном устройстве: посылает Пестову в самом начале 1825 года «мнение об учреждении собраний», написанное задолго до этого. Пестов спорил, находил подобное учреждение невозможным и нежелательным [43]. Мы не знаем его мотивов, но ясно, что не один Борисов думал и беспокоился об организации общества. Кстати, это любопытное «мнение», беглое воспоминание о котором сохранило лишь дело Веденяпина 1-го, уже было подписано *председателем* общества Борисовым. Было ли это председательствование результатом формального избрания или просто отразило, без выборов, фактическое положение вещей, мы не знаем.

Но ясно, что известные организационные формы общество имело до собрания в Чернихове [44], о котором будет сказано ниже.

Главное же — нужно было набирать членов. Это было самой насущной, самой неотложной задачей. Только известная численность делала жизненным требование определенных организационных форм. Первая половина 1825 года особо успешна по расширению общества: в это время было принято членов больше, чем в первые два года. И практика, применявшаяся в приеме новых членов, продолжает и углубляет линию, наметившуюся раньше: общество не замыкалось в рамки чисто военной среды и не тяготело к аристократическим командным кругам. Оно незаметно расширялось за счет военных низов, выходило за пределы служащей массы, привлекало отставную военную мелкоту, военных чиновников и просто «штатских». Вспомним, что отставной Красницкий служил на частной службе.

Уже с начала года стали быстро набираться новые члены. Личные дела видных участников восстания Черниговского полка и последовательнейших революционеров Анастасия Димитриевича Кузмина и Вениамина Николаевича Соловьева не дошли до нас, но можно предположить, что они были приняты не позже января 1825 года [45]. Мы встретим их во все важнейшие моменты жизни Общества Соединенных Славян.

В начале 1825 года был принят любопытнейший член — провиантский чиновник 10-го класса Илья Иванович Иванов. Это — будущий секретарь общества. Горбачевский предполагает, что он принят был Красницким, но сам Иванов указывает, что принял его поручик Кузмин, встретив в Житомире у постоялого двора. Зимний холод заставил войти в горницу, и тут Кузмин показал ему правила и клятву. Ясно отсюда, что они были знакомы раньше, часто вели противоправительственные разговоры и достаточно были уверены друг в друге. На допросах Иванов часто прикидывается простаком, выдумывает небылицы и всячески старается доказать свою невиновность. Об'яснил-де ему Кузмин цель общества — об'единение славянских племен, и он «по уверению Кузмина, что происхожу из славян, считая себя принадлежащим к ним, вступил без всякого злого намерения». Неправдоподобность выдумок Иванова изобличает в нем тяжелодума, с умом негибким и с недостаточной находчивостью. Ясный по самой форме своей символический знак [46], который все Славяне без исключения называют оружием, а Громницкий даже штыком, Иванов тяжеловесно именует «умом и каким-нибудь другим орудием», желая замаскировать всю его остроту. Родом он был из «почталионских детей», и это обстоятельство, да и вся дальнейшая его судьба заставляют думать, что он не дворянского про-

исхождения [47]. Воспитывался он в г. Житомире у «приватных учителей, коих фамилии по давности времени забыл». Едва ли много он получил от них. Обучался же он — по его своеобразной «разночинной» орфографии — «Вероисповедаванию, Российской граматике, Право-писания и рефметики». Обучение это было чрезвычайно коротко: 21 февраля 1812 года двенадцатилетним мальчиком Иванов поступил почтальоном в Волковыйскую почтовую экспедицию, потом — тоже почтальоном — перешел в Гродненскую контору, затем был зачислен унтер-офицерским чином в Белостокскую пограничную почтовую контору. После этого, получив «звание канцеляриста», Илья Иванов стал канцелярским служителем и был вскоре повышен в коллежские регистраторы. Вероятно, его прельстили лучшие материальные условия службы в областном белостокском правлении, куда он был зачислен сейчас же по увольнении из ведомства почтового департамента. Там он числился по 2-му отделению в числе канцелярских служителей «в помощь областному Бухгалтеру», а потом определен в Волынскую казенную палату по счетной экспедиции. Уволившись оттуда по прошению 1 июля 1822 года, он поступил в полевое провиантское комиссионерство 3-го пехотного корпуса в качестве помощника бухгалтера. 25 января 1824 года он произведен в губернские секретари, а 30 января — приблизительно в то время, когда он узнает о тайном обществе — в коллежские секретари со старшинством. Повидимому, в детстве он рано потерял отца и имел отчима. Возможно, что это обусловило замкнутый характер мальчика. По крайней мере после суда над ним узнали кое-что о семейном его положении. Оказалось, что «мать его Елена Кармащукова, около 60 лет от роду, вдова, после второго мужа унтер-офицера Кармащукова имеет двух дочерей, из коих одна замужем за губернским секретарем Дзюбенком, а другая при ней. Все они живут в Житомире в бедном положении, не имея ничего, кроме домика, и доставляют себе пропитание собственным трудом. Означенный сын ее доставлял им содержание и был надеждою в дальнейшем для всех их пособий». Иванов — это типичный «разночинец» в Обществе Соединенных Славян. Очевидно, он много читал и любил стихи. В бумагах его нашли перебеленный его рукою Пушкинский «Кинжал». Если он читал его понимая, то в голове его сосредоточивалась целая энциклопедия терминов античного мира и тогдашних ходячих революционных понятий. Легко поверить, что в среде Славян Иванов мог часто слышать и о Цезаре и об убийстве Коцебу и соглашаться с Бестужевым-Рюминым, когда он «в разговорах своих восхвалял сочинения Александра Пушкина». Кроме «Кинжала», в его бумагах

нашлись какие-то другие стихи. Следственная комиссия приписала их авторство самому Иванову и с ужасом спрашивала: «Что вас побуждало к излиянию на бумаге богопротивных и в трепет приводящих мыслей?». Иванов отговаривался, что стихи не его. Самые стихи не сохранились [48], но вопрос комиссии указывает, что их содержание было атеистическое. Кроме этого намека, сохранились еще некоторые беглые указания на последовательное безбожие этого разночинца; мы увидим это ниже в его агитационных приемах. Вероятно, стереотипное заявление: «у исповеди и причастия святых тайн бываю ежегодно», имеющееся в его показаниях, — формальная отписка. Когда после всего сказанного мы узнаем, что Иванов отписывал следственной комиссии, что понимал конституцию как собрание военных законов, думал, что общество не тайное, а существует с ведома правительства и что «в вольнодумчество... первоначально был вовлечен Кузминым», нам будут ясны приемы его запирательства. На вопрос комиссии, к каким наукам более прилежал, стоит оригинальный для декабриста ответ: «Старался более себя усовершенствовать по счетной части». Иванов деятельно принимал членов и часто таких же разночинцев, как сам. Один из принятых им членов был чиновником того же комиссионерства, со странной фамилией Костыра. Иногда звали его — Костырь.

О Костыре известно мало. Это был человек недалекого ума, молчаливый, пугливый, обремененный семейством. Квартира Иванова была в одном доме с комиссионерством, и Костыра хаживал к нему по дороге на службу посудачить о служебных делах, выкурить трубку. Иванов вел агитацию ловко и напал, видимо, сразу на больное место Костыры. Костыра показывал, что «однажды означенный Иванов, будучи с ним наедине в квартире своей, между прочих разговоров заводил таковой насчет святых угодников, почивающих в Киеве, упоминая, что это одна токмо выдумка и что их вовсе нигде нет, равно говорил о прочих подобных предметах...». Не только о религии говорил Иванов — «толковал также о философии, и когда Костыра отозвался непонятием об оной, то он, упрекая его в том, говорил: «для чего же ты живешь?» и тут же обещал доставить ему сочинения Волтера и советовал читать их и сказывал, что хотя они запрещены, но очень полезны и поучительны» [49]. Мало-по-малу дошли и до Общества Соединенных Славян. Иванов дал ему прочесть клятву и правила и считал принятым в члены. Громнитский рассказывает, как он узнал Костыру: «В генваре или феврале месяце прошлого 1824 года [50], находясь в жолнерной команде при корпусной квартире, я приезжал вместе с Борисовым 2-м к Иванову на квартиру, где он и рекомендовал обоим нам вновь принятого члена,

служащего в одном с Ивановым комиссионерстве. Я как теперь помню, что Иванов, не могши явно познакомить нас с вновь принятым членом (у него в это время кто-то был, не принадлежащий к обществу), отводил в сторону сперва Борисова 2-го, а потом меня; помню очень хорошо и физиономию его: мужчина довольно высокого роста, белокурый, рябой». Кажется, никто не перепугался при аресте так, как Костыра. Он отрицал буквально все и произвел на комиссию впечатление глуповатого, потерявшего с перепугу голову человека. На естественный вопрос комиссии (она подозревала, что из того комиссионерства приглашен еще третий чиновник): не приглашал ли он еще кого, — был ответ, что к тайному обществу он «не принадлежал, никто его в оное не приглашал, о существовании общества и о том, что состоит в оном комиссионер Иванов, совсем не знает, ни от кого о том ничего никогда не слыхал; следственно, неизвестно ему, приглашал ли он в члены общества кого еще другого из комиссионерства или нет».

Иванов же пригласил в общество любопытнейшую личность — канцеляриста Павла Фомича Выгодовского, который интересен прежде всего тем, что он крестьянин и, насколько нам известно, единственный крестьянин-декабрист. Жизнь его не совсем обыкновенна. Это — сын крестьянина Подольской губернии, Проскуровского повета, Тимофея Дунцова. Семья очевидно была зажиточная: по справкам 1826/27 года оказалось, что у отца его было 5 лошадей, 2 коровы, 10 овец и 16 ульев пчел. В том же селении жила и тетка его Марья, замужем за состоятельным крестьянином Шведовым. Будущий декабрист сначала обучался в том селении, где жили родители, у дьячка, а потом отдан был в духовное училище в селение Приворожье (в иных бумагах — Приворотье). 17-ти лет он бежал оттуда и, как разузнали родители, стал служить в местечке Теофильполе «при делах профессора Мацея Хенцинского». О месте своего пребывания он родителей не уведомлял, но они знали, что он стал называться Выгодовским и что он служит якобы в канцелярии ровенского городничего. Самозванный Выгодовский поступил сначала в Ровенский нижний земский суд на сверхштатное место. Это произошло поздно — в 1823 году. Если рассказ родителей верен, приходится предполагать, что Выгодовский похитил чьи-то чужие документы. В его личном деле нет даже намека на эти своеобразные происшествия. В формуляр его занесено, что он из дворян и крестьян не имеет. Сам он о себе показывает, что он веры римско-католической и воспитывался у «ксендзов Тринитарского закона» в местечке Теофильполе (не тогда ли служил он у «профессора Мацея Хенцинского»?). «Науки здесь преподаваемы мне были обыкновенным классическим

порядком». Имеется и большой латинский документ — Documentum diligentiae discipulorum Classis tertiae scholae Publicae Teofilpolensis от 26 января 1819 года — ведомость с отметками различных учеников, где на первом месте стоит Paulus Wigodoski. Неизвестно, почему ведомость об успехах всего класса или группы попала в руки отдельного ученика. Не играла ли она роли школьного аттестата в руках ловкого крестьянина? В описи бумаг она кратко названа «свидетельством из школы». Имеется и описание герба Выгодовских и выписка об их имении — все составлено так, что свидетельствует о древности рода. Если эти последние две бумаги — подделки [51], то для этого нужно было иметь кое-какие познания. В своих показаниях Выгодовский — поляк и большой патриот. Узнав о тайном обществе, он решил, что «сей случай может когда-либо привести в первобытное положение упадшую Польшу, которую любить я поставлял для себя ненарушимым долгом». Он не мог не знать, что говорить подобные истины в лицо следственной комиссии было опасно.

В числе бумаг, забранных у него, есть несколько любопытных отрывков, вероятно его собственного произведения. Некоторые из них мало понятны без связи с целым, из которого взяты; один из них в личном следственном деле Выгодовского зарегистрирован даже как «черный отпуск, ничего не значущий». Но все они представляют собой несколько напыщенные моральные рассуждения из путаных длинных фраз. Видимо, мысль работала в этой области, а напыщенность нравилась. Некоторые из них на польском языке. Один из них говорит об обязанностях сына по отношению к отцу, другой содержит несколько глубоких мыслей о суде. «Непристойно Судье быть в то же время притеснителем правосудия, и тогда только наказывать он может, когда обвиненный сознался»... В этом же стиле написан черновик его письма к Борисову 2-му. Они, очевидно, быстро подружились. Письма Борисова также имеются в деле и неожиданно открывают нам уголок повседневной жизни Общества Соединенных Славян, штрихи которой так скупо рассеяны в источниках. Не только общие разговоры, встречи, споры о политике, набор новых членов и поиски новых организационных форм были проявлениями внутренней жизни общества. Была еще задушевная переписка друзей, центром которой, вероятно, был Борисов 2-й, переписка «философическая», часто не вызывавшаяся непосредственными потребностями делового общения. Упоминания о письмах часто встречаются в делах Соединенных Славян, но упомянутые письма — едва ли не единственный случай их сохранения. «Любезный друг Павел Фомич! — пишет Борисов 2-й из Новоград-Волынска

в Житомир, — чтение вашего письма наполнило мое сердце живейшею радостью и заставило забыть все мои огорчения. Я думаю, что вас не нужно уверять в справедливости моих слов, ибо вы знаете, как приятно сблизиться с человеком, умеющим ценить добродетель и чувствующим пользу, проистекающую от света истины... человеку, как вы, слова друга не покажутся пустыми комплиментами; следовательно, с вами я могу говорить всегда откровенно»... Символика, столь свойственная тайным обществам той поры, господствовала и в Обществе Соединенных Славян. Здесь налицо тесная связь с обществом «Друзей Природы» и масоно-карбонарские влияния. Сам Борисов подписывается именем гонимого за безбожье древне-греческого софиста Протагора, полагавшего, что человек есть мера всех вещей и заменявшего понятие божества понятием естественных сил природы. Горбачевский в одном из писем Борисова делает приписку, подписываясь псевдонимом «Сципион», а в тексте самого письма говорится о некоем Катоне. «Наш Катон жалуется на суетность мира, но что же делать. Должно себя ограничить малым числом друзей, коих расположение и участие стоит гораздо более, нежели все почести, оказываемые светскими невеждами таким людям, коих они не понимают... Нужно усовершенствовать себя в правилах морали, но «морали не ложной, но истинной, которая считает первою обязанностью человека предпочитать всему в мире общественную пользу»... [52]. Катон, это — Иванов. К письму к Выгодовскому прилагается письмо к Катону — это могло быть сделано потому, что Выгодовский служил на гражданской службе, и ему легче было получить и передать письмо своему приятелю, не возбуждая излишних подозрений. В датировке писем — отзвук французской революции, о которой, наверно, много думали, читали и говорили Славяне: «Прериаля 24 дня»..., «Мессидор 23 дня...» — «Вольнодумческие и либеральные мысли прильпнули ко мне в недавнем времени, частью от чтения, а частью при и по вступлении мною в тайное общество от соучастников оного, мною обновленных... [обновлены]. Но каким образом мнения сего рода в уме моем укоренились, того я никак не заметил и о сем воображения даже не имею».

В апреле того же года Иванов принял в общество юнкера Якова Якимовича Драгоманова, которому было 22 года. Перед нами дворянин и «щирый» украинец, уроженец Полтавской губернии, где имел он в момент следствия еще не разделенное с братьями имение. Имение было в плохом состоянии. Чтобы прокормить себя, Драгоманов должен был рассчитывать только на службу. У него не совсем обычная дворянская карьера. Мальчиком 14 лет он поступает в гражданскую службу, в со-

вет военного министерства, и переводится из него в канцелярию военного министра,«в коей службе, служа слишком 3 года, награжден чином коллежского регистратора». Домашние обстоятельства заставили его взять отпуск. Дома он заболел, потом, «не имея состояния отправиться на прежнюю службу государю и отечеству, но горя желанием по выздоровлению продолжать оную где бы то ни было, определился в Полтавский пехотный полк 1820 года в начале октября и произведен в настоящий чин сего года генваря 21-го». Перед нами случай очень неудачной военной карьеры с шестилетним почти ожиданием незначительного юнкерского чина. Эта служебная неудача — такая же idée fixe Драгоманова, как и некоторых других Славян, например Тютчева. Но к служебной обиде прибавляется еще одна, родовая. «В самой фамилии моей, — рассказывает Драгоманов, об'ясняя, почему Иванову легко удалось склонить его на вступление в тайное общество, — близ ста лет ведется дело с графами Разумовскими, предок коих отнял у деда моего около 1.000 душ крестьян, пожалованных ему царями за верные службы, но и сие дело при всей справедливости своей было Правительствующим сенатом несправедливо и противузаконно опровергаемо и решаемо в пользу графов, вопреки высочайшему повелению: рассмотреть дело по всей справедливости». Эта обида в течение ста лет передавалась из поколения в поколение Драгомановых. Мысль о том, что дворянин-фаворит, представитель правящей верхушки дворянского класса, легко может лишить состояния более мелкого дворянина, что если бы не обездолил когда-то граф Разумовский семью Драгомановых, иначе пошла бы и карьера, не пришлось бы с 14 лет мотаться по канцеляриям и шесть лет дожидаться маленького чина,—была, вероятно, повседневной мыслью Драгоманова. Поэтому, когда однажды Иванов завел его к себе на квартиру и после «многих посторонних разговоров» дошел до тайного общества, почва была давно готова, и Драгоманов дал свое согласие. Он передает свои противоправительственные мысли ясно, подробно и, видимо, горит желанием высказать накипевшую обиду. Чтобы не навлечь на себя особенного гнева суда, он приписывает многие свои мысли Иванову, но это шито белыми нитками. Умный и самолюбивый юнкер мечтает о власти, влиянии, значительности. Он начитан, хорошо владеет словом, проявляет способности к широким обобщениям, часто впадает в выспренний тон сентиментальности и романтики, столь свойственный эпохе. Заявление о правдивости своих показаний он заканчивает характеристикой истины: «сей драгоценный, но редко возжигаемый светильник всегда был путеводителем моим». А истина эта состояла в ясном сознании того, что необходимо освободить крестьян, реформи-

ровать суд и армию, в которой было засилье высшего дворянского начальства, добиться выработки точных законов и исполнения их и сделать так, чтобы знатность и богатство перестали брать верх над бедностью и бессилием, уничтожить непосильную, истощающую крестьянство двадцатипятилетнюю службу в невыносимой обстановке, службу, совершенно вырывающую крестьянина из его хозяйства. Вспомнилось, после рассказа об обиде графами Разумовскими, что и «сам я, будучи сын штаб-офицера, служил до настоящего чина не 4 года, государем императором назначенные, но 6 лет, без всякой моей причины. Не имея после сего никаких возражений по представлениям Иванова, мог ли я не согласиться на оные?».

До вступления в общество Драгоманов был коротко знаком с Громнитским, Борисовым 2-м и таким выдающимся будущим членом общества, как барон Соловьев. Борисов 2-й сам хотел его пригласить и любил с ним беседовать на вольнодумные противоправительственные темы.

В апреле же Ивановым был приглашен в общество подпоручик Павел Дмитриевич Мозган или Мазган [53] «из дворян греческой нации г. Феодосии» — как гласит формуляр. По его признанию, «вольнодумческие и либеральные мысли впервые были внушены мне капитаном Тютчевым и комиссионером Ивановым». Здесь мы встречаемся еще с одним значительным членом — с капитаном Тютчевым. Мы часто будем встречаться с ним в дальнейшем как с посредником, об'единившим Общество Соединенных Славян с Южным Обществом. Это — офицер лейб-гвардии Семеновского полка, понесший наказание наравне с другими после его восстания 1820 г. Горбачевский в «Записках» пишет, что Борисов 2-й просил Громнитского принять Тютчева со специальной целью — поручить ему возобновить знакомство с С. Муравьевым, с которым был знаком по Семеновскому полку, и узнать, нет ли между бывшими семеновскими офицерами заговора против правительства. Поразительно безграмотный, горький пьяница, Тютчев производит впечатление отчаявшегося человека. Все его внимание сосредоточено на служебной неудаче: он начал службу в лейб-гвардии Семеновском полку в 1815 году подпрапорщиком и в 1819 году дошел до подпоручика. Восстание полка перевернуло всю его судьбу; он утверждает, что отсутствовал в это время, но все же был переведен в Пензенский пехотный полк, правда, штабс-капитаном, но это очевидно мало утешало прежнего гвардейца. Строгий надзор за ним, как и за всеми бывшими семеновцами, и общее распоряжение не разрешать отпусков, не давали ему возможности даже поехать к больному отцу, не говоря уже о том, что самая

служба в армии была тяжким наказанием. Вот характерное описание обиды и отчаяния — с сохранением его орфографии и пунктуации:«В ступил в слузбу в 1815 гаду в Семенавскай полк Ислужил дараскасирования ево пармейским палкам я жа себя чюствавал савершена невиновным сему праисшествию но патерел наказания выпиской в армию присем же праишестви я ни находился иза месиц даетава уехал в отпуск К Маему балному семидисити летнему ацу и матери паприездежа маем в пензинскай полк прасился в отпуск в ацтавку пиревода из палка навсе сие была запрещено. в праезд Государя ин ператара через брянск аотец Мой прасил генерала атютанта дибичя апиреводе меня в другой полк дабы находица ближа аца, в Чем ево привасхадитилства идали слова пирвести, асево ни удалос изделат, патом атец мой прасил письмом Гасударя ин ператора абывалнениі меня вацтавк, На сие атвечяли что нинаходит надобности утруждат Гасударя ин ператора как сие зависит ат ваеных начялникав. Так в таком я Гориснома палажени находился и палагал себя прапащим, Атец Мой присмарти был болин и прасил меня приехат для свидания сним но и сево изделать я немог .вот Маей ачяиня»... Все эти хлопоты не привели ни к чему. Неудача по службе стала idée fixe Тютчева, и он в отчаянии решился, чего бы то ни стоило, «вытти из сего положения». Но, хотя Тютчев уверяет, что он никакого участия в восстании Семеновского полка не принимал и как бы подчеркивает этим свое отрицательное к нему отношение, он, как увидим ниже, держал связь с бывшими семеновскими солдатами и, ведя планомерную агитацию среди нижних чинов, считал будущую революцию продолжением восстания семеновцев: мы-де в Петербурге начали, да не кончили...

Гвардейская служба уже заставляет нас предполагать лучшее, чем у других Славян, материальное положение. И действительно, по формуляру Тютчева, он «из дворян Орловской губернии, Брянского уезда; за отцом его состоит крестьян 500 душ». В 1827 году, по сведениям генерал-губернатора Балашова, отец его Иван Иванович и мать Марья Ивановна были живы и проживали там же. Не считая декабриста, были еще три сына и одна дочь. Сыновья, кроме младшего Ивана, находившегося при отце, служили — Михайла в Черниговском конно-егерском полку прапорщиком, а Федор — в Казанском драгунском полку в том же чине. Характерно, что братьям не удалось попасть в гвардию. «Дочь Варвара, вдова, подполковница Бердяева», имела двух малолетних детей и жила на пенсию. В то время за отцом числилось в Брянском уезде 328 душ и земли 3.000 десятин. Доходу земля приносила при урожае до 6.000 руб. Но дела хозяйственные все же шли плохо: имение было заложено в С.-Петербургском и Московском опекунских

советах в 53.600 руб. В 1825 году градом выбило хлеб, проценты были не заплачены, и имение взято в ведение дворянской опеки. Старик Тютчев утверждал, что еще и в частные руки должен 62.900 руб., «но местное начальство, не зная сего, не удостоверяет».

Декабрист Тютчев воспитывался в морском корпусе и для служения в гвардии вышел в отставку. Более всего старался «усовершенствовать» себя в математике и французском языке. Повидимому, большой и долгожданной удачей было поступление в гвардию для этого разоряющегося дворянина, стремившегося к «совершенству» во французском языке и невероятно безграмотного в русском. В формуляре показано, что Тютчев обучен «по-российски, по-французски, по-немецки, истории, геометрии, алгебре и математике». В Общество Соединенных Славян Тютчев принят Громнитским в начале 1825 года в Житомире. В то время ему было 22 года, если верить его личным сведениям о возрасте, и 24 года, если основываться на формуляре. К вовлечению в общество его и других членов содействовал Борисов: «Прозба барисова были упатреблени самия ласковыя иубедительныя для увлечения пагубнава сево бетствия», пишет Тютчев.

Но сам Тютчев деятельно увлекал других в «пагубное сие бедствие». Он привлек юнкера Пензенского пехотного полка Александра Филипповича Фролова, известного позже как автора «Воспоминаний» — возражений Д. И. Завалишину [54]. Ему было только 20 лет. Родом он «из дворян Таврической губернии, г. Ениколя». Отец этого дворянина служил в 1827 году в несоответствовавшем его возрасту чине поручика в Керченском артиллерийском гарнизоне, имел большую семью, которую содержал из одного жалованья. Все семейство, по признанию чиновников, собиравших сведения, было «весьма бедного состояния» [55].

Фролов — далек от увлечения чтением, незнаком с философами и не умеет употреблять пышных фраз. Его «фонетическая» орфография с частыми оборотами народного говора близка к тютчевской. Воспитывался он «дома у отца, которой по малому состоянию учил меня сам». В службу он вступил подпрапорщиком 10 августа 1818 года. Вероятно, запись формуляра: «Российской грамоте читать и писать и арифметике знает» ничуть не преуменьшает знаний Фролова, который «старался себе наиболее усовершенствовать вматематике, новсей никончил».

Тютчев был ротным командиром Фролова, последний стоял у него на квартире [56]. В показаниях Фролов постоянно твердит, что он, вступая в общество, подражал начальнику и хотел ему угодить. Тютчев вместе с Громнитским и Мозганом пригласили Фролова. Если он говорит

правду, то Мозган начал свое приглашение с несколько сентиментального, быть может, обращения, но сообщавшего наиболее революционный замысел общества: «Если ты любишь меня, Тютчева и Громнитского, то ты не должен отказаться от моей просьбы; мы хотим сделать равенство, и это зависит от одного человека, — если мы умертвим государя, в это время можно будет сделать сие; я надеюсь, что и ты на это согласишься, подпишешь клятвенное письмо, которое я тебе покажу, и дашь на то десять рублей». Указанная сумма денег в другом месте его показаний превращается уже в 50 руб. «для отыскания прежних масон». Но денег Фролов якобы не давал. Участие в обществе, да еще в том же, где его капитан, очень ему льстило, хотя он всячески старался доказать следственной комиссии, что хотел от общества отстать и даже выйти в отставку, даже когда родители ему это запретили, он решился «без ихнива позволенья выйтить».

Выше был упомянут Мозган, принимавший участие в привлечении к обществу Фролова. Этот человек представляет собой еще один случай видимой материальной обеспеченности и большой нужды в действительности. По сведениям, собранным в 1827 году, у Мозгана была мать «во втором браке за коллежским ассесором Рымаренковым» и имела от него двух малолетних сыновей и трех дочерей (мальчик рано получил отчима). Мать и родной брат «преступника» подпоручик Константин Мозган, служивший в 44-м егерском полку, владели каменным домом «с семью лавками», находившимся в Феодосии. Дом был «в залоге в тамошнем комитете за позаимствование в 1809 и 1810 годах 4 тыс. рублей, за уплатою части капитала, считается по сие время на наследниках коллежского советника Мозгана, отца преступника, часть капитала и процентов 1.803 руб. 10½ коп., да на предбудущие годы по время существования комитета капитала 1.150 руб. 12 коп., а всего 2.953 руб. 21½ коп.» [57]. Несмотря на владение недвижимым имуществом, семья Мозгана жила плохо, и заключение об ее имущественном состоянии гласит: «Впрочем, все семейство находится в беднейшем положении, будучи добропорядочного поведения».

Приглашение Мозгана в тайное общество состоялось в саду, во время прогулки с Ивановым и Тютчевым, на которую они его нарочно пригласили, чтобы ввести в дела общества. В передаче Мозгана, очевидно несколько искаженной от страха перед следственной комиссией, дело было так: сначала, во время прогулки Иванов с Тютчевым долгое время «говорили от меня секретно, спросили меня, какого я мнения о начальстве, которое поступает с нами жестоко, как с рабами... Иванов продолжал, что мы сами винны, что терпим, и что средство есть

избавиться, только надо соединиться и быть твердыми». Через несколько дней оба собеседника пригласили его обедать. Здесь была ему показана клятва и печать (вероятно—условный знак печати) общества *). «Потом он же, Иванов, говорил, что когда умножится общество, то переменят правление, и будем вольны и свободны и что монархического правления не будет», обещал потом рассказать ему подробнее и велел принимать новых членов. Сказано ему еще было, что «в обеих столицах есть много знатных лиц, состоящих в оном обществе».

Мозган не выдающийся член общества. Он слаб духом, видимо был не сильно увлечен, мало активен и долго колебался, прежде чем вступить в общество; во всяком случае он утверждает, что окончательное согласие дал только к концу лета, во время лагерей, а приглашен был еще в апреле.

До лагерей был приглашен Громнитским еще один член — поручик Пензенского полка Николай Федорович Лисовский. Он замечателен, прежде всего, тем, что в нем нет ничего «замечательного»: это так характерно для Славян, большинство которых были самыми простыми рядовыми людьми. Ему шел тогда двадцатый год, как говорит он сам (или было 23 года, если верить формуляру), тоже «щирый» украинец, и в речи его часты украинизмы. «Из дворян Полтавской губернии, — значится в формуляре, — за отцом его крестьян три души». Но, вероятно, к 1827 году даже и ими он уже не владел: собранные малороссийским военным губернатором сведения открывают картину бедности, в которой жила мать декабриста, вдова, «коллежская регистраторша» Авдотья Федоровна Лисовская. Другой ее сын, Аркадий, служил унтер-офицером — совсем не дворянский чин — в Пензенском пехотном полку, а дочь ее 25-ти лет находилась при ней — очевидно, не вышла замуж. «Живут они (т.-е. мать и дочь. *М. Н.)* в Кременчуге, где имеют маленький деревянный домик, составляющий все их благосостояние» и доставшийся вдове после смерти мужа. «Собственными трудами: шитьем женской одежды, белья и прочее они содержат себя. Обе они поведения честного и весьма хорошего». Ясно, что и сын-декабрист жил «содново жалованья». Воспитание было соответствующее, тоже очень не похожее на обычное дворянское: «Я учился в народном училище Полтавской губернии, в городе Кременчуге, в которое вступил в 1811 году и продолжал до 1815». Особо склонен он был к рисованию. Иностранных языков, понятно, не знал и только читал книги «на оте-

---

*) Собственно, печати у Славян не было, был лишь ее рисунок (см. в приложениях таблицу символических знаков Славян).

чественном», а книги эти, по его мнению, «вольнодумства не могли мне никакого внушить». Но таковое все-таки было внушено. Приглашали его в общество «в ыюне» месяце в С.-Константинове: «во время сбора полка в тесных квартирах я пришел к Громнитскому на квартиру (где был и Тютчев), застав их за стаканами пуншу. Начали говорить совершенно о посторонних вещах, как вдруг Громнитский говорит — что как начальство не входит в положение офицеров, что никогда младший не будет правым против старшего, как бы старший ни был виноват. Здесь мы начали спорить, и по окончании довольно крупных разговоров он говорит, что есть общество, в котором и я с Тютчевым состою». Лисовский — наблюдательнейший парень и с большим юмором: его показания пестрят подобными картинками. Сказать точно, когда он был принят, трудно: ясно только, что до лагерей. В обществе он держался особняком.

У Аполлона Васильевича Веденяпина, так же как у юнкера Головинского, период колебания — вступить в общество или нет — был долог. Первое замаскированное предложение вступить в общество получил он от Пестова. Однажды, в первых числах января 1825 г., подпоручик 9-й артиллерийской бригады Веденяпин 1-й (так назывался он в отличие от брата своего Алексея Васильевича Веденяпина 2-го) встретился у знакомых с Пестовым и подполковником Берстелем. Последний, кстати сказать, был учителем математики братьев Борисовых, когда они, будучи юнкерами, готовились к офицерскому экзамену. Тема разговоров была обычная: «Коснулись неравенства состояний, причем Пестов говорил, что в каждом государстве все граждане должны быть равны... Прочие же, — продолжает Веденяпин 1-й, — в числе коих находился и я, — утверждали тому противное» [58]. Последнюю деталь оставим на совести Веденяпина: это — вставка для следственной комиссии. «Когда же после того мы возвращались домой, то Пестов спросил у меня дорогою, хочу ли я быть масоном? Я отвечал, что мне неизвестно, в чем состоят правила масонов; ежели цель их благородна и сообразна с моими обстоятельствами, то я готов; в противном случае — нет». Незнание масонов приходится всецело приписать страху перед следственной комиссией — слишком длительную историю имело перед этим масонство в России и слишком интересовало оно тогдашнюю молодежь, чтобы Веденяпин мог не знать о нем. 10 января он уехал в Житомир, где находился по 24 апреля. Борисов 2-й был в то время в той же команде и при от'езде Веденяпина 1-го из Житомира просил его доставить Пестову «какой-то конверт» и спрашивал, знаком ли он с последним. «Когда же я сказал, что, служа в одной бригаде, нельзя не быть знакомым, то он

сказал мне, как бы шутя, чтобы я с ним познакомился лучше. По прибытии моем в г. Таращу 3 мая, на другой день, я спросил Пестова: «что это значит, что меня просили познакомиться с ним лучше?». Намек был понят. Пестов сбегал домой, принес привезенный Веденяпиным 1-м от Борисова пакет и предложил ему прочесть заключенные в нем бумаги. Говорил при этом, что давно хотел ему то предложить. В пакете были присяга, правила и «мнение Борисова о учреждении собраний». Здесь же находилась бумага Пестова с возражениями, где он указывал «на излишность и невозможность таких собраний». Пестов при личном разговоре назвал ему членов, об'яснил масонские знаки. Веденяпин 1-й согласился быть членом и обещал молчать. Младший Веденяпин был принят в общество позже, в Лещинском лагере. Большая семья Веденяпиных состояла из шести человек детей: два младших брата служили в полках, третий, Иван, 14 лет, «обучался грамоте» — эти сведения собраны генерал-губернатором Балашовым уже после суда над братьями. По смерти родителей Веденяпиным досталось неразделенное имение в 33 мужских души и 39 женских (по 7-й ревизии), «состоящее в Тамбовской губернии в Темниковском уезде, и денежный капитал в 4.388 рублей, который находился в обращении в Тамбовском приказе общественного призрения». Покойный отец довольно многим давал в долг, за разными лицами расписок и обязательств числилось на 12.489 рублей. Земли в имении было мало — пахотной 66½ десятин и 5 десятин лугов; и крестьяне были в бедном положении», — однако ежегодно приносили «пользы 670 рублей». Доходы с имения и проценты с капитала шли на детей, в частности до 200 рублей в год тратилось на воспитание сестры Надежды, девицы 16 лет, жившей в доме родного дяди, поручика Кашкарева. Дядя имел за собою, по окладу, всего три дворовых души, но приобрел другое имение в Тверской губернии, сведений о котором нет. Земля «имения» Веденяпиных и самые крестьяне разбросаны были в разных деревнях, например, Ибакове и Выполове. Опекала имение их тетка из дворян, купецкая жена Матрена Меднова, вероятно «опекала» недурно, ибо чиновник, собиравший сведения, записал, не сознавая всей иронии записи, что находятся их «крестьяне в бедном, а семейство Веденяпиных в посредственном положении». Веденяпин 1-й воспитывался в Тамбовском корпусе, откуда перевелся в 2-й кадетский корпус, из которого был выпущен в артиллерию прапорщиком. Особо «прилежал» он к математике и наукам военным, как и подобает артиллеристу. Умный и практический Веденяпин 1-й принадлежал к группе общества, стоявшей за строгую организацию и ответственность. Он выгодно отличался от своего ограниченного брата-

карьериста и был недоволен, когда узнал, что последний принят в общество.

Вот собственно и все известные нам члены Общества Соединенных Славян, составлявшие его ядро до Лещинского лагеря. Это люди, вступившие именно в это общество и ничего не знавшие о «Южанах». Вступившие позднее, при слиянии общества, уже не отделяли Южное Общество от Славянского. Тогда, во время лагерей, выдвинулся другой актив, пришли новые люди. Мы остановимся на них в своем месте. Удивителен одинаковый, как бы сознательно проведенный, классовый подбор членов Общества Соединенных Славян. Их происхождение, материальное положение и частая обойденность по службе почти тождественны у всех. Но идеология Общества Соединенных Славян была слишком туманна и неопределенна для этих очень определенных по социальному положению и революционным настроениям людей. В обществе чувствовалось противоречие между его личным составом и идеологией. Назревал кризис.

Прежде всего, организация общества не удовлетворяла членов: чувствовалось, что в обществе не было настоящей жизни. Многие из Славян «убеждались даже, что время нимало не сближало их с целию; но сие убеждение, не ослабляя желаний, еще более их воспламеняло». 6 декабря 1824 года Борисов 2-й и Горбачевский долго совещались и решили, что надо общество в корне реорганизовать, добиться единства в действиях, выработать новый устав, ввести порядок в делах «и подвергнуть членов ответственности за их действия». Борисов 2-й написал проект преобразования. Об этом замысле реорганизации сохранили память лишь мемуары, — материал следствия его не отразил. В проекте Борисова управление обществом поручалось президенту и секретарю, оба были ответственны и избирались на один год; «первый назначал время и место обыкновенных и чрезвычайных собраний, давал направление действиям общества и старался привести в исполнение все намерения и планы, служащие к распространению оного. Последний способствовал взаимным сношениям между членами, равно сношениям их с президентом; кроме того, ему вверялась общественная сумма, из коей по согласию президента выдавались деньги, назначенные для всякого предприятия, признанного полезным обществу. Этот проект был единогласно принят собранием членов общества в марте 1825 года в местечке Чернихове, в 25 верстах от Житомира. Каждый чувствовал необходимость лучшего и правильнейшего устройства»[59]. Президентом был выбран Борисов, секретарем — Иванов. Единственное дополнение к этим событиям, которое можно извлечь из материала следственного дела, это — то, что Громнитский — вероятно, тогда же — был выбран заместителем

председателя. Иванова выбрали потому, что ему по должности своей легко было поддерживать постоянные сношения с членами: он, как провиантский чиновник, комиссионер, все время находился при корпусной квартире. Весь этот состав был временным. Окончательно предполагалось избрать его во время сбора корпуса в летнем лагере под местечком Лещиным. Вопрос о членских взносах был, собственно, давнишний — еще Громнитскому при вступлении в общество предложено было внести 50 руб. Но дело это так и осталось неурегулированным. В собрании в Чернихове было решено начать сбор планомерных членских взносов с первого сентября. Характерно для всего облика Славянского общества, что «секретарю дозволялось употреблять наличный капитал в торговых оборотах для приращения оного». Собрание в Чернихове — единственное из известных нам собраний Общества Соединенных Славян до соединения его с Южным обществом. Вероятно, предполагавшееся преобразование оказало бы благотворное влияние на судьбу общества. Но можно думать, что ему предстояло бы не раз преобразовываться: слишком горели желанием действовать его члены и слишком мало соответствовали этому желанию и цель общества и невыработанность его тактики. Но тут произошло неожиданное событие, в корне изменившее все намерения членов и поставившее общество на совершенно новый путь.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

СЛИЯНИЕ ОБЩЕСТВА СОЕДИНЕННЫХ СЛАВЯН С ЮЖНЫМ ОБЩЕСТВОМ ДЕКАБРИСТОВ.

Летом 1825 года 3-й корпус был собран на маневры под местечком Лещиным, неподалеку от Житомира. Все части, кроме 7-й дивизии, были налицо. «Полки 8-й и 9-й пехотных дивизий ушли на сборное место еще в начале августа месяца; артиллерия же дивизий и 3-я гусарская дивизия с принадлежащей к ней конною артиллериею прибыли в лагерь 1 сентября» [60]. Достаточно беглого взгляда на карту окрестностей Житомира, чтобы убедиться, как близко одна от другой расположены те местечки и деревни, по которым были разбросаны отдельные части. Два будущих центра славянских свиданий — м. Лещин, где жил Борисов 2-й и Пестов, и Млинищи [61] (по теперешнему местному произношению Млынищ) находились совсем рядом *). Это облегчало сношения Славян. Они рассчитывали во время лагерного сбора реорганизовать общество, обсудить устав и окончательно выбрать президента, его заместителя и секретаря. Но стечение ряда случайностей изменило все дело.

Горбачевский в своих записках пишет, что Славяне «с давнего времени» замечали противоправительственное настроение бывших семеновских офицеров, и Борисов даже с умыслом принял Тютчева, зная о близком его знакомстве с С. Муравьевым и намереваясь поручить ему связать семеновцев со Славянским обществом. Среди бывших семеновцев был ряд блестящих аристократов с громкими фамилиями, к их числу относятся и С. И. Муравьев-Апостол с М. П. Бестужевым-Рюминым. Трудно, однако, думать, что Борисов 2-й изменил линию приема в члены общества и стал связываться с представителями иной среды, в которой он сам чувствовал себя не вполне свободно. Это — аберрация памяти мемуариста, стремящегося в позднейшем результате видеть плод ранее бывшей работы сознания.

---

*) См. приложенную карту.

Тютчев должен был ехать к больному отцу, но начальство не давало ему ни отпуска ни отставки, согласно общему распоряжению о наказанных семеновцах. Сбор корпуса дал ему возможность повидаться со старыми товарищами по полку — С. И. Муравьевым-Апостолом, подполковником Черниговского полка, и подпоручиком М. П. Бестужевым-Рюминым, чтобы узнать, не слышно ли «милости государя и разрешения ацтавак и отпусков». Старые товарищи встретили его радушно, но, конечно, ничего отрадного сообщить не могли. Повидимому, вопрос вертелся около несчастной участи бывших семеновцев. Видя резко оппозиционное настроение Тютчева, собеседники решились открыть ему тайну.

«Нам надо самим отыскивать свободу. Не хочешь ли вступить в тайное общество?»

Тютчев насторожился. Он только что вошел в тайное общество Соединенных Славян, а тут ему предлагают вступить в какое-то другое. Начались расспросы, и в разговоре Тютчев не выдержал и, чувствуя единомышленников и доверяя своим старым товарищам, открыл им об Обществе Соединенных Славян. С. Муравьев и Бестужев-Рюмин, члены Южного общества декабристов и видные деятели самой революционной его управы — Васильковской, — стали расспрашивать о цели Славянского общества. Тютчев определил ее, по собственному признанию, так: «достижение революции и уничтожение законов». Нужно полагать, что о законах он сказал что-нибудь иное, а о целях говорил подробнее. Собеседники попросили принести им правила и клятву общества, разузнали кое-что об его личном составе и взяли слово с Тютчева, что он познакомит их с кем-нибудь из «Славян». Тот выполнил все просьбы полностью, — не только в одно из следующих свиданий рассказал все подробности о Славянах, а даже принес писаный экземпляр «Катехизиса» и клятвы. В то же время он спешно сказал обо всем секретарю Славянского общества Иванову. Когда 8-я артиллерийская бригада проходила Житомир, Иванов сообщил Горбачевскому и Борисову 2-му, что Тютчев открыл новое тайное общество. «Сие известие поразило всех славян», — пишет Горбачевский в «Записках».

На другой день после разговора с Ивановым Борисов 2-й увиделся с Тютчевым. Тот вновь рассказал ему все, что знал о Южном обществе, сообщив, между прочим, что оно намерено ввести в России конституцию. Борисов толковал об этом с Ивановым, Горбачевским и, вероятно, с Киреевым, о котором будет сказано ниже, и высказал мысль о необходимости Южное общество присоединить к Славянскому, «не зная, что сие общество было очень многочисленно и какая цель оного». Между тем, товарищ Тютчева по полку подпоручик Громнитский несколько раз (по

его подсчету три раза) заходил вместе с первым в «шалаш» к С. Муравьеву-Апостолу, который жил вместе с Бестужевым-Рюминым. Однажды перед их уходом приехал полковник Тизенгаузен и в их присутствии откровенно говорил «о предмете, касающемся общества». Разговоры двух последних, показывает Громнитский, сводились к тому, «что постыдно для России пребывать долго под игом деспотизма — так называли они существующее у нас правление, — что наступило время свергнуть это иго, что средства все в наших руках, что большая часть 2-й армии уже приготовлена, что 4-й корпус готов, 2-й также; 7-я дивизия и гусарская нашего корпуса также готова, дабы двинуться при первом знаке, что революция должна быть военная, и тогда, как говорили они, ежели в наших руках войска, тогда обойдется без кровопролития, — некому уже будет противиться, и мы достигнем с успехом исполнения тех предприятий, которые предположены в 1815 году. Говорили, что конституция кончена еще в 1824 году, что остается теперь преимущественно обратить внимание на войска, что главнейшая цель конституции — в уничтожении крестьян *) и улучшении солдатского состояния». Борисов 2-й и Иванов хотели, как можно скорее, созвать намеченное в Чернихове совещание, другие же члены, кроме того, требовали, чтобы переговоры с Южным обществом были как можно скорее открыты.

Тютчев и Громнитский передавали, что Муравьев хочет познакомиться со Славянами.

Действительно, 29 августа С. Муравьев-Апостол и Бестужев-Рюмин приезжали к Борисову 2-му и Горбачевскому в Лещин [62] и, не застав дома, оставили записку, в которой просили к себе. «Опасаясь потерять случай, благоприятный их желаниям, Славяне положили, не дожидаясь общего собрания всех членов, препоручить Борисову 2-му и Горбачевскому открыть сношения с Сергеем Муравьевым и Бестужевым, но отнюдь не приступать к решительным мерам, не об'явить им ничего и ни на что не соглашаться без общего согласия всех членов Славянского общества» [63]. На следующий же день, 30 августа, Тютчев и Громнитский, окончательно взявшие на себя роль посредников, заехали за Борисовым 2-м и Горбачевским и все вместе поехали к Муравьеву и Бестужеву. Вероятно, в числе трех свиданий с последними до слияния обществ Громнитский числил и это свидание. Сначала прибывшие не застали Муравьева дома, но, заехавши через два часа [64], застали. Хозяева обласкали гостей «как можно лучше». Муравьев, — вспоминает Горбачевский в своих «Записках», — принял их «с особенным радушием,

*) Т. е. в уничтожении крепостного состояния.

осыпал их ласками и лестными отзывами, которым едва могла противостоять врожденная недоверчивость Борисова. Бестужев-Рюмин, бывший при сем свидании, говорил много и в пылу разговора излил всю душу». «Говорили нам о необходимости реформы, о соединении Славян с Южным обществом и о том, что целью сего последнего общества есть введение Демократической Конституции в наше отечество». Славяне были чрезвычайно удивлены, что Муравьев и Бестужев уже все знают о Славянском обществе — нескромность Тютчева была очевидно. Южное открыто критиковали поставленную Славянами цель: «Ваша цель, — говорил Муравьев, — очень многосложна, а потому едва ли можно достигнуть ее когда-нибудь, к тому же надобно более думать о своих соотечественниках, нежели о иноземцах». Говорили многое против правительства, критиковали действия корпусного командира. Задели и один из вопросов будущих переговоров: «Между разговорами Муравьев сказал, что нельзя думать, дабы кто-либо из особ императорской фамилии согласился на требование народа, и приводил в пример Испанию» [65]. Как говорит Борисов 2-й, о цареубийстве еще не было речи, но до него после таких разговоров был только один шаг. Кратко было сообщено и о Польском обществе, с которым Южное имело связь. Но о всем, касающемся до последнего, говорилось туманно и неопределенно: Славяне чувствовали, что о них знают больше, чем им сообщают о себе. Окончательного согласия на соединение они не дали, да и не имели права дать. Узнав от своих уполномоченных о всем бывшем у Муравьева, Славяне «разделились в мнениях: некоторые из них чрезвычайно радовались этому случаю и предлагали, не медля нимало, соединиться с Южным обществом; другие, напротив того, вознегодовали на Тютчева и, «желая, чтобы Славянский Союз удержал свои формы, требовали его смерти, как примерного наказания за нескромность и нарушение правил Славянского общества, и тем пресечь все дальнейшие сношения с Муравьевым» [66]. Вероятно, последнего мнения держался Люблинский. Иванов поддерживал первоначальное мнение Борисова 2-го — или Южное общество присоединить к Славянам, или взять с Муравьева честное слово, «что существование Славянского Общества останется тайною для других членов Южного общества и уверить его, что все Славяне готовы принять участие в перевороте, когда он начнется, и будут поспешествовать оному всеми силами». Но кризис в Славянском обществе достаточно назрел, желание действовать было слишком кипуче, и мнение Борисова и его группы не получило большинства, вызвав сильный раздор. Решено было собрать всех Славян, пригласить Муравьева и Бестужева и совместно переговорить об основаниях слияния двух обществ.

Первое собрание было назначено на квартире Борисова 2-го и Пестова в местечке Лещине; по запискам Горбачевского, оно состоялось 3 или 4 сентября. За ним последовали несколько других собраний. Быстрое следование одного собрания за другим, совпадение вопросов, разбиравшихся на каждом, а также естественное желание подследственных декабристов как можно больше скрыть, сделало то, что происшествия различных собраний излагаются у них очень спутанно. Многие не различают, что было, например, на 2-м и 3-м собраниях, расходятся показания о числе собраний: Борисов 2-й показывает в одном месте, что у Андреевича было 2 собрания, в другом, что — четыре, а сам Андреевич говорит, что у него было лишь 2 собрания. На одном из собраний не было Бестужева-Рюмина, как раз на нем присутствовал Славянин Фурман, посетивший об'единительные собрания только этот единственный раз. Между тем некоторые члены, посетившие все собрания, путают, когда был Фурман, и указывают другое собрание. Все эти соображения заставляют взять за основу изложение записок Горбачевского, исправив явные неточности, им допущенные [67].

Еще до приезда Бестужева и Муравьева (ожидали обоих) на первое собрание Славяне, собравшиеся уже на квартире Борисова 2-го, сильно волновались, рассуждая о соединении обществ. Открытие Тютчева внезапно разрешило кризис: есть какое-то общество с определенными революционными целями, сильное, опирающееся на мощные части войск, с готовой конституцией. Это было как раз то, чего желали Славяне, мечтавшие о немедленном действии. Поэтому еще до приезда представителей Южного общества «мысль безусловного соединения уже начинала преобладать над умами Славян, которых желание действовать обращалось в непреодолимую страсть» [68].

В этом шумном собрании, ожидавшем Бестужева, находились все знакомые нам лица: Пестов, Борисов 2-й, Бечаснов, Фролов, Лисовский, Усовский, вероятно, и Громнитский. Но были и новые лица, недавно, во время лагерей принятые в Славянское общество. Бечаснов из них называет Андреевича 2-го и Киреева. Первый из них, Яков Максимович Андреевич — одна из самых ярких фигур среди Славян. «Из дворян Полтавской губернии, Переяславльского уезда, крестьян не имеет» — кратко гласит соответствующая рубрика формуляра. По формуляру же он несколько старше обычного для Славян возраста: ему 27 лет (по собственному же заявлению 24). Ко времени сбора сведений о состоянии семей декабристов родителей Андреевича, вероятно, не было в живых, по крайней мере сведений о них не добыли. Три родных брата были у Андреевича: один служил в Тверском драгунском полку, потом по

отставке определен был казначеем в ведомство комиссии Балтского комиссариатского депо в чине 8-го класса. Жил он только на жалованье, «содержа и воспитывая по мере возможности» семерых малолетних детей. Другие два брата — отставные майор Василий и поручик Клавдий — жили в деревне Яремках, Полтавской губернии, Переяславльского уезда. «Ни крестьян, ни капитала нет», — лаконично сообщают сводки сведений от цесаревича. «Живут против званий своих, из них первый несостоятельно, а последний бедно», — говорится в сведениях [69]. Нам известен еще один брат Андреевича 2-го — Андреевич 1-й, Гордей Максимович, подпоручик 8-й артиллерийской бригады. Следствие заподозрило и его в причастности к тайному обществу [70], так как в некоторых показаниях он считается Славянином, но в конце концов нашло непричастным к делу. Яков Максимович воспитывался во 2-м кадетском корпусе, из которого был выпущен в 15-ю артиллерийскую бригаду, прилежал наиболее к артиллерии, гражданской архитектуре, реторике, рисованию и механике. Начальство оценило его способности по части рисования и черчения и давало соответственные поручения. «Начальное же основание российской грамоте взял от братьев». Гордый, решительный, пылкий, Андреевич 2-й был беззаветно предан революционному делу, не задумываясь жертвовал для него всем. Из всех декабристов — и северян и южан — он один из самых стойких на допросах Только пытка сломила его. «С которого времени и откуда заимствовали первые вольнодумческие и либеральные мысли?», — вопрошал его комитет, и в ответе Андреевича 2-го чувствуются деятельный критический ум и развитая способность самонаблюдения: «Сии мысли, кои привели меня к сему неизвестному положению, точно возродились во мне при выпуске из корпуса, когда увидел себя совершенно только в своих распоряжениях. Но они были невинны и никаких планов и намерений незрелое мое воображение не подавало. Я любил вольность так, как и всякое творческое создание, но, будучи в роте, обращаясь с товарищами, [планы и намерения] и возникали. Слыхал нередко от них, что вольность превозносили, завидуя тем, кои оною наслаждаются. Читая книги и разные стихи, в коих все преимущество относительно жизни человека отдается одной свободе, виды разных наказаний, горестное положение несчастных, заключенных в темницах, и другие тому подобные страдания людей, — все мне говорило, сколь драгоценна должна быть для человека свобода».

«Находясь всегда под кровом угрюмого рока, редко наслаждаясь веселостями, в мрачные часы жизни своей посещая уединенные места, где, предаваясь совершенно одним только размышлениям о жизни чело-

века, представляя своему воображению все бедствие оного, напрягая рассудок к исследованию причин, гнетущих его народ, я восклицал к небу, что вольность, сей священный дар неба — одно благо на земле для человека. К чему ни обращал печальный взор свой в природе, все, повинуясь богу всемогущему, его закону, волею его священною зыблется и существует. Бывая же раз в таковых размышлениях — мечтая наедине о вольности и раздражнив чувства свои, я избирал разные роды для себя, коим бы мог сделаться полезным своему отечеству. Я начинал изыскивать средства выдти из бедного и незначущего своего положения и, наконец, по примеру римлян и афинян, кои любовью к своему отечеству возлагали на себя венцы славы, — принеся отечеству своему пользу, имя свое сделать бессмертным. Но, имея очень малые понятия к таковым предприятиям, я всегда терялся в размышлениях.

«Переводы из одной роты в другую, разные командировки и вообще всякая значительная перемена места давали мне случай знакомиться и разговаривать с людьми разных чувств и мыслей, из коих я составлял себе понятия о преимуществах свободы и, как могу припомнить, то со времени квартирования на Волыни я и более воспламенял чувства свои вольностью. Но все оную одною мечтою только славил.

«Когда же корпус наш собрался под местечком Лещиным, то товарищи мои, вероятно, видя мои чувства, приготовив меня не только к размышлениям о вольности, мало-по-малу открыли Славянское Общество и приносимую оным отечеству пользу. И с сего времени те чувства, кои я питал в душе своей невинно, с бо́льшей горячностью возрастали. Наконец, знакомство с Бестужевым, потом с Муравьевым и другими, кои все дышали свободой, их разговоры о разных разительных примерах тех людей, кои себя отличили такими мыслями и делами, равно рассказы разных примеров несчастных, кои приписывали [несчастия] нонешнему роду правления, и их обещания воспламенили во мне чувства о свободе до того, что я решился действовать между моими подчиненными в пользу Общества Южного».

В этой исповеди легко узнать пламенного романтика, которых так много было среди бунтарей александровской армии. К Муравьеву Андреевич был привязан с чисто романтическим преклонением, сам писал стихи, был общителен, любил друзей и гостей, несмотря на острый недостаток средств: «да не принимай к себе на квартиру никого... когда ты жалуешься, что тебе дорого себя содержать», — сердился на него в письме брат Гордей. В Славянское общество он был приглашен Борисовым 2-м и Бечасновым.

Умный и рассудительный Иван Васильевич Киреев, прапорщик 4-й батарейной парочной роты, до конца оставшийся верным революционному делу, был принят Борисовым 2-м, собственно говоря, до лагерей, близ Житомира. «Из дворян Тульской губернии, крестьян не имеет», — говорит его формуляр. У родителей — большая семья в 9 человек детей, дочь Авдотья, немного младше Ивана, была слабоумной от рождения. «Начальные образования мои, т.-е. русской грамоте и несколько французскому и немецкому языкам, я получил у моих родителей. В первом предмете от одного студента из Семинарии, которого имя не упомню, а последним от учителя по фамилии Облингера». В 1815 году лейтенант Дорохов оказал протекцию, и мальчика вместе с братом удалось определить во 2-й кадетский корпус. С редкой смелостью и прямотой отвечает Киреев на вопрос, почему вступил он в Славянское общество: причины эти «были не что иное, как желание к перемене образа правления на республиканский. Ропот людей разного состояния на тягость податей, жалобы состояния поселян, угнетенных беспрестанною работою, и невозможность (в которой видел их) облегчить свою участь, наконец негодование между военными на строгость дисциплины и худые примеры, слышанные мною с людьми, известными по своим заслугам и достоинству, были первым побуждением к мысли о перемене существующего образа правления».

С. Муравьев и М. Бестужев-Рюмин, очевидно, с первых шагов знакомства со Славянами, стали заботиться о том, чтобы забрать их в руки. С этой целью они привлекли к Славянскому обществу, хотя в сущности не имели на то права, майора Пензенского полка Михаила Матвеевича Спиридова. По типу своему этот человек более подходил к Южному обществу и, вероятно, Муравьев и Бестужев надеялись на то, что этот знатный по происхождению дворянин, родственник князьям Щербатовым, будет проводником их замыслов в скромной среде Соединенных Славян. Но надежды их не оправдались, и Спиридов стал вести себя самостоятельно, противореча руководителям Васильковской управы. Отец его, сенатор и действительный тайный советник в отставке, имел, как после оказалось, несколько имений в разных губерниях, — за ним числилось до 800 душ крестьян [71]. О родственниках Спиридова в сведениях, собранных после суда, читаем редкое для Славян замечание: «домашние обстоятельства их в хорошем положении». Сам Спиридов, горько каявшийся в своих революционных преступлениях, все время поминал заслуги своего старого дворянского рода перед государем и отечеством. Он сам имел многие ордена и был участником заграничных походов. В письме государю, написанному в пер-

вые дни следствия, Спиридов подробно рассказывает историю своего знакомства с Южанами. 30 августа, когда был молебен и парад по случаю «Тезоименитства блаженной памяти государя императора Александра Павловича», Бестужев познакомился со Спиридовым и хотел его тут же познакомить с С. И. Муравьевым, что «однако, по скорому окончанию божественной литургии и молебна» не успелось. Эта попытка, следовательно, была до знакомства с Борисовым и Горбачевским. Он был приглашен на следующий день, приехал к ним в балаган опять-таки вместе с Тютчевым. Бестужева не было дома, разговор был с Муравьевым «о различных государственных предметах». Спиридов стал жаловаться на злоупотребления в законах, угнетение крестьян, несправедливость начальников по отношению к низшему офицерству и солдатам. Он развил целый план государственного устройства, с освобождением крестьян в основе. Он был очень образованным человеком, автором ряда философских и политических произведений и переводчиком таких же с иностранных языков. Муравьев воспользовался случаем, открыл ему о существовании тайного общества и на следующий день прислал к нему Бестужева с «Государственным заветом». Заметив, что в проекте нет монарха, Спиридов спросил, где же он. «Можно отделаться», — отвечал тот. Это якобы вызвало протест Спиридова. На первом собрании Славян с Бестужевым на квартире Борисова 2-го его не было, и приехал он на второе во Млинищи к Андреевичу. Он пришел на него с готовыми критическими замечаниями на южную конституцию, которые читал до собрания Тютчеву, Громнитскому и Лисовскому.

На следующих собраниях появятся еще новые члены Славянского общества: Бечаснов говорит, что на первом собрании присутствующих «находилось менее, нежели сколько на последующих». Блестящий офицер, сохранивший былое гвардейское обличье (бывший семеновец), свободно говоривший и думавший по-французски, представитель старинного и богатого дворянского рода, Бестужев-Рюмин приехал на собрание вместе с Тютчевым и об'явил, что будет вести переговоры один, так как С. Муравьева-Апостола задержали важные дела. Бестужев имел агитаторские способности, чувствовал их в себе, любил говорить. Повидимому, к сообщению о Южном обществе он сделал удачное введение, широкими штрихами очертил бесправие и угнетение армии, тяжкое положение солдата и офицера, угнетенного начальством, на которое нельзя жаловаться, напомнил о крайнем бесправии крестьян, о недостатках системы правления, о «несправедливости высших властей и прочее, чего всего не припомню», говорит Веденяпин 1-й. Потом — и это было вполне логично — Бестужев заговорил «о необходимости у нас в России пере-

мены правления». О Южном обществе он сказал немного, но описал его в таких блестящих красках, что у бедных Славян, мечтавших о реорганизации своего общества, вероятно, захватило дыхание. «Довольно уже страдали, — говорил Бестужев, — стыдно терпеть угнетение... Все благородно мыслящие люди решили свергнуть с себя иго, все унижены и презрены слишком, а в особенности офицеры. Благородство должно одушевлять каждого к исполнению великого предприятия — освобождения несчастного своего отечества... Слава для избавителей в позднейшем потомстве — вечная благодарность отечества»... [72].

Была об'явлена цель Южного общества — введение конституции. Каково было удивление Славян, все письменное творчество которых свелось к небольшим текстам клятвы и правил, когда они узнали, что конституция у южан готова якобы с 1815 года [73], обдумана и настолько совершенна, что она одна будет причиною легкости и безболезненности переворота: «что всего лучше, то это то,— вспоминает слова Бестужева Веденяпин 1-й, — что у нас это будет без всякого шума, для того, что к этому все совершенно готово и только нужно одного мановения». Конституцию эту, прекрасно обдуманную, князь С. Трубецкой, по словам Бестужева, возил на одобрение к известнейшим французским публицистам и получил его. В спорах и толках, пошедших по лагерю после первого собрания, эта деталь особо охотно комментировалась. Фролов, якобы повторяя слова Иванова, даже после лагерей думал, что никакого наказания за их тайную деятельность не может быть, ибо «конституции были во французском, аглицком (и еще в каких-то, которых не припомню) дворах, которые рассматривали и обещали сделать вспомоществование», а подполковник Берстель, разузнавший о совещании у Борисова 2-го, понял, что «ездил собирать лучшие законы в чужие земли начальник штаба 4-го пехотного корпуса князь Трубецкой, кои уже рассмотрены, направлены и приноровлены к нашим нравам» [74]. Копию с этой замечательной конституции Бестужев обещал дать Славянам.

В душевном состоянии Славян, слушавших Бестужева, боролись два настроения: невольное удивление и восхищение перед образом действий могущественного Южного общества и скептицизм обезземеленного дворянина, привыкшего не ждать помощи от богатого собрата, а полагаться на самого себя. Кто-то из присутствовавших усумнился [75], точно ли революция пройдет так гладко, без кровопролития и насилий. Уж очень все гладко выходило по Бестужеву — едва ли одобренная западными публицистами конституция будет понятна «черни». По причине «необразованности» последней могут быть кровопролития [76]. При-

чина, как мы видим, очень жизненная и правильно отмеченная каким-то практиком-Славянином. Бестужев с некоторой насмешливостью отвечал, что «это пустой страх, что уже очень давно все обдумано, *одним словом, это только неизвестно здесь*»... *). Он перечислил силы Южного общества, и это не могло не поразить Славян. Оказывалось, что готова вся их армия, и имена членов южан, среди которых пестрели полковники и подполковники, говорили за это: полковник гвардии князь Трубецкой, полковники Пестель, Тизенгаузен, Повало-Швейковский, Артамон Муравьев — последний командир Ахтырского гусарского полка, Фролов 4-й — командир артиллерийской бригады, капитан Пыхачев—командир 5-й конно-артиллерийской роты [77]. Да кроме «всей армии», оказывается, «в Москве около 300 чиновников находятся определившимися на своих местах, и по первому знаку все примет свой вид. На счет же кровопролития, я вам божусь, что тут не будет ни единой капли». Тот же передатчик бестужевской речи Веденяпин 1-й продолжает, что Бестужев «после из'яснялся, что мы имеем в виду две революции — одну французскую, которая началась чернью, и потому произошли все ужасные безначалия, а другую испанскую, которая началась хотя довольно обдуманно, но она оставила власть королю». Сравнение двух революций было любимейшей мыслью Муравьева-Апостола, от которого и позаимствовал ее Бестужев. Как мы видим, в головах Славян шевелилось несколько иное мнение о «черни» и о ее роли в революции. Неясное сообщение Бестужева о верховной думе, управлявшей Южным обществом, и отказ его открыть ее личный состав и местопребывание особенно задел Славян. «Сомнение вкралось в сердца многих», — пишет Горбачевский [78]. Вспомним к этому, что Бестужев уже все знал о Славянах. Все рассказанное Бестужевым далеко не соответствовало действительности: конституция («Русская Правда» Пестеля) еще не была готова, никто ее за границу на одобрение не возил, и количество приверженцев Южного общества было сравнительно ничтожно. Не ответив на все вопросы, Бестужев сделал замечание, что не все слушали внимательно, отговорился важными делами, неизвестно какими, и уехал, назначив следующее собрание. На крыльце выходящий Бестужев встретил прапорщика Саратовского пехотного полка Шимкова. Это был новый член Общества Соединенных Славян, приглашенный только что Тютчевым и Громнитским. Тютчев представил его Бестужеву. После от'езда было много оживленных толков и разговоров. Шимкова и Фролова Славяне упрекали за опоздание на собрание.

---

*) Курсив мой. *М. Н.*

И. Ф. Шимкову было 23 года, происходил он из дворян Полтавской губернии и уезда, очевидно довольно состоятельных, так как в 1827 году отец его жил в своем имении, состоящем из 413 душ крестьян, которые числились за ним и за женою. Семья была большая — пять сыновей, две дочери [79]. Любопытно образование Шимкова — он воспитывался в Харьковском университете, где «во второй год учения, — говорит он, — избрано мною отделение словесное». В 1820 году (по формуляру) он был зачислен подпрапорщиком в Алексопольский пехотный полк. Шимков, повидимому, после заседания рекомендовал пригласить подпоручика Саратовского пехотного полка Николая Ивановича Мозгалевского. Недалекий малый, напуганный следствием, Мозгалевский так до конца и не понял ни цели тайного общества ни серьезности дела. Этот дворянин Черниговской губернии воспитывался в Нежинском народном училище. После суда стало известно, что мать его, вдова и «колежская регистраторша», не имеет никакого имения (при семье в 8 человек детей) и живет «в доме зятя своего Каблукова на всем его содержании» [80]. Но, правда, в числе немногих революционных заслуг Мозгалевского стоит приглашение в члены общества юнкера Саратовского полка Викентия Ивановича Шеколлы, 23 лет [81]. Родом последний был из дворян Киевской губернии, крестьян не имел.

Во время Лещинского лагеря к Славянскому обществу присоединились еще два черниговских офицера: поручик Иван Иванович Сухинов и Михаил Александрович Щепилла. Вместе с товарищами по полку, тоже членами Славянского общества, Анастасием Дмитриевичем Кузминым и Вениамином Николаевичем Соловьевым, они вынесли на своих плечах восстание Черниговского полка, и некоторые из них смертью запечатлели преданность революции. О них, к сожалению, известно чрезвычайно мало: личные дела их до нас не дошли [82]. Наиболее выделяется из них И. И. Сухинов. Не совсем ясно, какого происхождения он был. Начальство часто упоминает, что он происходил «из свободного состояния» Херсонской губернии, родом из села Краснокаменки. Отец его — коллежский регистратор не у дел — занимался хлебопашеством и имел большую семью. По образу жизни и роду занятий он был в сущности крестьянин, в 1826 году «жительствовал» на собственной земле, «смежной почти с последней избой Стародубовского кирасирского полка военного селения Краснокаменки». Прежде он служил столоначальником земского суда в городе Крылове и Нижнем, потом в Александрийском — коллежским регистратором, наконец каменским волостным головою. «Образ жизни и обращение его семейства — обык-

новенное, простое и свойственное мало или, лучше сказать, вовсе необразованному человеку», — разузнал чиновник херсонского губернского правления Савоини, посланный разыскивать Сухинова, бежавшего при восстании Черниговского полка. Семья Ивана Трофимовича Сухинова была велика, и детям пришлось думать о собственном пропитании. Трудно представить себе, что делал отец со своими 112 десятинами земли при наличии 4 крепостных, половина которых ему досталась лишь в 1818 году от тетки. Занятие его состояло «в хлебопашестве и солепромышленности». В 1809 году декабрист Сухинов поступил в Лубенский гусарский полк рядовым «по вербунку», в 1815 году он произведен в «инвалид». Последнее, вероятно, произошло ввиду ранений Сухинова, полученных во время сражений. Затем он был переведен в Изюмский гусарский полк, а «оттоль в Черниговский пехотный». В 1817 году Сухинов доказал дворянство, — был «на праве оного» произведен в офицеры. Он представляет собою еще один пример лица, доказывающего дворянство. Последнее было очень сомнительным. Троюродный брат его отца, Михаил Сухинов, подавал прошение в Екатеринославскую комиссию о разборе дворянства о подтверждении его дворянского достоинства; к прошению приложен был ряд бумаг, доказывавших, что предки его от королей польских за храбрость награждены шляхетским достоинством с гербом. Екатеринославская комиссия удовлетворила ходатайство, но Герольдия «доказательства оного Сухинова на дворянское достоинство нашла недостаточными и определение Екатеринославского депутатского собрания признала недействительным» [83]. Сослуживец по полку, поручик Кузмин, сам недавно принятый в Славянское общество, привлек к нему Сухинова.

Осторожность заставила Славян переменить место собрания, и второе состоялось уже не в Лещине, а во Млинищах, на квартире поручика Андреевича. Собрания были очень шумны и могли привлечь внимание начальства. Квартиру эту выбрали как «выгоднейшую для произведения разных об'яснений, каковые редко обходились без споров. Но, как моя квартира была на берегу реки с самого краю, то и самые горячие доказательства спорящих не могли быть слышны»,—показывает Андреевич 2-й. Второе совещание Славян, судя по запискам Горбачевского, состоялось спустя два-три дня после первого. Бестужев сдержал свое слово и утром на следующий день после первого собрания дал Славянам через Пестова изложение основных положений «Русской Правды» Пестеля под названием «Конституция Государственный Завет». Бестужев написал его под диктовку Пестеля; последний называет «Государственный Завет» извлечением из «Русской Правды».

Наконец-то в руках Славян оказалась долгожданная конституция. Поэтому ко второму собранию Славяне шли с некоторой подготовкой. Списывая «Конституцию», они сидели ночами. В их-то делах и сохранился единственный дошедший до нас экземпляр этой работы Пестеля (в деле № 445, Шимкова). Возможно, что «Государственный Завет» и удовлетворил их своей республиканской сутью, но все же они не имели возможности подробно его разобрать и обсудить: Бестужев-Рюмин им в этом отказал. Усвоили-то они его хорошо, несмотря на то, что имели для этого мало времени: в их показаниях встречаются подробнейшие изложения этой политической схемы, например, в деле Борисова 2-го, подполковника Берстеля. В тот же день вечером Горбачевский и Борисов 2-й виделись с Муравьевым, «который, подтверждая все сказанное Бестужевым, просил их снова собраться и кончить скорее дело соединением двух обществ» [84].

Второе собрание было более многочисленно. Бестужев вновь приехал вместе с Тютчевым. Из новых членов, неизвестных еще нам, на этом собрании, по показанию Борисова 2-го, были два члена: Николай Ильич Тихонов, подпоручик артиллерийской бригады, приглашенный Пестовым, и подпоручик той же бригады Шультен [85]. Черниговские офицеры не были, их задержали служебные дела [86]. Тихонов и Шультен быстро отстали от общего дела и не сыграли значительной роли На этом собрании Бестужев читал выдержки из «Государственного Завета», но толковал их мало, обещая «раз'яснить в другой раз». Диктаторская роль Бестужева по отношению к Славянам, несколько пренебрежительное отношение к ним, имевшее предпосылкой взгляд на них как на орудие революции, пушечное мясо,—особенно сказались при обсуждении вопроса о конституции. Он заявил, что рассматривать конституцию на собраниях Славян было бы «совершенно лишнее», ибо «из сего могут произойти споры и несогласия и потеря времени, что оная (т.-е. конституция) уже одобрена великими умами» [87]. К тому же Бестужев сделал замечание, что его не слушают, курят трубки, смеются, занимаются посторонними разговорами, а потому и просил быть другой раз внимательнее [88]. Требование оказать неограниченное доверие верховной думе без всяких рассуждений вызвало ропот Славян. «Нам нужны доказательства, мы требуем полного об'яснения», — кричали некоторые из них [89]. В числе спрашивавших о верховной думе был и новый член, впервые присутствовавший на собрании, майор Спиридов, о котором говорилось выше. Некоторые офицеры во главе с Бестужевым противились расспросам: «зачем такое любопытство? должно поставлять себе счастием быть в таковом общеполезном важном деле».

Но требования протестующих взяли верх. Бестужев вынул лист бумаги и начертил схему Южного общества: посредине круг — верховную думу, от нее радиусы — посредники, и в конце каждого маленькие кружки — округа. Славянам предложено было составить такой отдельный округ с выбранным посредником. Были названы им многие члены Южного общества, имена многих генералов, штаб- и обер-офицеров разных корпусов, дивизий и полков. «Все сии благородные люди, — сказал он в заключение, — забывая почести и блаженства, поклялись освободить Россию от постыдного рабства и готовы умереть за благо своего отечества» [90]. Сказал он также и о Польском обществе, которое вступило в сношение с Южным, при чем посредниками с польской стороны являются князь Яблоновский и граф Мошинский, а со стороны южан — Сергей Муравьев и он, Бестужев. Упомянул и о следах какого-то тайного общества в Литовском корпусе, розыски которого поручены полковнику Повало-Швейковскому.

Эта откровенность «обворожила Славян» [91]. Доказательства силы Южного общества были налицо. Группа протестующих была немногочисленна — в ней был и Борисов 2-й. Он до конца отстаивал первоначальную цель своего общества— освобождение всех славянских племен и об'единение их в федеративный союз. «Тем более, — говорил он, — подчинив себя безусловно верховной думе Южного общества, будем ли мы в состоянии исполнить в точности принятые нами обязанности? Наша подчиненность не подвергнет ли нас произволу сей таинственной думы, которая, может быть, высокую цель Славянского Союза найдет маловажною и, для настоящих выгод жертвуя будущими, запретит нам иметь сношение с другими иноплеменными народами» [92]. Прибавим, что Борисов 2-й хорошо знал отношение южан к славянской цели еще из разговоров в балагане Муравьева до первого собрания на квартире Борисова. Бестужев отвечал, что цель Южного общества — предпосылка для целей славянского, «что Россия, освобожденная от тиранства, будет открыто способствовать цели Славянского Союза». Энтузиазм Бестужева взял верх над оппозицией Борисова 2-го, и было положено немедленно соединиться с Южным обществом на основаниях, предлагавшихся Бестужевым. Посредник, которого должны были выбрать Славяне, обязан был сноситься только с Бестужевым или Муравьевым, и новых членов мог принимать только он или с его дозволения другие. Раз в год посреднику необходимо было отдавать отчет верховной думе о славянской управе. Особенно заботиться о привлечении новых членов не надо,—их и так достаточно, а если привлекать, то недовольных правительством и готовых на все.

Сторонник чисто военной революции, Бестужев был против приема гражданских чиновников, которые в его глазах «были не только бесполезны, но даже вредны» [93]. Поляков тоже было запрещено принимать и велено направлять их к графу Мошинскому, в Польское общество. Ясно, что организационные формы, в которые Бестужев пытался втиснуть Славянский Союз, противоречили по существу его широкому демократизму, пониманию блока с поляками и связи с разночинными массами. Бестужев сообщил, что начало действий назначено на осень 1826 года, когда будет общий царский смотр. К этому времени полагалось приготовить солдат. Последняя задача и была выделена Бестужевым как особое поручение Славянской управе — надо отдать должное чутью южан: Славяне эту задачу сумели выполнить. Уезжая, Бестужев просил к следующему заседанию приготовить списки членов и все бумаги, касающиеся Славянского Союза, а также наметить посредника. Необходимо отметить, что и после слияния обществ оппозиция Южному, возглавляемая Борисовым 2-м, все время действовала. Как увидим, в общество продолжали принимать поляков. Когда Люблинскому сообщили о постановлении заседаний, то он «ужасно» насмехался над новыми правилами, встал в резкую оппозицию Южному обществу и обратиться к графу Мошинскому для вступления в Польское общество не пожелал.

Совещание, назначенное Бестужевым, вновь состоялось на квартире Андреевича на другой день после второго. Обычно назначались они к вечеру, часам к 7—8, поближе к темноте, после окончания дневных занятий. Бестужев не явился. Послали нарочного узнать, в чем дело, но он встретился с посланным Бестужева, который запиской к Спиридову извещал собрание, что приехать не может, не об'ясняя причин. Решено было вести собрание без него. Борисов 2-й представил списки и бумаги по Славянскому обществу, отчет об его деятельности, проект нового его образования; после этого решено было приступить к избранию посредника, которым единогласно был избран Спиридов, пехотинец: артиллеристов было немного на том собрании по свидетельству Бечаснова. Избранному посреднику было поручено выработать правила, которыми впредь должны будут руководствоваться Славяне. Спиридов был сторонником принятия новых членов через посредника, «ибо прежде мог всякий член присоединять, из чего выходило [следующее]: набиралось [большое] количество молодых офицеров, которые, вовсе не зная ни цели, ни намерений, ни конституций, кем-то сочиненных, без рассуждений, по одному товариществу присоединялись» [94].

После третьего совещания Спиридов, избранный посредником, тотчас же явился к Муравьеву сообщить о том, что произошло в отсутствие Бестужева. Разговор выяснил, как различно настроены Спиридов и южане. Последние быстро почувствовали, что им нечего рассчитывать на Спиридова как на проводника их замыслов. Он сообщил свои сомнения относительно конституции, затем сообщил, что каждый день общество усиливается новыми членами; кроме прежних офицеров Черниговского полка, приобретено еще несколько новых в том же полку, в других полках обеих дивизий и артиллерии. Здесь и проявилось диктаторское отношение южан к Славянам. Муравьев был возмущен, что в тайное общество без его ведома вступают офицеры его же полка. Он стал «осуждать сию деятельность», говоря о излишности приема в члены тех людей, «коих, по его мнению, можно возбудить к восстанию, об'явив о том накануне дела» [95]. Спиридов резонно возразил, что Кузмин и Соловьев уже два года в Обществе Соединенных Славян, и невозможно ставить преграды их деятельности, основанной на правилах общества.«Эти правила,—сказал Муравьев (по передаче записок Горбачевского), — уничтожены соединением обществ; они могут быть пагубны нашему делу. План наших действий совсем иной: солдаты и офицеры должны быть приготовляемы, но не должны знать ничего; они будут орудиями и произведут переворот. Вы знаете, что за люди русские солдаты и офицеры?»...

Спиридов больше не спорил и «с прискорбным молчанием удалился» [96].

Вскоре назначен был общий смотр. Муравьев и Бестужев решили воочию показать строптивым Славянам силу Южного общества и пригласили скромных, застенчивых и «не разумевших» в большинстве по-французски офицеров на блестящее собрание представителей южан. Киреев, Горбачевский, Андреевич, Веденяпин 1-й, Борисов 2-й, Громнитский [97], а также Бечаснов [98] и Пестов [99], застали у Муравьева и Бестужева блестящее общество видных военных, перед которыми им пришлось бы стоять на вытяжку на каком-нибудь параде или при случайном разговоре. Горбачевский помнит, что тут были полковники Враницкий, Швейковский, Тизенгаузен; потом приехали командир Ахтырского полка Артамон Муравьев, капитан Пыхачев, подполковник Фролов [100]. «Господа, это—наши члены»,—рекомендовали Славян этой блестящей компании Муравьев и Бестужев. «Муравьев старался дружескими разговорами сгладить разницу в летах и чинах и внушить им взаимную доверенность» [101]. Говорилось главным образом о злоупотреблениях правительства, о необходимости переворота, о силе общества

«благонамеренных» (так называли южане свое общество). «Артамон Муравьев произносил беспрестанно страшные клятвы купить свободу своею кровью [102]. Славяне видели в нем не только решительного республиканца, но и ужасного террориста» [103]. Но блестящее общество не ослепило Славян. Веденяпин 1-й, «одаренный проницательным умом и никогда не доверявший словам, особенно в столь важных случаях, заметил некоторым из своих сотоварищей, что не должно полагаться на слова сих господ; что их поведение совершенно несогласно с тем, что они говорят; что, по его мнению, каждый член, какого бы он звания ни был, необходимо должен представить доказательства преданности священному делу не на словах, но на самых действиях, что, сколько ему известно, полковые командиры, состоящие в обществе, не только не действуют на солдат, но даже не стараются принимать в обществе достойных офицеров своих полков, и что без сего никогда нельзя ожидать успеха». Горбачевский передает даже, что Веденяпин это открыто сказал тут же Бестужеву с Муравьевым, и произошла маленькая «склока». Те отвечали, что верховная дума принимает людей достойных, в благородстве чьих душ сомневаться нельзя. Веденяпин усумнился в решающем значении благородства чувств, но никто его не поддержал, разговор обратился на общие предметы, «и снова начались восклицания» [104]. Нечего сомневаться, что, например, Борисов 2-й и Пестов думали так же, как Веденяпин. При разговоре произошел любопытный инцидент: «Швейковский начал говорить о смерти генерала Лисаневича, что якобы на него были сердиты прежде грузинцы и что генерал, приехавши, призвал к себе их старшин по какому-то делу и что из них один тут заколол генерала, который успел только добежать до окошка и дать знать, что его ранили смертельно, и что сих разбойников всех русские тут изрубили. Когда сие он сказал, я, стоявши тогда в углу комнаты, не в дальнем расстоянии от полковника Враницкого, слышал, как он сказал Сергею Муравьеву, что тех ли называют разбойниками, которые сражаются и защищают свою вольность?».

Швейковский потом говорил против главнокомандующего 1-й армией и корпусного командира, Бестужев его поддерживал вместе с Муравьевым и Тизенгаузеном. Славяне больше молчали и слушали [105]. Горбачевский задал Муравьеву естественный вопрос: почему общество не начинает действовать немедленно, ведь корпус в сборе?

«Я и мои товарищи, — продолжал Горбачевский, — могут ручаться за себя и за своих подчиненных; вы сами сему свидетели. По вашим словам, бо́льшая часть полковых командиров разделяют наши

мысли и готовы на все; все остальные более или менее склонны последовать их примеру; 1-я батарейная и 2-я легкая роты 8-й бригады начнут первые, если...» [106].

«В это время Пыхачев, командир 5-й конной роты, схватил Горбачевского за руку и сказал с жаром:

«Нет, милостивый государь, я никому не позволю первому выстрелить за свободу моего отечества. Эта честь должна принадлежать 5-й конной роте. Я начну! Да, я!»...

«С. Муравьев бросился Пыхачеву на шею и оставил Горбачевского без ответа». Так и был замят важнейший вопрос восстания.

Тизенгаузен уехал раньше других. Вскоре за ним поднялись и Славяне. «Когда мы шли домой, то они прощались с нами, как будто с давно знакомыми друзьями, просили нас к себе, а особливо *) *Артамон Муравьев*» [107]. Бестужев-Рюмин проводил Борисова 2-го, Горбачевского и Бечаснова до дверей, имея затаенную цель поговорить о Спиридове как неудачно выбранном посреднике. Бестужев просил всех членов к ближайшему собранию обдумать этот вопрос; «причина же сему обдумыванию была та, что Бестужеву не нравилось, что Спиридов, *коему он не доверял* *) вероятно потому, что сей последний хотел-было делать свои замечания насчет бывшего у него «Государственного Завета» [108], попал в посредники. Бестужев решил назначить совещание для «поправления сей ошибки, дабы каким-нибудь образом Спиридова отдалить от сего поста, для сего-то самого и было назначено 3-е собрание»...

Спросив о посредниках, Бестужев прибавил в рассеянности: «Сделайте милость, не выбирайте Борисова 2-го»... Оговорка знаменательная. Его поправили, он извинился. Стал спрашивать, нельзя ли переменить избрание.

«Я убежден в невозможности, — отвечал Борисов 2-й, — избрание происходило в присутствии избранного; почти все голоса были в его пользу. Устранить его, значит нанести оскорбление не только ему, но и всем избирателям. Впрочем, если вы имеете на сие достаточную причину, об'ясните ее и при будущем совещании предложите новый выбор».

Бестужев был раздосадован. Бечаснов вывел всех из затруднительного положения, «предложив разделить Славянское общество на два округа таким образом, что артиллерия будет составлять одну управу, а пехота — другую, из которых каждая будет иметь своего посредника» [109]. Бестужев всецело разделил эту мысль.

---

*) Курсив мой. *М. Н.*

Следующее собрание Славян для окончательного решения вопроса о посреднике решено было устроить в селении Песках на квартире Веденяпиных, но Бестужеву по каким-то причинам оказалось удобнее собраться опять у Андреевича [110]. Поэтому за несколько часов до собрания было решено переменить место. Борисов 2-й и Горбачевский взялись предупредить близлежащие части, а Бестужев — черниговских офицеров. Члены собрались с опозданием, приехал Бестужев, но черниговцев еще не было. По предложению Бестужева собрание все же было открыто. Спиридов доложил выработанные им правила—о необходимости присоединять новых членов только через посредников, запрещении выходить в отставку или просить о переводе в другую часть и ответственности каждого члена за свое бездействие, за неосторожность в разговорах, упущение по делам общества, уклонение от совещаний. За значительную вину предлагалось немедленное наказание смертью. Огромное большинство членов во главе с Бестужевым оказалось против проекта Спиридова, повидимому, серьезного и обдуманного [111]. На его стороне оказались лишь Борисов 2-й, Горбачевский, Аполлон Веденяпин и Драгоманов. «Они доказывали, что заговорщики не могут быть свободны в своих действиях, что, принимая на себя священные, необходимые, вместе с тем ужасные обязанности, они более нежели кто-либо должны сами подчинить обществу личную свою свободу и соблюдать с точностью правила и постановления, служащие к достижению цели, к сохранению союза и к безопасности членов оного: безнаказанное нарушение каких бы то ни было обязательств неминуемо разрушает всякое сообщество, и совесть каждого не всегда может быть верным и надежным блюстителем принятых обязательств». Противники аппелировали к революционному порыву, личной честности и благородству. «Для приобретения свободы, — вскричал Бестужев, — не нужно никаких сект, никаких правил, никакого принуждения,—нужен один энтузиазм. Энтузиазм пигмея делает гигантом, он разрушает все, и он создает новое!» [112]. Спор длился долго. Голосование было не в пользу Спиридова. Вероятно, этим явным несогласием собрания с только что избранным посредником и воспользовался Бестужев, чтобы пересмотреть вопрос о посредничестве. Он предложил новое деление общества на две управы, что и было принято после некоторых споров. Он заметил при этом, что члены 9-й артиллерийской бригады будут сноситься с Южным обществом через Пестова, которому удобно взять на себя эту роль, так как он находится при корпусной квартире, а члены 9-й дивизии поступят в непосредственное ведение Муравьева. Противники Бестужева предлагали хотя бы отложить новое избрание посредников, но их предложение вновь было

отвергнуто. Новое избрание все же дало не совсем благоприятные для Бестужева результаты. Вновь избран был Спиридов 8-й пехотной дивизией, а со стороны артиллеристов выставлены были две кандидатуры — Борисова 2-го и Горбачевского. Первый отказался, второй был избран. Были намечены обязанности посредников: они должны были «сохранять порядок, последовательность и единство в действиях управы, наблюдать за поведением и поступками членов. Они одни имели право сноситься с верховною думою через С. Муравьева или Бестужева-Рюмина и представлять думе разные проекты и мнения членов, которые через них получили предписание думы относительно действий, восстания и пр. Равным образом для принятия кого-либо в члены общества необходимо было согласие посредника, который, впрочем, сам имел право принять в члены общества...» [113].

Члены общества должны были слепо повиноваться верховной думе.

Уладив так или иначе вопрос о связи, Бестужев произнес по этому поводу блестящую речь (он никогда не обходился без блестящих речей). «В своей речи он доказывал пользу соединения двух обществ, сильно говорил о необходимости переворота в России и красноречиво убеждал в несомненном успехе оного. По окончании чтения он об'явил собранию о полученных им от Борисова 2-го бумагах, которые он взял доставить верховной думе, восхищался намерением и целью Славянского общества, но постепенное стремление и отдаленность цели ему не нравились. Сделать народ участником переворота казалось ему весьма опасным [114]. Он развил тут любимую мысль Муравьева — сравнение будущей русской революции с революцией французской и испанской. Все дело в том, что у французов не было конституции, что пока они ее придумывали и меняли, «чернь» взбунтовалась, и все погибло. «Избежение Вандеи» было одним из важнейших стремлений в тактике Южного общества. «Наша революция, — говорил Бестужев, — будет подобна революции испанской. Она не будет стоить ни одной капли крови, ибо произведется одною армиею, без участия народа. Москва и Петербург с нетерпением ожидают восстания войск. Наша конституция утвердит навсегда свободу и блаженство народа. Будущего 1826 года в августе месяце император будет смотреть 3-й корпус, и в это время решится судьба деспотизма; тогда ненавистный тиран падет под нашими ударами. Мы поднимем знамя свободы и пойдем на Москву, провозглашая конституцию» [115].

Вероятно, Бестужев не ожидал возражений на свою блестящую речь, хотя и предложил членам «об'явить ему свои сомнения, ежели они

имеют оные о переводных мерах и цели: «Я буду стараться, — говорил он, — по возможности вывести вас из оных и пояснить вам то, что кажется для всех вас невразумительным». Взял слово представитель оппозиции Борисов 2-й [116].

«Какие меры приняты обществом для удержания временного правительства в пределах законности и для обуздания его властолюбия и честолюбивых видов, могущих быть весьма пагубными для новорожденной республики?».

Бестужев, возможно задетый в глубоко личных переживаниях, «с жаром возразил»:

«Как не стгдно вам о сем спрашивать, чтобы те, которые для получения свободы решились бы умертвить своего монарха, потерпели власть похитителей!».

Почти все присутствующие обратили на Борисова 2-го свои взоры «с изумлением, как будто бы мой вопрос показывал мое малодушие и глупость». Борисову 2-му стало досадно.

«Это хорошо сказано, — в гневе, сквозь зубы ответил он, — но победитель галлов и несчастного Помпея пал под ударами заговорщиков в присутствии всего Сената, а ребенок, 18-летний Октавий, сделался властелином города Рима».

Не получив ответа, он отошел в сторону. Стали задаваться вопросы, — как показалось раздраженному Борисову 2-му, — «весьма пустые»: например, «каким образом вести себя против командиров, прилежать ли к службе, согласятся ли помещики на уничтожение крестьян, не будет ли кровопролития». Бестужев, ничего не ответив Борисову 2-му, поспешил уехать домой, вместе с Пестовым, прося еще раз собраться для принесения клятвы. Славяне уже расходились. Борисов 2-й насмешливо спрашивал Горбачевского, Бечаснова и Киреева: «Вы обо всем спрашивали нашего иллюминатора, а не спросили, позволяют ли правила людей благонамеренных любить и жениться. Для нас это довольно важно» [117].

Внезапно стук дверей привлек внимание расходившихся членов. В комнату вошел поручик Черниговского полка Щепилла и взволнованно об'яснил, что он и его товарищи не были предупреждены о перемене места собрания, были в Песках у Аполлона Веденяпина, долго искали, и, случайно встретив Мозгана, узнали, что собрание у Андреевича. Щепилла был уверен, что Бестужев сделал это сознательно, и так думали все черниговцы: они знали, что он считал их слишком беспокойным элементом и хотел отдалить от общества. Горбачевский на следующий день поехал к Кузмину и Сухинову и, желая уладить конфликт, отпра-

вился с ними к Муравьеву. Вопрос был поставлен в упор: «почему он удаляет от совещаний черниговских офицеров и по какому праву он это делает?» [118].

Муравьев хладнокровно ответил, «что все, касающееся до Черниговского полка, принадлежит ему исключительно, и он не позволит никому другому вмешиваться в его распоряжения».

«Но каким образом, — возразил Горбачевский, — мы можем прекратить сношения с теми, которые уже около двух лет считаются нашими сочленами? Мне кажется, для сего нужно наше и их согласие?».

Ответ Муравьева был точно такой же, как и первый. Казалось, он не хотел дать никаких об'яснений и заставить из уважения к нему забыть оскорбление и кончить ссору. Но он обманулся: его настойчивость и хладнокровие привели Кузмина в бешенство.

«Черниговский полк, — вскричал он, вне себя от ярости, — не ваш и не вам принадлежит. Я завтра взбунтую не только полк, но и целую дивизию. Не думайте же, господин подполковник, что я и мои товарищи пришли просить у вас позволения быть патриотами».

С этими словами он повернулся и вышел вон. Бестужев подошел к раз'яренному Сухинову, желая как-нибудь замять ссору, однако его слова не произвели никакого действия. Сухинов, не слушая их, сказал ему в сильном гневе:

«Если он когда-нибудь вздумает располагать мною и моими товарищами, удалять нас от тех, с которыми мы хотим быть в связи, и сближать с теми, которых мы не хотим знать, то клянусь всем для меня священным, что мы найдем дорогу в Москву и в Петербург. Нам не нужны такие путеводители, как ты и...» — тут он взглянул на Муравьева.

Муравьев всячески старался добиться примирения, наговорил много лестных вещей о революционном жаре и патриотизме Славян и, наконец, помирился. Но эта ссора лишь резче подчеркнула тот глубокий разлад, который все более разрастался между Славянами и их новыми руководителями.

Последнее, 5-е собрание Славян было назначено на 13-е сентября [119] там же, у Андреевича. Оно особо запечатлелось в памяти всех членов: было наиболее многочисленным и оживленным. Но наметившийся раскол не был сглажен и здесь: многие Славяне были мрачны и жалели об уничтожении их общества.

Когда появился Бестужев, общее настроение повысилось. Повидимому, на этом собрании он был в особом ударе. Здесь он произнес

свою знаменитую речь, которую задолго тщательно приготовил и читал Артамону Муравьеву. Эта речь запомнилась многим Славянам и вызвала их энтузиазм. «Век славы военной, — говорил Бестужев, — кончился с Наполеоном. Теперь настало освобождение народов от угнетающего их рабства. Неужели русские, ознаменовав себя столь блистательными подвигами в войне, истинно отечественной, русские, исторгшие Европу из-под ига Наполеона, не свергнут собственного ярма и не отличат себя благородной ревностью, когда дело пойдет о спасении отечества, счастливое преобразование коего зависит от любви нашей к свободе? Взгляните на народ, как он угнетен! Торговля упала. Промышленности почти нет. Бедность до того доходит, что нечем платить не только подати, но даже недоимки. Войско все ропщет. При сих обстоятельствах нетрудно было нашему обществу распространиться и придти в состояние грозное и могущественное. Почти все люди с просвещением или к оному принадлежат, или цель его одобряют. Многие из тех, коих правительство считает вернейшим оплотом самовластия — сего источника всех зол — уже давно ревностно нам содействуют. Самая осторожность ныне заставляет вступить в общество, ибо все люди благородно мыслящие ненавистны правительству: они подозреваемы и находятся в беспрестанной опасности. Общество по своей многочисленности и могуществу — важнейшее для них убежище. Скоро оно восприемлет свои действия, освободит Россию и, может быть, целую Европу. Порывы всех народов удерживает русская армия. Коль скоро она провозгласит свободу, все народы восторжествуют. Великое дело совершится, и нас провозгласят героями века».

Память Андреевича 2-го сохранила многие детали этой речи, не воспроизведенные Бестужевым: он говорил опять о цели общества, «которая состояла в освобождении целого отечественного народа от ига, его угнетающего, и во введении в России конституции. Сказал притом, что их общество очень обширно, и в приобретении членов нет никакой нужды, и что от нас ничего не требуется, как только действие на солдат». Надо было показывать и об'яснять солдатам «несправедливость нынешнего правительства, выставляя на вид пользу от перемены оного, вселять в них любовь к отечеству и открывать, сколь важен пост солдата, что он значит и для чего именно служит, что согласием и решимостью своею они могут облегчить свое состояние и своих соотечественников, приводя в пример, что и сами решаемся приносить жизнь свою в жертву для освобождения себя, а более—вас [солдат] от рабства, которое вас до такой степени угнетает, и лишило вас возможности пользоваться настояще всеми дарами природы». Бестужев говорил,

«приводя в пример слова священного писания, сколь их намерение благо, говоря притом, сколько человек каждый должен любить ближнего и стараться делать ему добро, и что человек, поступающий по сим правилам, исполняет закон божий. Тот же, который делает противно человеколюбию, есть не человек, а враг, и истреблять его — значит истреблять самое зло, увидев пользу для сограждан моего отечества, желая облегчить их участь» [120].

Бестужев после этой речи снял образок, висевший у него на шее, произнес клятву быть верным обществу и взяться за оружие при первом знаке. Некоторые протестовали против клятвы на образе, но она, в конце концов, всеми была принесена [121]. Горбачевский в записках говорит, что «невозможно изобразить сей торжественной и трогательной сцены. Воспламененное воображение, поток бурных неукротимых страстей производили беспрестанные восклицания. Чистосердечные, торжественные, страстные клятвы смешивались с криками: «Да здравствует конституция! Да здравствует народ! Да погибнет различие сословий! Да погибнет дворянство вместе с царским саном!..». Образ переходил из рук в руки. Славяне с жаром целовали его, обнимали друг друга, с горящими на глазах слезами радовались, как дети...». Андреевич 2-й, вспоминая эту минуту, тоже описывает ее в восторженных выражениях: «В знак согласия целовал крест и об'явил свою готовность на все, что оное общество ни потребует для блага народа, решился мстить тому, кто есть причиною тиранства, слез, притеснений для моих соотечественников, решился и действовал сообразно постановлениям Бестужева... Каждый чувствовал справедливость сих убеждений и, соображая с собственными своими обстоятельствами, соглашался жертвовать своею жизнью, клялись мстить своему мучителю, кто бы он ни был, хотя бы даже в царствующей особе заключалась причина их угнетения». Вероятно, во время этого всеобщего волнения Бестужев подробнее развил свою мысль о цареубийстве, но слышали ее немногие члены. Лисовский передает, что он говорил о необходимости лишить жизни императора именно потому, что есть солдаты, ему преданные, во время революции они могут оказать сопротивление действию: «он может солдатам сказать слово, и вы же все запоете в цепях». Проект высылки царя с семьей за границу не встречал сочувствия Бестужева: «если же устранить его и выслать за границу с целой фамилией, он наберет партию, и республика может поколебаться», — с некоторой наивностью передает Лисовский. Во время всеобщего ликования Бестужев, вероятно, высказал свою затаенную мысль, напомнив, что не только благо народа будет достигнуто, а личные почести и награды

посыплются на победивших революционеров. Говорил он это «со слезами в глазах и, указывая на свои подпоручьи погоны, повторял, что «не в таких будем, а в генеральских»... Славяне возмутились, найдя это замечание неуместным. «Не для наград, не для приобретения почестей хотим освободить Россию... Сражаться до последней капли крови — вот наша награда», — раздались «неистовые» крики. Инцидент был замят.

Этим совещанием завершилось слияние обществ. Но Бестужев еще не довел до конца своего замысла: ему нужно было набрать группу лиц, готовых на цареубийство, по терминологии Южного общества, — «заговорщиков». Для набора этой «garde perdue» он просил заехать к нему избранных посредников Спиридова, Горбачевского и Пестова якобы для получения последних наставлений.

По запискам Горбачевского, это свидание состоялось 15 сентября. Разговор сначала вертелся около основных вопросов об'единения, способов принятия в члены и т. п. Муравьев и Горбачевский заговорили о подготовке к восстанию нижних чинов. Горбачевский настаивал на проведении единой линии в этом вопросе и излагал принятый Славянами план. Основное в нем, как мы увидим в следующей главе, заключалось в открытии солдатам цели революционных действий, во введении их в курс дел тайного общества. Муравьев думал иначе: ему казалось не только бесполезным, но даже опасным открывать солдатам что-либо клонящееся к цели общества, что они отнюдь не в состоянии понять выгод переворота, что республиканское правление, равенство сословий и избирание чиновников будут для них загадкою сфинкса. Горбачевский возражал, что этих политических тонкостей не нужно им толковать и рассказывать, но что *«на это есть другой язык, который они поймут, лишь бы только соображались с их понятиями»* [122]. Муравьев полагал, что на солдат лучше всего действовать религией, что надо прибегнуть к Библии, как к средству пропаганды. «Некоторые главы, — продолжал он, — содержат прямые запрещения от бога избирать царей и повиноваться им. Если русский солдат узнает сие повеление божие, то, не колеблясь нимало, согласится поднять оружие против своего государя».

«Я с вами не согласен, — отвечал Горбачевский. — Вы знаете, что терпимость составляет отличительную черту русского народа; вам не нужно говорить, что ни священники ни монахи не могут иметь влияние на русских, и что они пользуются весьма невыгодным для них мнением между нашими соотечественниками. Скажите, можно ли с русским говорить языком духовных особ, на которых он смотрит с весьма

худой стороны? Я думаю, что между нашими солдатами можно более найти вольнодумцев, нежели фанатиков, и легко может случиться, что здравый смысл заставит некоторых из них думать, что запрещение израильтянам избрать царя было не божие повеление, а обман и козни священников-левитов, желавших поддержать теократию».

Муравьев не соглашался, отвечая, что простой народ добр и не рассуждает. Заметим кстати, что в своих показаниях Горбачевский утверждал, что он как раз говорил обратное, — что антиправительственная проповедь противна богу и религии. Это подтверждали некоторые свидетели. Но версия записок более согласовывается со всем обликом Горбачевского, который даже в Сибири подвергался гонениям духовенства за богохульство и уклонение от исповеди и причастия [123]. Муравьев вскочил, вынул из какого-то ларчика бумагу и стал читать отрывки из священного писания, между прочим, из книги Сираха, о том, что государь не угодил богу. Это были подготовительные выписки к его «Катехизису». Горбачевский отказался действовать таким образом и был поддержан Спиридовым.

Наконец, Бестужев привел разговор к нужной для него теме. Спиридов собрался-было домой и сказал:

— Пора итти домой. Дайте нам последние наставления, которые вы хотели дать, бывши у Андреевича [124].

Бестужев ответил:

— Мне мало того, что нужно членов. Нужно таких людей, которые бы имели дух покуситься на жизнь государя.

Обернувшись к Пестову, он продолжал:

— Вы сами видали, как много членов, а ни одного нет, который бы мог покуситься на жизнь государя.

— Если вам угодно, — отвечал тот, — то двадцать таких найти можно.

Бестужев, услышав такой ответ, сейчас же взял карандаш и, «подскоча» к Спиридову, сказал:

— Заметьте на вашем списке, на кого вы думаете, а я посмотрю.

Спиридов, взяв карандаш, прежде всего отметил себя самого, а потом Громнитского, Тютчева и Лисовского.

Так показывает следственной комиссии Горбачевский.

Члены, бывшие у Муравьева и Бестужева, признают, что никто не принуждался последними к помещению себя в список цареубийц, а вызывался добровольцем. Список всех членов Славянского общества, по которому делали отметки, Борисов 2-й написал своею рукою и дал Горбачевскому [125]. Он показывает, между прочим, что в разговоре

Муравьев рассказал, «якобы в Англии издан недавно новый закон, что кто назовет и будет почитать государя помазанником божьим, того должно судить как нарушителя общественного спокойствия и зла желающего народу». Пестов отметил себя самого крестиком и, подражая Спиридову, пожал руку Бестужеву [126]. Горбачевский отметил себя и двух братьев Борисовых. Бестужев отметил Бечаснова, за которого, как говорил, сам мог ручаться, Кузмина, Соловьева и Сухинова. Таким образом из Славян было отмечено не менее двенадцати цареубийц. Посредники немедленно сообщили об избрании «заговорщикам», но на следствии многие из них подчеркивали, что сделано это было без их ведома. Когда Горбачевский отмечал Борисова 2-го, это вызвало недовольство Бестужева, считавшего, что Борисов «слишком холоден» и «неспособен к энтузиазму». Славяне возражали. Бестужев предложил поклясться «в неизменном исполнении возложенного на них поручения и до исполнения оного никому из членов общества не открывать своего назначения и даже никому не говорить о сей мере Южного общества». Так как он сам назначал себя в заговорщики, он первый и принес эту клятву и первый нарушил ее, — иронически замечает Горбачевский в своих записках, — написавши Пестелю и сказавши другим, что у него есть 15 человек, готовых убить государя. Прощаясь, Муравьев и Бестужев просили сказать Борисову, чтобы он повидался с ними до выхода полков из лагерей. Войска уходили на зимние квартиры 15 сентября [127].

Борисов 2-й исполнил их просьбу и зашел к ним рано утром 11 сентября. Разговор был краток.

— А, Борисов! — встретил его Бестужев-Рюмин. — Я и думал, что вы будете. Слышали ли вы? Сказывал ли вам Горбачевский?

— Слышал и знаю все.

— Решитесь ли вы на это?

— Я назначен и не отказываюсь.

— Помните, это — тайна для других членов.

— Знаю.

— Клянитесь.

Борисов 2-й поклялся и поцеловал образок, висевший у Бестужева-Рюмина на шее.

«При сем последнем моем с ним свидании, — рассказывает Борисов 2-й, — я признался ему, что Славянский Союз собственно основан мною, что знают о сем только мой брат и поляк Люблинский, но что от прочих моих друзей я сие скрывал, опасаясь, дабы они, узнав о сем, не потеряли уважения к сему Союзу и не почли бы его одною мечтою,

и говорил им, что был принят давно одним гвардейским офицером Тулубьевым, но сей офицер вовсе не знает о существовании сего Союза и никогда не только мне не говорил об оном, но даже и от меня ничего подобного не слыхал. Мысли Тулубьева совершенно несообразны с духом сего общества. После чего просил, дабы он скрывал сие до времени от моих друзей, которых я обманывал против чувствований моего сердца» [128].

О визите посредников к Муравьеву и Бестужеву и о приходе к последнему на другой день Борисова 2-го знали многие Славяне и с любопытством расспрашивали. Кое-что из этих знаменательных разговоров стало быстро известно всем членам, несмотря на тайну, которой все это было окружено. Не переставали и «заговорщики» обдумывать свою роль. Когда войска возвращались на кантонир-квартиры с маневров, Борисов 2-й, «едучи с Горбачевским на дрожках подполковника барона Корфа, разговаривали между собой о Южном обществе (которое Бестужев называл тогда обществом людей благомыслящих) и о заговоре, против особы покойного императора сделанном. Между прочим, я (т.-е. Борисов 2-й) сказал, что слова Муравьева есть неоспоримая истина, никто из особ августейшего дома не согласится на подобную реформу, и, как мне кажется, императорская фамилия принуждена будет выехать за границу так, как сделала это королевская фамилия Бурбонов во время французской революции, да и после сего я и Горбачевский нередко при Бечаснове и Андреевиче 2-м говорили сие» [129].

С формальной стороны на Лещинских собраниях Общество Соединенных Славян прекратило свое существование. Слились в одно два коллектива, глубоко разнородных по социальному составу. Горбачевский в своих записках посвящает несколько страниц вопросу о различии Южного общества и Общества Соединенных Славян. Первое действовало в среде людей высшего круга, богатого, чиновного, со связями, принимало в свой состав сначала исключительно штаб- и обер-офицеров. Южане были более зрелы по возрасту, на видных местах, привыкшие к власти. «Привычка повелевать» невольно брала верх, мешала повиноваться равному себе и тем более препятствовала иметь доверенность в сношениях по обществу с лицами, стоящими ниже их в служебной иерархии. Это достаточно ярко проявилось в диктаторской роли Бестужева во время собраний по об'единению. Запрещение принимать в члены общества поляков и не-военных тяжело отразилось на личном составе Общества Соединенных Славян. Шахирев, например, свидетельствует, что достойнейший Славянин, юнкер Шеколла, любимый солдатами и, как мы увидим ниже, сыгравший большую роль в деле

агитации среди них, Бестужевым не был принят в члены по слиянии обществ. «Бестужев, когда Спиридов рекомендовал ему Шеколлу, очень холодно обошелся и не сказал ему ничего. Так как Бестужев играл первое лицо в бывшем тогда собрании и от него зависело включить Шеколлу или нет в список, то по неудовольствию, которое заметно было тогда на лице Бестужева, я Шеколлу исключил, не давая ему о сем знать». Основатель общества Люблинский, как поляк, тоже не был принят в новое общество, а направлен к гр. Мошинскому, к которому он обращаться не захотел, осмеял слияние обществ и стал так враждебно относиться к нему, что Борисов 2-й с некоторого времени даже начал его опасаться. Второй основатель — Борисов 1-й тоже не был включен в общество как отставной, но, возможно, что из уважения к Борисову 2-му Бестужев рекомендовал Андрею обратиться к нему, обещая помочь вновь устроиться на военную службу. Революционное дело было слишком дорого для Андрея Борисова, и он, бросив отца, опять задумал вернуться к военной службе, чтобы участвовать в деле восстания. Характерно, что Бестужев соглашался внести его в число заговорщиков, но отказал в просьбе зачислить членом. Деятельнейший член общества, посредник между ними и польским населением, отставной поручик Красницкий также не был включен в число преобразованного общества. Борисов 1-й [130] и Бечаснов держали его в курсе постановлений об'единительных собраний, и Красницкий, несмотря на формальный отказ, долго и напрасно добивался принятия в члены. Он нарочно приезжал для этого после маневров в местечко Барановку к Горбачевскому, просил, чтобы тот написал о нем письмо Бестужеву... Достойно замечания, что, несмотря на исключение из общества, Красницкий вновь появится в нем, как деятельный член в момент восстания. Был исключен и крестьянин Выгодовский: ведь он был штатский, канцелярист... Но, впрочем, не его «штатскость» была главной причиной: «Выгодовский не был принят в Южное общество по причине подозрения, которое на него имел Бестужев-Рюмин», — глухо говорит Борисов 2-й о своем «любезном друге Павле Фомиче». К тому же Бестужев хотел принимать только тех, которые были ему лично знакомы.

Эта тактика Бестужева вытекает из понимания им и Южным обществом сущности грядущей революции. По их мысли она должна быть военной и только военной. Обучавшийся в народном училище Славянин Лисовский не сразу понял во время собрания, что же это за штука такая военная революция, и отметил в своем рассказе, что этим вопросом заинтересовались сразу многие Славяне — им это раньше

и в голову не приходило: ведь они думали сделать революцию через распространение своего общества, которое должно будет охватить такую массу людей, что вопрос о революции сразу разрешится. Бестужев раз'яснил: «военная революция, значит начать возмущение от войск, и когда войска будут приготовлены, то ничего не значит свергнуть монархическое правление... Ежели войска будут готовы, то некому будет противустать, жители верно не будут и не могут [131].

Что южане и Бестужев пренебрежительно относились к «жителям», к «черни», — нам известно. Но вопрос о «черни» не переставал беспокоить Славян, не имевших больших оснований себя от этой «черни» отличать. Им слишком чужда была тактика дворцовых переворотов, так хорошо известная дворянской знати. Фролов, чувствовавший себя стесненным даже среди скромных Славян, хорошо запомнил и дважды повторил в показании мысль, тревожившую Андреевича 2-го, которую тот высказывал по от'езде из собрания Бестужева-Рюмина. Андреевич говорил, что когда начнется революция, то необходимо «во время дороги в Петербург как можно стараться склонять чернь, представлять им резоны, какая им будет польза, если они не будут подвластны государю. Пришедши же в Петербург, надо взять все возможные меры, чтобы государя не выпустить, там же его умертвить, а то впоследствии времени худо будет»...

«Они, — пишет о Славянах Горбачевский, — были проникнуты обширностью своего плана и для приведения его в исполнение считали необходимым содействие всех сословий; *в народе искали они помощи, без которой всякое изменение непрочно* *): собственным же своим положением убеждались, что частная воля, частное желание — ничтожны *без сего всемощного двигателя в политическом мире* *). Славяне, все без исключения люди молодые, пылкие, доверчивые, не могли ограничиваться одними желаниями: деятельность сделалась потребностью их души, жаждущей овладеть желаемым. Равенство и даже подчиненность в стремлении к общему делу не могли устрашить тех, которые еще не вкусили яда власти» [132].

Те организационные формы, в которые Бестужев-Рюмин стремился втиснуть Славянское общество путем слияния, были последнему глубоко чужды. Запрещение непосредственного сношения с Южным обществом, диктаторская роль посредников не вязались с его демократической сущностью. К тому же, передвинув главные организационные функции с одних лиц на другие, Бестужев сделал неудачный выбор. Заметная

---

*) Курсив мой. *М. Н.*

для всех на заседаниях борьба его с Борисовым 2-м и его группой привела, вероятно, к избранию новых лиц, да Борисов к тому же сам отказался быть посредником. Спиридов, безусловно незаурядная фигура, как посредник был Славянам слишком чужд, так как появился среди них лишь в Лещинском лагере, а Горбачевский не был достаточно энергичен. Правило принимать новых членов через посредников замедлило прием. Живший на одно жалование Горбачевский резонно сказал на заседании — «что если бы и мог он принять двух или трех лиц каких-либо, не поименовывая, но если таковые были бы на дальнем расстоянии, то он, Горбачевский, не имеет способов делать издержки на поездки». Бестужев на это дал достаточно беспечный ответ обеспеченного человека: «Вы должны всем жертвовать» [133].

Прибавим, что все же Бестужев держался демократической тактики по сравнению с другими членами Южного общества, стоявшими на более правой позиции. Матвей Муравьев-Апостол был, как известно, на совершенно другой точке зрения относительно приема армейских офицеров: «Разумеется, — писал он брату Сергею, — не следует творить ребячество, не следует принимать армейских офицеров, пока ни к чему не пригодных; вот когда придет время пустить их в дело, тогда нужно повелительно двинуть их вперед, не спрашивая, угодно им или нет» [134].

Надо отдать справедливость Бестужеву — он довольно ловко провел Славян. Силы Южного общества были так преувеличены, что Славяне почувствовали себя незначительными для будущего переворота. Но силы эти были мнимые, что и показало восстание. К тому же Славяне были так неудачно связаны с Южным обществом, что это принесло большой урон делу восстания.

Но, так или иначе, кризис, назревший в Славянском обществе к концу 1824 года, разрешился в Лещинском лагере через слияние с Южным обществом. Славяне рвались к делу, и дело приближалось. Все ожидали начала действий.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ИДЕОЛОГИЯ ОБЩЕСТВА СОЕДИНЕННЫХ СЛАВЯН.

Как видно было из предыдущего, члены общества — сознательно или бессознательно — подбирались на основании единого классового признака.

Под обманчивым названием «дворянина» скрывался новый социальный слой. «Дворянин» без земли и без крестьян, лишенный обычного способа жить путем эксплоатации крепостных, «дворянин» — мать которого шьет на заказ белье или живет милостыней, а младший брат бегает в народную школу — уже не дворянин. Он живет на жалованье и только на него, он — пасынок военной службы, для него пресечены пути к восстановлению дворянства, — он слишком слаб хозяйственно. *Для него нет места в системе дворянского общества и государства.* Но он — человек будущего. В нем уже ясно видны черты новой нарождающейся социальной группы, которой суждено было сыграть некоторую роль в русской истории — черты интеллигента-разночинца.

Вся специфически дворянская структура армии была приспособлена к интересам крупного, влиятельного и имеющего связи дворянства. Командные низы были угнетенным слоем. Им не брезжился скорый выход через быстрое повышение по службе, им не ворожили знатные петербургские бабушки, им некому было жаловаться на угнетение и несправедливость их служебной жизни. Неудача по службе, недовольство ею — характерны почти для каждого Славянина. «Довольно уже страдали, — формулирует Бечаснов очевидно наболевшую мысль. — В нынешний просвещенный век стыдно терпеть... более всех угнетены и презренны офицеры, нет для них дороги жаловаться... благородство должно каждого одушевлять к свержению ига». «Начальство не входит в положение офицеров, — говорит Громнитский, — никогда младший не будет правым против старшего, как бы старший ни был виноват». «Знатность и богатство всегда берут верх над бедностью и бессилием, —

утверждает юнкер Драгоманов, — ...дворянство угнетено, особливо в воинской службе, в которой при всех, сверх должного, обидах от начальства, поступая на службу для защиты престола и отечества и в нужном случае готовясь жертвовать жизнью своею, вместо определенного монархом 4-летнего термина *) выслуги в нижнем чине, служат по 6 и более годов, что, наконец, дослужась до сего неудобополучаемого чина офицера, многие из них , люди достойнейшие и которые могли бы быть истинным украшением войска русского, по каким-либо прихотям или видам полковых командиров, без всякой со стороны первых вины, нередко бывают оными гонимы, вовсе удаляемы из службы...» и далее в том же роде. И Борисовы, и Усовский, и Горбачевский, и Тютчев и почти все другие — таят в себе эту служебную обиду пасынков дворянского класса. Как ни было привычно дворянство к военной службе, как ни вошла она в плоть и кровь его детей,—почти никто из Славян военной службы не любит и все пребывают в ней в силу необходимости, мечтают об иных занятиях, совсем не военных. Некоторые из них выходят в отставку, не порывая связи с тайным обществом, другие мечтают об отставке. У многих тенденция к новому типу занятий — коммерческому или интеллигентскому. Чрезвычайно характерен совершенно необычайный для дворянского тайного общества пункт устава Славян, которым секретарю разрешалось пускать «капитал» общества в торговые обороты для его приращения. Безыскусное и безграмотное письмо отца Шахирева к сыну от 7 января 1817 года (между прочим — самый ранний документ, касающийся Соединенных Славян), начинающееся с вопроса о посылке шарфа («кажется не худ и можно вам носить»), в середине взволнованное падение цен на какие-то товары и кончающееся тревожным вопросом: «пиши, как сукно у вас дорого» — тоже лишний штрих в этой картине. Отец Борисовых, которого не может прокормить пенсия, занимается «архитектурой», надзирает за постройкой домов и в этой «свободной профессии» деревенского архитектора-самоучки помогает ему сын Андрей, вероятно тоже кое-что смыслящий в строительном искусстве и бросивший для этого военную службу... Полковник Берстель, зная о неприятностях, доставляемых Петру Борисову полковником Эйлером, предлагает ему переменить род службы — итти туда, где служба не обременительна и оставляет свободное время: «это будет для вас лучше — вы будете заниматься науками, вам не наскучит труд». Бечаснов во время лагерей с увлечением занимается след-

*) Т.-е. срока. *М. Н.*

ствием по разным правонарушениям, встретившимся в жизни лагеря, не щадя здоровья, в дождь и холод едет, простужась, куда необходимо, а в свободное время с ожесточенным увлечением спорит с товарищами о тех же следственных делах. Тот же Бечаснов, Веденяпин 2-й и другие — некоторые не по приказу начальства, а по собственному желанию — преподают в солдатских ланкастерских школах, заслуживают, как преподаватели, любовь солдат и относятся к делу с большим рвением, — даже вольнодумные прописи сочиняют, как мы увидим далее. Петр Борисов в свободное время дает уроки геометрии фейрверкеру Зенину. Все, почти без исключения, не бросают занятий науками во время службы, — даже Лисовский занимается математикой (но, к сожалению, «всей не кончил»). Непосредственной живой связи, любви к военной службе, тяготения к ней в среде Славян нет. Они совершенно не смотрят на себя как на некую касту — замкнутую, подобранную по критерию военного чина. Юнкер Головинский в ответ на приглашение его в общество смущенно отвечает, что он ведь не офицер — и Борисов легко успокаивает его, говоря, что не в офицерстве дело, и настойчиво втягивает в работу. Провиантский чиновник Иванов, «из почталионских детей» — секретарь общества, уважаемое лицо, крупная организационная сила. В общество легко и просто принимаются отставные, давно порвавшие связь с военной средой подпоручики, мелкий канцелярист Выгодовский, с которым крепко сдружился Борисов, и полу-штатский провиантский чиновник Костыра, имеющий единственное достоинство — уменье молчать. Весь этот разночинный люд искренне сливался в одно целое, вместе чувствовал и думал и сходился на одних планах и требованиях. Лишь одна несколько обособленная струя влилась в этот коллектив, — правда, влилась легко и просто, без препятствий. Это была мелкая шляхта, которой кишели в это время Подолия и Волынь. Она не только влилась после того, когда общество уже было сорганизовано, она приняла участие в организации и придала ему совершенно особый характер *Соединенных Славян*. Этим первоначальным представителем, как мы уже выше отметили, был Юлиан Казимирович Люблинский. Но каково же было положение этой мелкой польской шляхты в ненавистных русских областях? Чего ей не хватало и что было ее идеалом?

Разодранная разделами Польша в крупнейшей своей части досталась России. Еще раз проявилось основное противоречие ее хозяйственной жизни: с одной стороны, положение «перешейка» между Черным и Балтийским морями, диктовавшее ей посредническую, транзитную роль, а с другой стороны — политическая несамостоятельность и отсут-

ствие собственных портов. Мысль о великой Польше «от моря до моря» волновала поляков: только что прошумел в Европе Наполеон, перекраивавший границы с такой сказочной быстротой, что он, казалось, мог осуществить любой замысел в этой области. Он стоял за польскую независимость, оживил польское патриотическое движение и внезапно сошел со сцены. Польша осталась между двумя огнями — Пруссией и Россией, которые были сильно заинтересованы в ней.

Если вспомнить то, что поиски рынка уже в это время намечались как задача русского промышленного капитала, если представить себе какие надежды возлагались на хлебную торговлю с заграницей, то эта заинтересованность в Польше со стороны России будет понятна. Польшу во что бы то ни стало надо было втянуть в состав русского хозяйственного целого. А области, экономически тяготевшие к столь важным в русском хозяйстве балтийским портам, были именно польские области. Но Пруссии тоже был нужен выход к балтийским портам, тоже были нужны тяготевшие к ним рынки, свободное движение по Висле. Ясно, что обе державы могли попытаться столковаться с самой Польшей или, что было вернее, через ее голову между собой. Разделы Польши не разрубили этого спутанного узла хозяйственных отношений, а сделали его еще сложнее. Александр I, в противоположность заветам «бабки Екатерины», усиленно стремился столковаться с Польшей, польстить ее общественному мнению. Но дарованная им конституция (хотя поляки и раньше имели конституцию: «дарование» поэтому больше удивляло русских, чем поляков) и есть воплощение в жизнь этого замысла. Но «конституция» оказалась бумажной: права сейма во второй половине александровского царствования были грубо нарушены. Декорации снимались. Пруссия сумела договориться с Россией через голову Польши. В 1818 году новый договор между Россией и Пруссией (отменивший прежнее соглашение 1815 года) установил основание для ввоза в Россию прусских изделий—льняных, шерстяных, кожевенных, табаку и соли через Польшу, выработан был таможенный тариф и тариф транзитных пошлин в портах — как прусских, так и русских. До самой Польши как национального целого никому, конечно, не было дела.

Польша была экономически раздавлена; ее всячески стремились уничтожить как политическую единицу, между тем хозяйство страны требовало собственной экономической политики. Отсутствие выходов к морю душило Польшу; естественное развитие польской буржуазии тормозилось всеми мерами. В стране искусственно поддерживалось и достигало неестественных размеров засилье крупной шляхты [135].

Такая атмосфера была благоприятна для развития тайных обществ, хотя и неоднородных по классовому своему составу, но спаянных общей идеей единой, независимой, свободной Польши «от моря до моря». Эта волна польского национального освободительного движения принимает внешние формы масонства, как привычного облика для конспиративных организаций того времени. Еще в конце XVIII века в Польше возникают тайные общества, имеющие масонскую организацию. Правительство ожесточенно борется с этим движением. В конце 1814 года уже существует тайное общество под названием «Истинных поляков» (Prawdziwych Polakow), но оно было малочисленное и скоро распалось. Осенью 1819 года организуется тайное общество «Национального масонства»; видными деятелями его были Валериан Лукасинский и Казимир Махницкий. Как утверждает Аскенази, виднейший знаток этих движений, оно имело лозунгом сохранение польской национальности и *восстановление Польши в возможно широких границах*. Почти одновременно возникает другое тайное общество — храмовников, или тамплиеров, первая мысль о котором появилась в 1817 году. Общество также имело масонскую окраску и называлось «Обществом рыцарей храма». Заметим, кстати, что следственный комитет усиленно спрашивал Славян, не знают ли они что-либо о последнем, и все они отозвались незнанием. В 1821 году, в то время, когда уже никто из поляков не верил пышным конституционным фразам Александра I, организовалось польское «Патриотическое общество». Основателями его были Уминский и Лукасинский; между прочим, в него вошли и некоторые из членов общества «Истинных поляков».

В 1797 году были созданы польские легионы французской армии. Горячее наполеоновское время — время первичного оформления буржуазных национальных экономических единиц. Поэтому националистические идеи носятся в воздухе. Большое место занимают они, естественно, и в польской идеологии. Целью легионов является, в конце концов, восстановление независимой Польши. Для этого они в первую очередь работали над созданием национального войска. Наполеон для поляков был символом их национальной свободы. Среди этих легионов впервые возникает идея панславизма. Восстание поляков, мадьяр и южных славян и образование федеративной республики из этих племен — такова их политическая программа. Мадьяры, вероятно, по одному общему со славянами признаку угнетения принимались тогда за последних. По замыслу федеративного союза Соединенные Славяне должны были об'единять русских, поляков, мадьяр, богемцев, кроатов, далматов, сербов и мораван, четыре же якоря в масонских знаках Славян

знаменовали четыре моря — Балтийское, Черное, Белое и Средиземное *). Эта идея панславизма очень популярна в начале XIX века. Крупные деятели, как Лелевель, Зориан Доленга Ходаковский (Адам Чарноцкий), епископ Вронич были ее ревностными последователями.

В 1821 году «злой гений» Польши Новосильцев настаивает на издании указа, запрещающего в Польше тайные общества. Как известно, в России был издан аналогичный указ, специально относящийся к масонским организациям. Новосильцев, по словам Аскенази, поживился польским масонским добром, — во время закрытия масонских лож конфисковывались их капиталы, составившиеся из пожертвований. «Патриотическое общество» не умерло — оно только ушло в подполье. Но в его среде нашлись предатели: полковник Шнайдер донес цесаревичу Константину, а капитан Карский, посланный Лукасинским по делам общества в Париж, выдал все, что знал, русскому послу в Париже Поццо ди Борго. Тот донес Александру, и летом 1822 года были арестованы Лукасинский и некоторые другие члены. Была назначена особая следственная комиссия, которая, по некоторым указаниям, прибегала к пыткам. Двое арестованных — Жиц и Дзвонковский — покончили с собой в тюрьме. В целом же общество осталось нераскрытым: следствие узнало лишь очень немногое. Жизнь польского общества замерла.

Не находился ли в числе захваченных членов этого общества Юлиан Казимирович Люблинский?

Польские тайные общества захватывали различные социальные группы и очень часто имели в своих рядах представителей мелкой польской шляхты. Было плохо под русским владычеством и крупному польскому дворянину, — но с ним все же больше считались, его по возможности оберегали, с ним обращались как с представителем знати. Вспомним хотя бы отношение Александра к своему другу Адаму Чарторийскому. Но польскому мелкому шляхтичу было плохо, особенно если он был безземельный. А таких было немало, и с развитием крупного магнатского хозяйства все больше появлялось лишенных средств к существованию людей, которые могли рассчитывать лишь на собственные руки. Некоторые из них попадали на военную службу, но это было труднее для безземельного шляхтича, чем для русского безземельного дворянина. Другие занимались посредничеством, приторговывали, обучали детей, ходатайствовали по чужим делам, управляли чужими имениями, вели учет чужих капиталов. Но эти занятия было не так

*) См. таблицу символических знаков Славян.

легко найти в эпоху хоть умирающего, но все же дворянского государства. Легкость получения этих занятий, их выгодность теснейшим образом связаны с повышением товарности хозяйства. Нужно было порвать с последними остатками натурального производства, нужно было хозяйство сделать товарным, необходимо было, чтобы капитал из сферы передачи продуктов натурального производства перекинулся в среду самого производства, чтобы всюду понадобился знающий бухгалтер, счетовод, управляющий фабрикой, учитель для необходимых буржуазному обществу квалифицированных специалистов, следователь, адвокат, нотариус, наконец чтобы открылась возможность завести самостоятельное, хотя бы маленькое предприятие, покупать, производить, продавать.

Государственная же служба мелкой шляхте была мало доступна. Мы помним, как Фаддей Жебровский желал вступить в нее, но «знашел к оной много прешкоб»... Эти «прешкобы» стояли перед любым представителем шляхты. А Польша по своему положению — только б развернуться ей «от моря до моря» — вылилась бы в типичное крупное промышленное и торговое государство, где бы каждому, самому маленькому и самому неудачливому шляхтичу нашлось бы место.

Генерал-ад'ютант Демидов, посланный со специальной целью обследовать «дух» населения задетых брожением местностей, обратил внимание на противоправительственное настроение именно того края, где действовали Славяне. «В бытность мою в Житомире, желая узнать о качестве мыслей жителей, из разговоров с некоторыми лицами, имеющими понятие о нравственности того края, мог я заметить, что жители (разумея класс дворян) во всех отношениях неблагоприятствуют России и что даже и лица, на коих возложены местные правления, не содействуют к нравственному соединению обеих наций, российской и польской, принадлежа сами к последней. Правила воспитания молодых дворян вообще... отклоняют оных от всего, что может касаться до пользы России, сильно утверждая нравы в прежней их национальности... Таковое нравственное положение давно приобретенного края Польши легко может воспомоществовать различным намерениям, могущим извне действовать на спокойствие и благоденствие России». Антоний Яблоновский, которого Демидов вез в Петербург, даже дал понять, что «он принял бы участие в вооруженной борьбе за польскую самостоятельность». Молодые польские дворяне, по наблюдениям Демидова, неохотно поступали на русскую службу, предпочитая выборные должности от дворянства и «без всяких степеней достигают званий маршалов поветовых и губернских и даже получают места прези-

дентов». Жены и дочери польской шляхты отличались удивившим Демидова революционным духом: «между польской нациею в правилах вольнодумства (сколь мог я осведомиться) значительны не только особы мужского пола, но даже и женщины, кои в своих суждениях крайне превышают то, что касается до сведений, полу их принадлежащих, и не менее первых умеют выражать чувства их приверженности к своему отечеству».

Левобережная Украина была гораздо спокойнее: Демидов отмечает совершенно иное настроение умов уже в Полтавской губернии.

Мелкая шляхта постепенно вливалась в Славянское общество. Об этом специально заботился Борисов 2-й. Посредником между шляхтой и обществом был отставной Красницкий. Известны и представители ее — Фаддей Жебровский, юнкер Головинский, шляхтичи Островский и Невенгловский, работавший в чужом имении «Новый Звягель», — и другие, не считая уже самого Люблинского.

П. Ф. Выгодовский прекрасно формулирует причину об'единения мелкой шляхты со Славянами: «ежели природное российское дворянство волнуется противу правления от веков свыше России данного, то я, яко поляк, безгрешно могу к тому принадлежать, тем более, что сей случай может когда-либо привести в первобытное положение упадшую Польшу, которую любить я поставлял для себя ненарушимым долгом». Надо было иметь много смелости, чтобы бросить в лицо следователям такие слова.

До нас дошло очень мало документов, отражающих идеологию Славян. Известные уже нам в общих чертах «клятва» и «правила», или «Катехизис», — основные документы этого типа. Даже если бы уничтоженный устав общества и проект Борисова 2-го об «учреждении собраний» дошли бы до нас, документальное наследство идеологии Славян, все равно, оказалось бы гораздо беднее, чем у Северного и Южного обществ.

Клятва Славян, по свидетельству Люблинского, досталась обществу от предшествовавшей ему организации — общества «Друзей Природы». Она дошла до нас в единственном экземпляре, сохранившемся в деле Борисова. В деле Выгодовского сохранился лишь ее конец, да в делах других членов общества вольные пересказы.

Для отвода глаз Борисов 2-й дал клятве пояснение: «Перевод клятвенного листа с польского». Вот текст этой клятвы:

«Вступая в число Соединенных Славян для избавления себя от Тиранства и для возвращения свободы, столь драгоценной роду человеческому, я торжественно присягаю на сем оружии на взаимную любовь,

что для меня есть Божеством, и от чего я ожидаю исполнения всех моих желаний. Клянусь быть всегда добродетельным, вечно быть верным нашей цели и соблюдать глубочайшее молчание. — Самый ад со всеми своими ужасами не вынудят меня указать Тиранам моих друзей и их намерения. Клянусь, что уста мои тогда только откроют название сего союза перед человеком, когда он докажет несомненное желание быть участником оного, клянусь до последней капли крови, до последнего вздоха вспомоществовать вам, друзья мои, от этой святой для меня минуты. — Особенная деятельность будет первою моею добродетелью, а взаимная любовь и пособие—святым моим долгом. Клянусь, что ничто в мире тронуть меня не будет в состоянии. — С мечем в руках достигну цели, нами назначенной. — Пройду тысячи смертей, тысячи препятствий, — пройду и посвящу последний вздох свободе и братскому союзу благородных Славян. Если же нарушу сию клятву, то пусть угрызение совести будет первою местью гнусного клятвопреступления, пусть сие оружие обратится острием в сердце мое и наполнит оное адскими мучениями, пусть минута жизни моей — вредная для моих друзей — будет последнею, пусть от сей гибельной минуты, когда я забуду свои обещания — существование мое превратится в цепь неслыханных бед. Пусть увижу все любезное моему сердцу издыхающим от сего оружия в ужасных мучениях — и оружие сие, достигая меня, преступного, пусть покроет меня ранами и бесславием и, собрав на главу мою целое бремя физического и морального зла, выдавит на челе печать юродливого сына всей природы» [136].

Если действительно клятва взята еще из ритуала общества «Друзей Природы», то Борисов 2-й, может быть совместно с братом, ее несколько видоизменили, вставив упоминание Славян и прочее. Петр вообще был любителем мистики (он сам это признавал), и клятва, очевидно, пришлась ему по вкусу. Рассказывая об обществе «Друзей Природы», он подчеркивал такие детали (вероятно, существовавшие лишь в его воображении), — что собирались в масках и т. д. Клятва эта очень напоминает карбонарские клятвы. В. И. Семевский приводит следующую клятву, напоминающую по тону Славянскую, — ее приносили карбонарии 2-й товарищеской степени Неаполитанской ложи «Свободных Пифагорейцев». Напомним кстати, что общество «Первого согласия» следовало «правилам Питагоровой секты»:

«Я клянусь перед великим архитектором вселенной и даю мое честное слово на этом оружии, которое мстит клятвопреступникам, самым строжайшим образом ненарушимо хранить клятву достопочтенной ложи и никогда не открывать ее посторонним, а также ученику тайну степени товарища. Я клянусь питать дружбу и вечную привязанность ко всем моим братьям, помогать им в нужде и всегда оказывать им поддержку даже ценой своей крови... Я клянусь в вечной ненависти к тиранам и всем их приспешникам и в том, что буду изыскивать все

случаи для их искоренения. Клянусь, что не буду принадлежать ни к какому обществу, враждебному этому. Наконец, клянусь, что если я когда-либо окажусь клятвопреступником, то буду готов на то, чтобы мое тело было разорвано на куски, брошено в огонь, обращено в пепел, рассеяно по ветру, наконец, чтобы мое имя вызвало омерзение у всех братьев, рассеянных по поверхности земли [137].

Влияние карбонариев на движение декабристов было столь же сильно, как и масонское. Недаром чуть не на другой день после 14 декабря в Петербурге дворяне приписывали все события российским «вентам». Очень естественно, что революционное настроение Борисовых, ища подходящих форм, остановилось на карбонарском образце.

В «Правилах» или «Катехизисе» Соединенных Славян значительно бóльшая доля авторства падает на Люблинского. Самая форма тоже близка к карбонарской: катехизисы имели у карбонариев большое распространение, и каждый вступающий член обязан был знать их наизусть. Славянский «Катехизис» также дошел до нас в двух экземплярах — в делах Борисова и Выгодовского; их тексты не вполне совпадают. По всей видимости текст Выгодовского позже текста Борисова, и некоторые изменения в нем могут быть об'яснены тем, что он списывался не с борисовского подлинника, а с одной из многочисленных копий (возможно, с копии Иванова, так как он принял Выгодовского и впервые показал ему «правила» и «клятву»), которые находились на руках у Славян. Приводим точный текст «Катехизиса» по списку в деле Борисова 2-го.

«П.С.С. [1]).

1. Не надейся ни на кого, кроме твоих друзей и своего [2]). Друзья тебе помогут [3]) тебя защитить.

2) Не желай иметь раба, когда сам быть рабом [4]) не хочешь.

3) Каждый почтет тебя великим, когда гордости и [5]) избытку ласкать не будешь.

4) Простота, трезвость [6]) и скромность — сии блюстительницы [7]) — сохранят твое спокойствие.

5) Не желай более того, что имеешь, и будешь независимым.

---

[1]) Правила Соединенных Славян. *М. Н.*

[2]) Далее следует изображение символического знака оружия. По техническим условиям оказалось невозможным поместить его в тексте: он воспроизведен в таблице символических знаков Славян, помещенной в конце книги.

[3]) Следует тот же знак оружия.

[4]) У Выгодовского: «Когда сам рабом быть не хочешь».

[5]) » «и» пропущено.

[6]) » «воздержаность».

[7]) » следует знак свободы ветвь; см. таблицу символических знаков.

6) Богиня просвещения пусть будет пенатом [1]) твоим, и удовольствия [2]) с любовию водворятся [3]) в доме твоем.

7) Почитай науки, художества [4]) и ремесла. Возвысь даже к ним любовь до Энтузиазма и будешь [5]) иметь истинное уважение от друзей твоих.

8) Невежество с детьми своими — гордостию, суетностию и фанатизмом, — да будет твоим злым духом Вельзевулом.

9) Будешь терпеть все вероисповедания и обычаи других народов; пользоваться же только истинно хорошими обязан.

10) Будешь стараться разрушать [6]) все предрассудки, а наиболее до разности состояний [7]) касающиеся, и в то время станешь [8]) человеком, когда станешь [9]) узнавать в другом человека.

11) Будешь добродетельным, и добродетель целой жизни соплетет венец спокойствия для твоей совести.

12) Употребишь даже свое [10]). Естли того нужда будет требовать [11]) на защиту невинности и [12]) от несправедливости и мщения не погибнешь, ибо друзья твои защищать тебя будут.

13) Будешь помогать своим рассудком и своим [13]) друзьям твоим и они также помогать тебе [14]) будут.

14) Будешь таким и гордость тирании [15]) с своею суетностию падет пред тобою на колена [16]).

15) Ты еси славянин и на земле твоей при берегах морей, ее окружающих, построишь четыре флота [17]): Черный, Белый, Далмацкий и Ледовитый, а в средине оных воздвигнешь [18]) и в нем богиню просвещения и своим могуществом [19]) на троне посадишь. Оттуда будешь получать для себя Правосудие [20]) и ему повиноваться обязан, ибо оное с дороги, тобою начертанною, совращаться не будет.

---

1) У Выгодовского «будет всегда пенатом»
2) » «удовольствие».
3) » «водворится».
4) » «науки, искусства, художества»...
5) » «и ты будешь».
6) » «разрушить»...
7) » «состояния»...
8) » «будешь»...
9) » «будешь»...
10) В обоих текстах символический знак оружия.
11) У Выгодовского «требовать станет»...
12) » «а от мщения и несправедливости».
13) В обоих текстах символический знак оружия.
14) У Выгодовского «тебе помогать».
15) » «тиранства»...
16) » «колени»...
17) » символический знак города.
18) В обоих текстах символический знак города.
19) У Выгодовского «своего могущества»,
20) » «правосудие для себя получать будешь»...

Общество_Соединенных_Славян.

16) В [1]) твоих, славянин, будет цвести торговля и морская сила, а в [2]) посредине земли твоей справедливость для тебя обитать станет.

17) Желаешь иметь сие? соединись с твоими братьями, от которых невежество твоих предков [3]) отдалило тебя [4]). Желаешь все то [5]) иметь? будешь жертвовать 10-ю частию твоих доходов годовых [6]) и будешь обитать в сердцах друзей твоих [7]). «L'esprit de servitude parait naturellement ampoule comme celui de la liberté est nerveux et celui de la vraie grandeur est simple, voilá que vous devez observer», т.-е. «Дух рабства показывается обыкновенно надменным подобно как дух вольности бодрым, а дух истинной великости простым». Вот что вы должны наблюдать *).

Основное в политическом миросозерцании и настроении Славянина, это — протест против «тиранства». Борясь с угнетением всех видов, требуя сословного равенства, Славяне не отличали одну социальную группу от другой никакими привилегиями. Они — первые последовательные демократы, каких знает русская история. Слово «народ» все время мелькает в их показаниях, в их протестах против старого строя. Они долго не могут усвоить замысла *военной революции*. Самая мысль о революции без народа не приемлется ими. Они — единственные в среде декабристов (кроме С. И. Муравьева-Апостола и М. П. Бестужева-Рюмина), которые вели планомерную, продуманную агитацию среди солдат.

«Причина, побудившая нас к делу, — сжато и просто говорит Борисов 1-й, — была: угнетение народа. К облегчению его участи я решил из патриотизма жертвовать собой». «Стоны жен, вопли детей, плач вдов мужей военных, забытые сироты, беспрестанно попадающиеся нищие, слепые и измученные, разорение в деревнях крестьян, — не есть ли

---

[1]) В обеих текстах символический знак порта.

[2]) У Борисова символический знак города, у Выгодовского слова: «в городе».

[3]) У Выгодовского «отцов твоих»...

[4]) » «тебя отлучило»...

[5]) » «сие»...

[6]) » «частию годовых твоих доходов»...

[7]) У Выгодовского: «Дух рабства показывается натуральио надменным подобно как дух волности бодрым, а дух истинной великости простым; вот что вы наблюдать должны». На этом текст Выгодовского заканчивается.

*) Далее у Борисова следуют польский и французский тексты. Французское добавление всецело принадлежит Люблинскому. Борисов 2-й пишет, что однажды получил от него записку: «с коей он препровождал ко мне следующую апотегму на французском языке, говорит — поместите это там, где вы найдете приличным — после слова «апотегма» сделана сноска и внизу написан перевод помещенного в конце правила французского изречения.

доказательство, что отечество забыто и что скрывается какой-то тайный отечественный враг, который все упомянутые нещастья посылает для пагубы соотечественников? — восклицает пылкий Андреевич, которому принадлежит самая горячая защита бесправного народа: — Я не знаю, для чего Россию называют благоденствующей, когда народ и войско обливаются слезами... Теперь скажите, — видевши ежегодно негодование и ропот сих несчастных столпов отечества, можно ли было не чувствовать их положения человеку тому, который исполнен чувств человеколюбия и который добровольно приносил жизнь свою в жертву для искупления сего несчастного народа?

«Оправдывать себя не могу против чувств своих... *Я с удовольствием предаю себя строгости законов. Для меня собственно нет счастия, но в счастии народа был бы и я счастлив...* *).

«Человеку с чувствами сострадательными трудно жить в сем мире, где ежедневные картины несчастий человеческих поражают взор такого человека, а сим самым стесняют грудь и дыхание. На смерть взираю я с бо́льшим хладнокровием, нежели на страдание человека. Благоденствующие потомки почтут мою смерть».

Слово «свобода» стало у Славян привычным общим понятием для из'яснения своих политических чаяний.

«По прибытии в бригаду, — говорит тот же Андреевич, — строгость военной дисциплины еще более размышлять заставила о праве каждого человека. Воззрение на природу меня в том совершенно уверяло, что каждый человек, как и другие животные, должен иметь волю». «Я люблю вольность, как и всякое творческое создание... Виды разных наказаний, горестное положение несчастных, заключенных в темницах, и другие тому подобные страдания людей — все мне говорило, сколь драгоценна должна быть для человека свобода». Принимая Головинского, Борисов 2-й толкует с Бечасновым «против правительства», сводя общий протест в одном слове: «лучше было, если б у нас существовала вольность». И слово «вольность» для них, — как и для всех декабристов вообще — было не пустым звуком, не туманным отвлеченным понятием, а названием конкретного политического плана, начинавшегося с требования уничтожения монархической власти, освобождения крестьян, представительного правления и кончавшегося более мелкими, но очень существенными требованиями реформы войска, суда. «Ропот людей разного состояния на тягость податей, жалобы состояния поселян, угнетенных беспредельною работою, и невозможность, в которой видел их, облегчить свою участь, наконец, негодование

*) Курсив мой. *М. Н.*

между военными на строгость дисциплины и худые примеры, слышанные мною, с людьми, известными по своим заслугам и достоинству, — были первым побуждением к мысли о перемене существующего образа правления», — отчетливо излагает Киреев суть социальной программы Славян.

В этой общей программе на центральном месте стоит вопрос крестьянский. Все Славяне единогласно стояли за освобождение крестьян. Их описание тягостей крепостного права превосходит по яркости многие подобные описания у декабристов других обществ.

«Служа большей частью в армии, квартируя в домах у самих крестьян, признаюсь, входя в подробный разбор их положения, видя обращение с ними их господ, часто я ужасался, — пишет осторожнейший, молящий о пощаде у Николая I Спиридов: — виноват, причину сему находил в принадлежности их *). В Малороссии видел в одной и той же деревне казенного жителя, изобилующего во всем, а господского — томящегося в бедности. Потом, сделав переход в Житомирскую губернию, более был приведен в скорбь общею бедностию поселян. Видел там, что плодородная губерния отдает дань одним владельцам, видел неусыпную деятельность хлебопашца, плоды которой служили обогащению их планов, видел неисчислимые богатства хлеба на токах, а у поселян к окончанию года недоставало ни зерном ни печеным, — не токмо для продажи, но даже и для пропитания: *повсеместная дешевизность далеко чтоб нужна им в пользу, ибо непременное принуждение покупать всего необходимого в домоводстве в корчмах, у евреев, ввергает их в бедную нищету* **). Сознаюсь, сердце мое содрогалось, жалея их». В этом ярком описании чуствуется славянская постановка вопроса, земные корни которой легко прощупать. Влияние аграрного кризиса здесь налицо. В тон с прекрасным описанием Спиридова звучит заявление Фурмана в личном письме к Николаю Павловичу: «...с мужика требуют деньги, когда ему хлеба некому продать...» [133]. Рынок был узок, — кризис тяготел над ним, рынок надо было создать. А создать его могло освобождение крестьян от крепостной зависимости.

Это требование облекалось и в форму морального протеста, столь понятного у чутких Славян, которые хорошо знали, что такое угнетение. Разговоров об этом было много, — и «таковые разговоры при свидании почти всякий день были обновляемы новыми видами грабительства тех граждан, *кои кормят целое государство сво-*

*) Т.-е. в их крепостном состоянии. *М. Н.*

**) Курсив мой. *М. Н.*

ими трудами» *), — совершенно правильно оценивает роль крестьян в государстве Андреевич. Но едва ли не самый яркий протест против крепостного права принадлежит Усовскому, поручику Полтавского полка. «Сознаюсь, — пишет он, — что принадлежал к обществу людей, искавших благоденствия России... Привлекая солдат на свою сторону, представлять им, сколь они обременены тягостною и долговременною службою, сколь жалованье их мало, и *выставлять им на вид рабство и угнетение их отцов, матерей и братьев**)... Предполагаемо было уничтожить крестьян. Сознаюсь, что сие предположение было главнейшее средство, превозмогшее мою нерешимость вступить в общество сие, в котором я не мог уже предполагать вредного и опасного для государства, видя столь благие его намерения... Я не мог взирать без сердечного соболезнования на сие гибельное введение крестьянства **), унижающее человечество. Сие исчадие грубого невежества, лишающее тысячи людей свободы — сего драгоценнейшего права природы, — обрекает их на всю их жизнь на одни бедствия. Сии люди, жертвы роскоши и удовольствий своих помещиков, презрены и унижены как нельзя более, доставляя государству и богатство и защиту, они не имеют никакого голоса, *никакого участия в политическом своем существовании* *). Воля и прихоть помещика есть им закон. Рабствовать и повиноваться, — вот их права. Не знаю, как описать состояние людей, которых и свобода, дети и собственность — все есть для них чужое, все есть собственность их владельца. Не знаю, что сказать о людях, которые родятся затем только, чтобы трудиться и жить для удовольствия других»...

Любопытную форму принимает вопрос об освобождении крестьян у юнкера Шеколлы, прикрывающего его требованием защиты дворянских прав: «говорили также о дворянстве, что оно совсем уничтожено, и правы их вовсе пренебрежены, и негодовали на государя, что он слабо и очень хладнокровно на это смотрит и допускает таковые несправедливости. В заключение говорили, что общество сие имеет цель исправить все непорядки, возвратить дворянам прежние их права (sic!), ограничить монарха властью и доставить крестьянам свободу и вольность».

Желание освободить крестьян вылилось у Славян в очень реальную и трогательную по своей наивности меру: «Во исполнение сего намерения они положили определить некоторую часть общественной суммы на

---

*) Курсив мой. *М. Н.*

**) Т.-е. введение крепостного права.

выкуп крепостных людей». Это типично для известной замкнутости, индивидуализма их миросозерцания и привычки всегда и всюду рассчитывать лишь на собственные силы. Проект освобождения крестьянства у Славян дошел до следственной комиссии в очень искаженном виде по причинам понятным. Такой авторитетный и правдивый мемуарист, как Горбачевский, поражающий необыкновенной точностью даже в деталях, в датах, в названиях местечек, — определенно утверждает, что это решение было постановлением собрания Славян. Осторожный Борисов 2-й, огулом приписывающий себе самые ответственные мероприятия общества, лишь бы облегчить вину других, — пишет об этом как о своем личном, не проведенном в жизнь замысле: он был намерен предложить собранию, «дабы те из членов, кои имеют крестьян, позволили им окупить свою вольность, а неимеющие крестьян обязались бы вносить некоторую сумму денег и на оную покупать крепостных людей у господ, худо с ними обращающихся, а впоследствии отпускать их на волю». Это показание, повидимому, из цензурных видов исказило самый проект, так как конец не согласован в нем с началом: выходит так, что Славяне, имеющие землю, должны были получить деньги за крестьян, безземельные же покупали бы у них крестьян и отпускали на волю. Ясно, что такой проект не мог даже быть предложен, не только что принят. Но его можно дополнить сообщением Горбачевского: очевидно, безземельные вносили сумму для выкупа крестьян, а имевшие крестьян обязывались отпускать их на волю — и те и другие несли материальный ущерб. И такое постановление было принято нищими Славянами, которые жили «с одного жалованья» и семьи которых влачили полуголодное существование.

Эта программа нового социального строя у Славян довольно точна, хотя в ней и есть ряд неясностей. Как же отразилась она в основных памятниках славянской идеологии — «правилах» и «клятве»? Очень неполно и бледно. Несколько яснее прочих поставлен вопрос о тиранстве. В общество Соединенных Славян член вступал «для избавления себя от тиранства и для возвращения свободы роду человеческому». Правило 2-е — «не желай иметь раба, когда сам быть рабом не хочешь» — вероятно, относилось к крепостному праву. 10-е правило подкрепляет это мнение: «будешь стараться разрушать все предрассудки, а наиболее до разности состояний касающиеся, и в то время будешь человеком, когда станешь узнавать в другом человека». Это все. Разгадку следует искать в том, что «правила» написаны очевидно в 1823 году. В этот и ближайший год присоединилось к обществу очень немного членов. Их число растет на рубеже 1824 и 1825 годов, особенно в первую половину

последнего года. Мы помним, что к этому же времени бурного численного роста Славянского общества относится нарастание трений между основателями общества и новыми членами, замечается недовольство обществом и желание его преобразовать. Как раз в это же время (начало 1825 г.), по свидетельству Борисова 2-го, и возникает план поставить освобождение крестьян в программу общества. Старая, выраженная в «правилах» программа, очевидно, его не удовлетворяла. И понятно почему. Она была в основном творчеством *польской* национальной мысли, и Славяне чуяли в ней чуждый оттенок. Подробнее мы остановимся на этом ниже.

Во всех показаниях Славян звучит твердая уверенность, что причина всех зол — правительство. Необходимость изменения формы правления — основная предпосылка славянской политической программы. Эта новая форма представлялась им как *демократическая республика*. Основатель общества Борисов 2-й «с юности» питал любовь к «демократическому правлению», к «народодержавию». В этой области настроения общества во многом совпадали с настроениями польской его части. Уверенность, что «общее благо есть верховный закон», была той «максимой», которой с ранних лет руководствовался Борисов, бывший издавна сторонником республиканского правления. Именно на этот демократизм и бил он, когда старался внушить брату, отсутствовавшему во время Лещинского лагеря, доброжелательное отношение к слиянию Общества Соединенных Славян с Южным обществом: он рассказал ему, что «целию сего общества есть введение в России *чистой Демократии* *), уничтожающей не токмо сан монарха, но дворянское достоинство и все сословия и сливающей их в одно сословие — Гражданское». Это было восприятие Борисовым программы южан. Это была та платформа, на которой совершилось об'единение обществ. Этот вопрос и определил в общем бодрое отношение Борисова 2-го к слиянию, как ни тяжело было для него расстаться с идеей панславизма. Эта бодрость сказывается в письме к юнкеру Головинскому от 21 сентября 1825 года, — позднейшем, до сих пор не опубликованном письме Борисова 2-го: «на маневрах случился с нами большой переворот, *однако не подумайте, чтобы произошел в мыслях, нет! сего никогда не случится* *). Наши дела пришли в другой вид, который не может вас опечалить. Ежели вы принимаете в них участие, то приезжайте в Житомир, адресуйтесь к Киреву или к Пестову, они об'явят вам о наших делах, кои идут как нельзя лучше. Я думаю ско-

---

*) Курсив мой. *М. Н.*

будет довольно?». Важно подчеркнуть, что демократическая республика была политической целью Славян и до слияния с Южным обществом.

Киреев, типичный член Славянского общества, ясно показывает, что причиной, побудившей его вступить в Общество Соединенных Славян, было не что иное, как желание к перемене образа правления, теперь существующего, на республиканский. Замысел этот соединялся с требованием конституции. Пестов — один из старых членов общества — «дал клятву не щадить живота своего для восстановления свободы. Целью общества было соединение всех славянских народов под конституционное правление». Киреев, принятый Борисовым 2-м, прямо сообщает, что «цель общества была введение конституции и соединение всех отраслей Славян». И юнкеру Головинскому при приеме его Борисов 2-й об'яснил, что общество «имеет цель истребить все злоупотребления и восстановить в России Республику для общего блага», а через несколько строк хорошо звучит в связи с только что приведенным утверждение Головинского, что он вступил в общество уверившись, что «в сем обществе нет ничего вредного для отечества, добродетели и обязанности». Конечно, не все члены были так наивно откровенны на следствии. Очень многие Славяне от республиканской цели отреклись, некоторые в любопытной форме. Так, например, Борисов 1-й, очень многое утаивший от бдительных следователей, неосторожно обмолвился, характеризуя цель общества словами: «дабы Россия имела весь вид внутри республики, наружно сохраняла форму монархии *), разделяясь на области, была соединена союзом общественной безопасности под особой умеренного монарха» [139]. Он же подчеркивает ранее конституционную цель как исконную: «Видя разные несправедливости и угнетения в империи и имея воспаленное воображение насчет любви к отечеству, я вознамерился составить тайное общество с тою целью, чтобы требовать по усилению оного от государя положительных законов, коим бы он сам был подвластен». Самую славянскую цель он рассматривает как прикрытие для этого ближайшего замысла.

«Мы выдумали отдаленную цель *соединения славянских племен в одну Республику* *) и написали для оной правила, или катехизис, и клятвенное обещание. Средством сим я полагал возможным, собрав значительное число членов, открыто требовать от императора законов».

Стремление к конституции на славянской клятве и «катехизисе» в сущности не отразилось, если не усматривать намека на него в сло-

---

*) Курсив мой. *М. Н.*

вах: «...будешь получать для себя правосудие и ему повиноваться обязан, *ибо оное с дороги, тобой начертанной, совращаться не будет*» *).

Идея республиканской *федерации* выражена в славянском катехизисе чрезвычайно ярко. На восьмиугольной печати Славянского общества — вернее, проекте печати — на каждой грани значится по славянскому племени: русские, поляки, венгры, богемцы, кроаты, далматы, сербы и мораване. В деле Выгодовского, сохранившем тщательный рисунок этой печати, указаны русские, сербы, мораване, иллирийцы, далматы, богемцы, кроаты, поляки [140]. Эти восемь славянских республик об'единялись в федеративный союз, «подобный Греческому, но гораздо его совершеннее». Этот союз должен был раскинуться между четырьмя морями — Черным, Балтийским, Адриатическим и Ледовитым. — Какое грандиозное осуществление мечты «от моря до моря»! На берегах морей должны быть воздвигнуты мощные порты. Как особо важное, заповедное слово, они обозначались масонским знаком, в состав которого входили якоря: в... «**) твоих, славянин, будет цвести торговля и морская сила». Тот же «катехизис» говорит о необходимости *четырех флотов:* «Ты еси славянин и на земле твоей при берегах морей, ее окружающих, построишь четыре флота: Черный, Белый, Далмацкий и Ледовитый». Бечаснов прямо говорит, что требование жертвовать 10% доходов было связано с постройкой флотов: «На собранную сумму долженствовали быть выстроены на 4 морях: Белом, Средиземном, Черном и Адриатическом [141] четыре порта, *охраняющие от внешних неприятелей границы и морскую торговлю*». Особенно важно последнее указание потому, что Бечаснов — один из старейших членов.

Каждая из республик, входящая в федерацию, имела свою особую конституцию, «приличную» именно данной стране, приспособленную к ее условиям и особенностям.

Посреди федеративного союза, — неизвестно, в какой именно его части (не о Варшаве ли шла речь?) предполагалось воздвигнуть город, столицу союза. Важность ее подчеркивалась тем, что самое понятие скрыто масонским знаком. «Катехизис» своим замкнутым символическим языком говорит об этом городе, обращаясь к славянину: «воздвигнешь ***)... и в нем богиню просвещения на троне посадишь. Оттуда будешь получать для себя Правосудие и ему повиноваться обязан, ибо оное с дороги, тобой начертанной, совращаться не будет». Борисов 2-й говорит об этом гораздо конкретнее; по его утверждению, предпола-

*) Курсив мой. *М. Н.*

**) Следует символический знак города (см. таблицу символических знаков).

***) Символический знак столицы (см. таблицу).

галось «в центре союза построить город, в который бы посылались депутаты от славянских народов и находилось главное правление федеративного союза».

Весь план федерации развертывался на фоне оживленной торговли и кипучей промышленной жизни. В портах должна «цвести торговля и морская сила». Предписано было почитать науки, художества и *ремесла,* и не только почитать, а даже возвысить любовь к ним до «Энтузиазма». Характерен самый подбор символических знаков, по существу революционно-городской: порт, столица (город), оружие. Горбачевский, излагая все элементы политической жизни союза, связывает их в одну стройную систему, даже подводит под нее философский фундамент: «Общество имело главною целью освобождение всех славянских племен от самовластия, уничтожение существующей между некоторыми из них национальной ненависти и соединение всех обитаемых ими земель федеративным союзом. Предполагалось с точностью определить границы государства, *ввести у всех народов форму демократического представительного правления,* составить *конгресс* для управления делами союза и для изменения, в случае надобности, *общих коренных законов,* предоставляя каждому государству заняться внутренним устройством и быть *независимым в составлении частных своих узаконений.* Вникая в основания благоденствия частного человека, мы убеждаемся, что они бывают физические и умственные. Посему гражданское общество как целое, составленное из единиц, необходимо зиждется на тех же началах и для достижения возможного благосостояния требует *промышленности, отвращающей бедность и нищету,* нравственности, исправляющей бурные наклонности, смягчающей страсти и внушающей человеколюбие, и наконец — *просвещения,* вернейшего сподвижника в борьбе противу зол, неразлучных с существованием, *которое делает умнее и искуснее во всех предприятиях* *). Развертывать, распространять сии три основные начала общественного блага поставлялось в первую и неизменную обязанность Славянина» [142].

Не требуется особой прозорливости, чтобы усмотреть в этой программе соединения Славян основные черты *польского* национального идеала «от моря до моря». Здесь мощные флоты, кипучие жизнью порты, процветание промышленности и торговли, особенно морской. Здесь любопытный штрих уважения *к ремеслу,* распространеннейшей форме польского производства, и центральный город, столица, очень похожая по местоположению на Варшаву.

---

*) Курсив мой. *М. Н.*

Но если в этом федеративном союзе нашлось бы место мелкой польской шляхте, то, конечно, ничуть не худшее место нашлось бы и мелкому русскому дворянину, живущему «с одново жалованья», без земли, среди кипучей промышленности и процветающей торговли. Богиня просвещения, сидевшая на троне в главном городе, недаром была *посажена* туда Славянином и она бы не поскупилась на то, чтобы позаботиться о хлебе для своего приверженца, пылавшего к ней энтузиазмом. Тем более,что Славянин был скромен: ограниченный идеал мелкобуржуазного существования, не требующий многого, проходит по «правилам» и «клятве», сквозит во всех показаниях. Нищее, полуголодное офицерство, вынужденное принимать денежные подачки от богатых товарищей по случаю перевода в другой полк и необходимости закупить обмундирование [143], сильно затрудненное членскими взносами и учитывавшее копейки, чтобы переехать из одного местечка в другое, согласно было довольствоваться малым. Одно обеспеченное существование было уже его идеалом. «Каждый почтет тебя великим, когда гордости и *избытку* ласкать не будет», — учили «правила» Славян. Нужно «всеми способами помогать бедным, — передает Горбачевский суть славянских наставлений, — но не быть расточительным, *не делать людей богатыми,* но научить их, каким образом посредством труда и бережливости можно приобретать богатства и каким образом без вреда для себя и других пользоваться оными» [144]. Эти требования согласовывались с общим тоном славянского морального идеала: разрушай предрассудки, будь добродетельным, «и добродетель целой жизни сплетет венец спокойствия для твоей совести». Этот обывательский идеал умеренности и аккуратности на заре русского промышленного капитала, когда мелкая буржуазия только начала оформляться, бороться за свое существование, этот идеал простоты, трезвости и скромности, порицание «гордости, суетности и фанатизма» — были своеобразной формой протеста против морально разлагающегося крупного крепостнического дворянства. А психология накопления, бережливости (согласно с проповедью трезвости) была направлена на завоевание нового «места под солнцем». «Желаешь все сие иметь?! Будешь жертвовать 10-ю часть твоих доходов...». А десятая часть не шутка, особенно если «доход» равен «одному жалованью». И чтобы почувствовать всю революционность *для того времени* этого «мещанского» идеала, надо почувствовать все своеобразие совмещения двух правил, рядом стоящих и друг другу не противоречащих: «11. Будешь добродетельным, и добродетель целой жизни соплетет венец спокойствия для твоей совести. 12. Употребишь даже свое ...(знак оружия, штык), если того нужда будет требовать...».

Так и вышло. Для отвоевания у дворянской России права на свою скромную добродетель действительно пришлось пустить в ход штыки.

Так же характерен для славянского морального облика вопрос о религии. Здесь не приходится говорить о последовательном безбожии, но для того времени Славяне в этом отношении стояли на крайнелевом фланге. Большинство их было вольтерьянцами. Их правила предписывали «терпеть все вероисповедания и обычаи всех народов». Борисов 2-й был деистом-вольтерьянцем, Горбачевский в Сибири был притянут к ответу за богохульство и регулярное непосещение исповеди и «святого» причастия, Люблинского начальство преследовало за непосещение исповеди еще в Новоград-Волынске. Андреевич, не колеблясь, предлагает «под присягой» подтвердить свои явно ложные показания. Борисов 2-й протестует против безнравственности и православного и католического духовенства, а Иванов смущает Костыру рассказом о том, что мощи — поповские выдумки. Пылкая мысль Андреевича деятельно работает, разбираясь в противоречиях религии. Он не боится преподносить следственной комиссии плоды своей прекрасной логической работы: «Вера моя открывает врага мне в том, кто мне делает зло всякого роду — и оного велит любить как самого себя, но сие касается меня самого. А если же сей враг делает вред другому, не повелевает ли она же защитить сего несчастного? Итак, я спрашиваю, что более предпочитать я должен и виноват ли я, если отечество, воспитывая меня, дало на сей предмет таковые понятия?». Ведь тайным врагом народа, по мнению Андреевича, было правительство, — он черным по белому пишет это. Отсюда вывод: религия велит мне, защищая ближнего, нападать на правительство. Ясно, что, «преследовав чувствам, кои вселены мне в душу с младенчества, я не считал... преступлением жертвовать собою для того, чтобы жизнью своей и кровью освободить своих соотечественников от угнетений, которыми они мучатся. Это одно. Другое: я при вступлении на службу дал клятву не щадить врага, притесняющего моих соотечественников. Руководствуясь сими двумя причинами, я побужден был на все решиться». Вряд ли можно искуснее истолковать в свою пользу военную присягу.

Так определились в общих чертах моральный облик Славян и их политические требования. Добиться выполнения последних можно было только через восстание, через насилие, через отнятие власти у царского правительства. Конституционные требования Славян туманны были для них самих. Конституция рисовалась как приспособленная к каким-то местным, русским нуждам. Этих «местных» нужд было очень много. Нужно было как-то разрешить старые наболевшие вопросы, хоть для

себя разрешить, чтобы этим приобрести внутреннее основание для революционного действия. Тяжкое положение крестьян, невыносимая жизнь армии, негодность правосудия — все это делало совершенно неотложной работу над выяснением специфических русских требований, над изучением нужд не всего союза, а только одной России.

Этому сосредоточению внимания на своих нуждах и интересах способствовало, конечно, полнейшее отсутствие живой связи с другими составными частями федерации. Ложь Борисова 2-го об основателе общества «молдавском князе» и Горбачевского — о графе Макгавлии, уехавшем в родную Сербию для распространения там славянского союза, хорошо отражает мечту об этой связи. Даже с польским тайным обществом связь не успела наладиться. Это смог бы сделать Люблинский, хорошо знавший многих деятелей-поляков. Но по каким-то причинам он не хотел этого, хотя один из представителей-поляков жил очень близко. Это — граф Мошинский. Почти никто из Славян не слыхал даже его имени. Люблинский свое знакомство с ним усиленно отрицает перед следственной комиссией. Но ранее в разговорах с Борисовыми он однажды похвалился, что пригласил такого члена, который будет стоить многих, — графа Мошинского! Этим он с головой выдает себя. Люблинский признается, что знает и некоторых других поляков, но не как деятелей тайного общества, в чем можно сильно сомневаться. Иногда знакомство свое он стремится прикрыть иронией: «графа Понятовского потому только знаю, что у него хороший кожаный завод и суконная фабрика»... Кое-что о поляках, конечно, знал и друг Люблинского — Борисов 2-й. По крайней мере, чрезвычайна характерна его «ложь» (он ее так называет), что тайное общество сильно в Варшаве.

Тут напрашивается параллель с обществом Военных Друзей, к сожалению почти неисследованным. Любопытно, что в нем можно найти черты, сближающие его с Обществом Соединенных Славян. Вдохновителем его являлся шляхтич Рукевич: он внушил мысль об основании его поручику Несвижского карабинерного полка, Литовского корпуса, Гофману. Общество основано было в 1825 году, задачи его не исследованы, но, несомненно, оно было тесно связано с идеей польского освободительного движения. По составу оно несколько походило на Славянское общество его члены—капитан Литовского пионерного баталиона Игельстром, поручик того же баталиона Вегелин и подпоручик Воехович, поручик Несвижского карабинерного полка Вильканец, коллежский регистратор Гриневецкий, канцелярист Вронский, шляхтич Феликс Ордынский, разжалованный в 1825 году за преступления из комиссариатских чиновников 12-го класса в рядовые Ананий Угричич Требинский. Последний

основал 2-ю степень того же общества и привлек к нему учеников Белостокской гимназии. Общество проявилось лишь во время присяги Николаю I. По внушению Рукевича, на квартире которого было несколько собраний, роты, находившиеся под командою членов общества, отказались присягать и стояли за Константина. В польском революционном движении в момент междуцарствия находились сторонники Константина, думавшие воспользоваться слагающимися обстоятельствами для полного или частичного освобождения Польши. Роль Рукевича имеет сходные черты со значением Люблинского в Славянском обществе, задачи общества связаны с национальной польской идеей, состав общества демократичен. Думается, что исследование общества «Военных Друзей» могло бы пролить некоторый свет на историю Общества Соединенных Славян.

Связь русского мелкого офицерства в Обществе Соединенных Славян с мелкой шляхтой никак нельзя назвать «блоком». Здесь не было противоречивых интересов, борьбы, взаимных уступок и временного соглашения. Блоком было об'единение польского тайного общества и южан, где на лицо были все эти элементы: *временно* решали на таких-то условиях действовать вместе, но не соглашались всецело, не сливались друг с другом. «Я первый буду противиться тому, чтобы Польша разыграла в кости судьбу моей родины»,—говорил Матвей Муравьев-Апостол. Другое дело Славяне. Не имея ничего против польского проекта славянской федерации *по существу* и сочувствия ему, они только не могли им ограничиться. Им надо было разрешить *свои* дела, и их внимание сосредоточивалось на мысли о конституции. Но своей конституции не было еще у Славян. В то же время оказалось, что есть тайное общество, а у него своя конституция, да не какая-нибудь, а стоившая десяток лет работы образованнейших людей и возившаяся за границу на одобрение виднейших публицистов. Славянам и не приснилась бы такая конституция. Казалось, сама судьба дает им в руки то, чего они так страстно желали. Произошло слияние двух обществ, разрешившее славянский кризис.

Какова же была тактика Славян в деле проведения в жизнь поставленных ими целей до слияния с Южным Обществом? Способ действия, всеми единогласно подтверждаемый, состоял в наборе членов до такого расширения общества, чтобы оно охватило огромное количество жителей. После этого можно было бы «требовать от государя законов». Этот способ мирной пропаганды сознательно преувеличивался Славянами на следствии. Сам Борисов 2-й вынужден признать, что целью общества является «отдаленный и сделанный без больших потрясений Государственный переворот». Но символический знак, мелькающий

в клятве, не мог обмануть бдительность следственной комиссии. Характеризуя «чрезвычайно демократическое общество», она не забыла запечатлеть этот чрезвычайный знак даже на страницах «Донесения следственной комиссии». Обязательство немедленного восстания по первому революционному призыву было у Славян еще до слияния с Южным обществом. Мы узнаем об этом окольным путем по поводу положения о наборе членов после соединения с южанами из показаний Киреева: «В рассуждении набора членов,— пишет он,—это была обязанность каждого вступившего в общество, а равно как и решимость действовать при первом воззвании, и потому хотя Бестужев о том и говорил у Андреевича, но сие было *не что иное, как повторение уже известного*» *). Заместитель председателя Славянского общества Громнитский очень точно поясняет: «Цель сего Общества была соединить все славянские народы в один союз. Средства к достижению оной заключались в умножении членов, в точном исполнении правил и *силе оружия*» *). Он же об'ясняет, что знак есть изображение штыка, при чем совершенно правильно указывает, что этот знак «имел свое собственное значение», — стоит только взглянуть на него, чтобы в этом убедиться. В этом случае мы имеем отступление от обычной символики масонов и карбонариев: их излюбленный символ оружия — кинжал, кстати сказать, очень просто изображаемый графически. Славяне приняли символ *массового, солдатского* оружия. Самая же организация Славянского общества мало была приспособлена для быстрого революционного действия, которого жаждали Славяне. Это противоречие также нашло свое разрешение в слиянии с Южным обществом. Были точно указаны срок действий — 1826 год, было указано, что, может быть, действия начнутся и раньше, и об этом известят. Отдано было распоряжение быть готовыми, вести работу среди солдатской массы, были выбраны посредники. Оставалось только ждать.

---

*) Курсив мой. *М. Н.*

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ПОДГОТОВКА ВОССТАНИЯ.

Армия была размещена по зимним квартирам. Наступила осень. Славяне напряженно ждали переворота. Хотя он обещан был лишь в 1826 году, но члены Южного общества, в особенности Бестужев-Рюмин, все время давали понять, что действия могут начаться и раньше. Развертывалась планомерная работа Славян по подготовке солдат к революции, строились стратегические планы, велись нескончаемые разговоры о деталях переворота, о том, как начать. И здесь, как всюду, Славяне оставались практиками, стремившимися охватить будущую революцию во всей ее жизненной конкретности. В октябре — дело было в Новоград-Волынске — Борисов 2-й обсуждал с Андреевичем новый вопрос. Стало известно, что в начале ноября цесаревич Константин проедет через Новоград-Волынск в Таганрог к больному Александру I. «Однажды, — передает Борисов 2-й содержание этой беседы, — разговаривавши с Андреевичем 2-м о разных средствах достигнуть нашей цели без кровопролития, я говорил ему, что ежели бы мы имели способ, то бы могли арестовать его высочество цесаревича при проезде его через Новоград-Волынский из Варшавы в Таганрог». В ближайшее свидание с Бестужевым (Андреевич 2-й был в конце октября командирован в Киевский арсенал «по искусственной части», для черчения планов, и виделся там с Бестужевым) Андреевич ему передал об этом замысле. Следственная комиссия, усиленно допрашивавшая Славян о плане этого покушения, первоначальные сведения о нем получила именно от Бестужева: «Во время проезда великого князя Константина Павловича чрез Новоград-Волынск в Таганрог общество Славян намеревалось его остановить и истребить, но, не получив на сие никакого от нашей управы приказания, сие не исполнили. Узнал я о сем от подпоручика Андреевича...». И Борисов 2-й и Андреевич упорно протестовали против указания Бестужева на их намерение «истребить цесаревича» и утверждали, что якобы не были намерены этот план приводить в действие.

Они, вероятно, правы, поскольку их нельзя подозревать в замысле сепаратных от Южного общества действий. К тому же революционная подготовка была лишь начата. Борисов 2-й оправдывается, исходя из нецелесообразности этой затеи для революционных целей, как бы забывая, что он находится перед следственной комиссией: «Еще раз скажу, что никогда не предпринимали мы произвести в действие говоренного мною Андреевичу 2-му, мы были только двое в Новоград-Волынске и не имели никаких средств даже подумать о исполнении оного. Сам Бестужев уверил нас, что революция должна начаться не ранее осени 1826 года на маневрах... Можно ли же было отважиться нам двоим или четверым за год до назначенного времени, не уверясь в силе общества, не истребовав на то согласия главных членов оного, которым мы обязаны повиноваться, не имея на своей стороне солдат, готовых на сие предприятие, не зная действий и мнения своих сообщников, арестовать особу царствующей фамилии? Ясно, что таковое намерение было бы совершенно безрассудно и вредно нашему обществу. Мы могли бы сим погубить не только себя, но открыть существование общества и его цель и намерение...» До от'езда Андреевича 2-го в Киев были обсуждены многие детали предполагаемого переворота. Борисов 2-й волновался, окажутся ли во время революционных действий в исправности артиллерийские снаряды. Порох и снаряды принимались ежегодно в Киеве артиллерийскими ротами для практических упражнений во время лагерей. Но по небрежности ротных командиров заряды в ящиках никогда не менялись. «Это делалось почти везде, — рассказывает Горбачевский [145] и Борисов, будучи в сражении против горцев с бригадою, которая перешла на Кавказ из первой армии и пошла тотчас в действие, не успев переменить и осмотреть снарядов, — и, будучи свидетелем неудачного действия гранат, брандскугелей и картечи, боялся, чтобы сего не случилось и при восстании». Поэтому он просил Бестужева через Андреевича «управляющим обществами найти способы внушить начальству, через кого-нибудь из близких к оному, мысль об отдании приказа по корпусу на счет осмотра и переделки всех вообще зарядов и полагал необходимым привести сию меру в действие, по крайней мере в тех ротах артиллерии, где находятся члены общества».

Это «мнение Петра Борисова относительно приготовления артиллерии и переделки снарядов» было приложено к коллективному письму Славян к Бестужеву, где передавались вести о ходе подготовки солдат. «Составлял это письмо более всех Борисов 2-й, а писал его Горбачевский. Здесь сообщалось, что революционная пропаганда находит полное сочувствие солдат, что они рвутся к действию и трудно их

удержать. На следствии Славяне упорно отрицали правдивость этого письма, говоря, что в нем было лишь пустое хвастовство; особенно настаивал на этом Горбачевский. Но в своих записках он утверждает совершенно обратное: «В сем письме успехи Славян нисколько не были преувеличены»[146]. Так или иначе, подготовка солдат была в полном ходу, и результаты ее были налицо. Это интереснейший момент в жизни общества.

Все Славяне были готовы к революции. И Южное общество и Общество Соединенных Славян связь с солдатами считали необходимой. Во время обсуждения вопроса слияния с Южным обществом выдвигался и вопрос о подготовке солдат к восстанию. Вспомним совещания у Андреевича 2-го и обсуждение проекта Спиридова.

Славяне учли, что следственная комиссия считала пропаганду в войсках тягчайшим преступлением. Как бы сговорившись между собою, они на один лад смягчают эту сторону деятельности: говорили-де с солдатами вообще о тяжести службы, советовали терпеть, истинной цели тайного общества не открывали, говорили им, что есть люди, которые о них, солдатах, заботятся, и надо лишь немного подождать. Это — обычный трафарет ответа Славян на тот пункт следственной анкеты, который спрашивает их о связи с войсками. Эта сторона деятельности декабристов труднее всех поддавалась учету: солдаты показывали скупо, отговаривались незнанием, несмотря на «строжайшие» допросы, вероятно сопровождавшиеся битьем. Письменных документов о пропаганде в войсках почти не сохранилось, да и было, очевидно, их очень мало. Это и дало возможность декабристам скрыть от правительственного следствия в этом пункте больше, чем в других. Если прибавить, что разыскана лишь небольшая часть показаний солдат-декабристов, то будет ясно, как скуден материал, освещающий эту важнейшую область деятельности декабристов.

Сопоставление различного следственного материала, данные очных ставок и мемуарная литература представляют дело в другом виде: пропаганда имела место, была гораздо более серьезной, чем изображали ее во время следствия декабристы, и это правильно почуяло правительство, жестоко расправившееся с замешанными в деле солдатами. Пропаганда шла вглубь, знакомила с существованием тайного общества и с его главной целью, поднимала солдат на восстание и наметила в солдатской массе определенную организацию влияния — через фейерверкеров к рядовым.

Когда следствие задавало вопрос о причине появления у подсудимого вольнодумных мыслей, редко какой из Славян не указывал на

тяжелую жизнь солдат, которую он имел случай наблюдать. Для некоторых, например для Борисова 2-го, сцены насилия над нижними чинами и зверское обращение с ними послужили поворотными моментами в их душевной жизни. Тяжелая жизнь солдата, нещадные побои, им получаемые, были одной из причин «вольномыслия» Спиридова. Андреевич в своих показаниях, как всегда резкий и пылкий, говорит, что и в войсках и среди граждан распространен дух мщения. Усовский также упоминает о чрезвычайной тяжести солдатской службы. Уже полубольной Фурман (в конце концов он сошел с ума) — в своем своеобразном «Рапорте его императорскому величеству» пишет: «вашему императорскому величеству донести честь имею, что вся армия, солдаты и офицеры, убиты совершенно духом и терпят крайность в голоде, а через то жаждут по необходимости войны или смерти... от солдат [требуют] службу, когда ему совершенно есть нечего и он провианта не видит...». Юнкер Драгоманов горячо заступается в своих показаниях за солдат, которым сделать зло очень легко: «солдаты, при всей тягости своей долговременной службы, будучи за малые вины, а иногда и по одному капризу низшего начальства, весьма строго наказываемы, самую службу сию несут нередко больше положенного государем императором 25-летнего времени, а если уже и доживут оную, то, пожертвовав службе отечества здоровьем своим, наконец, дряхлые, немощные и старые бедняки сии, не могущие питаться собственными трудами, скитаются почти без пропитания, а нередко и без приюта»... [147]. Все Славяне были очень гуманны и мягки с подчиненными им нижними чинами. «Не бывши еще членом Южного общества и не имея в виду никакой цели, обходился я всегда с моими подчиненными ласково, был снисходителен к их ошибкам, а иногда в годовые праздники и торжественные дни, ежели у меня случались деньги, давал им на водку, чем и внушил в них к себе некоторую привязанность...»,—сдержанно пишет Борисов, 2-й, подчеркивая, как и многие, момент дачи «на водку» для видимой обыденности их отношений к солдатам. Это говорилось лишь для следственной комиссии. Очень своеобразно подходил к телесному наказанию Андреевич, «от природы жадный быть первым в делании добра», по его собственной меткой характеристике. Провинившихся солдат он не бил, а *показывал* им, как за подобные же проступки били нижних чинов других воинских частей. Спиридов был очень мягок в обращении с нижними чинами. Ад'ютант главного штаба 1-й армии Сотников, специально посланный в места квартирования мятежных войск для разведывания об их «духе», особое внимание обратил на части, где начальствовал Спиридов. 1-я гренадерская рота Саратовского полка проявляла особенно непокорный дух и вела

себя подозрительно: в ней как раз и имело место одно из довольно значительных для того времени солдатских волнений: «рота сия состояла прежде в команде капитана Спиридова, того самого, который служил потом майором в Пензенском пехотном полку, и после возмущения Муравьева-Апостола арестован и отправлен в Санкт-Петербург. Спиридов, как видно, поселил в ней дух своеволия, ибо говорят, что он солдатам давал много воли и обходился с ними за панибрата». Поручик Аргиров, при роте которого позже находились 26 человек солдат из 1-й гренадерской роты, жаловался, что они «до того избалованы, что ему весьма нелегко удерживать их в порядке». Андреевича 2-го солдаты очень любили, часто приходили к нему жаловаться на свои невзгоды. Он, по собственному признанию, привязанность солдат почитал делом честолюбия, — был бы оскорблен, если бы солдаты его не любили. Донесения упомянутого выше Сотникова пестрят указаниями на привязанность солдат к начальникам-Славянам. «Об офицерах, взятых из их полка», — речь идет о Пензенском полке, — солдаты «весьма сожалеют, а в особенности о Тютчеве и Громнитском, о которых говорят, что они для них были весьма хороши». «О подпоручике Мозгалевском, который состоял в сей роте» (3-я мушкетерская рота Саратовского пехотного полка), «солдаты сожалеют и говорят, что он для них был весьма добр».

Влияние Славян-офицеров среди солдат прежде всего, конечно, распространялось на подчиненную им часть. Пропагандой были затронуты некоторые роты полков Саратовского, Пензенского, и 9-я и 8-я артиллерийские бригады. Как и Муравьев с Бестужевым, члены Славянского общества особенное внимание обращали на солдат бывшего лейб-гвардии Семеновского полка, уже имевшего революционное прошлое. Эти солдаты особенно горячо откликались на всякий противоправительственный призыв. Однажды Фролов говорил с Тютчевым о том, как строго обращается баталионный командир Рихтер с нижними чинами Троицкого полка. «Это может служить к лучшему для нас, — сказал Фролов, намекая на членов Общества Соединенных Славян, — ибо нижние чины тем более вознегодуют, только жаль, что нет там из нашего общества ни одного офицера». — «Там есть из Семеновского полка унтер-офицер,— отвечал Тютчев,— которому я уже говорил и надеюсь, что более успею, нежели через какого-нибудь другого офицера». Славяне стремились использовать прежний бунтарский опыт. Сам Тютчев ведь — бывший офицер Семеновского полка. Семеновцы часто ходили к Муравьеву-Апостолу со своими жалобами и даже писали ему письма. Следствие потратило много тщательного труда для выяснения, зачем эти

рядовые к нему ходили и что он им говорил. Пропаганда Муравьева-Апостола задевала не только солдат Черниговского полка, а и солдат упомянутых выше частей, в которых служили Славяне, если это были бывшие семеновцы. Многие Славяне по роду своих обязанностей имели особо благоприятные условия для агитации: так, Бечаснов заведывал школой солдат. Один из агитационных способов, им придуманных, очень любопытен: он составил прописи «для учащихся» и вставил в них вольнодумную цитату, взятую из Эккартсгаузена, о том, что человек должен пользоваться правами, коими природа его одарила. Дело было во 2-й легкой роте 8-й артиллерийской бригады. Ад'ютант Сотников, посланный после восстания расследовать настроение войск, конечно, не мог всего разузнать, но уловил кой-какие штрихи. Например, «Бечаснов, по его утверждению, недели за две до своего ареста придя в школу, приказал сложить солдатам книжки и сказал: «Авось нам будет хорошо и вам лучше, нежели в лагере». Сотников об'яснял этот намек тем, что в лагере — перед выходом из него — случилась голодовка из-за крупной недостачи провианта: его нехватило на три дня. Возмущенные солдаты пошли жаловаться фельдфебелю, а тот некоторых «за сию жалобу» наказал, «отчего между солдатами произошел ропот, и они жаловались старшему по ротном командире офицеру». По донесению Сотникова ученики Бечаснова «о намерении, с коим Бечаснов сказал упомянутые выше слова, вовсе не знают». Но в каком ярком противоречии стоит с этим заявлением сообщение того же Сотникова о впечатлении, произведенном на солдат арестами их товарищей: из этой роты 12 человек были арестованы в местечке Барановке и четыре в Новоград-Волынске, где они находились в учебной команде. «Нижние чины во 2-й легкой роте говорят, что упомянутые люди должны быть арестованы по показанию той же роты прапорщика Бечасного, у которого они обучались арифметике...». «Нижние чины об арестованных людях своей роты весьма сожалеют и арестом их так напуганы, что опасаются, чтобы их всех не забрали». Едва ли цитата из Эккартсгаузена и слова: «авось будет лучше»—были единственным агитационным грехом Бечаснова. Солдаты не могли бы запомнить такой, в сущности совершенно незначительной, фразы, как приведенная выше, которой они, к тому же, по их собственным словам, «не поняли». Очевидно, Бечаснов говорил гораздо больше и значительнее, а приведенная фраза характеризует лишь один из его приемов агитации. И ясно, что сочувствие учеников было полное, — иначе совершенно необ'яснима боязнь ареста у оставшихся. Тот же Бечаснов, выполняя поручения по производству мелких следственных дел лагерей, много ездил из местечка в местечко и вращался среди солдат

различных воинских частей, вероятно продолжая дело агитации. Сам он жил в местечке Острожке, а ездил постоянно то в Барановку, то в Новоград-Волынск. В тех местностях, особенно в Острожке, тем летом часто происходили пожары; Бечаснова порядили вести следствие, так как в пожарах обвиняли солдат. В местечке Барановке заседала также комиссия по расследованию дела об утоплении фейерверкера Ведякина: в ней заседали вместе с ним Борисов 2-й и Горбачевский. Раз'езды облегчали пропаганду, а свидания членов тайного общества, встречи их на одном служебном деле теснее сближали их. Андреевич 2-й, которого перевели из его роты в Киевский арсенал, тоже пользовался своими переездами для расширения пропаганды — он вел ее, кроме своей роты, в Киеве среди рабочих арсенала.

Система пропаганды Славян была такова: необходимость перемены, переворота связывалась с тяжелой жизнью солдата, с его нуждами. В этом смысле характерны действия Борисова 2-го и Андреевича 2-го, особенно усиливших пропаганду приблизительно с половины октября 1825 года: они исполняли постановление, принятое на собраниях по слиянию Славянского общества с Южным. «Сначала замечали дух солдат и видели, что они были недовольны своим состоянием и иногда даже жаловались на свой жребий». Славяне говорили о надежде переменить их нынешнюю участь. Иногда солдаты встречали это сообщение с недоверием, но чаще сочувствовали. Далее, рядом искусных вопросов, толкавших мысль к нужному выводу, одобрялась, поддерживалась и питалась столь естественная в александровском солдате ненависть к высшему начальству и вообще к правительству. На одном из бурных собраний у Андреевича 2-го Мозган, среди шума и гула многих взволнованных голосов, слышал громкие слова Спиридова, покрывшие все. Он говорил о том, что «довести до цели иначе не можно, как войти стараться в доверенность нижних чинов и возбуждать их к ненависти начальства, осуждая их строгости и муки, которые терпеливо сносят от них нижние чины...— а более через голоса многих говорящих не слышал...». В документах есть намеки на связь пропаганды Славян среди солдат с крестьянским вопросом. Член общества, поручик Полтавского полка Усовский, говорит о приемах пропаганды так: необходимо было, «привлекая солдат на свою сторону, представлять им, сколь они обременены тягостною и долговременной службою, сколь жалование их мало, и выставлять им на вид рабство и угнетение их отцов, матерей и братьев». Приготовление солдат, — метко говорит Андреевич, — состояло в возбуждении ненависти к правительству. Но что же было дальше, после возбуждения этой ненависти? Ограничивались ли Славяне сделанным или

шли дальше, открывали существование тайного общества, его цель, старались заинтересовать в его планах? Мы упоминали, что здесь вопрос не решается одинаково. Славяне в своих показаниях из понятного чувства самосохранения говорят, что пропаганда останавливалась на возбуждении в рядовых общего чувства недовольства, рекомендации терпеть и указания, что кто-то о них, нижних чинах, заботится. Но это было не так.

Не все категорически отрицали сообщение солдатам цели и планов тайного общества. Любопытен случай Борисова 2-го с фейерверкером Зениным; это первое солдатское имя, выплывающее перед нами из среды солдат-декабристов, связанных с Соединенными Славянами. «Я старался от него узнать, — показывает Борисов 2-й, — довольны ли солдаты их нынешнею участью (хотя уже заметил их неудовольствие), и, вошедши с ним в подробности, говорил ему, что о них, так же как и вообще о нашем сословии людей, заботятся многие значительные особы и стараются о том, чтобы облегчить их жребий; что им не должно только унывать, быть твердыми и в случае нужды решиться умереть за свои права, что ежели они исполнят все это, то лета их службы уменьшатся, командиры и частные офицеры не будут их обижать более по своим капризам; ошибки во фронте не навлекут палочных ударов и прочее... Точно так же поступал я, разговаривая с другими; сначала они колебались, но, обольщенные представляемою им золотою будущностью, говорили мне неоднократно, что рады со мною умереть. Однако на солдат действовать опасались, хотя я *о перевороте говорил слегка* *) и требовал только, дабы они старались извлечь солдат из уныния, в коем они погруженными находятся, удалить от них безнадежность, что жребий их никогда перемениться не может, заставить жить в согласии друг с другом, повиноваться фейерверкерам, удаляться пьянства, быть твердыми и готовыми на все». Донесения правительственных чиновников о состоянии «духа» какого-нибудь полка или другой военной части не всегда совпадают с таким ценным материалом, как показания очных ставок. «По учиненному на месте исследованию в роте Тютчева никаких беспорядков или вредных внушений солдатам не оказалось». Но вот Фролов показывает о Тютчеве обратное. На очной ставке Тютчев признает правильность сведений Фролова. В первой гренадерской роте Саратовского полка произошел бунт, — подробнее о нем будет сказано ниже. Через два или три дня в балаган к Тютчеву пришло шесть человек рядовых этой роты, которые служили прежде

*) Курсив мой. *М. Н.*

в гвардейском Семеновском полку и хорошо знали Тютчева. В балагане происходил какой-то оживленный разговор. Внезапно вошедши, Фролов застал Тютчева на такой заключительной фразе, обращенной к солдатам: «Ну так, ребята, потерпите! Рано не надобно начинать; а когда будет время, тогда вам скажут». Вскоре за Фроловым подошли подпоручик Радкович и Мозган; солдаты ушли. Через несколько времени Фролов спросил Тютчева, зачем приходили к нему рядовые Саратовского полка. «Они служили с нами в Семеновском полку, — отвечал на это Тютчев, — и я говорил им теперь, что мы начали в Петербурге дело, но не кончили; а вы старайтесь подготовить своих товарищей. Из них, — продолжал Тютчев, — есть такие, кои служили в роте Муравьева, который просил меня, чтобы прислать их к нему, и я говорил тем солдатам, чтобы сходили к Муравьеву». О задуманном декабристами перевороте было, следовательно, не только сообщено солдатам, а была установлена даже идейная связь между неудавшимся восстанием Семеновского полка и новым предполагающимся восстанием — «начали в Петербурге дело, но не кончили». Кроме того, была известная агитационная планомерность: Тютчеву сообщалось, каких солдат направлять для агитации к Муравьеву-Апостолу, и Тютчев следовал этим указаниям. Сообщенное солдатам было очень важно, иначе декабристы не стали бы беспокоиться о том, как бы шпионы чего не выведали от солдат. По возвращении из Бердичева Бечаснов сказал Горбачевскому, солдатам Крайникову и Сидорову: «теперь ничего не говорите о том, что вы от меня слышали, ибо всюду разосланы шпионы, и если вас подслушают, то вы пропадете». В этом свидетельстве—любопытный штрих: член и глава целого артиллерийского округа тайного общества Горбачевский предупреждается на-ряду с солдатами: очевидно важные сведения о тайном обществе были у них всех — не было резкого неравенства в осведомленности.

Славяне стремились воздействовать на солдат по линии субординации: офицеры агитировали фейерверкеров и унтер-офицеров, т.-е. солдатскую верхушку, и побуждали ее воздействовать, в свою очередь, на стоявшую ниже рядовую массу. Агитация проводилась планомерно, образовался даже небольшой, правда, кадр «поверенных» из нижних чинов при офицерах-декабристах: эти поверенные агитировали в солдатской массе и доносили декабристам о результатах. Офицеры-артиллеристы особенно усердно влияли на фейерверкеров — эту отборную часть солдат артиллерии, пользовавшуюся обычно особым уважением среди солдат. Один такой, Зенин, был уже упомянут ранее. «В конце минувшего года (1825), — показывает артиллерист Борисов 2-й, — мои по-

веренные доносили мне, будто бы они говорили солдатам, хорошее поведение и твердость характера коих они знали, о всем том, что я от них требовал, но что немногие сему верят и расположены следовать советам». Далее рассказывается любопытный случай с бомбардиром: «Один бомбардир, после того как фейерверкер упрекал его за дурные поступки и прибавил, что ежели бы он не предавался пьянству и поступал так, как должно хорошему солдату, то его бы участь облегчилась и его никогда не наказывали бы палками», сказал своим товарищам на другой день: «наш фейерверкер хочет итти против закона». Сей случай и подобные привели в робость моих поверенных и ослабили их усердие. Однажды фейерверкер Кузнецов на мой вопрос, что нового, отвечал мне: «вчера мы говорили между собой о всем том, что от вас слышали, и готовы следовать за вами всюду, ежели только увидим, что здесь нет ничего худого, в противном случае мы ни за что не беремся и не делаем одного шага с места». Солдат, как видим, чрезвычайно осторожно отнесся к агитации декабристов. «Все же вообще твердили беспрестанно, а особенно в начале сего года: «Мы опасаемся, чтобы это не был бунт и чтобы с нами не случилось того же, что случилось с лейб-гвардии Семеновским полком». «И я заметил, — продолжает дальше Борисов 2-й, — что мои уверенья были тщетные. Родичев и Крайников были более склонны следовать моим внушениям, так же как и их сослуживцы; к сему их располагали более всего притеснения, ими получаемые. Мои обещания имели над ними более власти: многие солдаты 2-й легкой роты, по их словам, готовы были итти за нами туда, куда мы их поведем (Крайников думал, что я и мои друзья хотим ехать за границу). ...Для нас лучше умереть, — говорили они, как доносили мои поверенные, — нежели вести такую жизнь».

Уже в приведенных выше отрывках перед нами слегка обрисовываются отдельные фигуры некоторых солдат-декабристов. К сожалению, источники дают недостаточно материала для детального выяснения их личностей. Но некоторые рядовые выступают как яркие индивидуальности даже из скудного следственного материала.

Из всей массы солдат-декабристов особенно выделяется солдат Саратовского полка Федор Анойченко. Он раньше служил в Семеновском полку, пережил восстание и по расформировании последнего оказался в Саратовском полку. С первого же знакомства с делом перед нами встает яркая личность солдата-революционера. Он пылок, горяч, быстр в своих решениях, уверен в своей правоте и успехе. Он горел желанием революции, и действия декабристов раздражали его медленностью. В своей роте он пользовался большим уважением, и влияние его

было велико. Все известное нам об Анойченке рисует его как человека необыкновенного. Следственный материал особенно скуп по отношению к рядовым. Трудно поэтому ответить на многие вопросы об этом солдате. Откуда он родом? Крестьянин ли он? Откуда у него неоспоримые знания, грамотность? Какую роль сыграл он в восстании Семеновского полка? Как, в каких формах протекала его агитационная деятельность среди солдатских масс?—Документы не дают ответа. Тем дороже все, даже самые скупые намеки на революционную деятельность Федора Анойченко. Один из самых ярких ее моментов, нам известных, это — восстание в 1-й гренадерской роте Саратовского полка, к которой принадлежал Анойченко. В свое время это происшествие очень взволновало начальство. Осторожный и боязливый в своих показаниях, подполковник Берстель и тот говорит, что события развернулись с такой быстротой, «что стало походить на бунт, и едва могли их (солдат) усмирить». Это кое-что значит. До нас дошли, к сожалению, лишь отрывки об этом замечательном происшествии, дополняющие один другой: о нем рассказывает и Горбачевский в своих записках [148]. Ад'ютант Главного штаба 1-й армии Сотников собрал о нем слухи, где только мог; полковник Тизенгаузен со слов Сергея Муравьева-Апостола пишет об этом длинное показание [149]. Общая картина рисуется в таких чертах.

1-я гренадерская рота состояла под командою майора Спиридова, позже переведенного майором в Пензенский пехотный полк. Мы уже знаем со слов Сотникова, что Спиридов в этой роте «поселил дух своеволия, ибо он солдатам давал много воли и обходился с ними за панибрата». Главнокомандующий 1-й армией граф Сакен тоже во всем винил Спиридова, человека «разгоряченного и испорченного ума и сердца, поселившего в роте разврат» [150]. За несколько времени перед выступлением в Лещинский лагерь рота была сдана поручику Березину. Этот поручик рисуется всеми документами как яркий тип бесчеловечного фронтовика, которых так много было в армии того времени. Березин этот пожелал восстановить в роте «порядок» после «недопустимого» режима декабриста Спиридова. Даже по выражению чрезвычайно преданного власти Сотникова этот поручик «поступал с нижними чинами весьма строго, что произвело между ними ропот». Славяне знали об этом недовольстве солдат.

Когда началось второе собрание у Андреевича, настроение было особенно напряженное, приподнятое. Страсти разгорелись и, по словам мемуариста, «одна искра могла произвести пожар» [151]. Все горели желанием действовать не откладывая, сейчас же, сию минуту. Один из Славян сообщил в этом бурном собрании о жестокостях поручика

Березина, превышавших всякую меру: он даже запрещал солдатам своим разговаривать с бывшими семеновцами из нижних чинов, которые так возбуждали в своих товарищах ненависть и презрение к правительству. Пылкий и решительный поручик Кузмин в исступлении вскричал: «Взбунтовать роту!». Многие восклицали о Березине: «Он должен быть наказан за свою жестокость!». Борисов 2-й, благоразумный и осторожный по природе, старался сдержать этот порыв негодования, боясь тяжелых последствий. Его поддержали некоторые Славяне, но усилия их были напрасны. Собрание поручило взбунтовать первую гренадерскую роту юнкеру Саратовского полка, отчаянному Шеколле. Все, начиная с наружности, выражало его пылкость и решительность. «Росту высокого, лицо страшное, обросшее волосами; глаза большие черные, — описывает его очевидец» [152]. Храбрость и решительность его были испытаны. Солдаты в нем души не чаяли. Шеколла очень обрадовался, что ему дают такое ответственное поручение, и стал немедленно действовать. Для выполнения поручения он, очевидно, вступил в переговоры с Анойченко, и дело было очень быстро слажено.

Когда на следующий день кончилось ученье, рота сложила свои ружья в пирамиды и, сняв амуницию, отправилась к палатке полкового командира, полковника Брычева [153]. С ужасом увидел это поручик Березин, струсил, убежал от роты и спрятался в балаган Брычева. Тот тем временем выбежал из балагана, стараясь как можно скорее усмирить волнение. Рота, волнуясь и крича, стала просить сменить Березина и назначить вместо него штабс-капитана Клементьева, заявляя, что с Березиным «служить не может». Брычев, также волнуясь, стал расспрашивать в чем дело. «Он нас мучает, — кричали солдаты, — недостает сил терпеть... не дает покоя не только днем, но и ночью. Посмотрите на нас, — на кого мы похожи? — одна тень!.. И часу не удается поспать... Хоть немного бы поспать... И еда на ум нейдет, почти и богу некогда помолиться». Брычев хотел-было наказать недовольных, но, очевидно, не посмел. Офицеры уговаривали солдат «не дурачиться», но все было напрасно. Возбуждение солдат росло с каждым часом. Они решили в знак протеста не выходить из лагерей, когда дивизию отпустят домой. Несколько дней, по словам Сергея Муравьева-Апостола, продолжались волнения в роте. Полковник Брычев побоялся, чтобы ему не было неприятностей от высшего начальства и чтобы его не лишили полка. Он пошел на уступки и предложил роте потерпеть Березина до конца лагерей, а затем обещал назначить Клементьева. Обещал он также забыть нарушение дисциплины и никого не наказывать за беспорядок. Шеколла шепнул солдатам, чтобы они соглашались,

а влияние Анойченко, поддержавшего Шеколлу, окончательно усмирило роту. Брычев сдержал свое слово, и ротный командир был сменен. Но происшествие это было таким вопиющим нарушением александровской дисциплины, что начальство сейчас же принялось хоронить концы в воду. Когда старший ад'ютант Главного штаба 1-й армии Сотников стал наводить об этом деле справки, ему пришлось восстановить картину его на основании толков, ходивших об этом в городе Остроге да из расспросов нижних чинов. Сам Брычев [154] уверял Сотникова, что ничего не было и никто не жаловался, ссылаясь при этом на майора Трескина. Тот подтверждал слова Брычева и говорил только, что «из 1-й гренадерской роты приходили к нему... каптенармусы докладывать, что амуниция сложена в цейхгаузы дурно». Начальник 8-й пехотной дивизии Засс точно так же отрицал происшествие и (в рапорте Роту от 22 февраля 1826 г.) точно так же подменял его историей с дурно сложенной амуницией [155]. Вот во что превратился в изложении испуганного начальства бунт 1-й гренадерской роты Саратовского полка [156].

С Анойченко держали связь как Славяне, например Борисов 2-й, так и Муравьев-Апостол. Анойченко знал последнего в продолжение многих лет: «Подполковника Муравьева, — показывает он следствию, — узнал я в 1817 или 1818 году, хорошо не припомню, но только тогда, когда поступил я к нему из 4-й в 3-ю фузилерную роту, где он, Муравьев, был ротным командиром лейб-гвардии Семеновского полка. А Бестужева-Рюмина, Полтавского пехотного полка, знал я также в Семеновском полку еще портупей-прапорщиком, потому что он часто ходил под знаменами и, будучи молод, любил шутить с солдатами, в числе коих и я бывал». Длительное знакомство Анойченко с двумя крупными представителями декабрьского движения дало, конечно, свои плоды. В своих показаниях он очень сдержан и скрытен, но и они дают немало указаний на то, как этот солдат тянулся к пропаганде против правительства, с жадностью ловил всякое слово против ненавистного ему гнета. Анойченко исполнял поручения Муравьева по агитации в войсках. Он призывал к нему солдат бывшего Семеновского полка, рассеянных после известного бунта по различным воинским частям, среди которых особенно охотно действовал Муравьев. Комиссия, судившая декабристов на юге, потратила немало усердия, чтобы разузнать, кто из солдат ходил в лагерях в палатку Муравьева, о чем говорили с ним, часто ли это случалось. Анойченко — неизменный член этих свиданий солдат-декабристов с их руководителем. В первый раз Анойченко попался Муравьеву случайно: он шел в лагерь под Лещиным вместе с сол-

датом Василием Турковым, тоже бывшим семеновцем, и некоторыми другими рядовыми за провиантом. Им навстречу шел на ученье батальон Муравьева, который сам пешком шел впереди рядом с Бестужевым-Рюминым. Муравьев узнал Василия Туркова, подозвал, спросил, куда он идет. Тот ответил. «А нет ли тут еще семеновских солдат?» — поинтересовался Муравьев. Ему назвали Анойченко; он подробно расспросил его о полке и роте, где служит, и велел солдатам притти к нему в балаган после приемки провианта. Когда они пришли, в палатке Муравьева было собрание офицеров, человека четыре или пять; сам он сидел за столом. Скрывает ли Анойченко правду или действительно так происходило, но на этот раз все дело якобы ограничилось тем, что Муравьев дал солдатам на водку и отпустил. Во второй раз Анойченко один пришел к Муравьеву «после застрельщичьего ученья». Тот с Бестужевым вместе повел с Анойченко разговор о тяжести службы. «Они оба говорили мне, что служба тяжелая, что государь не хочет ничего сделать в наше облегчение, при чем Муравьев произносил против его особы дерзкие и непристойные ругательства. Говорили, что немного потерпеть, и все переменится, что тогда солдаты будут жить в изобилии, будут иметь деньги и прочее; чтобы мы слушали только его, Муравьева, голоса и приказания и чтобы старались склонять и подговаривать прочих солдат следовать за нами, если откроется бунт». И на этот раз Муравьев дал Анойченке денег. В третий раз Анойченко пришел к Муравьеву с рядовым Макаром Пересеткиным. Он, с своей стороны, раньше знал Муравьева и раньше был знаком с Бестужевым. Опять были разговоры о тяжести службы, о связи с другими рядовыми. Смело можно полагать, что Анойченко сообщил Муравьеву о том, что удалось ему сделать; «мы обещались ему склонять прочих армейских нижних чинов, лучших в полку, чтобы и они пристали к его, Муравьеву, делу, которому он, однакож, названия никакого не давал, но я, как и все без исключения семеновские нижние чины 8-й пехотной дивизии, знавшие то же самое через Муравьева, понимали, что это должно клониться к бунту против царской власти». Сам Анойченко признается, что во время стоянки в лагере был у Муравьева до пяти раз. Кроме упомянутого уже Василия Туркова с ним был Антон Янтарев (Янтарь), Петр Гульбин, Николай Погодаев, Федор Николаев Бобылев. Муравьев предупреждал их о необходимости вести себя осторожно, не болтать и не вызывать подозрения начальства. Анойченко утверждает, что он вел агитацию лишь среди семеновских солдат, но этому трудно поверить. Из его показания ясно, что семеновцы представляли собою сплоченное, об'единенное ядро: «О том, что слышал от Муравьева и чему он меня научал,

в полку и в роте своей, не открывался, кроме семеновских же солдат, *кои сами про себя уже все о том знали*» *).

Анойченко деятельно поддерживает связь и с членами Общества Соединенных Славян. Он правильным чутьем угадывал главных носителей революционного влияния. Спиридов, как известно, служил ранее капитаном в Саратовском полку. Особенно сблизился с ним Анойченко во время лагеря у Лещина. Он часто приходил к капитану, иногда вместе с другим гренадером — Федором Юрашевым (Юраш), даже тогда, когда Спиридов ушел из их полка. Они жаловались на тяжесть их жизни, на то, что изменяются порядки, заведенные Спиридовым, на непомерную строгость ротного командира. Спиридов показывает, что отвечал гренадерам: «надо терпеть, может, еще год, и все переменится. Отстойте лагерь и после возвратитесь для отдыха на квартиры». — «Да и там мало покою будет», — возражали солдаты. — «Надейтесь на начальников, которые вас не покинут и которые готовы за вас пропасть», — намекнул им Спиридов на давно известное им дело. — «И мы за таковых начальников готовы лечь», — единодушно ответили гренадеры. Приходивший вместе с Анойченко Юраш типичен для целого ряда солдат того времени: он «отыскивал дворянство». Во время разговора Спиридов справился о «дворянстве» Юраша, и тот ответил, что ему «отказали». — «Не отчаивайся», — сказал Спиридов. Обрывки этого интересного разговора запечатлелись и в показаниях Спиридова перед следственной комиссией в Петербурге и в солдатских показаниях перед судом в Белой Церкви над мятежниками Черниговского полка [157]. Немудрено поверить после всего рассказанного об Анойченке, что он поклялся Муравьеву-Апостолу привести, когда начнется восстание, весь Саратовский полк без офицеров. Этот факт довольно часто отмечается в материале следственной комиссии. Пусть здесь налицо некоторое преувеличение: Бестужев-Рюмин, не отрицая факта, поправляет в своих показаниях, что Анойченко обещался привести не полк, а лишь свою роту. Но все же Анойченко рисуется здесь в соответствующей, присущей ему революционной роли. Важно отметить: члены Южного общества надеялись на то, что Саратовский полк примкнет к восстанию, потому что там был Анойченко [158].

Из других солдат, имевших связь с декабристами, выделяется фейерверкер Зенин. Он служил под непосредственным начальством Борисова 2-го. Мы знаем о нем очень немного: вероятно, это был человек сравнительно немолодой, так как он имел «за беспорочную службу»

---

*) Курсив мой. *М. Н.*

нашивки на рукаве. Этот знак отличия давался главным образом нижним чинам, прослужившим много лет. Умный, осторожный, он, повидимому, многим отличается от пылкого Анойченки, сразу решавшегося на действие. Зенин действовал медленно и все глубоко обдумывал. Несмотря на свой возраст, он чрезвычайно любознателен: Борисов 2-й по его настоятельной просьбе «показывает» ему в свободное время арифметику и геометрию. Зенин готов был участвовать в восстании, и агитация Борисова падала на хорошую почву: фейерверкер Зенин обещал не щадить во время восстания самой жизни [159].

Но не все члены Общества Соединенных Славян в равной степени воздействовали на солдат. Одни были чрезвычайно активны, другие совершенно пассивны в этой области. Так, Борисов 1-й, несмотря на то, что вышел в отставку и выступил в активной роли лишь в момент восстания, занимался пропагандой в Слободско-Украинской губернии, где жил с отцом, и принял некоторых новых членов. Но с солдатскими массами он в то время, вероятно, не имел связи. Борисов 2-й особенно усердно стал вести пропаганду после об'единения с Южным обществом, выполняя постановление одного из собраний. Мы увидим впоследствии, что он глубоко и детально продумал план восстания, и подготовка солдат в этом плане играла огромную роль. Деятельно работали в том же направлении Горбачевский, Бечаснов, Андреевич 2-й. По 8-й артиллерийской бригаде привлечено было к делу 27 солдат, «развращенных» этими офицерами. Андреевич 2-й в своих показаниях совершенно откровенно рисует картину пропаганды. Он указывал солдатам яркие примеры жестокости командиров, сравнивал с этим обращение с солдатами членов Общества Соединенных Славян, внушал после этого необходимость перемены правительства. Логическим выводом было обещание перемены и условий солдатчины: «убавят им лета их службы, прибавится жалованье, уменьшится строгость, через которую теперь они так мучимы бывают». Андреевич 2-й удачно ставил в центр пропаганды мысль об огромном значении солдата. Он говорил им, что «они есть основание всему, что на них держится вся слава государства и крепость сего рода правительства, которое к ним столь несострадательно, и что *стоит только им пожелать перемены законов и тотчас все сделают*». Подобного рода приемами, как известно, пользовались многие позднейшие революционеры, работая в войсках. Для действия на солдат «по субординации», выполняя заранее намеченный план, Андреевич выбрал самых выдающихся в своей роте фейерверкеров — Гончарова и Фадеева. Необходимо остановиться на этих двух замечательных людях. Мы знаем о них несколько больше, чем о других солдатах-декабристах: они были сначала

с юга вытребованы в Петербург, подверглись там допросу и затем увезены обратно на юг; поэтому допрос, с их собственноручными подписями, сохранился среди других петербургских дел. Оба они из крепостных крестьян. Иван Семенович Фадеев—из помещичьих крестьян Нижегородской губернии. Ему было 40 лет. На царскую службу он вступил в 1806 году; следовательно, в том году, когда его судили и прогнали сквозь строй за участие в восстании декабристов, исполнилось двадцать лет его непрерывной солдатчины. Вполне зрелый человек, крестьянин, женатый, старый служака, очевидно, остановил на себе чем-либо выдающимся внимание Борисова 2-го и Андреевича. Они несколько раз специально призывали его к себе и вели с ним разговоры о том, что должно солдатам «в случае нужды решиться умереть за свои права, что ежели они (т.-е. нижние чины) исполнят все это, то лета их службы уменьшатся, командиры и частные офицеры не будут их обижать более по своим капризам, а ошибки во фронте не навлекут им палочных ударов». Ведя такие разговоры, Борисов и Андреевич прибавили якобы, «что сие хотят сделать таким образом, чтоб не нужно было никому умирать», но о смерти в революцию солдату говорилось и на смерть он решился, раз было сказано выше, что надо умереть за свои права. Офицеры поручили Фадееву все то, что говорилось ему, «пересказать тем солдатам, которые понадежнее, дабы их приготовить». Фадеев согласился и выполнил обещание. На допросе он признался, что передал все только рядовым Никифору Зиновьеву и Андрею Васильеву своего взвода. Андреевич утверждал на допросе, что эти рядовые давали свое согласие на восстание. Фадеев же, защищаясь, подчеркивал, что они согласия не давали, а сказали только: «поглядим, что будет». Андреевич на очной ставке с Фадеевым остался при своем, и не нужно большой проницательности, чтобы догадываться об успехе агитации Фадеева. Его согласие и убежденность очевидны. На очной ставке он прибавил, что «когда сказали ему, что солдаты будут освобождены от наказания палками, то он отвечал: дай бог, чтобы это было».

Его товарищу Ивану Леонтьевичу Гончарову было 35 лет и родом он был из помещичьих крестьян Воронежской губернии. В памятный 1812 год он был оторван от деревни и семьи и послан на царскую службу, а на пятнадцатый ее год был судим за участие в восстании декабристов. Связь Гончарова с Борисовым 2-м и особенно с Андреевичем была тесной: к последнему он по долгу службы регулярно являлся с рапортами. Оба офицера «старались внушить ему, Гончарову, что солдаты служат долго, жалованья получают мало, а переносят все строгости начальников и взыскательность по службе, и что потому

положение солдат есть бедственное, и они погружены в уныние, тогда как они составляют основание силы и славы государства. При чем, — сказывал Андреевич, что есть общество, которое желает улучшить судьбу их, уменьшить срок службы, прибавить жалованья и сделать самую службу для них легче, т.-е. избавить от теперешней строгости и взыскания, *но что общество сие без действия солдат не может исполнить своей цели, а если солдаты будут с ними согласны, то перемена в их положении тотчас совершится*». Гончарову также было поручено Андреевичем приготовить солдат понадежнее. Гончаров расспрашивал, не будет ли какого худа, и он успокоил его, говоря, что «все кончится смирно». Трое рядовых взвода Гончарова — Андрей Васильев, Никифор Зиновьев и Василий Матвеев — названы им перед следственной комиссией: он передавал им слова Андреевича, и они ответили ему, «что если вся рота будет согласна, то и они не отстанут, а сами действовать на товарищей не могут, опасаясь худых из того последствий». О результатах своей работы Гончаров докладывал Андреевичу. Якобы спрашивал он последнего, знает ли о том государь, и Андреевич отвечал, что государь «узнает, когда все будет приготовлено». Такими же агентами Андреевича по указанию Гончарова были фейерверкеры: Зенин, Васильев, Кузнецов. На очной ставке выяснилось, что Андреевич убеждал Гончарова, что исполнением этого поручения он не нарушает присяги.

В показаниях Андреевича ответы Гончарова имеют несколько иное содержание: «оные фейерверкеры мне доносили мнение солдат, что если все сие, что я говорил, будет выполнено, то каждый солдат с удовольствием на то решится, ибо солдату все равно умирать, так лучше умереть со славою за отечество». В какой бы части Андреевич 2-й не служил, он всюду пользовался привязанностью солдат: некоторые его товарищи даже удивлялись и спрашивали, как удалось ему приобрести такую любовь. «Приобретение любви от оных, — сознается сам Андреевич, — сделалось моею страстью», — товарищи его удивлялись между тем, как это он восхищается «любовью людей такого малого состояния». Об'ясняя, как наблюдение тяжелой солдатской жизни привело его ко вступлению в тайное общество, он доходит до искреннего пафоса: «будучи неоднократно свидетелями неистовых и бесчеловечных поступков наших командиров над бедными солдатами, имели разговор о военном ведомстве и о правительстве нашем, которое мы полагали причиною, допустившею солдат до такого ничтожества, тогда, когда на них держится целая опора государства. Таковые разговоры при свидании почти всякий день были обновляемы новыми видами грабитель-

ства тех граждан, кои кормят целое государство своими трудами. Сии-то виды, ежедневно кажущиеся моим глазам, мало-по-малу приводили в ненависть к тем, кои были причиною таковых несправедливостей, а наконец, и все мое ожесточение против правительства. Я роптал и на бога и на царя и в сем ожесточении старался исследовать источник всего неистовства, коим терзают моих соотечественников, еще в то время, когда не знал ни о каких обществах, а потому и можно верно положить, что много есть таких людей, кои, чувствуя несправедливость, очень негодуют. Итак, вот причина весьма очевидная, которая побудила искать людей, кои бы могли внимать рыданию бедных жителей и стону несчастных солдат, которые так храбро и отлично дрались в кампанию 1812 года, когда отечество было почти порабощено неприятелем. — Скажите, чего достойны сии воины, спасшие столицу и отечество от врага-грабителя, который попирал святыню? Так они, а никто другой спас Россию. И это был долг их, они клялись престолу и отечеству и твердо выполнили оную (т.-е. клятву), а такое ли возмездие получили за свою храбрость? Нет, увеличилось после того же еще более угнетения» [160].

Андреевич пользовался всяким случаем общения с солдатами, чтобы развивать пропаганду. Мы упоминали уже, что ему пришлось быть в раз'ездах по поводу утопившегося фейерверкера Ведякина. Ехал он в Новоград-Волынск вместе с рядовым Григорием Крайниковым и готлангером Ефремкою. Дорогою он говорил им о перевороте в выражениях, очень точных: «Вот, ребята, скоро будет поход в Москву, где соберется армия, чтобы требовать от государя нового положения и облегчения для войск, ибо теперь служба чрезвычайно тяжела; солдат теперь тиранят, бьют палками, занимают беспрестанно учениями и пригонкою амуниции...; все это выдумывается вышним начальством, которое по большей части из немцев... В лагере под местечком Лещиным собирались многие офицеры и положили между собою стараться об облегчении службы». Андреевич уговаривал их никогда не оставлять своих офицеров и внушать то же всем солдатам, говоря: «все это для вас же делается». Когда месяц спустя Крайников ехал в Новоград-Волынск с прапорщиком Бечасновым, тот ему подтвердил то же самое, про поход на Москву.

Оживленную деятельность по пропаганде среди солдат вел Спиридов. Кроме уже упомянутой связи с Анойченко и Юрашом, он приглашал к себе для разговора и давал поручения многим бывшим семеновцам. У него перебывали — уже упомянутый Янтарь, Андреев, Камбалюк, Кожевников, Максимов, Георгиевский, Воронов, Матвеев, Мякушка,

Пономарев, Кирпиченко и еще некоторые другие. Из унтер-офицеров Спиридов держал связь со Стаценкой, Ляшко, Ивановым, Яцуком и другими. Когда Спиридов переводился из Саратовского полка в Пензенский, он приехал для окончательной сдачи роты в город Острог. Там в то время квартировал штаб Саратовского полка, а 1-я гренадерская рота содержала караулы. Анойченко и Андреев согласно показали перед военным судом в Белой Церкви, что и на этот раз Спиридов вел агитационную работу среди солдат, хотя пробыл в Остроге всего лишь дня четыре. Можно подозревать, что он приезжал если не специально, то во всяком случае также и для этого: ведь было горячее время — начало декабря, когда многие ждали важных событий, а сам Спиридов несомненно предчувствовал их, заботясь уже об уничтожении своих бумаг. «Проживая в г. Остроге дня четыре, Спиридов призывал к себе унтер-офицеров, капральных, ефрейтеров, артельщиков и некоторых других гренадер и стрелков и, подчивая их всегда водкою и испивая сам с ними целыми стаканами, внушал им, что служба ныне чрезвычайно тяжелая, что не только солдатам, но и офицерам нет возможности служить, и что он весьма не рад майорскому чину и охотно согласился бы опять командовать тою же ротою, говорил, что государь не наблюдает справедливости, увещевал потерпеть немного, обнадеживая, что служба скоро переменится и будет легче, только бы они держались его, Спиридова, стороны, когда что начнется». Передавая это, Анойченко, Янтарь и Андреев утверждали, что речи Спиридова очень сходны были со словами Муравьева-Апостола, «исключая токмо дерзких бранных слов, коих ни противу особы его императорского величества, ни против службы Спиридов не произносил». Анойченко был у Спиридова четыре раза, — следовательно, по меньшей мере, ежедневно. Янтарь был три раза, Андреев два, «прочие ходили в разное время, слышали одни и те же внушения». Предлогом солдатских посещений, который Спиридов выставил перед следственной комиссией, были какие-то «счеты», которые он якобы имел с рядовыми. Едва ли из-за этих счетов Спиридов четыре раза в четыре дня призывал Анойченко. Последний выдал десять рядовых, посещавших Спиридова в Остроге, кроме того, порутпей-прапорщика Щикалина и двух унтеров — Ганусовского и Мартынова. Для того времени размах спиридовской агитации — выдающееся по калибру явление. Уличенный рядовыми, Спиридов, отрицавший сначала свою деятельность в Остроге, признал все главнейшее, что выставлялось против него. Стараясь смягчить свою вину, он указывал на необходимость как следует попрощаться с любимою ротою: «...должен сознаться, что, командуя продолжительное время сею ротою, я

чрезвычайно любил всех нижних чинов, что при всяком случае не упускал оказывать; давал им на водку потому, что как я приезжал для окончательной сдачи роты и, не надеясь их долго видеть, думал сим их отблагодарить за их со мною службу, и все сие производил не тайно, но с ведома ротного командира, и просил его же не взыскивать с тех, которые будут пьяные, потому, говорил я, что бог знает, когда я с ними увижусь, пускай не поминают лихом». Но ясно, что Спиридов приезжал не только для прощания с солдатами [161].

Капитан Тютчев работал среди солдат Пензенского полка. Сначала он отрицал это, но потом, уличенный показаниями подпоручика Фролова, сознался [162]. В своей роте влиял на солдат и прапорщик Киреев. В сводке «Сила вины», обычно предшествующей личному делу декабристов, у Киреева значится: «Разделял предположение товарищей и обязывался всеми средствами действовать на дух народный и особенно на солдат, долженствовавших быть главною причиною к достижению мятежной цели общества» [163].

Нет сомнения, что такие выдающиеся Славяне, как Кузмин, Сухинов, Щепилла, вели планомерную и успешную агитацию среди солдат. К сожалению, отсутствие их личных дел не позволяет дать подробности этой деятельности. Отзвуки ее сохранились в специальном деле «по показаниям поручика Сухинова и рядового Ракузы, о возмутительном духе в 8-й, 9-й дивизии и 8-й артиллерийской бригаде, или о нравственном состоянии 3-го пехотного корпуса» [164], хотя это дело дает больше материала о впечатлении, которое произвело открытие заговора на военную среду. У Кузмина была мысль начать восстание во время Лещинских лагерей. Некоторые наиболее решительные офицеры думали так же, как он. Восстание было его навязчивой идеей — он думал и говорил только о нем. «Не посоветовавшись ни с кем из своих сочленов,— рассказывает мемуарист, — этот пылкий человек собрал роту и об'явил преданным своим солдатам о замышляемом перевороте; в коротких словах из'яснил им причину, цель и средства достигнуть оного. Получив от подчиненных согласие и клятву умереть с ним для блага отечества, он с радостным лицом явился на собрание и торжественно об'явил, что его рота готова и ожидает только приказания итти» [165]. В этом рассказе многое неправдоподобно: мы замечаем, что солдаты чаще всего относятся к агитации декабристов с осторожностью, взвешивая доводы и колеблясь. Попытка прапорщика Трусова взбунтовать солдат — речь о ней будет итти ниже — показывает, как мало можно было надеяться на внезапный порыв войск и как нецелесообразна была такая романтическая агитация. Примем этот рассказ хотя бы как убеждение мемуа-

риста в агитационной силе Кузьмина. Если этого происшествия и не было в том виде, как оно описано, самый факт пылкой пропаганды Кузмина не подлежит сомнению. Барон Соловьев и Щепилла, «следуя примеру Кузмина», деятельно подготовляли солдат.

Лисовский и Громнитский, очевидно, правы, говоря, что не влияли на солдат. Их влияние, во всяком случае, значительно менее влияния других Славян. К числу Славян, мало проявивших себя в этой области, относится еще Шахирев, ад'ютант генерала Тихановского, оторванный от солдатской массы родом своей службы, оба Веденяпины, Черноглазов, Берстель и некоторые другие члены, вообще далеко стоявшие от общества.

Южане смотрели на солдат все же как на «пушечное мясо». Титулованные генералы, полковники и подполковники Южного общества едва ли внушали солдатам большое доверие и, главное, имели не такое близкое соприкосновение с ними, как мелкая братия поручиков, подпоручиков, прапорщиков и юнкеров, бывшая в Обществе Соединенных Славян. Солдаты больше доверяли последним. Славяне имели в Сибири достаточно времени обдумать все эти вопросы, и результаты этого общего обдумывания запечатлены в «Записках» Горбачевского. Там правильно отмечено, «как важно для всякого общества, которое хочет действовать военною силою, иметь в нем ротных командиров и субалтерн-офицеров и как важно заранее об'явить свое намерение солдатам. Спрашивается: кто бы осмелился приказывать ротам явиться в походной амуниции к присяге и, пришедши в штаб, скрыть оное от всех? Кто бы осмелился приказывать ротам явиться с боевыми патронами туда, куда потребует ротный командир? Можно ли отдавать такие приказания солдатам, которые не знают намерений ротного командира? Вопросы сии сами собою решаются. Но мы еще прибавим, что одни офицеры в состоянии сие сделать и притом таким образом, что ни баталионный ни полковой командиры никогда о сем не могут знать. Этому пример Черниговский полк» [166]. Это—сторона техническая, столь важная в восстании. Но не менее важна бытовая сторона дела, сближавшая Славян с солдатами. Военному младших чинов — прапорщику или подпоручику — легче было наблюдать быт роты, и часто он бывал активным его участником. Подпоручик Борисов 2-й учит фейерверкера Зенина арифметике и геометрии, прапорщик Бечаснов едет вместе с рядовыми и рассказывает им о близком перевороте, тот же Бечаснов и прапорщик Веденяпин 2-й учат солдат в ротных школах. Муравьев-Апостол призывает солдат в свой балаган и дает им на водку, а майор Спиридов сам «испивает целыми стаканами» с ними водку, говоря

о перевороте и тяжести солдатской жизни. Вот первое бытовое различие Славян и южан.

Вся солдатская масса в целом, со всеми своими горестями и нуждами, стояла в центре внимания Славян и имела самодовлеющее значение, тогда как для многих декабристов Южного общества она была лишь неизбежным средством переворота. Характерна для Славян мысль о том, что солдаты — основание силы и славы государства, что все покоится на них и без них ничего нельзя сделать. А южанин полковник Тизенгаузен говорил, что для него довольно будет, если он, выстроив полк, выкатив несколько бочек вина, выдавши несколько денег, вызвавши песенников вперед, крикнет: «Ребята, за мной!»,—чтобы полк двинулся и «действовал в смысле его». Бригадный командир 3-й конной бригады подполковник Фролов и ротный командир 5-й конной роты капитан Пыхачев говорили то же самое, что и полковник Тизенгаузен, прибавляя еще к их словам, что он прикажет дать несколько кусков сала в кашу, и русские солдаты пойдут за ним. Бывший командир 27-й конно-артиллерийской роты подполковник Ентальцов однажды спросил у Горбачевского: «Зачем в 8-й артиллерийской бригаде об'явили солдатам и фейерверкерам о замышляемом перевороте?». — «Затем, — отвечал ему Горбачевский, — чтобы им знать, за что они будут сражаться, и поэтому быть совершенно убеждену в их содействии и усердии и быть уверену всякую минуту в готовности их к восстанию».

«Этого никогда не должно делать: я бы свою роту, если бы она за мной не пошла, погнал бы палкою», — возразил Ентальцов [167].

Как выяснено выше, Славяне не скрывали от солдат сути и цели переворота. Южане не понимали смысла этих действий. «Муравьев думал иначе: ему казалось не только бесполезным, но даже опасным открывать солдатам что-либо, клонящееся к цели общества; что они отнюдь не в состоянии понять выгод переворота; что республиканское правление, равенство сословий и избрание чиновников будут для них загадкою сфинкса. Горбачевский возражал [168], что «сих политических тонкостей не нужно им толковать и рассказывать, но *что на это есть другой язык, который они поймут, лишь бы только соображались с их понятиями*» *). И Славяне находили этот язык.

У Муравьева и у его единомышленников было особое представление о русском солдате и о русском «народе» — с налетом литературной романтики. «Вы делаете много чести нашим солдатам, — говорил он

*) Курсив мой. *М. Н.*

Горбачевскому: — простой народ добр, он никогда не рассуждает, и потому он должен быть орудием для достижения цели». Муравьев был убежден, что самое сильное средство — действовать на солдат религией, — отсюда его «Катехизис», доказывавший ненужность царей текстами из священного писания. Дополним этот образ доброго и «никогда не рассуждающего» простого народа верой в его религиозность, обильными подачками «на водку» и площадной бранью в качестве агитационного средства, вспомним, что — по мнению Муравьева и Бестужева — все ужасы французской революции оттого, что в дело вмешалась «чернь» и не была готова конституция, — и разница со Славянами примет серьезные размеры. Славяне хотели сделать революцию *для* солдат, а южане *посредством* солдат.

Войско второй половины Александровского царствования было неспокойно. То тут, то там вспыхивали частичные волнения, подавлявшиеся со страшной жестокостью. Волновались военные поселения, ярким пожаром вспыхнули волнения Семеновского полка в 1820 году. Использовать солдатское движение было необходимо. Бестужев-Рюмин в одной из своих речей (передача Борисова 2-го) говорил, «что неудовольствия, *столь часто обнаруживающиеся между солдатами* *) в полках против командиров, разорение крестьянства податьми и прочее подает нам несомненную надежду в успехе нашего предприятия». Но южане надеялись на солдатское недовольство как на залог успеха для своего предприятия, а Славяне сумели этому движению помочь. Случай бунта в 1-й гренадерской роте Саратовского полка замечателен: непосредственной заинтересованности в этом движении у офицерства не было, и Славяне действовали здесь исключительно во имя солдатских интересов. Едва ли история Южного общества может похвалиться подобной страницей.

Подводя итоги, можно сказать без колебания, что пропаганда Славян среди солдат в общем имела успех. Андреевич считал готовой артиллерию [169], Спиридов ручался за свою роту, Тютчев подготовил свою [170]. Борисов 2-й писал Бестужеву-Рюмину через Горбачевского, что бо́льшая часть солдат 1-й батарейной роты и 2-й легкой с нетерпением хотят возмущения. Его показания следственной комиссии, что в этом сообщении он хвастался, едва ли верно [171]. Горбачевский утверждает в письме к Бестужеву, что 8-я артиллерийская бригада с восторгом приняла предложение восстать и что теперь члены не знают, как обуздать рвение солдат... [172].

---

*) Курсив мой *М. Н.*

Далеко не все представители николаевской бюрократии могли понять причины влияния на солдат и сложные классовые отношения между рядовыми и военным начальством. Характерна наивность барона Толя, который никак не может осмыслить этой «противуестественной» связи. 7 января он, по свежим следам Черниговского восстания, взволнованно предписывает: «Приступить тотчас к производству строжайшего следствия о нижних чинах с тою целью, чтоб открыть общие причины, каким образом в войске, отличающемся твердостию к вере и непоколебимою преданностию к престолу, два или три мятежные офицеры *без денег, без славы и, следовательно, без доверенности* *) в одно мгновение могли возмутить почти целый полк, *и, не встречая сопротивления,* увлечь всех за собой и каким образом ложное и явно безрассудное учение их принято так внезапно и безусловно людьми неиспорченными и простыми, коих понятия и желания должны бы быть учению сему совершенно противоположны. Никакого нет сомнения, что здесь давно были введены в заговор фельдфебели, унтер-офицеры и некоторые рядовые и, вероятно, преимущественно прежние семеновцы» [173].

Окинем общим взглядом всю деятельность Славян по подготовке к перевороту, представим себе их настроение. Будет революция, начало ее будет осенью 1826 года, надо подготовиться. И вдруг — весть о смерти Александра I. Надо вообразить, как взволновало это Славян, как остро поставило перед ними необходимость изменения революционного плана, как ясно встал перед ними вопрос — не начинать ли сейчас и как напряженно ждали они известий от руководителя Бестужева.

В начале декабря присягали Константину. «Славяне присягали с неудовольствием, — пишет Горбачевский [174], — и, пользуясь сим случаем, старались внушить своим подчиненным недоверенность к правительству и представить сию присягу как обстоятельство, вынужденное насилием, от которой каждый может освободиться при первом благоприятном случае без малейшего упрека совести». Последнее утверждение сомнительно. Славяне не могли так рано сообщать солдатам о присяге, как «вынужденной насилием», и говорить, что от нее можно освободиться: это могло иметь место во время *второй* присяги — Николаю I, когда встал вопрос, не отнимает ли он престол у Константина. Этот же последний был тогда законным наследником престола и в глазах Славян и в глазах солдат. Это подтверждается донесением Сотникова о результатах его «розысканий». Так, о 8-й артиллерийской бригаде он сообщает: «Отставной гвардии ротмистр Алберти, квартирующий в Новоград-

*) Курсив мой. *М. Н.*

Волынске в том же доме, что и ротный двор 1-й батарейной роты, сказывал мне, что первую присягу исполнили солдаты безо всяких толков. Когда же присягали императору Николаю Павловичу, то после присяги некоторые из солдат показывали недовольный вид и между собой говорили: «теперь нас опять заставят вытягивать носки». Характерно, что Константин был для солдат символом облегчения их житья, старой дисциплины и пр. Симпатии к Константину сказываются также и во втором свидетельстве: уже *после* бунта Черниговского полка, за несколько времени до приезда Сотникова в Васильков, «один рядовой Черниговского полка, проходя мимо полкового адьютанта, не снял шапки. Когда же спросили его, рядового, почему он это сделал, то он отвечал: «Мы разных команд. Я служу Константину». Рядовой тотчас был арестован, допрошен и отправлен в Белую Церковь *). Из дела Муравьева-Апостола и других документов ясно, что именем Константина пользовались для возбуждения солдат во время самого восстания Черниговского полка и именно в качестве особо сильного средства, чтобы поднять их дух, когда другие агитационные способы оказывались недействительными.

Итак, Славяне напряженно ждали известия от Бестужева. Первое письмо пришло из Киева от Андреевича в половине декабря. Его доставил один фейерверкер. Письмо адресовано было, как и надо ожидать, посреднику — Горбачевскому. В письме Андреевич «иносказательно из'яснял, сколько Бестужев радуется успехам Славян в их действиях, и... о близком начале желаемого переворота» [175].

Как видим, конкретного было мало, и письмо было не от Бестужева. Но в этот момент отворилась дверь, в комнату вошел сам Андреевич в дорожном платье и подал письмо от Бестужева, — так повествует Горбачевский.

Андреевич 2-й отлучился из Киева без ведома своего начальства,— слишком важны и экстренны были известия, которые Бестужев поручил ему передать Славянам: заговор был открыт. Необходимо было начать действовать. Проезжая через Житомир, Андреевич заехал к Кирееву и Веденяпиным, повидимому заходил и к Иванову. «Говорил мне, — показывает Киреев, — что он везет письмо от Бестужева к Горбачевскому и, между прочим, советовал ехать в Новоград-Волынский, говоря, что скоро действия начнутся. На вопрос же мой, от кого он сие знает, говорил, что от Бестужева, прибавив, что сей последний поехал в Бобруйск и обещал с решительными известиями оттуда возвратиться

*) Там велось следствие над солдатами-декабристами.

в самом скором времени. Веденяпин 1-й прямо передает сообщение Андреевича словами: «Заговор открыт», прибавляя, что они это знали раньше, и это очень возможно, так как слух об аресте Пестеля быстро распространился. Ехал Андреевич с арсенальными служителями на лошадях, данных ему полковником Шварценбергом, его непосредственным начальством. Следствие очень заинтересовалось этой деталью (на это обратил внимание и Сотников), но Шварценберг, бывший деятель ложи Соединенных Славян в Киеве, это упорно отрицал, как и то, что дал Андреевичу отпуск.

Любопытно, что Горбачевский в своих записках не упоминает этого сообщения об открытии заговора. «Из сего письма,— пишет он,— они увидели, что главные члены Южного общества почитают необходимым начать действие ранее положенного времени; Бестужев просил Славян ускорить дело и употребить все усилия к приготовлению нижних чинов». Нам представляется случай ранее, нежели мы думали, умереть со славою за свободу отечества...; может быть, в феврале или марте месяце голос родины соберет нас вокруг хоругви свободы». Письмо, очевидно, было не таково, хотя подобные фразы и могли там находиться. Так или иначе, ничего конкретного, определенного не было. Лишь к 15 января Борисов 2-й и Горбачевский приглашались приехать в Киев на контракты для свидания с членами Южного общества.

Предлогом для отлучки Андреевича служило свидание его с братом Гордеем. Из Житомира он поспешил в Новоград-Волынск и приехал туда на рассвете 19 декабря. «Остановившись у жида в кормче, был у брата своего, подпоручика Андреевича 1-го, и на короткое время, от коего до полудня оного же числа отправился в расположение квартир 2-й легкой роты вверенной мне бригады в деревню Смолдырев в расстоянии 20 верст»,—рапортует генерал-лейтенанту Роту командир 8-й артиллерийской бригады полковник Эйлер (гонитель Борисова 2-го). Характерно, что Андреевич остановился не у брата, повидимому скрывая свой приезд и оберегая последнего. Нет сомнений, что Гордей Андреевич если и не был членом тайного общества, то все же был о многом осведомлен.

В Смолдыреве жил Горбачевский. Когда приехал Андреевич, у Горбачевского был Борисов 2-й [176]. Несмотря на необычайную важность событий, все же нельзя было приступать к немедленным действиям. План Бестужева был таков: приехав в Бобруйск, «сдать крепость» Тизенгаузену, вернуться в Киев, взять 3-й пехотный корпус и итти в Москву [177]. Опять приходилось ждать. Бечаснов жил в 4—5 верстах от Смолдырева, в Острожке, и его вызвали запиской, которую

отнес солдат Ипатов, исполнявший обязанность денщика Горбачевского. Он приехал верхом и провел у Горбачевского всю ночь. С вечера «подали свечу», и всю ночь не прекращались разговоры, строились планы. Между прочим Андреевич говорил, что в Киеве отказались присягать Константину, и началось волнение. План действий, автором которого больше других является Борисов 2-й, был плодом этой ночи. Он поражает своей конкретностью,—достойный ответ Славян на туманность писем Бестужева. Но все же он не основывался на необходимости *немедленного* действия. Бестужев ясно сообщал через Андреевича, что подготовка действий, которой он занялся, возьмет дней 40—60, а потом «мы непременно пойдем в Москву и там, провозгласив конституцию, водрузим знамя вольности, 2-я армия первая откроет действия», — показывает Борисов 2-й. План, сообща обдуманный, в его же передаче был таков: «Мы обдумывали, какими бы средствами выступить нам в поход с артиллериею без замешательства; я предложил просить Бестужева, дабы он сделал сношение со Спиридовым и с Артамоном Муравьевым, и просил их в назначенное время, идучи в Новоград-Волынск, дать нам пособие или чтобы последний послал с каким-нибудь офицером, принадлежащим к обществу и на которого можно было положиться, два или три эскадрона гусар. Мы с помощью их могли бы без всяких беспорядков и трагических сцен арестовать бригадного командира, командира 2-й легкой роты и несоглашающихся на наше предложение офицеров, овладеть амуницию, артиллериею и лошадьми и спокойно выступить в поход. Сие мнение было всеми одобрено». Этот план изложен у Горбачевского (в записках) несколько иначе, и оба документа — записки и приведенный выше отрывок — взаимно один другой дополняют. «Сия записка заключалась в следующих семи пунктах, на которые Андреевич должен был требовать разрешения от Муравьева и Бестужева.

1) Артиллерия не может выступить в поход и действовать без проклятия; посему необходимо снестись с Спиридовым, Арт. Муравьевым и требовать, чтобы они прислали в 8-ю артиллерийскую бригаду: первый — пехоту, а второй — гусар.
2) В батарейной роте состоит налицо один только офицер (прочие в командировке), принадлежащий к обществу, и рота находится в городе, где квартирует бригадный командир, который, в случае восстания, может получить содействие от внутренней стражи. Посему, для надлежащего действия, в сей роте нужна значительная часть пехоты и кавалерии, без коей

фейерверкеры и рядовые, вооруженные только тесаками, несмотря на их готовность и рвение к делу, не могут одни обещать успех, тем более, что артиллерийские лошади стоят в 45 верстах от парка.

3) Во 2-й легкой роте не существует сих затруднений к восстанию: она совершенно готова и требует только прикрытия на походе.

4) Из 4-х орудий, остающихся в каждой роте, за неимением лошадей (роты стояли на мирном положении), Славяне намерены сформировать новую батарею, лошадей надеются найти под квитанцию одного из своих сочленов, а прислугу думают взять из 4-й парочной роты, полагаясь вполне на служащих в оной солдат.

5) Немедленно по восстании славяне полагают необходимым об'явить скорее освобождение крестьян.

6) Славяне хотят посредством поляков, состоящих в обществе, действовать на шляхту и склонить ее к участию в общем деле об'явлением всеобщего восстания.

Наконец, 7) Славяне требуют от Муравьева и Бестужева немедленного уведомления о сделанных ими распоряжениях, заблаговременного извещения о дне восстания с означением сборного пункта, где предполагается сосредоточить все силы, поднявшие оружие против правительства».

По данным полковника Эйлера, Андреевич был у Горбачевского в Смолдыреве до полудня 20 декабря, возвратился к брату в Новоград-Волынск, переночевал и 21 декабря в 9 часов вечера уехал обратно в Киев.

Настроение Славян было подавленное. В действиях не было никакой определенности: «мы, кажется, не идем к нашей цели, но удаляемся от оной», — говорил Борисов 2-й Горбачевскому.

На другой же день возобновилась напряженная работа Славян по подготовке солдат.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

ВОССТАНИЕ ЧЕРНИГОВСКОГО ПОЛКА.

«На все возмущение Черниговского полка самое большое влияние и, могу прибавить, единственное влияние имел я», — пишет С. Муравьев-Апостол в своих показаниях. Отдадим должное его благородству: он берет на себя чужую вину, чтобы облегчить участь других. Во время следствия он делает это не раз. Следователи этому верили, — да и как было не верить, раз дело шло о предводителе восставших и о главе васильковской управы.

Восстание Черниговского полка неполно отражено в документальном материале. Основная его часть—обширный доклад Аудиториатского департамента, состоящий из подробной передачи показаний каждого подсудимого. Наравне с ним по ценности стоит дело С. И. Муравьева-Апостола, где несколько раз подробно излагается фактический ход событий. Но оба эти документа — все же материал следствия, и дававшие показания лица зачастую дают сознательно ложные сведения. Аудиториатский доклад мы не можем сверить с подлинниками дел, так как южное делопроизводство полностью до нас не дошло: нет личных дел ни Сухинова, ни Щепиллы, ни Кузмина, ни барона Соловьева. С. Муравьев-Апостол к тому же писал свои показания совершенно больным, с тяжелой раной в голове от картечи. Ценный материал дан правительственной перепиской во время восстания, но она, точно рисуя правительственное настроение и ход мероприятий и отражая формальные, внешние моменты восстания (куда двинулись мятежники, сколько времени где пробыли), не дает почти материала о внутренней жизни восставшего полка. Материал воспоминаний о восстании очень беден по причинам понятным. С. Муравьев-Апостол, Кузмин, Щепилла и Ипполит Муравьев-Апостол унесли то, что знали, в могилу. Оставил свои воспоминания Матвей Муравьев-Апостол, но они полны фактических ошибок и очень не полны. Устное предание в среде самих декабристов стало оформляться в Сибири и нашло свое прекраснейшее отражение

в «Записках» Горбачевского, точных и богатых фактами. Но полной картины не дают и «Записки». Кто участвовал в этих общих воспоминаниях на каторге? Выдающихся непосредственных участников восстания там не было вовсе: преобладали не очевидцы, а слышавшие о восстании от третьих лиц. Три непосредственных и важнейших участника: Сухинов, Соловьев и Мозалевский пришли на каторгу позже других, долгое время жили в Зерентуйском руднике, не имея того длительного, частого общения с остальными декабристами, которое только и могло обеспечить взаимную проверку фактов. После попытки организовать заговор Сухинова его товарищи были раз'единены и лишь спустя некоторое время оказались вместе с остальными декабристами на Петровском заводе, когда время и новые тяжелые переживания значительно изгладили воспоминания о восстании Черниговского полка.

Вероятно, особенностями документального материала и об'ясняется в значительной степени то, что до настоящего времени в русской исторической литературе нет полного и точного изложения событий, нет изучения внутренней жизни восстания, пережитых им этапов. Обычно все дело ограничивается формальными сведениями: перечислением мест, по которым передвигалось восстание, последовательностью перечисления присоединявшихся к нему офицеров и рот, датами событий.

Настоящая глава не имеет цели дать точную и подробную фактическую картину восстания. Наша задача — выявить по возможности динамику восстания, дать общий очерк его тактики, пережитых им этапов, вскрыть в нем борьбу противоречий, которая одна может об'яснить нам его внутреннюю жизнь, следя в каждом из намеченных вопросов за ролью членов Общества Соединенных Славян.

Мы видели уже, что Славяне жили и горели одной мыслью о восстании. Этим полна их переписка, из которой дошли до нас небольшие отрывки, это составляет основное содержание их настроения. Горбачевский вспоминает, что для них не было ни страха ни преград, у них в душе «только и было одно слово — *действовать,* с исступлением каким-то бешеным и с отчаянием!» [178].

Южное общество не раз уже решалось действовать — мысль о начале революции хорошо была ему знакома. По словам С. Муравьева-Апостола оно решалось на начало трижды: в первый раз в 1823 году, когда 9-я дивизия стояла при Бобруйской крепости, во время предполагаемого смотра государем. С. Муравьев-Апостол, Швейковский, Бестужев, Норов «положили овладеть государем и потом с дивизией двинуться на Москву», но средств не хватило, и замысел не был выполнен. В 1825 году, при сборе корпуса при Лещине, было решено действовать

во второй раз, когда у Швейковского отняли командование полком. Неуверенность в успехе опять заставила отложить действия, но с обещанием, что 1826 год никак не будет пропущен. Это третье намерение было решено, как мы помним, выполнить во время ожидавшегося соединения 3-х корпусов для царского смотра. Мысль о восстании была твердо усвоена и Южным обществом и Обществом Соединенных Славян, даны были клятвы, велась подготовка. Особенно горел этим желанием славянский актив Черниговского полка: Сухинов, барон Соловьев, Кузмин и Щепилла. Особой близости между Муравьевым и этими Славянами не было. Мы видели в предыдущей главе, что недопустимая невнимательность его по отношению к ним довела их до крупной ссоры. Сам С. Муравьев был удивлен и задет тем, что черниговские офицеры помимо него стали членами тайного общества. Да он едва ли привлек бы их. На следствии он усиленно подчеркивает, что в общество их не принимал. Но под'ем революционного настроения заставил обе стороны считаться друг с другом: Славяне понимали, что нельзя или, по крайней мере, трудно взбунтовать полк без Муравьева, последний же чувствовал в Славянах сильных помощников, хотя в то же время и революционных соперников. Прибавим к этому, что романтика и мечтателя Муравьева, даже думавшего по-французски, человека с парижским образованием, представителя старинного и богатого аристократического рода, ничто не могло сближать с «прозаическим» и совершенно земным, не очень грамотным Сухиновым. Сухинов был слишком выдающейся фигурой, чтобы не остановить на себе внимания Муравьева, и документы сохранили нам несколько глухих отзвуков его неприязни к Сухинову. Тот много раз говорил с Муравьевым о восстании. Готовность черниговских офицеров взбунтовать Черниговский полк и без него, С. Муравьева, последнему была известна. Повидимому, решительное настроение Сухинова, а может быть, и какое-то его революционное решение заставляют Муравьева принять меры к удалению из полка опасного соперника. Он старается о переводе его в Александрийский гусарский полк и даже дает ему 1.200 рублей на обмундирование. Этот перевод состоялся, и в ноябре 1825 года Сухинов получил приказание немедленно туда отправиться, но, «несмотря на все угрозы начальства..., Сухинов не выезжал из Черниговского полка, единственно дожидая восстания оного», — пишет Горбачевский [179]. Очевидно, Муравьев не хотел иметь его при себе в начале действий.

21 декабря М. Бестужев-Рюмин приехал в Васильков к С. Муравьеву. Он только что получил известие о смерти матери и хотел получить отпуск в Москву для свидания с отцом, в чем нужна была ему

помощь Муравьева перед генерал-лейтенантом Ротом: бывшие семеновские офицеры не могли ни выходить в отставку, ни получать отпусков, ни быть переводимы в следующий чин. Полковник Тизенгаузен сам не мог отпустить его, но, чтобы дать ему случай попытать счастья через протекцию Муравьева, послал его из Бобруйска в Киев для принятия полкового жалованья. Жалованье уже было принято квартирмейстером, и, донеся об этом Тизенгаузену, Бестужев из Киева направился в Васильков. С. Муравьев, оставив его в Василькове, поехал в Житомир к генерал-лейтенанту Роту, подав предварительно просьбу Бестужева по команде командующего дивизией генералу Тихановскому (22 декабря). В Житомир Сергей Муравьев поехал с братом Матвеем: он хотел воспользоваться случаем поездки, «дабы посетить на праздники Ал. и Ар. Муравьевых, по данному мною им еще в Лецине обещанию [180]. Выехали они 24 декабря [181]. На последней перед Житомиром станции братья встретили сенатского курьера, развозившего листы для присяги Николаю I. Он сообщил им первый о событии 14 декабря.

Можно представить себе волнение братьев! Волнение это усиливалось мыслью, что и Южное общество, вероятно, открыто. Сведения об этом носились в воздухе еще до ареста Пестеля. Напряженность состояния делала мысль о восстании особенно острой. Обстоятельства уже начинали складываться так, что восстание становилось единственным выходом. За обедом у генерал-лейтенанта Рота еще раз потвердилось сообщение сенатского курьера. В Житомире С. Муравьев говорил о случившемся с уже знакомым нам деятелем Польского общества гр. Мошинским, но ни к какому определенному решению они не пришли. Не имея никакого ясного плана, братья продолжают намеченный путь и приезжают в Траянов к Александру Муравьеву, который не был членом общества. Граф Шуазель, бывший тут, только что получил письмо, где подробно описывалось восстание 14 декабря. Вероятно, именно к этому визиту в Траянове и относятся слова Матвея Муравьева в его воспоминаниях: «Во время стола не было другого разговора, кроме как о петербургском событии; поминали о смерти графа Михаила Александровича Милорадовича». Сам М. Муравьев относит это ко времени пребывания у Рота, но это едва ли верно: С. Муравьев, писавший свои показания по горячим следам происшествий, сообщает, что в Житомире они обо всем узнали «глухо и без всяких подробностей». Осознавалась необходимость действовать. Чтобы сообщить обо всем Артамону Муравьеву, на которого, как казалось на основании предыдущего, можно было рассчитывать, братья распрощались с Александром. Пред-

логом была необходимость спешить в Васильков для присяги. Сейчас же после обеда они отправились в Любар к Артамону. Примерно через час после приезда в Любар, разговор был прерван неожиданным появлением Бестужева-Рюмина [182]. «Тебя приказано арестовать, — сказал он, задыхаясь, С. Муравьеву: — все твои бумаги взяты Гебелем, который мчится с жандармами по моим следам...» [183]. Это известие, как громовой удар, поразило Муравьева. Но оставим его на время и вернемся назад, чтобы понять, как узнал обо всем Бестужев.

Мы оставили его в Василькове, 24 декабря. На следующий день командир Черниговского полка Гебель давал бал. На бал были приглашены «все офицеры, городские жители и знакомые помещики с их семействами». «Музыка не умолкала ни на минуту; дамы и кавалеры кружились беспрестанно в вихре танцев», — стереотипно описывает бал Горбачевский. Внезапно у под'езда раздался скрип подлетевших саней, и в бальную залу вошли два жандармских офицера — поручик Несмеянов [184] и прапорщик Скоков. Это было в три часа ночи. Жандармы спросили, кто здесь командир Черниговского полка, и удалились с ним в кабинет, где передали ему секретное предписание начальника Главного штаба 1-й армии генерал-ад'ютанта барона Толя немедленно арестовать С. Муравьева-Апостола и запечатать его бумаги. Ни минуты не медля, на тех же санях, Гебель с жандармами прискакал к квартире Муравьева, где в то время спал Бестужев-Рюмин и разжалованный в рядовые офицер-семеновец Башмаков. Бумаги, письма и книги Муравьева были забраны, и жандармы с Гебелем ушли, не сказав ни слова. Утром 26-го те же жандармы и Гебель поехали в Житомир разыскивать Муравьева [185].

Через несколько минут после обыска к изумленному Бестужеву-Рюмину вбежали четыре Славянина, бывшие на балу. Приезд жандармов сразу дал им понять, «что ударил час общей для них гибели» [186] и что надо на что-нибудь решиться. Что привезен приказ об аресте Муравьева, было всем очевидно после обыска. Сейчас же с бала Славяне бросились собрать хотя бы нескольких солдат, чтобы попытаться арестовать Гебеля, но был праздник, ночь, все солдаты разошлись по деревням. Решено было, что Бестужев-Рюмин сейчас же поедет, стремясь обогнать жандармов, к Муравьеву, чтобы предупредить его о грозящем аресте, а *Славяне все будут приготовлять к восстанию.* Все было выполнено с такой скоростью, что Бестужев четвертью часа раньше Гебеля был на первой станции и нагнал Муравьева в Любаре. Тем временем жандармы и Гебель, узнав в Житомире, что Муравьевы уехали, бросились по их следам в Любар по Бердичевской дороге, но не застали и там Муравьевых.

У корчмы они с'ехались с жандармским поручиком Лангом: генерал-лейтенант Рот только что получил приказ об аресте Бестужева-Рюмина, и Ланг только что был в Бердичеве, где «хозяин квартиры» Бестужева сказал, что он уехал в Любар. Гебель сообщил Лангу, что там Бестужева нет, и все жандармы отправились в Бердичев, где узнали, что Муравьевы направились к местечку Паволочи. Тут жандармы решили разделиться: Ланг остался с Гебелем, а Несмеянов и Скоков раз'ехались в разные стороны искать Муравьевых [187].

Действительно, в ночь на 28 декабря Муравьевы выехали в местечко Паволочь из Любар.

С. И. Муравьев предложил Артамону, который когда-то клялся выступить первым и слыл ярым заговорщиком, увлечь за собой, как он обещал когда-то, Ахтырский гусарский полк и арестовать внезапно всю корпусную квартиру в Житомире [188]. Артамон колебался, ссылаясь на то, что полк принял недавно. Ротмистр Семичев, бывший при разговоре, стал убеждать начать действие, уверяя, что полк готов восстать. Артамон пообещал действовать. С. Муравьев написал тогда две записки Славянам — Спиридову и Тютчеву — о начале действий и просил Артамона сейчас же отправить их с нарочным [189].

В Любаре, когда мысль Муравьевых и Бестужева лихорадочно работала в поисках планов действий, возникло даже намерение «скрыться» где-нибудь, попросту бежать [190] от надвигающейся революционной грозы. Но эта мысль была отвергнута: «обдумав, что мы несомненно будем найдены, Муравьев решился действовать, надеясь на вспомоществование прочих членов общества». Из Любара Муравьевы вместе с Бестужевым направились через Бердичев на Паволочь. Дорогою отчаявшийся Матвей Муравьев предлагал всем застрелиться [191]. Сергей колебался, а Бестужев-Рюмин, желая отклонить их от этой мысли, предлагал попытаться скрыться в лесах и застрелиться лишь в том случае, если они увидят, «что нет другого спасения» [192]. Определенного решения поднять восстание еще не было. У Муравьева была мысль доехать через Бердичев к Паволочи до своего полка и, «скрывшись там, узнать все обстоятельства изыскания нашего и по сим известиям решиться уже на что-нибудь» [193].

Гебель с Лангом узнали в Паволочах, что Муравьевы выехали на Фастов. Погоня продолжалась. По дороге из Паволочи на Фастов Гебель с Лангом остановились в селении Трилесах кормить лошадей. Было холодно. Они зашли в корчму, а оттуда пошли на квартиру командовавшего 5-й ротой Черниговского полка поручика Кузмина узнать, не слыхал ли он чего о Муравьевых, и обогреться. Но Кузмин, как мы

знаем, был в то время в Василькове. В окнах было темно. Гебель и Ланг зажгли огонь, вошли в квартиру и... увидели там Сергея Муравьева.

Он стоял среди комнаты, совсем одетый, хотя было уже 4 часа ночи. Матвей спал в соседней комнате на кровати. Гебель поставил у дверей бывшего с ними жандармского унтер-офицера, а фельдфебелю 5-й мушкетерской роты Шутову приказал нарядить в караул 12 человек рядовых и поставить трех из них с улицы у окон, четвертого у дверей в сенях, а 8 остальных на кухне. Вернувшись в комнаты Муравьева, Гебель попросил Матвея одеться и прочел им приказ об их аресте. Братья наружно приняли арест спокойно, пригласили Гебеля напиться чаю, «на что он охотно согласился» [194]. Наступило утро.

От денщика Кузмина Гебель узнал, что Бестужев-Рюмин куда-то выехал накануне вечером и что Муравьевы наказывали ему непременно возвратиться в Трилесы на рассвете. Поэтому Гебель спокойно стал ждать возвращения Бестужева, желая захватить вместе всех. Вероятно, он очень был доволен таким благоприятным стечением обстоятельств. Но одного из этих обстоятельств он как раз и не знал, — а оно вскоре оказалось для него трагическим.

Он не знал, что в тот же вечер, когда уезжал Бестужев, С. Муравьев послал в Васильков записку к поручику Кузмину с рядовым 5-й мушкетерской роты Савицким [195] (5-й ротой командовал Кузмин). Этой запиской С. Муравьев просил приехать Кузмина в Трилесы, никому не разглашая о присутствии там Муравьева. Кроме Кузмина, приглашались еще барон Соловьев и Щепилла, *но Сухинов не был приглашен*. Муравьев отмечает последнее обстоятельство даже в первоначальном показании, снятом Левашовым, не забывая о нем, несмотря на сильное волнение и тяжелую рану.

Но куда же уехал Бестужев? Его поездка окружена большой таинственностью. Муравьев и Бестужев в своих показаниях согласно говорят о том, что он поехал к Славянам в Новоград-Волынск, но, узнав в Брусилове (у Бестужева сказано, что он узнал это от графа Олизара), что Муравьева ищут жандармы, возвратился [196]. О том, что жандармы ищут *Муравьева,* все уже знали, поэтому правильнее сообщает в своих показаниях Бестужев: он узнал, что жандармы ищут именно его самого [197]. Но предположение, что Бестужев действительно хотел проехать к Славянам, не выдерживает критики: мы знаем, что он обещал вернуться к рассвету. Доскакать из Трилес в Новоград-Волынск и вернуться обратно в одну ночь невозможно. К тому же у Артамона была оставлена записка для Славян. Вероятно, намерение снестись со Славянами, пока Муравьев скрывается в Трилесах, было, но решено было

выполнить его не в ту ночь, когда уехал Бестужев. Доехать же в одну ночь до Брусилова и даже Радомысла и вернуться — возможно. В Радомысле же стоял Швейковский, на которого надеялись, что он поднимет Александрийский полк, а в Брусилове стоял Кременчугский полк, на который также возлагались надежды. С этим предположением совпадают два мемуарных свидетельства: Горбачевский в «Записках» пишет, что Бестужев был у Швейковского [198]; по рассказу Соловьева, Быстрицкого и Мозалевского, записанному Вадковским, видно, что Бестужев был у Швейковского и Набокова, командира Кременчугского полка [199]. В обоих местах его постигла неудача. Еще раз члены Южного общества изменили революционному делу.

Между тем в ночь на 29 декабря Кузмин получил записку от Муравьева. Настроение Кузмина и других Славян, бывших с ним неразлучно, было до крайности возбужденное. Они все время колебались — начать ли действовать без Муравьева или ждать от него известий и вдруг эти известия пришли. Сразу стало ясно, что момент действия настал. *Сухинов поехал с ними, хотя Муравьев и не звал его* [200]. Мысль о том, что, может быть, Гебель нагнал С. Муравьева в Трилесах и арестовал его, была у черниговских Славян. Единодушно решено было Муравьева освободить: он был необходим для начала восстания. Славяне, давно решившиеся действовать, были, как всегда, очень последовательны. Они знали, что повлечет за собою освобождение Муравьева. Предполагая, что Гебель поедет с арестантом в Васильков, куда из Трилес вели две дороги — большая и проселочная, Славяне, чтобы не пропустить его, разделились. Кузмин и Щепилла поехали проселочной дорогою, а Соловьев и Сухинов — большой [201]. Первыми приехал Кузмин и Щепилла: вскоре за ними — Сухинов и Соловьев. Это было на рассвете.

Сергей Муравьев рассказывает дальше, что Кузмин, войдя в комнату, спросил у Матвея, — что делать? На это Матвей отвечал: «ничего», а Сергей сказал: «освободить нас». В эту минуту возвратился расставлявший часовых Гебель и набросился с криком на приехавших офицеров, как посмели они говорить с арестантом и отлучиться от своих рот. Кузмин напомнил Гебелю, что он у себя на квартире, и все вместе отказались ему повиноваться. Гебель волновался, у него зародились подозрения. Он послал поручика Ланга узнать, готовы ли лошади, но как только Ланг, отворив дверь, хотел войти в избу, где были караульные солдаты, туда вошли черниговские Славяне. Как передается в «Записках» Горбачевского, они пошли туда, чтобы об'явить солдатам роты Кузмина о восстании. «Успех был неимоверный: солдаты из'явили го-

товность во всем повиноваться своим офицерам» [202]. Щепилла и Соловьев вышли в сени, отделявшие избу караулки от помещения арестованных, и стали совещаться о начале предприятия. Увидя Ланга, направлявшегося к караулке, Щепилла, думая, что он подслушал их разговор, схватил солдатское ружье, стоявшее у дверей, и хотел пронзить Ланга со словами: «Этого первого надо убить!». В это время в сенях был и Сухинов. Ланг успел спрятаться за дверь и держал ее до тех пор, «пока Щепилла не отстал от оной» [203]. Гебель отдавал в то время приказания солдатам на случай бегства из-под ареста Муравьевых [204] и не успел еще кончить, как в кухню вошли четыре Славянина и потребовали у Гебеля отчета, за что арестован Муравьев. Тот отвечал, что это не их дело. Щепилла с криком: «ты, варвар, хочешь погубить Муравьевых», схватил из рук одного из стоявших там караульных ружье и «пробил Гебелю штыком грудь» [205]. Остальные три Славянина также схватили ружья. Гебель кричал солдатам, чтоб их кололи, но те, уже подготовленные, не двинулись с места. Славяне бросились за Гебелем во двор и стали колоть его штыками. Сергей Муравьев, услышав шум, разбил окно и выскочил на улицу вместе с братом. «Часовой, стоявший у окна сего, преклонив на меня штык, хотел-было воспрепятствовать мне в том, но я закричал на него и вырвал у него ружье из рук». Налево от квартиры Муравьев увидел Гебеля в борьбе с Кузминым и Щепиллою. Муравьев нанес Гебелю штыком рану в живот [206]. Гебель вырвался и побежал. Нагнавший его Щепилла переломил стволом ружья правую руку Гебеля между кистью и локтем и нанес несколько ударов и сильную рану штыком. Гебель «в жару» бросился на него, вышиб ружье и побежал к корчме. Раньше чем офицеры нагнали его, он бросился в стоявшие около нее порожние крестьянские сани с парой лошадей и погнал их, истекая кровью. Вдогонку за Гебелем был послан Сухинов и поворотил лошадей назад. Но встретившийся рядовой 5-й мушкетерской роты Иванов, «вскочив в сани и узнав от Гебеля, кто он, привез его по приказанию его к корчме, несмотря на все запрещения и угрозы Сухинова, приказавшего Иванову везти Гебеля на ротный двор... Иванов доставил Гебеля в господский дом, а оттуда степью в селение Снитинку в 1-ю гренадерскую роту к капитану Козлову». Вероятно, уже оттуда Гебель был перевезен к себе на квартиру в Васильков [207].

Теперь и для Сергея Муравьева стало ясно, что выхода нет и нельзя думать ни о бегстве ни о самоубийстве. Об этом говорит он сам в своих показаниях,—передает его брат Матвей в своих воспоминаниях, — с оттенком скрытой досады и с сильным искажением. «Обстоя-

тельства так сложились, что восстание, непредвиденное, неприготовленное, было уже свершившимся фактом вследствие грубого, безрассудного обхождения Гебеля с офицерами, уважения которых он не мог снискать. Солдаты ненавидели его, сочувствовали своим офицерам, питали к ним полное доверие, а тем более к Сергею Ивановичу. Они ему говорили, что готовы следовать за ним, куда бы он их ни повел. Офицеры, нарушившие закон военного повиновения, ожидали его решения (?). Покинуть их — значило бы отказаться разделить с ними горькую участь, их ожидавшую» — и якобы С. Муравьев решился на восстание. Что он решился — это, действительно, правда, но правда и то, что Славяне решились на это еще в Василькове и что, не будь их, дело приняло бы другой оборот. Сам Муравьев приписывает огромное значение происшествию в Трилесах: «Происшествие сие решило все мои сомнения; видев ответственность, к коей подвергли себя за меня четыре сии офицеры, я положил, не отлагая времени, начать возмущение и, отдав поручику Кузмину приказание собрать 5-ю роту и итти на Ковалевку, сам поехал вперед для сбора 2-й гренадерской роты. Соловьеву же и Щепилле приказал из Ковалевки ехать в свои роты и привести их в Васильков» [208]. Таким образом даже в своеобразной передаче Муравьевых поведение Славян остается непосредственной причиною решительных действий. Сергею Муравьеву действительно «ничего не оставалось», как стать во главе восстания.

Вечером 29 декабря 5-я рота пришла в Ковалевку. Была сильная метель, и Муравьеву с солдатами пришлось там переночевать. Из Ковалевки Муравьев послал унтер-офицера Какаурова в Белую Церковь к подпоручику 17-го егерского полка Вадковскому. Он уведомлял его, что все открыто, что восстание в Черниговском полку началось, что необходимо содействие 17-го егерского полка; кроме того, он просил Вадковского приехать для переговоров в Васильков. Муравьев выступил туда же с двумя ротами — 5-й мушкетерской и 2-й гренадерской поутру 30 декабря. По дороге — в Мытнице, недалеко от Василькова, его нагнал приехавший из Брусилова Бестужев. Появление восставших сильно взволновало жителей Василькова: они еще раньше узнали о возмущении. По приказанию приехавшего с конвоем того же 30 декабря (до прихода Муравьева) были всюду усилены караулы, а барон Соловьев и Щепилла взяты под арест. Заметим, что, начиная с Трилес, Сухинов ни на минуту не покидал Муравьева и в Васильков не поехал, а остался при нем в Ковалевке.

В Василькове Муравьев провел около суток: пришел туда 30 декабря, выступил в Мотовиловку 31-го. Первый этап восстания, полный

колебания, нерешительности, действий, мало осознанных и невольно вызванных обстоятельствами, кончился: Васильков был началом нового этапа. Здесь Муравьев увидел себя во главе пяти рот (недоставало 1-й гренадерской и 2-й мушкетерской), и здесь же впервые пришлось вырабатывать план восстания. Тут-то окончательно выявились и определились противоречивые силы восстания, два боровшихся в нем течения: южане во главе с Муравьевым и Славяне во главе с Сухиновым.

Перед восставшими сразу встали две задачи — во-первых, спаять восстание внутри: привлекать участников, держать в повиновении примкнувших, регулировать внутреннюю жизнь повстанцев, заботиться о ресурсах восстания, о провианте, деньгах, фураже. Вторая задача — огромной важности — выработка плана действий: что делать, куда итти?

Кто решал обе задачи? Документы дают несомненные указания, что военный совет, руководивший восстанием, состоял из трех братьев Муравьевых (в Васильков приехал еще Ипполит Муравьев, но, как незнакомый с положением дел, большой роли в этом совете не сыграл), Бестужева-Рюмина и четырех офицер-Славян: Сухинова, Кузмина, Щепиллы и Соловьева. Другие офицеры допущены не были. Об этом «штабе» своем говорит сам С. Муравьев; он указывает, что брат его, как отставной, влияния на восстание иметь не мог, а Бестужева-Рюмина, как подпоручика чужого полка, солдаты не знали, да и малый чин не мог повлиять на них [209]. «Из черниговских же офицеров самое большее участие находил я в четырех, вышеназванных мною. Прочие же все участники — Маевский, Петин, Войнилович, Апостол-Кегич, Белелюбский, Сизеневский и другие — большею частью разбежались и никакой роли не играли. Поручик Петин показывает [210], что ничего не знал о планах Муравьева и «заметил, что Муравьев имел секрет с братьями своими и офицерами: Соловьевым, Сухиновым, Щепиллою и Кузминым». Этот «штаб» неотлучно находился при Муравьеве — это отметили главнейшие очевидцы восстания.

Обе основные задачи, вставшие перед мятежниками, решались поразному Муравьевыми во главе с Сергеем и его оппозиционным штабом. Это отсутствие внутреннего единства деятелей — главнейшая причина неудачи восстания. Разногласие прежде всего проявилось в создании планов дальнейших действий. Тактика Муравьева была выжидательной. Он все время ожидал присоединения новых частей. Особенностью этого ожидания была надежда, что *полки, высланные против него, к нему же присоединятся*. Он все время стремился узнать,

кого же именно пошлют его усмирять. Необходимо подчеркнуть, что ставка Муравьева была на членов Южного общества. Но поездка Бестужева-Рюмина кончается неудачей: в поддержке отказали и Кременчугский и Александрийский полки. Еще ранее обманула надежда на Артамона Муравьева и Ахтырских гусар. Вызванный запиской Вадковский дал обещание содействия (он работал в 17-м егерском полку) — иначе нельзя об'яснить движения восставших на Белую Церковь, —но, очевидно, не смог или не захотел выполнить своего обещания. Другие члены Южного общества изменяют во время восстания, — почти все участники-офицеры, кроме Славян, бегут. Удачных попыток связаться со Славянами, сосредоточенными вокруг Новоград-Волынска, нет: оставленная Бестужевым записка к Славянам в Любаре у Артамона Муравьева и неприведенное в исполнение намерение из Трилес приехать в Новоград-Волынск, — вот те слабые попытки соединиться с ними и поднять там восстание. Показание Бестужева-Рюмина о посылке разжалованного Башмакова ясно указывает, что он был послан к Пыхачеву, а не к Славянам, как думает Горбачевский в своих «Записках». К тому же Мозалевский показывает, что Башмаков послан был «в Ахтырский и Александрийский полки» [211]. Рассчитывать на них Муравьев мог всецело, и он это хорошо знал. Не хотел ли он сознательно обойтись без Славян? Есть факты, говорящие за это. Медлительность Муравьева и выжидательная позиция резко не соответствовали настроению солдат, не говоря уж об офицерах. Чувствуется, что надежда на членов Южного общества почему-то не оставляла Муравьева даже после явных признаков их нежелания действовать: Брусилов все время мелькает в показаниях Муравьева как некий сборный пункт частей, руководимым южанами.

Славяне же имели планы действий еще до момента освобождения ими Муравьева из-под ареста. Еще до того момента, когда они узнали, что Муравьев в Трилесах, они выработали в Василькове план итти на Киев. По их мнению сделать это необходимо было с предельной быстротой, упасть на Киев «как снег на голову». А попытка занять Киев, как справедливо полагали Славяне, имела много шансов на успех и, если бы увенчалась им, произвела бы огромное влияние на умы [212]. «В Киеве, — пишет Горбачевский в своих «Записках», — он [С. Муравьев] мог бы надеяться на присоединение Курского пехотного полка и даже других полков, стоявших в окрестностях города. Кроме того, артиллерийские офицеры, находившиеся при арсенале, вероятно, сдержали бы слово, данное ими Андреевичу»... План итти на Киев Славяне усиленно развивали во время пребывания восставшего полка в Василь-

кове. Муравьев противился, возбуждение и недовольство солдат росло. Тогда Муравьев пошел на уступки, половинчатость которых восстанию ничего не дала: он послал из Василькова в Киев Мозалевского с четырьмя рядовыми, во-первых, для разведки, во-вторых, для передачи писем, приглашавших к восстанию. Записки Горбачевского сохранили память о трех письмах Муравьева: какому-то генералу, подполковнику (майору?) Крупенникову и одному члену польского тайного общества. По тем же запискам, два первые письма были отданы по назначению, третье же Мозалевский проглотил, когда был захвачен жандармами. Следствие знает лишь одно письмо, — к майору Крупенникову или Крупникову, передать которое не удалось, так как майора не удалось разыскать. Но чрезвычайно важно показание С. Муравьева, гласящее, что майора Курского полка Крупенникова указал Кузмин и настоял, чтобы сам Муравьев отправил к нему записку: «По сему разговору с Кузминым решился я на всякий случай написать и сему майору Крупенникову письмо, которое вручил я для отдачи вызвавшемуся добровольно на сию поездку прапорщику Мозалевскому и дал ему четыре солдата и четыре «Катехизиса» для раздачи в Киеве». Чрезвычайно важен этот факт, что Мозалевский сам вызвался на эту поездку. К делу восстания Мозалевский был привлечен как раз оппозиционным «штабом» Муравьева. Он был болен и по болезни находился в Василькове, в полковом штабе, когда 30 декабря в четвертом часу пополудни Муравьев вступил в Васильков. Щепилла, Кузмин, Сухинов и Соловьев прислали к нему разжалованного из штабс-капитанов в рядовые Грохольского с просьбой присоединиться к восстанию, «почему я и пришел к ним» [213]. И далее, в развитии восстания Славяне все время поддерживают с ним связь и сообщают ему о всех важнейших решениях. Посылка Мозалевского — осколок плана Славян двинуться на Киев. Мозалевский прибыл туда в ночь на Новый год, как раз в тот момент, когда Киев только что узнал о восстании Черниговского полка и готовился действовать. Если бы в Киев в этот момент явился не Мозалевский, а весь восставший полк, как предполагали Славяне, дело могло бы получить совсем другой оборот.

Мозалевский был арестован около Киева, на возвратном пути оттуда к Муравьеву. Видя, что он не возвращается, и Муравьев и Славяне поняли, что ставка на Киев безнадежна. Охлаждение между Муравьевым и Славянами становилось все сильнее. Приходилось придумывать что-то другое. Здесь восторжествовала политика Муравьева — выжидание. Полк двинулся из Василькова в деревню Мотовиловку. Брусилов был целью движения.

Вторая задача — забота о внутренней спайке восстания, об его внутреннем управлении также решалась различно Славянами и Муравьевым. Основной вопрос был такой: как поступать с нежелающими примкнуть к восстанию или с колеблющимися? Романтик Муравьев решал вопрос очень благородно, но совсем нежизненно: тем, кто не желал примкнуть к восстанию, разрешал он уйти. Эту политику С. Муравьева обрисовывают и «Записки» Горбачевского и материал показаний, собранных аудиториатом: «Ротным же командирам, — показывает подпоручик Войнилович о пребывании С. Муравьева в Васильков, — между прочим, приказал Муравьев об'явить, что если они не пожелают следовать за ним, то могут остаться. Посему он, Войнилович, первоначально приехав в 1-ю мушкатерскую роту, бывшую под командой капитана Вульферта, застал оную собравшуюся у корчмы, где и об'явил Вульферту означенное приказание». Последние два слова относятся ко всему предписанию Муравьева, — указанное выше распоряжение — лишь часть его. Кроме него, было отдано распоряжение об'явить солдатам, что цесаревич Константин никогда не отрекался от царствования, «а письма о сем предмете фальшивые, удостоверяя, что прислан от его высочества из Варшавы польский офицер с тем, чтобы Муравьев прибыл с полком в Варшаву. О всем распоряжении в целом, — и о праве нежелающим ротным командирам уйти, если они не желают участвовать в восстании, — изумленный Вульферт, как рассказывает Войнилович, потребовал письменного предписания, «которое он, получив и не прочтя оного от замешательства, возвратил ему обратно». Это же приказание было передано им капитану Козлову. Оппозиционный же «штаб» Муравьева действовал совершенно иначе, по-революционному. Держать всех восставших вместе, препятствовать измене и бегству, поддерживать высокую степень революционной спайки и напряжения — такова была его задача, каких бы жертв это ни стоило. И по всему ходу событий видно, с каким удивительным бесстрашием и самопожертвованием выполняют эту роль Славяне. На первом месте среди них и тут приходится назвать Сухинова.

И. И. Сухинов, это — основной стержень внутренней дисциплинарной спайки восстания. Эта роль его любопытно отразилась в показаниях всех колеблющихся, нерешительных или прямо изменивших делу восстания. Для всех этих лиц Сухинов — настоящее пугало. Все революционные действия приписываются его инициативе. Он — главная причина их несчастий. Сухинов при вступлении в Васильков нес ответственнейшую роль командира авангарда, и от его поведения и

личной храбрости зависело очень многое. «В 3 часа пополудни, — пишет Горбачевский, — авангард С. Муравьева под командою Сухинова спокойно вошел в город, достиг городской площади, без всякого сопротивления, и не обнаружил никаких неприязненных расположений против жителей». Такова передача лица, всецело преданного восстанию. А перепуганному до смерти штабс-капитану Маевскому, который был захвачен восстанием позже, картина представлялась иною. «...Между тем временем 2-я гренадерская и 5-я мушкетерская роты шли с Муравьевым уже в Васильков, — показывает он; — при вступлении означенных рот Сухинов, идя впереди солдат с заряженными ружьями, в большом азарте буйствовал по городу». Документы при сопоставлении показывают, что никаких особых «буйств», вроде бесчинных грабежей и т. п., не было, был обычный и даже несколько более спокойный, чем обычный, ряд революционных мероприятий для захвата города восставшими [214]. Но центральной фигурой вступления в Васильков в представлении Маевского остается «с азартом» действовавший Сухинов. И «он, Маевский, от испуга, что намерены были лишить его жизни за то, что приказал бить тревогу, ушел, и, скрывшись в клуне, просидел там до ночи, и хотя искали его, но не нашли». Подполковник Трухин — заместитель Гебеля по полку во время отлучки последнего для поисков С. Муравьева — тоже испытал на себе тяжелую руку Сухинова. Трухин встретил восставший полк при вступлении его в Васильков. Горбачевский передает, что «миролюбивый вид мятежников ободрил майора Трухина; надеясь обезоружить их одними словами, он в сопровождении нескольких солдат и барабанщика подошел к авангарду и начал еще издалека приводить его в повиновение угрозами и обещаниями; но, когда он подошел поближе, его схватили Бестужев и Сухинов, которые, смеясь над его витийством, толкнули его в средину колонны. Мгновенно исчезло миролюбие солдат: они бросились с бешенством на ненавистного для них майора, сорвали с него эполеты, разорвали на нем в куски мундир, осыпали его ругательствами, насмешками и, наконец, побоями». Сам Трухин передает дело несколько иначе: эполеты сорвал с него Сухинов, «бросил на землю и топтал их ногами, потом оторвали у него, Трухина, шпагу и взяли его в шайку бунтовщиков, где толкали его, и вскоре отвели на гауптвахту под строгий арест, отколь даже без конвоя по собственной надобности не выпускали его...». Столь строгий режим ухудшался для перепуганного майора уже тем, что «шайка» Муравьева целую ночь кричала «ура!» и «очень часто приходили к нему на гауптвахту Щепилла и Мозалевский с заряженными пистолетами и про-

бовали, есть ли порох на полке; кроме того, был и Сухинов, спрашивая, спит ли он, Трухин, или нет. В таком опасном положении провел он на гауптвахте целую ночь» [215]. Ответственнейшее поручение Муравьева в начале пребывания в Василькове — захватить знамена и полковой ящик, также выпадает на долю Сухинову: по словам Горбачевского, Сухинов пошел вместе с Мозалевским на квартиру Гебеля и, входя в дом, последний заметил, «что на левом фланге взвода, назначенного под знамена, недостает нескольких рядов; тут же услышал он в комнатах шум и крик. Он тотчас догадался, что солдаты, оставив ряды, ворвались во внутренность дома и предаются бесчинству. Догадки свои он сообщил Сухинову, который, обнажив саблю, бросился в комнаты и увидел пред собою толпу раз'яренных солдат, готовых принести Гебеля в жертву их мщению. Они оскорбляли несчастную жену своего командира, а некоторые даже предполагали убить ее вместе с малолетними детьми... Сначала Сухинов угрожал наказать смертью тех, которые, забыв военную дисциплину, оставили ряды без приказания офицера, осмелились нарушить спокойствие бедной женщины... Но видя, что его слова не производят никакого действия, он решился подтвердить оные делом и наказать немедленно первого виновного. Раздраженные солдаты вздумали обороняться, отводя штыками сабельные удары, и показывали явно, что даже готовы покуситься на жизнь своего любимого офицера. Сухинов, не теряя духа, бросился в штыки, осыпал сабельными ударами угрожавших ему убийц и выгнал их из дома». Мозалевский поддерживал дисциплину у дверей дома. Мужество Сухинова сохранило дисциплину.

Уже упомянутый штабс-капитан Маевский, по словам его, усиленно просил С. Муравьева «уволить его». «На сие Муравьев согласился с тем, что, когда полк утром будет выступать, то, отойдя версту или более, под видом откомандировки его, Маевского, отпустить». Это слышал Щепилла и сейчас же попросил Маевского итти на квартиру Кузмина ночевать вместе. Дело было уже в Мотовиловке. Когда ночью Маевский вышел из комнаты, «Кузмин, Соловьев, Щепилла и Сухинов начали один другому говорить, что никого выпускать не должно, и положили намерение, если только он, Маевский, отлучится, лишить его жизни, что слышала хозяйка дома и после рассказывала Маевскому». Здесь налицо самое резкое расхождение между внутренней тактикой С. Муравьева и Славян. Ранее в Василькове, после того как Маевский вышел из «клуни», Кузмин и Щепилла несколько раз приходили к нему на квартиру с пистолетами, и Кузмин говорил притом: «счастлив его бог, что его, Маевского, не застали; однако... не избегнет

он наших рук, за ним послано искать». Поручик Петин, командовавший 2-й гренадерской ротой Черниговского полка, жаловался, что никак не мог «отстать» от бунта, «потому что приверженцами его (Муравьева) Сухиновым, Кузминым и бароном Соловьевым был везде преследован, которые, дабы увеличить шайку свою, наблюдали за ним, Петиным, неотступно, а он никак не мог до 3 генваря уклониться от их партии». Сопоставим это с разрешением Муравьева не желающим следовать за восставшими ротным командирам итти, куда они хотят. Подпоручик Войнилович, призванный к восстанию, получил от Муравьева распоряжение относительно снабжения полка провиантом. Он отложил исполнение поручения, так как был поздний вечер, «а поутру на другой день, — как показывает он сам, — в 7 часов пришел к нему, Войниловичу, на квартиру поручик Сухинов с заряженным пистолетом, угрожая, чтобы он, Войнилович, не оставался, а шел за полком и не упущал бы никакого средства к выполнению предприятий Муравьева, в чем и требовал от него клятвы». Таким образом Сухинов, вынудив от него, Войниловича, согласие, ушел от него... После Муравьев позвал его к себе, велел ему принять провиант. Когда Войниловичу Муравьев дает ответственное поручение — приказать капитану Козлову привести 1-ю гренадерскую роту туда же, где находится 1-я мушкатерская, то он пугает его Сухиновым, вероятно зная, как заметна для окружающих роль его в качестве восстановителя дисциплины. Войнилович передает, что Муравьев говорил ему, «что если он осмелится не выполнить данного ему приказания, то посланы будут за ним поручик Сухинов и другие по разным дорогам, которые не преминут поймать и лишить его, Войниловича, жизни». Многие ответственные распоряжения, в частности тому же Войниловичу, Муравьев дает через Сухинова. Подпоручик Рыбаковский, услыхав тревогу при вступлении восставших в Васильков, вышел из своей квартиры и едва только показался на улице, как «в то же время поручик Сухинов, вооруженный пистолетами, подойдя к нему с толпою солдат, требовал от него согласия на их сообщничество». Согласие это Рыбаковский дал, и был поставлен у Киевской заставы с приказанием никого не пропускать, останавливать проезжающих, отбирать у них бумаги и направлять к Муравьеву. Подпоручик Кондырев, по его показанию, получил от Гебеля важнейшее поручение: заколоть барона Соловьева и Щепиллу, если они покусятся освободить себя (они в тот момент сидели в Василькове под арестом, С. Муравьев еще только вступил в город). Кондырев для этого бросился на гауптвахту и «был там схвачен Сухиновым». С него сорвали эполеты и шпагу и отвели на

гауптвахту под арест. Сухинов и тут сыграл большую роль, помешав убить двух важнейших участников — руководителей движения. Общее заключение Кондырева то, что «насилия и угрозы более всех были оказываемы Кузминым, Сухиновым и Щепиллой, в чем равномерно участвовал и Соловьев». Прапорщик князь Мещерский, бывший в Василькове, показывает, что также услышал ввечеру 30 декабря тревогу и выехал верхом посмотреть, что делается в городе. «Вдруг поручик Сухинов с толпой солдат, окружа его, князя Мещерского, и приставляя к груди его пистолет, говорил, чтобы он согласился быть участником их». По мнению Мещерского, Муравьев тогда еще в город не вступил, а пришел немного позже. К Муравьеву же «представил» Мещерского тот же Сухинов. Когда Мозалевский арестовывает у заставы поручика Несмеянова и прапорщика Апостола-Кегича, он отправляет их сначала на квартиру к Сухинову, Щепилле, Кузмину и Соловьеву (они так и жили все вместе), где его допрашивают и привлекают к восстанию, а лишь затем посылают Несмеянова на гауптвахту, а Кегича отпускают на его квартиру. Даже нижние чины 5-й мушкетерской роты показали, что по приходе в Васильков были помещены в одном доме с Соловьевым, Кузминым, Сухиновым, и их «никуда не выпущали при строгом за тем наблюдении» этих офицеров. На эту роль Сухинова и его товарищей обратил большое внимание аудиториат и ранее военный суд при главной квартире 1-й армии. Даже еврей Арум Лейба Эпельбейм, закрученный событиями и получивший приказ от Муравьева доставить немедленно деньги за продаваемый ему, Аруму, провиант, жаловался на Славян: «... испугавшись, он, Арум Лейба, вышел в другую комнату, где бывшие офицеры Щепилла и Сухинов тоже грозили ему, Аруму; из них Щепилла, показывая ему два пистолета, сказал, что он будет застрелен, если не даст денег»...

Вероятно, трения между Славянами и С. Муравьевым обозначились еще в первое время пребывания в Василькове. Сам Муравьев признается в показании, что трения вообще существовали: «Четыре офицера Черниговского полка, названные уже мною, бывшие членами Славянского общества, упрекали меня не за то, что я их не предупредил, а за то, почему я давно не был с ними откровенен, что они лучше приготовились бы». Ясно, что Славяне не могли упрекать его за отсутствие предупреждения о начале восстания: оно вызвано было ими самими, приездом их в Трилесы. Муравьев же не был откровенен с ними и ранее, во время лагерей, что мы видели выше. Основательность упреков Славян несомненна.

Ночь с 30 на 31 декабря была проведена восставшими в Василькове. Судя по запискам Горбачевского, С. Муравьев вечером отдал приказ всем ротам собраться на площади в 9 часов утра. Последняя деталь исправляется показаниями Муравьева: он приказал собраться около 12-ти часов дня. Славяне всю ночь не спали, готовились к походу, вели деятельную агитацию среди солдат, проявляя заботливость, предусмотрительность и ясное, практическое отношение к делу. «Каждый занимался своим делом, забывая опасность; деятельность и усердие членов общества были беспримерны: они старались одушевить солдат новым мужеством и поддержать бодрость их духа. *Чтобы успешнее действовать на них, они всеми силами старались обеспечить их продовольствием* *). Сами солдаты в приготовлении к походу показывали не менее ревности: ружья, патроны и вся амуниция были осмотрены с величайшим тщанием и все недостатки были исправлены [216]). С. Муравьев в эту ответственную ночь дописывал свой «Катехизис», в агитационную силу которого он глубоко верил. Но «Катехизис» не оказал влияния на солдат и остался им непонятен. Горбачевский пишет: «Посреди общей деятельности один С. Муравьев не принимал участия в приготовлениях: он оставался уединенным, писал целую ночь, но куда и к кому — никто даже из близких ему не мог узнать».

В письме к майору Крупенникову [217] Муравьев предлагал направиться с его воинскими частями в Брусилов. Мозалевский должен был вернуться туда же из Киева. Это ясно показывает, что в результате борьбы двух планов: Муравьевского выжидательного, с расчетом на Южное общество, и Славянского — захвата Киева, был принят компромисс: в Киеве на разведки был послан Мозалевский, с приглашением прибыть в Брусилов, а на следующий день решено было выступить из Василькова в Мотовиловку, в надежде соединиться там с ротами Черниговского полка, еще не присоединившимися к восстанию. Мотовиловка же лежала по дороге в Брусилов. Компромиссность эту подчеркивает и Муравьев, говоря, что он сразу склонялся и на Брусилов и на Киев. Из Брусилова (в случае удовлетворительного ответа Крупенникова) был один переход на Киев, «в противном же случае я находился также в расстоянии одного перехода от Житомира». Ценнейшие показания о смысле похода в Брусилов дал Мозалевский. При приглашении последовать в Брусилов ему сказано было, что там «собраны будут Алексопольский и Кременчугский пехотные, Ахтырский и Александрий-

---

*) Курсив мой. *М. Н.*

ский гусарские полки, которые, равно и другие полки, бунтуются и из Брусилова пойдут к Житомиру, где будто бы собрана уже и 8-я пехотная дивизия». Когда рота Кузмина просилась из Василькова на ротный двор в Трилесы «для забрания своих вещей», то он, Кузмин, дав на роту 200 рублей ассигнациями, говорил: «мы ни в чем нуждаться не будем, сходим только в Брусилов и Житомир, а потом возвратимся опять в Васильков». Достаточно вспомнить, что на Алексопольский полк имел влияние Повало-Швейковский, а во главе Ахтырского стоял Артамон Муравьев, чтобы понять, что Брусилов был новой ставкой С. Муравьева на членов Южного общества.

Всем известно, что по сборе рот в Василькове 31 декабря был отслужен молебен и прочтен перед полком священником Кейзером сочиненный Муравьевым «Катехизис». Сам С. Муравьев пишет, что «Катехизис» на солдат произвел плохое впечатление, и он вынужден был для поднятия их духа опять прибегнуть к имени цесаревича Константина. Прапорщик Апостол-Кегич свидетельствует, что Сухинов, Кузмин, барон Соловьев и Щепилла, «часто читая солдатам «Катехизис», говорили им о вольности...» [218]. Без сомнения, это частое чтение есть *толкование* его солдатам, об'яснение непонятных мест и заодно развитие политических мыслей, прикрытых революционной формой. Кроме указания на необходимость вольности, солдатам говорилось, что вся армия в движении и что царя быть не должно. Прапорщик Белелюбский показывает, что солдатам говорилось, «что они идут за веру и свободу, внушая им не признавать царя, а быть только им послушным». Агитацию эту, по его же показанию, вели не только Славяне и Сергей Муравьев, а даже его братья. В последнем позволительно усумниться. Тот же Белелюбский показывает, что «сообщники Муравьева, в том числе и барон Соловьев, во время возмущения внушали солдатам, что они идут за веру (?) и царя Константина».

В село Мотовиловку С. Муравьев пришел в сумерках 31 декабря [219]. Несмотря на уговоры, 1-я гренадерская рота к нему не присоединилась, но примкнула часть 1-й мушкетерской. Как показывал капитан Козлов, уговоры продолжались довольно долго, но не подействовали. Тогда Муравьев дал приказ разойтись по квартирам, но нижние чины якобы ответили: «готовы тут померзнуть, а по квартирам не пойдем». Муравьев на прощанье дал им 25 рублей на водку, обещая дать на другой день еще больше. Те не хотели брать и, в конце концов, Муравьев якобы насильно приказал взять деньги унтер-офицеру Чернолику [220].

В Мотовиловке продолжалась политика ожидания.

На следующий день «по случаю нового года» об'явлена была дневка, и день был потерян. Дело, конечно, было не в новом годе: просто С. Муравьев, во-первых, ждал Мозалевского, но тот так и не явился; во-вторых, ждал вероятно присоединения частей, руководимых южанами. С этим вяжется еще показание некоторых, что разжалованный Башмаков был послан в Кременчугский и Алексопольский полки. В записках Горбачевского говорится, что Муравьев принимал все меры, чтобы не упало настроение солдат: «На дневке С. Муравьев осматривал все караулы, был во всех ротах, разговаривал с солдатами, ободрял их и более всего заботился об их нуждах». Особенно важно отношение крестьян к восставшему полку, которое превзошло все ожидания. Мотовиловские крестьяне принадлежали скупой и богатой графине Браницкой. Сохранились два свидетельства об их положении: один англичанин турист, вероятно не имевший времени с ними ознакомиться как следует, говорит, что крестьяне ее не показались ему более несчастными, чем крестьяне соседних владельцев, но ген. Докудовский совсем иначе говорит о бедственном положении крестьян [221]. Они с радостью, как пишет Горбачевский, принимали солдат на постой (роты по приказанию Муравьева были размещены на тесных квартирах), в то время как вообще-то эта повинность была одной из наиболее ненавистных для крестьян. Они заботились о солдатах, «снабжали их всем в избытке, видя в них не постояльцев, а защитников» [222]. Крестьянам было растолковано, за что идут декабристы, и, конечно, сказано о воле. «Да поможет тебе бог, добрый наш полковник, избавитель наш!» — говорили они. «С. Муравьев тронут был до слез, благодарил крестьян, говорил им, что он радостно умрет за малейшее для них облегчение, что солдаты и офицеры готовы за них жертвовать собою и не требуют от них никакой награды, кроме их любви, которую постараются заслужить». Новый год этот — последний в его жизни — Муравьев, как говорит Горбачевский, считал счастливейшим в своей жизни [223]. Но попыток поднять к действию крестьянскую массу не было. Вероятно, важнейшее в отношении связи с крестьянами было сделано тем же И. Сухиновым: по его настоянию был прочтен и растолкован крестьянам Мотовиловки «Катехизис» Муравьева [224].

1 января в Мотовиловку пришел подпоручик Быстрицкий со 2-й мушкетерской ротой. Это было единственное присоединение, которого дождался Муравьев. 30 декабря, до прихода Муравьева в Васильков, Гебель отдал приказание Быстрицкому привести эту роту из Германовки, что тот и выполнил. В Василькове он узнал о всем происшедшем от разжалованного в рядовые Грохольского, С. Муравьев нарочно оста-

вил его в Василькове, в ожидании, что кто-нибудь подойдет туда и будет справляться о пути Муравьева. По приказанию Муравьева рота была сдана Соловьеву. (Это была его рота.) Быстрицкий — чуть не единственный офицер, приставший во время восстания и до конца не изменивший. Один из членов Общества Соединенных Славян полагает, что Быстрицкий еще ранее принадлежал к этому обществу, но большинство членов это отрицало. По свидетельству Горбачевского, склонить роту Быстрицкому помог уважаемый ею унтер-офицер Аврамов, решительно и твердо поддержавший присоединение к Муравьеву и об'явивший, что и он и вся рота знают цель его. Горбачевский же передает, что Толь позже спрашивал Быстрицкого, почему он не удержал роты, и получил ответ: «Ваше превосходительство, я, может быть, сделал глупость, но подлости никогда!». В этом приходится сомневаться, судя по подобострастному тону показаний Быстрицкого, изложенных в докладе Аудиториатского департамента.

В Мотовиловке отношения между Славянами и Муравьевым еще более обострились по вопросу о тактике. Недовольство свое действиями Муравьева Славяне скрывали от солдат, но и у тех нарастало раздражение. 2-я рота, пришедшая с Быстрицким в особо приподнятом настроении, выявила и обострила солдатское недовольство. Унтер-офицер Кучков, как говорит Горбачевский, при всей роте спросил Соловьева, куда хочет Муравьев итти и в каком месте соединятся они с другими полками. Соловьев назвал Житомир и сказал, что полки присоединятся по пути. Кучков возразил с радостью, которая выражала некоторое нетерпение: «Что нам медлить, зачем еще дневка, лучше бы без отдыха итти на Житомир!». Солдаты одобряли слова Кучкова. «Проницательность и опытность старого служивого внушили ему сие здравое размышление». Соловьев *чувствовал всю справедливость сего замечания,* но, желая успокоить солдат, хладнокровно сказал: «Полковник лучше вас знает, что делать. Надобно подождать, а тем временем проведать, какие полки идут против нас». Солдатское недовольство слилось с недовольством Славян. В Мотовиловке произошел резкий кризис в революционном настроении. Когда 2 января роты были на сборном месте, настроение их — унылое и подавленное — испугало Славян. Они бросились к Муравьеву, прося принять меры, приободрить солдат. Еще раз С. Муравьев сыграл роль символа революции, революционного знамени. Особенно тяжело действовало на солдат, что офицеры разбежались, предали дело. Твердая речь Муравьева, говорившего, что не надо обращать внимания на бегство подлых людей, приободрила солдат [225]. Восставший полк двинулся по направлению к Белой Церкви.

Почему? В своих записках Горбачевский недоумевает — почему С. Муравьев кружился вокруг Василькова, и не знает, имело ли это какую-либо цель. Вопрос этот ясен: все движение Муравьева состоит из начатых и брошенных планов, осколков маршрутов. Движение из Василькова в Мотовиловку об'яснено: это осколок движения на Брусилов. План этот брошен, очевидно, Муравьевым после того, как ни дневка ни ночь с 1 на 2 января не дали никаких результатов: никто не присоединился. Большая, повидимому, надежда была на Вадковского; возможно, что после Мотовиловской дневки она одна и осталась у Муравьева. В надежде на присоединение 17-го егерского полка Муравьев начинает двигаться к Белой Церкви. Это была последняя и опять проигранная ставка его на члена Южного общества.

Это движение к Белой Церкви приобретает уже совершенно новый характер, противоположный прежнему — характер бегства от предполагаемого преследования. Основание для этого дает показание С. Муравьева: он полагал, что Мозалевский арестован или в Киеве или в *Брусилове,* куда он мог бы попасть помимо Муравьева, если бы поручение, ему данное, было выполнено удачно. Если же он арестован в Брусилове, то, стало быть, там уже приняты меры против Муравьева, и есть готовые напасть на него войска. Поэтому «я решился двинуться на Белую Церковь, где предполагал, что меня не ожидают, и где надеялся не встретить артиллерии». К ночи со 2 на 3 января полк дошел до местечка Пологи, которое, по определению С. Муравьева, находилось в 15-ти верстах от Белой Церкви. Здесь получил он потрясающее известие: 17-й егерский полк незадолго до того вышел из Белой Церкви и двинулся на г. Сквиру. Надежда на Вадковского была потеряна, последняя ставка на Южное общество бита. Обо всем этом Муравьев узнал от мужиков в деревне Пологах. Для большей достоверности ночью Сухинов настоял на разведке и взялся ее провести [226]. Он брал на себя еще одно дело чрезвычайной важности и ответственности. По показаниям Муравьева, Сухинов не узнал ничего существенного, в показаниях самого Сухинова вопрос о рекогносцировке пропущен по причинам понятным, и это дает некоторые основания предполагать, что рекогносцировка не осталась безрезультатной: очевидно, Сухинов стремился ее от следствия скрыть. В записках Горбачевского об этой рекогносцировке даны подробнейшие сведения. «При наступлении вечера Сухинов взял несколько надежных солдат и, составив из них конный отряд, отправился к Белой Церкви. За 1½ версты от сего местечка он встретил казаков графини Браницкой, посланных для разведывания и охранения ее имения от так называемых бунтовщиков. Сухинов воспользо-

вался встречею. Под'ехав на довольно близкое расстояние к казачьему отряду, он обнажил саблю и бросился на них с громким криком «вперед!». Испуганные нечаянным и смелым нападением, казаки рассеялись; один из них, пойманный самим Сухиновым, хотел-было сопротивляться, но Сухинов ударом сабли сшиб его с лошади и начал расспрашивать. Хотя, повидимому, казак чистосердечно говорил, что 17-й егерский полк уже другой день как вышел из Белой Церкви неизвестно куда, но Сухинов, желая удостовериться в истине сего показания, сам под'ехал к местечку и старался узнать от некоторых жителей все, касающееся до выхода сего полка. Ответы жителей, с которыми говорил Сухинов, подтвердили сказанное казаком. В самом деле, полковой командир, арестовав Вадковского, в ту же ночь выступил с полком из Белой Церкви в противоположную сторону от Василькова, не сказав никому, куда идет». Как оказалось, полк отправился в Сквиру. Далее Горбачевский многочисленными догадками старается снять с Сухинова и С. Муравьева возведенное на них сплетней обвинение в связи с этой рекогносцировкой,—будто бы они хотели завладеть несметными сокровищами графини Браницкой, имение которой было в Белой Церкви. Вероятно ни Муравьеву ни Сухинову в тот момент было не до сокровищ [227].

Ночь в Пологах была одной из самых тревожных ночей во время восстания. Все посты были заняты Славянами: на них стояли Сухинов, Кузмин, Щепилла и Соловьев [228]. Рушились все планы. Где-то далеко, около Новоград-Волынска, были Славяне, еще не обманувшие надежд. Приходилось вернуться к плану, много раз предпринимавшемуся, но ни разу не доведенному до конца — итти на Житомир, чтобы соединиться с ними. Что же делал брат С. Муравьева — Матвей — в эту тревожную ночь, когда Сухинов в рекогносцировке дал выход своему революционному пылу? На чистых листах «Евангелия», присланного Матвею в крепость мачехой, он занес свои воспоминания о страшных днях восстания, перепутав, между прочим, даты событий, которые Горбачевский, не очевидец, совершенно точно передает через многие годы сибирской каторги. «2-го (суббота), — заносит Матвей в этот своеобразный дневник, — мы ночуем в Пологах. Вечером у меня продолжительный разговор с Ипполитом о судьбе человека».

15 февраля 1826 года Матвей Муравьев в крепости заносит в тот же дневник свои рассуждения о смысле жизни. Это произошло лишь через месяц с небольшим после «продолжительного» разговора о том же с Ипполитом, который так запомнился Матвею. Поэтому можно думать, что и в Пологах он развивал те же мысли, — а думали они оба по-французски:

Qu'est ce donc que la vie pour valoir qu'on la pleure?
Un soleil, un soleil, une heure et puis une heure,
Ce qu'une nous apporte — une autre nous enlève,
Repos, travail, douleur et quelquefois un rêve *).

«Это прекрасная вещь, если хорошо знать, какое дать ей назначение и если иметь счастье пользоваться сладостью дружбы. Я никогда не любил Ламартина, так как он вызывает безнадежность, так и нетерпимость». Вероятно, о том же братья говорили в Пологах. Может быть, вспоминалась столовая в Хомутце, круглый стол, за которым так хорошо было читать Ламартина, и то, как «прекрасна весна в саду в Хомутце во время цветения плодовых деревьев...» [229].

Если руководители восстания, как то показывают изложенные выше факты, делились на две партии — Муравьевых и Славян, то в первой партии Матвей играл особо отрицательную роль. «Его брат Матвей, — пишет Горбачевский,—много вредил ему. Не имея ни твердости в характере ни желания жертвовать всем для достижения цели, этот человек со своею детской боязнью своими опасениями смущал С. Муравьева и отнимал у него твердость духа. После каждого разговора с братом С. Муравьев впадал в глубокую задумчивость и даже терялся совершенно» [230]. Славяне видели это, волновались, старались «не оставлять Матвея наедине с братом и даже хотели просить С. Муравьева, чтобы он удалил его от полка. Он дорогою упрекал С. Муравьева в неумеренной жестокости с Гебелем до того, что С. Муравьев хотел в Василькове итти просить у него прощения, но *офицеры его не допустили.* По его же совету С. Муравьев выпустил из-под ареста майора Трухина и жандармских офицеров **). При первых выстрелах он спрятался в обозе. Вообще поведение его было таково, что офицеры раскаивались, что из уважения к С. Муравьеву не настояли на том, чтобы удалить его от отряда» [231].

В ночь, проведенную в Пологах, план действия был еще раз изменен, и движение на Белую Церковь опять осталось осколком замысла. «Не имев уже никакой цели итти на Белую Церковь, — показывает С. Муравьев, — я решился поворотить на Трилесы и стараться приближаться к Славянам по первому предположению». Терпение солдат

*) Что же такое жизнь, чтобы стоило ее оплакивать?
День за днем, час за часом...
То, что один (час) приносит, другой отнимает,
Отдых, труд, страдание и иногда — мечта...

**) Первых доносчиков о восстании.

истощалось, нарастало их негодование, совпадавшее с настроением Славян. Но все же оставалась какая-то надежда. Путь опять лежал через Ковалевку и Трилесы: движение замыкалось, приходило к исходной точке, вертелось как в заколдованном кругу. Но ему все же не пришлось замкнуться. Путь на Трилесы лежал чрез деревню Ковалевку, а к последней вели две дороги: одна степью, по совершенно открытому месту, вторая — через деревни; в этом месте, что видно и на современной карте, сливаются семь деревень, идущих полукругом: Устимовка, Ковалевка, Поленичинцы, Червонная, Кишинцы, Пилиповка и Королевка. Из последней-то и предполагалось совершить переход в Трилесы. Сухинов настаивал, что необходимо итти через деревни. Он уже предчувствовал опасность и с минуты на минуту ждал нападения. А в случае же нападения отряд мог бы, как пишет Горбачевский, идя через деревни, «защищаться против гусар стрелками; тем более, что тогда артиллерия не вредила бы ему картечью» [232] (нападающий отряд не решился бы сжечь селения). Кроме того, возможно было бы переменить направление и послать несколько рот в обход нападающим. С. Муравьев отверг это предложение и пошел степью.

Внезапно — в первый раз во время своих скитаний — полк увидел вооруженный отряд конно-артиллерийской роты. Моментально воскресло первоначальное предположение Муравьева, — что посланный против них отряд к ним же и присоединится. «Всеобщая радость, — пишет Матвей в своих воспоминаниях [233], — конно-артиллерийскою ротою начальствовал полковник Пыхачев, член тайного союза». «По приходе в Ковалевку, — показывает Сухинов, — Муравьев, узнав о приближении к ним кавалерии и артиллерии, начал еще более ободрять всех солдат, говоря, что они будто бы следовали к ним для присоединения и что присоединится также к ним и драгунская дивизия». Настроение солдат моментально поднялось, они опять поверили С. Муравьеву, в высшей степени напряглось ожидание.

Раздался залп. В рядах восставших упали убитые и раненые. Отряд генерала Гейссмара, средний из посланных против восставших генерал-лейтенантом Ротом, стрелял картечью. Выстрелы следовали один за другим. В последний раз план Муравьева был проверен и в последний раз его надежда на преданность южан не оправдалась. В последний раз, невольно конечно, он обманул солдат: отряд не присоединился к восставшим, отряд стрелял картечью. «Можно ли было полагать, — несколько наивно вопрошает Горбачевский, — что средством к разбитию Черниговского полка будет употреблена конная артиллерийская рота, в которой не только командир, но и все, без исключения, офицеры, при-

надлежали к Южному тайному обществу?» Через тридцать пят лет после восстания (в 1860 году) Матвей Муравьев узнал, что полковник Пыхачев был арестован накануне того дня, когда рота его выступила против Черниговского полка.

Здесь же, на поле битвы, сразу разрешились все противоречия, так долго и так трагично боровшиеся во внутренней жизни восстания. У Щепиллы все разрешила смерть. Раненый Кузмин застрелился через несколько часов после поражения. Упрямый Сухинов — единственный из всех не пожелал заплатить своей головой за дворянский романтизм и бежал: солдаты помогли ему перебраться через глубокий снег оврага. Сухинов, «видя невозможность остановить и собрать рассеянных солдат», пустился к деревне Поленичинцам [234]. С ним вместе бежали некоторые солдаты. Нескладно, но метко об'ясняет его поведение одна фраза Аудиториатского доклада, излагающая его показание: «но по первому выстрелу из орудия, он, Сухинов, видя совсем несогласное сказанному Муравьевым, бросился с некоторыми нижними чинами бежать»...

Сергей Муравьев был тяжело ранен в голову картечью. Кровь ручьем текла по его лицу. Не помня себя, он направлялся к обозу, отвечая на все вопросы подбежавшего Соловьева: «Где мой брат? Где мой брат?» [235]. В эту минуту и вспыхнуло солдатское возмущение. К нему приблизился один рядовой 1-й мушкетерской роты. Отчаяние изображалось на его лице; вид Муравьева привел его в исступление; ругательные слова полились из дрожащих от ярости уст его. «Обманщик!», — вскричал он, наконец, и с этими словами хотел заколоть С. Муравьева штыком... Соловьев защитил Муравьева. Тогда солдат, «сделав несколько шагов назад..., прицелился в Соловьева, грозя застрелить его, если он не откроет С. Муравьева. Соловьев схватил на земле лежавшее ружье и сделал наступательное движение»... Солдат удалился, «не сказав ни слова».

С. Муравьев говорит, что, когда он пришел в себя, он «нашел баталион совершенно расстроенным и был захвачен самими солдатами в то время, когда хотел сесть верхом, чтобы стараться собрать их; захвативши меня, солдаты привели меня и Бестужева к Мариупольскому эскадрону, куда вскоре привели и брата и остальных офицеров». «Брата», — то-есть Матвея, так как Ипполит, по одной версии, застрелился, думая, что Сергей убит, по другой — был убит во время стрельбы.

Так кончилось восстание Черниговского полка, сдавшегося без единого выстрела. Тяжелая борьба внутренних противоречий, которую мы пытались вскрыть, погубила его. Основная черта восстания, как

это ни странно для восстания, — ожидание. Две борющиеся внутренние силы характерно символизируют восстание: Муравьев и Сухинов. Не будем бросать камнем в Муравьева. Его личное благородство и бескорыстные намерения неоспоримы, но и то и другое вместе революции сделать не могут. Может быть, Горбачевский прав, говоря, что Муравьева подвела вера в благородство людей. Он не мог себе представить, как можно не исполнить данного слова, и все ждал южан на помощь. Как личность, он безупречно чист, как революционер — плох. Не такие люди делают революцию, и многое изменилось бы, если бы на месте его оказался Сухинов. Но они шли рядом соперничая, — а «в одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань».

Вывод из всего ясен. Восстание Черниговского полка — дело Соединенных Славян. Они решили его поднять, они начали его, они положили все силы на его внутреннюю спайку, они много поработали над смелыми планами, которых Муравьев не захотел провести в жизнь, они долго и тщетно боролись с «партией» Муравьева, они выполняли во время восстания труднейшие задания. Двое из них заплатили за все жизнью, третий разделил со всеми сибирскую каторгу, четвертый и самый главный — Сухинов — бежал и через два года повесился в Сибирской каторжной тюрьме после неудачной попытки освободить декабристов.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

СЛАВЯНЕ ВО ВРЕМЯ ВОССТАНИЯ.

Что же делало во время восстания Черниговского полка Общество Соединенных Славян, которое и после Лещинского лагеря организационно представляло собою самостоятельную единицу?

В середине декабря, как нам известно, приехал из Киева Андреевич 2-й с письмом от Бестужева-Рюмина о том, что восстание начнется скорее, чем прежде предполагалось. 14 декабря — в день знаменательный — приехал из Харьковской губернии в Новоград-Волынск Борисов 1-й к своему брату, как передают записки Горбачевского. Царило напряженное настроение ожидания.

По запискам Горбачевского в Новоград-Волынске о петербургских событиях 14 декабря узнали утром 26-го. Это очень правдоподобно: в своих воспоминаниях Матвей Муравьев-Апостол говорит, что он с братом Сергеем услышали эту весть около Житомира от сенатского курьера, развозившего присяжные листы 25 декабря — к утру 26-го ей естественно было достичь Новоград-Волынска. Сейчас же, утром собрано было экстренное совещание. На нем среди других присутствовал и Горбачевский: он в это время приезжал из своей роты за получением жалованья [236]. Общей мыслью было убеждение, что Южное общество немедленно начнет восстание. Горбачевский пишет, что члены «убедились в скором восстании, думая, что члены Южного общества пожелают довершить начатое в столице» [237]. На собрании этом был принят ряд важных постановлений, все они касаются тактики восстания и ближайших мероприятий, с ним связанных. Было постановлено: «держать своих подчиненных в строгой дисциплине, стараться предупреждать беспорядки, обходиться с жителями как можно лучше, тотчас по восстании образовать в городе временное правление и выдать прокламации об освобождении крепостных людей» [238]. В этом трезвом и правильном плане чувствуется мысль Борисова 2-го. Брат его, без сомнения, также принимал в этом собрании участие. Но вспомним, что общество уже

не имело самостоятельности, тесно связано было в своей деятельности с Южным обществом и твердо усвоило, что все приказы о начале действий будут исходить оттуда. Прибавим к этому еще военную закалку общества, привычку к субординации и к выполнению приказов по начальству. Отсюда понятно, что общество и после этих постановлений решило ждать «положительных известий от Муравьева». Но как ни были они необходимы, все-таки времени нельзя было терять — была дорога каждая минута. Борисов 1-й, по «Запискам» Горбачевского, во время своего пребывания в Харьковской губернии, принял в общество Славян несколько офицеров стоявших там конных рот. Поэтому он вызвался немедленно выехать туда и поднять восстание. При проезде же в Харьковскую губернию через Житомир он взял на себя сообщить находившимся там членам Славянского Союза о постановлениях, принятых только что на заседании 26 декабря. Немного подождав известий от Муравьева — числа 29 или 30 декабря Андрей Борисов выехал из Новоград-Волынска в Житомир.

Известие о восстании 14 декабря на Сенатской площади, вероятно, достигло Киева приблизительно в то же время, может быть несколько ранее, чем Житомира... Вероятно, Андреевич 2-й, бывший в то время в Киеве, именно движимый этим сообщением, спешно выехал из Киева в Васильков к Сергею Муравьеву. Необходимо было узнать его решение. Вспомним, что Андреевич вел агитацию среди киевских солдат, и в случае поднятия восстания в Киеве мог бы оказаться нужнейшим человеком. Он спешно выехал из Киева в Васильков 26 декабря, не спросив дозволения начальства отлучиться [239]. Разрешения начальства он ни в коем случае не получил бы: он только что вернулся из отлучки из Новоград-Волынска, куда ездил «для свидания с братом его». Что делал он там, нам уже известно. Вернулся он 25 декабря вечером, как разболтал возивший его денщик Горбузаст поручику Алейнику, служившему вместе с Андреевичем при Киевском арсенале. Командир киевского арсенала генерал-майор князь Абамелик 15 января рапортовал киевскому коменданту, «что находящемуся в прикомандировании при Киевском арсенале для показания искусственной части по арсенальным работам 8-й бригады артиллерии подпоручику Андреевичу на от'езд его в Васильков и другие места никогда позволено от меня не было, и об отлучке туда из Киева 26-го числа декабря я не знал». Но «казенный денщик» Андреевича Никита Боков об отлучке знал и показывал, что подпоручик приехал «из бригады» в Киев на квартиру «в самое рожество ввечеру», а на другой день уехал на биржевом извозчике. Никите он сказал, что едет «на старой Киев», но,

несмотря на это, «не возвращался на квартиру три дни, на 4-й день прибыл,—где же он был в сие время ему, Никите Бокову, неизвестно» [240].

Документы немного рассказывают нам об этой таинственной поездке Андреевича. Чувствуется, что она очень важна и могла бы дать значительные результаты. Вероятно, в ночь с 26 на 27 декабря Андреевич приехал в Васильков. Вспомним, что предыдущей ночью на квартире С. Муравьева был обыск, были забраны бумаги, и четыре офицера — черниговские Славяне — в страшном беспокойстве находились там, ожидая известий от Муравьева. С большой поспешностью они рассказали внезапно вошедшему Андреевичу обо всем случившемся в прошлую ночь и предложили ему немедленно поехать по следам Муравьва, стараться отыскать, сообщить о приказе ареста (они еще не знали, что его догнал тем временем Бестужев-Рюмин) и просить его «остаться в 8-й дивизии или в каком-нибудь гусарском полку и там поднять знамя бунта. Они поручили Андреевичу успокоить его на их счет; ибо коль скоро они узнают о восстании, то немедленно взбунтуют Черниговский полк и придут на сборное место» [241]. По дороге велено было извещать всех членов Славянского и Южного обществ о начале восстания. Сухинов отдал ему казенную подорожную, которую имел для перевода в Александровский полк, Кузмин дал около ста рублей, и Андреевич помчался. Черниговские Славяне ранее послали Бестужева-Рюмина *догонять* Муравьева, поэтому едва ли они послали второго человека за тем же, тем более, что догонять Муравьева *через день* после выезда Бестужева было нецелесообразно. Повидимому, вторая цель поездки Андреевича — именно *возбуждение окрестных полков* — и была основной; может быть, и о встрече с Муравьевым говорилось, но она была мало вероятна. Документы целиком подтверждают эту догадку: Андреевич из Василькова взял лошадей *на Белгородок*, а путь на Житомир лежал через Брусилов, южнее. Отсюда ясна цель поездки Андреевича. Сами черниговские Славяне не имели возможность ее выполнить: им опасно было отлучиться из своего полка, из города, в котором они всем были известны. Это сохранено и в показаниях самого Андреевича, как ни был он на них скуп: «если любите Муравьева, сделайте ему и нам одолжение и услугу, вы совсем посторонний человек...», — говорили ему черниговские Славяне.

Нашу догадку подтверждает еще одно обстоятельство: сейчас же из Белгородка Андреевич едет в Радомысль, где, как мы помним, стоял Алексопольский полк и находился его бывший командир Повало-Швейковский. Андреевич довольно неумело говорит, что заехал к нему, чтобы взять денег на тот случай, когда он, выполнив свое поручение, вернется

обратно: имея поручение якобы спешно догонять Муравьева и заезжать в сторону от пути последнего на несколько десятков верст, чтобы взять денег на обратный путь, который еще и не предвиделся, — это шито белыми нитками. Горбачевский подробно излагает всю тяжелую историю пребывания Андреевича в Радомысле. Юнкер Энгельгард, живший у Швейковского, об'явил, что полковника нет дома. «Сгорая от нетерпения приступить скорее к об'яснению, Андреевич был в ужасной досаде».

— Давно ли уехал полковник? — спросил он юнкера.

— Он уехал рано поутру,—отвечал Энгельгард с замешательством.

— Не знаете ли вы, скоро ли он воротится назад?

— Не знаю, но, вероятно, около полуночи; ибо он всегда возвращается в это время.

— Скажите, по крайней мере, далеко ли он уехал?

— Не очень далеко, за несколько верст, в гости к одному помещику.

Андреевич написал записку Швейковскому, прося его поспешить домой, отдал ее Энгельгарду для немедленной отсылки и расположился ждать Швейковского, попросив дать себе чаю, так как «жестоко прозяб». Чай был подан, замешательство юнкера возрастало, Швейковский не возвращался. Андреевич стал догадываться, что его обманывают. Не будучи в состоянии дольше владеть собой, Андреевич изо всей силы ударил ногой запертую дверь, которая вела во внутренние комнаты: ранее за ней слышался шопот и тихий стук шагов. Замок соскочил, «дверь отворилась с шумом, и к удивлению, он увидел перед собой Швейковского, который в замешательстве отступил назад, не зная, с чего начать разговор с неотвязчивым гостем...».

— Г. полковник, — сказал Андреевич, приняв важный вид,— я друг Бестужева-Рюмина, вероятно, вы догадываетесь, о чем дело идет...».

Далее в «Записках» Горбачевского вероятная ошибка: Андреевич спросил якобы, не проезжал ли только что Бестужев-Рюмин, и тот ответил утвердительно. По всей вероятности Бестужев из Василькова, повторяя маршрут Муравьевых, выехал на Брусилов. В воспоминаниях этот случай спутан с приездом Бестужева в Радомысль в ночь на 29 декабря из Трилес, с поручением Муравьева к Повало-Швейковскому поднять бунт. Следовательно, этот приезд Бестужева был *после* свидания Швейковского с Андреевичем, и он не мог о нем разговаривать. Швейковский же, вероятно, к тому времени уже знал о происшествии 14 декабря, пришел к естественной мысли о возможности восстания в Южном обществе, взволновался и решил никаких сношений с членами общества не иметь, поэтому и спрятался от Андреевича.

— Оставьте скорее мой дом, — был ответ полковника, — я ничего не могу для вас сделать [242].

Он отказал решительно во всем: не дал даже Андреевичу оружия. Андреевич в своих показаниях говорит, что от Швейковского узнал, что С. Муравьев в Любаре у брата, и поэтому он направился в Любар, якобы догоняя его. Это неверно: даже если Андреевич приехал в Радомысль в ночь на 27 декабря, Швейковский никак не мог знать, что С. Муравьев-Апостол в Любаре: последний был 26 декабря еще в Троянове, где обедал у Александра Муравьева, и лишь после обеда поехал к Артамону в Любар, откуда в ночь на 28-е выехал на Паволочь. Нет сомнений, что Андреевич имел независимое поручение поехать к полковнику Ахтырского гусарского полка и пытаться поднять восстание. Исполняя это намерение, он, прозябший и, вероятно, голодный, выехал из Радомысля. Стояли жестокие морозы конца декабря.

Но он поехал не в Любар, как показывает следственной комиссии, а сначала в Житомир. Хотя этот город лежит на дороге из Радомысля в Любар, но остановка в нем Андреевича еще раз доказывает цель его поездки. В Житомире было много Славян. Пока меняли лошадей, Андреевич направился к бывшему секретарю Общества Соединенных Славян — Иванову. Мы и раньше отмечали, что Иванов служил центром, куда стекались все важнейшие известия. Ему и прапорщику Кирееву — заодно, вероятно, и братьям Веденяпиным — Андреевич сообщил, что С. Муравьева ищут, что отдан уже приказ об его аресте, что необходимо принять решительные меры, что черниговские Славяне решили немедленно восстать со своим полком и что лучше умереть с оружием в руках.

Мемуары Горбачевского сообщают, что из Житомира Андреевич поехал в Троянов. Это естественно, так как Троянов лежит по дороге в Любар, но делать там Андреевичу, собственно, было нечего: там стоял Александровский полк, командир которого Александр Муравьев членом общества не был. Из Троянова Андреевич поехал в Любар к Артамону Муравьеву. Вероятно, он приехал туда 29 декабря — эту дату, по крайней мере, можно предположить на основании «Записок» Горбачевского, документы же ей не противоречат. Вспомним, что утром этого дня, на рассвете, арестованного уже Гебелем С. Муравьева освободили черниговские Славяне, и восстание Черниговского полка началось. Эта дата всецело подтверждена и Артамоном Муравьевым в его показаниях. Приехав в Любар, Андреевич буквально вбежал к Артамону Муравьеву, сообщая ему, что общество открыто, призывая к действию, уверяя, что армия готова. В ответ на это Артамон отвечал, как передает Андреевич: «поезжайте, ради бога, от меня, я своего полка не поведу, делайтесь вы

там как хотите, меня же оставьте и не губите: у меня семейство» [243]. «Записки» Горбачевского [244] передают, что Артамон отказал Андреевичу и в деньгах, потом в лошади; дал в конце концов 400 рублей для покупки лошади у ротмистра Малявина, о которой наверное знал, что она продается за 800. Там же рассказано, что Андреевич вступил в переговоры с ахтырскими гусарами помимо Артамона. Они обещали содействовать, но сейчас же восстать не могли: полк был разбросан по деревням, и нужна была воля командира для его сбора. Кстати они рассказали ему, что Артамон очень слабо вел подготовку среди офицерства, а работы среди солдат совсем никакой не было: «большая часть офицеров ничего не знает; полковой командир никогда не говорил нам о намерениях общества и не имел никаких сношений с нами». Особенную поддержку оказали Андреевичу ротмистр Семичев и поручик Никифораки. Последний отыскал еврея с лошадьми, и Андреевич взял дорогу на Фастов или, по выговору его, «Хвастов», как и подобает украинцу «из дворян Полтавской губернии Переяславльского уезда» [245]. Но показание Артамона Муравьева относительно пребывания Андреевича в Любаре дает одну интересную деталь: Артамон показывает, что Андреевич приехал к нему *с запиской от Башмакова*. Башмакова же, как мы знаем, послал С. Муравьев в Ахтырский и Александрийский полки из Трилес. Очевидно, в этот момент пути посланца Муравьева и посланца Славян скрестились, они взаимно оповестили друг друга, и часть поручения, возложенного на Башмакова, взял Андреевич, передав записку Артамону Муравьеву. Действия участников черниговского восстания и Славян, находившихся вне его и желающих ему содействовать, здесь переплетаются [246].

Итак, вечером 29 декабря Андреевич выехал на Фастов. Здесь по дороге произошел случай, оказавший сильное влияние на судьбу его поездки. О нем рассказывает Горбачевский: «От'ехав верст 40 от Любара, под самым селением Пятками, извозчик его сбился с дороги. Ночь была темная. Порывистый ветер, начавший дуть с вечера, поднял сильную метель. Андреевич не имел на себе никакой теплой одежды, одна офицерская шинель сверх мундира не могла его защитить от пронзительного холодного ветра. Поле было ровное и не представляло никакой защиты. К счастию, лошади сами собой набрели на крестьянскую избу, где жили майданщики (делающие селитру). Эта нечаянность спасла ему жизнь. Обогревшись и дав отдохнуть измученным лошадям, Андреевич поскакал проселочными дорогами прямо в Васильков [247]... Последнее не совсем верно, — мы уже знаем, что Андреевич отправился на Фастов. «Проезжая же через местечко, от Василькова в тридцати верстах лежа-

щее, Хвастов», и «остановясь там переменить лошадей, узнал от жида, что Муравьев находится в Василькове и что там теперь уже почти нельзя проехать, ибо всех хватают, и что солдаты взбунтованы совершенно целого полка. Наконец, что он хотел выйти скоро из Василькова в Белую Церковь»... Последнее, может быть, уже дошедший до Фастова отголосок переговоров Муравьева с Вадковским. «Записки» Горбачевского сохранили свидетельство, что Андреевич *был* после этого в Василькове, но сам он об этом в своих показаниях не упоминает. Так как в Фастове он был, вероятно, вечером 30 декабря, то указанная Горбачевским дата его приезда в Васильков вполне вероятна. Но отметим, что начальство Андреевича считало его отлучку с 26 декабря *по 30 декабря,* — так, по крайней мере, писал генерал-майор Аракчеев командиру Киевского арсенала князю Абамелику (от 15 января), оповещая об аресте Андреевича и спрашивая о поведении других офицеров при арсенале. Конечно, здесь легко могла быть допущена ошибка в общей суматохе подавления восстания и в связи с праздником 1 января. Заметим еще, что, и по мнению Никиты Бокова, «казенного денщика» Андреевича, он прибыл «на 4-й день» после 26 декабря.

Заезд Андреевича, совсем больного, сильно простуженного, после случая у селения Пяток, да и вообще всего путешествия, проделанного в одной шинели, — в Васильков — факт вероятный. Несмотря на овладевшее им отчаяние после его неудач, он все же хотел или сообщить пославшим его черниговским Славянам о результатах, или узнать, что делается в Василькове. Горбачевский рассказывает, что он уже не застал в Василькове ни С. Муравьева ни Черниговского полка, которые к тому времени уже выступили в Мотовиловку. Если это так, то Андреевич приехал после полудня. «Город был в величайшем страхе и никто не принимал проезжающих к себе на квартиру: местное начальство замечало за всеми подозрительными людьми. Угрожаемый каждую минуту попасться в руки правительства, Андреевич спрятался к одному еврею, который согласился его принять в дом за несколько рублей серебром. Потом просил он его достать ему лошадь, чтобы догнать Черниговский полк. Еврей старался сыскать, но не мог, хотя Андреевич обещал ему тотчас заплатить вдесятеро. Видя невозможность оставаться в Василькове, он решил выйти из города пешком. В дальней деревне, в стороне от большой дороги, нанял у крестьянина пару лошадей и поехал в Киев. Он старался доехать туда как можно скорее, поспешая об'явить всем киевским членам о действиях С. Муравьева [248]. Если вспомнить, что как раз в тот же вечер в Киев выехал Мозалевский с письмами и катехизисами, то об'явить в это время о восстании членам общества и попытаться

их поднять было как раз своевременно. Киев узнал о восстании лишь в ночь на новый год.

Но почему все же Андреевич не поехал в Мотовиловку к Муравьеву? На это много правдоподобных причин, главные из которых указаны выше Горбачевским. Во-первых, — что значил бы он для восстания один, без солдат? Ничего, и он это сознавал. Отчаяние, что он не добился никаких результатов в своей трудной поездке, вероятно, владело им. Может быть, в этом отчаянии его поддерживала единственная надежда — быть в Киеве и там поднять восстание. На это указывает и Горбачевский. Наконец, Андреевич был болен — та ночь около Пяток не прошла ему даром. Он вернулся в Киев, вероятно, 31 декабря. Мы помним, что Борисов 1-й выехал из Новоград-Волынска в Житомир (по дороге в Харьковскую губернию) 30 декабря, т.-е. в тот день, когда Андреевич 2-й уже из Фастова направлялся в Васильков. В Житомире он направился к тому же центральному лицу — к Иванову. Но тревога в Новоград-Волынске поднялась уже за несколько дней до того.

К концу декабря относятся раз'езды еще одного члена Общества Соединенных Славян с целью поднять восстание. Это — Бечаснов. Такой богатый источник, как «Записки» Горбачевского, не сохранил следов об этой поездке. По просьбе Бечаснова командир 2-й легкой роты 8-й артиллерийской бригады подполковник Корф отпустил его в Бердичев «для зделания некоторых для себя покупок» *28 декабря*. Тогда, как мы знаем, уже пронеслась весть и о 14 декабря и об аресте Муравьева и Бестужева. Рапорты взволнованного начальства об этой непонятной поездке Бечаснова полны конкретных подробностей. Бечаснов вернулся в роту лишь 3 января, — очевидно, у него было много «покупок». Ездил с ним «кузнечный ученик» Петр Курильной на паре гнедых лошадей. На возвратном пути из Бердичева, рассказывал Петр Курильной, за несколько часов до рассвета в ночь на 1 января они заехали в хорошо знакомый нам Любар. Остановились они в корчме у еврея Лейбы. Лейба заметил, что офицер был «молодой, сухощавый, белокурый, малого роста». Офицер велел распрячь лошадей, пил чай и вино, спрашивал у хозяйки дома, где полковник и полковница. Артамон Муравьев тогда уже был арестован, но в Любаре об этом еще не знали. Поэтому хозяйка ответила: «кажется, что полковник уехал, а полковница должна быть дома». Тогда офицер поинтересовался и подполковником (тогда полком уже командовал подполковник Арсеньев, вместо Артамона Муравьева). Когда хозяйка поинтересовалась, кто такой офицер и зачем ему полковника, он посоветовал ей «оставить вопросы и лишнее любопытство». «Люди» полковника Муравьева говорили,

что в ночь на 1 января, когда уже все спали, «зашел какой-то человек в кухню и спрашивал, дома ли полковник» — отвечали, что нет. И денщик Артамона Муравьева Старков говорил, что какой-то офицер приходил к нему во двор на рассвете и спрашивал о полковнике. У часового Ситникова, стоявшего перед домом Артамона, этот же офицер спрашивал о том же и еще интересовался, кто вместо Муравьева командует теперь полком. Тот сказал, что не знает, но офицер правильно предположил, что, наверно, Арсеньев. У входа во флигель офицер (он все не уходил) спросил «камердинера или человека». Мальчик Тимофей вызвал из дома «человека Александру». С четверть часа о чем-то говорил офицер с «Александрой», потом ушел, и часовой Ситников его больше не видел. Когда опечатывали бумаги Артамона Муравьева, полковой ад'ютант поручик Алексеев 2-й вышел на крыльцо и встретил того же «худова, маладова, белокурова офицера» в артиллерийском сюртуке и шинели, — он задал ему тот же, очевидно, мучительный для него вопрос: «где же Артамон Муравьев?» — «Не знаю», — ответил Алексеев 2-й. Офицер повернулся-было и ушел, но вдруг вернулся и спросил, когда полковник приедет? Тогда Алексеев, опять отозвавшись незнанием, попросил «сего офицера» удалиться, так как имел приказ от господина ротмистра подтвердить часовым, чтобы в горницы никого не пускали. Уходя, офицер сказал, что будет дожидаться полковника. Тогда Алексеев, выведенный из терпения, послал денщика Старкова сказать, что «полковника нечего ждать, ибо он не будет».

Но того же 1 января, когда начали описывать бумаги Артамона, «собственный его человек Александр» поехал верхом в Троянов, по чьему приказанию — неизвестно. Встретив полковницу Муравьеву и, очевидно, узнав от нее об аресте мужа, он вернулся и затем уехал с ней в Петербург. Девица Софья Ивановна сказала, что человека Александру послали по собственной ее надобности. Более ничего не удалось узнать подполковнику Арсеньеву, но сам Бечаснов рассказал несколько больше. Из Бердичева, где две дороги в Барановку — через Чудново и через Любар, он выбрал последнюю (см. карту), чтобы «остановиться в Любаре кормить лошадей и между тем зайти к полковнику Артамону Муравьеву, от коего надеялся узнать причину скорого их похода, куда именно выступают — и все сие потом сообщить Горбачевскому и Борисову (Петру), дабы не упрекали в недействии, что по пустому езжу, собственно только для своих удовольствий, ничего не стараюсь узнать». — Человек Александра, оказывается, сообщил Бечаснову, что Ар. Муравьев в Троянове. «В исходе 10 часа услышал я от стоявших около ворот евреев и от хозяйки, что у полковника Муравьева печатают квар-

тиру». «Будучи побуждаем любопытством», он пошел посмотреть, «не веря слышанному от жидов, коих толпа неподалеку квартиры стояла». Гусар, стоявший на часах, не пустил его. После этого Бечаснов уехал. Думается, что сомнений нет: он был гонцом от Борисовых к Артамону с просьбой поднять Ахтырских гусар: многие пути скрестились у порога Артамона. Но было уже поздно: вечером 31 декабря Артамон Муравьев был арестован в Троянове.

Но вернемся к Андрею Борисову. Итак, в Житомире он направился к Иванову пересказать ему задуманное. Но все планы Славян, только что выработанные на совещании в Новоград-Волынске, рухнули от тех вестей, что сообщил Борисову 1-му Иванов.

Он незадолго до приезда Борисова 1-го, как мы помним, виделся с проезжавшим Андреевичем 2-м. Слова последнего хорошо запомнились Иванову; тот сообщил Борисову, что общество открыто и многих берут под арест, что есть уже приказ арестовать Муравьева и что «теперь одно средство избегнуть жесточайшего наказания есть умереть с оружием в руках». Сам Иванов всецело стоял на этой же точке зрения. Было решено немедленно собрать совещание присутствовавших в Житомире членов. Иванов для этого отправился с Борисовым 1-м в дом Уварова, где в то время квартировали оба брата Веденяпиных и Киреев. У них же столовался поручик конной роты Нащокин, принятый в тайное общество Бестужевым-Рюминым. Кроме этих лиц, на собрании присутствовал некий Андреев «и некоторые другие» — как передают «Записки» Горбачевского, но в материале показаний это не отразилось. Веденяпин 1-й в начале совещания не был и пришел позже. Иванов настаивал на необходимости защищать свою жизнь и не сдаваться без вооруженного сопротивления. Его мнение было принято. Они рассчитывали, что их восстание немедленно сольется с восстанием, поднятым Муравьевым— они решили «отнюдь не делать отдельного бунту», как показывает Борисов 1-й. «Записки» Горбачевского дополняют принятые постановления: еще приняли решение освободить Муравьева, если он арестован, и действовать «по обстоятельствам, согласно с планом, принятым артиллеристами 8-й бригады, который состоял в том, чтобы итти на Киев или на Бобруйск, запереться в которой-нибудь из сих крепостей и ожидать присоединения 2-й армии и полков 3-го и 4-го пехотных корпусов, на содействие которых можно было надеяться по уверениям членов Южного общества». По «Запискам» Горбачевского, этому предложению противился поручик Нащокин, «почитая такого рода восстание безрассудным поступком, внушенным отчаянием». По материалу следственного дела можно заключить, что братья Веденяпины, особенно Веденяпин 2-й,

во всяком случае не очень поддерживали это предложение, если не вовсе противились ему. Борисов 1-й на очной ставке с Веденяпиным 2-м, вероятно, справедливо показал, что оба брата «не из'являли большой готовности к мнению прочих» [249]. «Мы должны погибнуть, — возражал Борисов 1-й, — и погибнуть позорно: нашему выбору представляется смерть или заточение. Мне кажется, лучше умереть с оружием в руках, нежели жить целую жизнь в железах», — так передает Горбачевский [250]. Эта фраза подтверждается и материалом следствия. Очевидно, весь разговор вертелся вокруг этой мысли. Горбачевский там же говорит, что это мнение одержало верх, но, вероятно, Борисов 1-й не решился в таком важном деле довериться пылкости чувств и потребовал от членов подписки в том, что они согласны содействовать восстанию. Мысль о Бобруйске, как о центре восстания, очевидно, нашла в этом совещании ярого защитника в лице Борисова 1-го, — он даже следственной комиссии в этом признается. Здесь же на совещании в Житомире выработаны были некоторые стратегические положения для будущего восстания. По слухам 7-я и 9-я дивизии и много полков (?) 2-й армии как будто уже приступили к восстанию, а гусары 3-го корпуса с артиллерией будто идут уже им на подкрепление. Но 8-я артиллерийская бригада не могла тронуться без прикрытия (об этом, как мы помним, Славяне из Новоград-Волынска писали в письме к Бестужеву, посланному с Андреевичем 2-м). Это подкрепление должен был, по мнению житомирского совещания, дать Пензенский полк, поэтому необходимо было сейчас же ехать в Старо-Константинов и известить об этом членов общества — Лисовского и Громнитского. Письма к ним дали Киреев и Иванов. Последний приписал, что необходимо обратиться к содействию Троицкого полка, так как ротные командиры его — капитан Киселевич и поручик Ярошевич — были членами общества. Как будто отдельной записки к этим лицам Иванов не писал, хотя это утверждается в «Записках» Горбачевского. Необходимость возвратиться немедленно в Новоград-Волынск для извещения артиллеристов о всем случившемся и затем ехать в Пензенский полк была ясна. Киреев написал письмо Борисову 2-му о своей готовности действовать и о предположении, что взбунтовавшийся Муравьев, вероятно, пойдет на Житомир, и ему понадобится помощь артиллеристов под прикрытием пензенцев. Иванов, очевидно, сделал со своей стороны соответствующую приписку на письме к Борисову, кроме отдельной приписки о Киселевиче и Ярошевиче на письме к Громнитскому. Письма к пензенцам были совершенно необходимы Борисову 1-му, так как он не был лично с ними знаком; вспомним, как рано оторвался он от общества. Прибавим, что и на этом совещании

Веденяпины в первый раз видели Борисова 1-го. Веденяпин 2-й показывает, что даже не знал, был ли Борисов членом общества, и он действительно тогда им не был. Отметим еще одну важную деталь, сохраненную в показаниях Киреева: Борисов 1-й вез письмо из Новоград-Волынска к Бестужеву, и Киреев (вероятно и другие) указали, что ввиду приказа об аресте Бестужева письмо везти к нему нечего, так как его не удастся передать. После этого совещания немедленно на деньги Киреева были наняты «жидовские наемные лошади», и Андрей Борисов обратно выехал в Новоград-Волынск, куда приехал, по свидетельству его брата, 1 января [251]. В это время восставший Черниговский полк дневал в Мотовиловке.

Борисов 2-й был изумлен, вновь увидевши брата. В то время у него был и Горбачевский. Все, сообщенное Андреем, встретило решительную поддержку Петра, только испуганный Горбачевский колебался. Быстро выработан был сложный и смелый план действий, интересный тем, что в некоторых своих частях он совпадал с намерениями С. Муравьева-Апостола. Борисов 2-й дает подробнейший рассказ об этом плане в разных местах своих показаний [252]. Будем помнить, что Борисов 2-й — артиллерист, а одна артиллерия выступить не могла: ей необходимо было кавалерийское и пехотное прикрытие. Поэтому он, видя, что Горбачевский «колебался и был в нерешительности, сам написал письма к Тютчеву и Громнитскому, в коих изобразил грозу, собирающуюся над главами преобразователей, напоминал им о клятве и честном слове, данном нами Бестужеву, и предлагал, возбудя в солдатах революционный дух, итти в г. Новоград-Волынск, где я думал с помощью их, арестовавши полковника и офицеров, которые бы не согласились на мое предложение, и овладевши лошадьми и резервом, взять артиллеристов и, преклонив на свою сторону канониров, следовать к Житомиру. Там предлагал я получить помощь от командира Ахтырского гусарского полка, слышавши, что сей полк собирается в штаб, и от полковника Швейковского, полагая, что он был в Алексопольском пехотном полку, которым прежде командовал»... В Житомире предполагалось «завладеть корпусною квартирою» (вспомним план С. Муравьева и Бестужева об аресте генерал-лейтенанта Рота) и потом итти на Киев, а оттуда прямо на Бобруйск, «или прямо из Житомира в Бобруйскую крепость, смотря по обстоятельствам». В Бобруйске же Борисов 2-й «думал найти Тизенгаузена с его полком и укрепиться в оном или итти к Москве, ежели 5-й и 4-й корпуса последуют нашему примеру, поднимут оружие и сделают с нами коммуникацию и ежели 2-я армия поступит таким же образом». Кроме письма к Тютчеву и

Громнитскому, Борисов 2-й написал еще Лисовскому, а Горбачевский по настоятельному его убеждению написал письмо к Спиридову, но просил Андрея отдать его только в том случае, если Тютчев найдет это нужным. Петр Борисов, провожая брата, просил его со своей стороны «сказать Тютчеву, что буде они имеют средства, то дабы дали знать о сем офицерам Саратовского полка, принадлежащим к обществу, и ежели будет нужно, то дабы он, мой брат, не отказался исполнить сего нового препоручения» [253]. Итак, Андрей Борисов спешно выехал к пензенцам в Старо-Константинов. Горбачевский в «Записках» пишет, что ему долго не могли найти лошадей, так как у евреев был праздник, а почтовых никому не давали даже по подорожной без особенного дозволения местного начальства, вероятно по случаю происходивших событий. Таким образом выехал он лишь поздно вечером, 3 января, как показывает его брат. Борисов 2-й, согласно выработанному плану, должен был ждать прихода пензенцев. К тому же он не мог сам выехать, не возбуждая подозрений начальства, а его отставному и приезжему брату было легко это сделать. Стечение обстоятельств возложило на Андрея Борисова роль вестника революции — и это было большим несчастьем для последней. О Борисове 1-м, как о члене общества, помнили лишь немногие члены, принятые в общество в 1823 или в 1824 годах, а таких было очень мало. Он давно был в от'езде, не присутствовал на Лещинских совещаниях, решивших судьбу Славянского общества, не был в курсе дел, не знал нового ядра членов, принятых в Лещине и отличавшихся особой активностью. Фактически он даже не был членом общества. Бестужев, как мы помним, не дал согласия именно на его прием, доколе он не переговорит с ним лично. Все эти обстоятельства имели роковое влияние на результаты его поездки.

Между тем, отправляя брата, Борисов 2-й принял ряд других, очень важных мер, бросающих свет на жизнь Славянского общества как единицы с самостоятельными славянскими задачами, даже после слияния его с Южным. Он сейчас же начал действовать, чтобы привлечь к восстанию поляков. Мы знаем, что это было решено еще до известий об аресте С. Муравьева и было изложено в коллективном письме к Бестужеву, которое увез Андреевич. Близ Новоград-Волынска находилось имение покойного генерал-ад'ютанта Уварова «Новый Звягель» и там, как мы помним, служили польские шляхтичи Островский, Невенгловский и отставной поручик Красницкий [254], служивший посредником между Борисовым 2-м и мелкой польской шляхтой той местности. Красницкий и привел к Борисову 2-му, как пишет Горбачевский в «Записках», четырех

поляков, а как он же показывает следственной комиссии [255], двух или трех, в числе которых были Островский и Невенгловский. Горбачевский столкнулся с ними в сенях, когда входил к Петру Борисову. Андрей в то время уже приехал из Житомира, но Горбачевский, не бывший дома, еще не знал об этом. «Когда я пришел на квартиру, где были Борисовы, — показывает он, — то в сенях квартиры встретились мне два или три незнакомых во фраках человека, выходящих из дверей квартиры Борисова, между которыми был один, с которым я был знаком и его знал, отставной поручик Красницкий»... В «Записках» Горбачевский указывает, что эти поляки дали «клятвенное обещание действовать и погибнуть вместе с артиллеристами за общее дело» [256]. Борисов 2-й послал с двумя из этих поляков письмо к юнкеру Головинскому, служившему в 4-й парочной батарейной роте 8-й артиллерийской бригады, «чтобы он сколько может бунтовал бы и взмутил бы солдат». «Записки» передают, что 4-я парочная рота квартировала тогда в Некорости Овручского повета, и что дядя этого Головинского занимал должность поветового маршала. Поэтому Головинскому поручалось еще стараться узнать мнение шляхты Овручского повета и, если можно, склонить к участию в деле, «а также убедить своего дядю содействовать восстанию». Славяне думали во время восстания послать Киреева из Житомира в парочную роту для окончательного действия на солдат, которые могли быть полезны 8-й бригаде. С этим письмом к Головинскому двое поляков отправились в Овруч, взяв на себя обязанность действовать там на шляхту; третий поехал в Заслав, с тем чтобы узнав расположение тамошних поляков, действовать на них и при первом известии о начале восстания поднять оружие. Четвертый из них остался в Новоград-Волынске при Борисове 2-м, надеясь иметь некоторое влияние на шляхту, живущую в окрестностях сего города [257]. Письмо Борисова 2-го к юнкеру Головинскому было частью проводимого в жизнь стратегического плана восстания, только что выработанного. Причины, побудившие его писать к Головинскому [258], были следующие: 4-я парочная рота квартировала на дороге к Бобруйску, а Борисов 2-й не думал, чтобы все канониры 1-й батарейной роты и 2-й легкой согласились на его предложение; поэтому он «предполагал заменить недостающее число солдатами 4-й парочной, коих удалось бы склонить к возмущению, почему и написал к Головинскому, дабы он узнал дух и мысли солдат сей роты»... Все это показывает, как тонко продумал Борисов 2-й план захвата Бобруйска и насколько ясно представлял себе практическое проведение этого плана в жизнь. Кроме того, ясно, что он не оставил связи с поляками даже после формального запрещения принимать их в общество

на собраниях в Лещинском лагере. Идеология Славянского общества не умерла после слияния его с Южным.

«Записки» Горбачевского сохранили одну деталь поездки Борисова 1-го в Старо-Константинов [259]. С дороги (из местечка Полонного) он прислал брату записку с одним неизвестным евреем, «в коей было сказано, что Ахтырский полк собирается в штаб-квартиру в местечко Любар; что артиллерия 2-й армии и Литовский корпус, квартирующие в Полонном, находятся уже в сборе и что везде замечается движение войск. Надежда возбудилась в сердцах Славян...». 3 января Борисов 1-й приехал в Старо-Константинов на квартиру к Лисовскому, где в то время находился и Громнитский. Он об'явил им, «что 9-я и гусарская дивизия 3-го корпуса уже выступили в поход, что 2-я армия должна скоро начать свои действия, что он прислан к ним, дабы они со своими частями выступили в Новоград-Волынск, где соединятся они с артиллериею, а оттуда вместе следовать на Житомир, потом на Киев и, наконец, в Бобруйск, где ожидать дальнейших распоряжений» [260]. Были отданы и письма. Громнитский дал согласие действовать. Лисовский в своих показаниях говорит, что очень испугался и якобы даже намерен был выдать общество правительству, но его удержал поручик Зарецкий, который «вооружился против сего и, пока не уехал Борисов, он от меня не отставал». Отсюда ясно, что в переговорах участвовал еще один член общества и, как видно, стойкий. Намерение Борисова ехать сейчас же в Троицкий полк к Киселевичу и Ярошевичу было отклонено, так как путь пензенцев в Новоград-Волынск все равно лежал через место расположения этого полка и они могли бы захватить его в своем движении и вместе притти в назначенный пункт [261]. Из Старо-Константинова Борисов немедленно выехал к Тютчеву, передал ему письмо от Борисова 2-го и Горбачевского, а также записку Киреева на имя Громнитского, которую последний после прочтения возвратил Борисову 1-му для передачи Тютчеву.

Тютчев квартировал верстах в 10-ти от Старо-Константинова [262], в деревне Кузмине. Громнитский и Лисовский советовали Борисову не возвращаться от Тютчева к ним, а прямо поехать в Новоград-Волынск, но так как Тютчев сразу согласился выступить и захотел посоветоваться с пензенцами, то он очень быстро вернулся в Старо-Константинов вместе с Борисовым 1-м. Тютчев обещал ему выступить в тот же день. Громнитский с Лисовским уверяют, что они всячески стремились отсрочить это выступление и настояли, чтобы Борисов 1-й сейчас же уехал, обещав известить его с верховым нарочным о приближении их рот. Когда он уехал, они якобы стали отговаривать Тютчева выступить

В 10 часов вечера 4 января, как говорит Спиридов, к нему приехал Тютчев и сообщил все, что говорили ему Борисов 1-й, сам же последний у Спиридова не был.

«Записки» Горбачевского сохранили согласие Громнитского [263] и Лисовского действовать в революционном духе. Тютчев выезжал с Борисовым 1-м в Старо-Константинов, отдал приказание фельдфебелю собрать роту и раздать боевые патроны. Свидание с Громнитским и Лисовским происходило не у них на квартире, а в корчме на краю города, — Тютчев не хотел возбуждать подозрений. После от'езда Борисова 1-го Тютчев по просьбе Громнитского и Лисовского поехал за Спиридовым и привез его в Старо-Константинов для совещания. Спиридов до от'езда написал записку Шимкову, чтобы он действовал по первому уведомлению, и Горбачевскому о готовности действовать. Обе записки передал он «своему верному человеку». Свидание Спиридова со всеми этими лицами в Старо-Константинове выяснило, что дело далеко не так блестяще, как то было представлено Борисову 1-му. Громнитский и Лисовский говорили, что не приготовили солдат, — мы знаем это из предыдущего. Когда Спиридов стал их за это упрекать, Лисовский с жаром — и вполне резонно — вскричал:

«С. Муравьев требовал, чтобы мы действовали на солдат медленно; Бестужев-Рюмин говорил мне лично, равно как и всем, что восстание начнется не ранее августа 1826 года; поэтому я действовал сообразно с принятыми на себя обязанностями. Клянусь всем, что для меня свято, что к назначенному времени вся рота пойдет за мною в огонь и в воду». Громнитский оправдывал свое поведение тем же условием медленно действовать и, кроме того, сказал [264]: «Нам предлагает начать бунт простой член общества Борисов 2-й; приглашение сие привез его брат, но мы не имеем никакого уведомления ни от С. Муравьева ни от Бестужева, которым мы дали слово действовать. Я не обязывался сломить себе шею для каждого. Пускай приедет сам Муравьев, или пускай покажут мне приглашение к восстанию, написанное его рукою, — я тотчас взбунтую свою роту; до сего же времени ограничусь приготовлением солдат» [265].

«Верный человек» Спиридова [266], пережив в дороге арест и побег, вернулся с запиской Шимкова: «Саратовский полк с нетерпением ожидает начала восстания. Я ездил в Тамбовский полк и принял там пять ротных командиров, которые поклялись при первом случае соединиться с нашим полком и готовы содействовать нам со своими подчиненными». При записке Шимкова была замечательная записка капитана того же полка Ефимова: «К сожалению моему, я так не-

счастлив, что не заслужил вашей доверенности и не был членом общества; это моя вина. Но теперь будьте уверены и знайте, что при первом известии начинать я поведу свою роту, на которую полагаюсь совершенно, и надеюсь на помощь своих товарищей; осмеливаюсь ручаться не только за несколько рот, но и за весь полк». Но было уже поздно: Спиридов вскоре узнал об усмирении восстания Черниговского полка.

По дороге из Старо-Константинова в Новоград-Волынск Борисов 1-й заехал в м. Барановку к Горбачевскому, где увидел и Бечаснова, и рассказал им обо всем, происшедшем в Старо-Константинове. Между прочим, здесь он оставил у Горбачевского масонские знаки («девизы для печатей») общества «Друзей Природы» с просьбой доставить их Борисову 2-му [267]. К Бечаснову заехал он вечером и сказал ему: «четыре роты Пензенского полка завтра выступят и будут в Барановке...» [268], и просил содействовать. В показаниях своих Бечаснов говорит, что он очень волновался и твердил ему, чтобы он скорее уезжал, так как «теперь обстоятельства ужасные». «Ты все шатаешься, тебя схватят, а через тебя и меня, что принял»... Из-под Житомира Борисов 1-й послал брату письмо, в котором выражал совершенное отчаяние, — вероятно, он уже видел, что революция погибла. В Новоград-Волынск он так и не заехал. В Житомир он приехал 5 января [269] проселочными дорогами: третьего дня было подавлено восстание Черниговского полка. Город был окружен военной цепью: «он отпустил извощика и пешком прошел заставу». Здесь он был у Веденяпиных и Киреева, сообщил и Иванову обо всем происшедшем (Иванов от этого отрекается в своих показаниях). Монахини католического ордена сестер милосердия (польки?) предлагали уже некоторым членам тайного общества «скрыть их от поисков правительства и вывезти за границу». Борисов 1-й от этого отказался, просил только дать ему лошадей, чтобы выехать из города. Поехал он в Киев. В дороге он, совершенно измученный, сильно захворал. Остановился он, больной, у Андреевича и через три дня был вместе с ним арестован.

Нет сомнения, что приезд к Славянам Бестужева-Рюмина поднял бы восстание, к которому было готово так много членов. Неудачная организация слияния Южного Общества и Общества Соединенных Славян, сделавшая, между прочим, Борисова 2-го «простым членом», принесла много вреда. Отсутствие точных известий от Бестужева и Муравьева сыграло решающую роль. Не было еще слаженности, не было революционного опыта. Вестник революции Борисов 1-й не мог им быть по существу дела, так как большинство членов его не знало и поэтому, натурально, не имело доверия. «Мы не можем не заметить, — справед-

ливо пишет Горбачевский, — сколь много вредил делу неопределенный и двусмысленный язык членов Южного общества. Слова, беспрестанно повторяемые С. Муравьевым и Бестужевым-Рюминым и прочими: *медленно, постепенно, исподволь* — заставили многих членов вовсе не действовать... Не менее сего вредно было явное желание Муравьева и Бестужева сосредоточить всю власть в своих руках: они хотели двигать членами, разбросанными в разных полках, и запрещали им иметь между собой сношения. Таким образом, не имея возможности уведомить о начале восстания, они доставили случай многим членам искренно или только наружно сомневаться в необходимости местных возмущений, направленных к одной цели». Вполне справедливо волнение Спиридова, когда он «охуждал» С. Муравьева, что тот восстание «начал безвременно и об оном не известил».

Попытка прапорщика Степана Ивановича Трусова, принятого в Славянское общество Драгомановым, поднять восстание в Полтавском полку — самое позднее по времени усилие Славян осуществить революционный замысел. Событие это неполно отражено в документах, неправильно изложено в «Записках» Горбачевского и поэтому остается несколько неясным. В феврале 1826 года подполковник Левицкий-Лазницкий, принявший командование полком после ареста Тизенгаузена, делал смотр. Трусов стоял на Слуцком форштате 1-го баталиона. По окончании смотра 1-го баталиона он выбежал вперед с обнаженной шпагою и кричал солдатам: «Ребята! Бросайтесь в штыки, найдем вольность и независимость ни от кого, у нас государь не есть государь Николай Павлович, а тиран». Рапорт подполковника Лазницкого не решается передать остальное, — прапорщик Трусов «даже такие произносил выражения в присутствии целого баталиона на особу его императорского величества и всю царскую фамилию, которых я не смею выразить на бумаге». Трусова схватили не сразу: он не только крикнул все, что хотел, а успел подбежать еще и к 1-му взводу и повторить ему то же. Штабс-капитан Домбровский приказал ему замолчать, но он не унимался и грозил штабс-капитану шпагой. Наконец, по приказанию подполковника, Трусова схватили и отвели на гауптвахту, а в квартире его сделали обыск, но ничего не нашли. На допросе он об'яснял свое поведение болезненным припадком, утверждал, что не принадлежал к тайному обществу, на солдат не влиял и не был знаком ни с Тизенгаузеном ни с Бестужевым-Рюминым, но вообще о тайных обществах знал из книги «Тоска по родине», которую дал ему его двоюродный брат Иван Алексеев, умерший в 1825 году. Последний и об'яснил ему, что такое тайное общество. Выяснилось еще одно важное

обстоятельство: накануне своей попытки Трусов был в госпитале у Троцкого, подпоручика Полтавского полка. По «Запискам» Горбачевского, Троцкий тоже был принят Драгомановым в Общество Соединенных Славян. В палате они долго с жаром говорили о чем-то, — офицеры в соседней комнате слышали разговор. Начальство спохватилось почти через месяц — генерал-майор Нагель делал «о сем разговоре разыскание», но офицеры из соседней комнаты уверяли, что они хотя и слышали разговор, «однако не вслушивались в содержание оного», а сам Троцкий тоже ни в чем не сознался и в присутствии Нагеля дерзко отвечал своему полковому командиру. Ясно из всего, что выступление Трусова не было случайным, а имело подготовку, — но о прочих обстоятельствах документы молчат.

Николай I приказал судить Трусова при полку в 24 часа и заранее предписал решение суда: лишить чинов и дворянского достоинства, переломить над головой шпагу перед полком и, заковав в цепи, отправить в Бобруйскую крепость в крепостную работу. Приговор был приведен в исполнение. Троцкий был на 1 год посажен в крепость с содержанием в каземате. Коменданту же Бобруйской крепости генерал-майору Бергу 3-му Николай «повелеть соизволил заметить..., дабы более обращал внимание на соблюдение порядка в госпитале и что последнее подало повод к нарушению тишины»... [270].

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

СЛЕДСТВИЕ И СУД НАД СЛАВЯНАМИ.

Итак, Черниговский полк сдался, восстание было подавлено. Генерал Гейсмар арестовал на поле сражения — если можно назвать сражением атаку одной лишь стороны — С. Муравьева-Апостола, Соловьева, Бестужева-Рюмина, Быстрицкого, Матвея Муравьева и Кузмина. Щепилла был убит, Сухинов бежал. К 5-ти часам [271] вечера того же 3 января пленные офицеры и солдаты были под сильным конвоем привезены в Трилесы и все вместе помещены в корчме. За перегородкой находились караульные. По дороге в Трилесы Кузмин, сидя в одних санях с Соловьевым, старался казаться бодрым и был спокоен. Товарищ не знал, что у него ранено плечо, и обнаружил это нечаянно облокотившись на Кузмина и заметив болезненное выражение его лица. Кузмин отговорился, что рана легкая и что ни лечить, ни перевязывать ее не стоит. В корчме было очень холодно. У тяжело раненого Муравьева начался озноб. Но он крепился, встал и подошел погреться к камину. Кузмин все время ходил твердыми шагами по комнате. Утомившись, он сел на лавку и попросил Соловьева пододвинуть его ближе к стене: его лихорадило. Внезапно все услышали стук падающего тела, это лишился чувств С. Муравьев. Все бросились на помощь к нему, кроме Кузмина, «как вдруг пистолетный выстрел привлек общее внимание». Часовые с криком «стреляют!» бросились из дома. «На скамье лежал окровавленный Кузмин без черепа: большой еще дымящийся пистолет был крепко сжат левою омертвевшею рукою. Когда же с Кузмина сняли шинель и мундир, то увидели, что правое плечо раздроблено картечной пулею, которая вышла ниже лопатки. Все нижнее белье было в крови [272]. Если бы он дал перевязать рану, то был бы обнаружен спрятанный в рукаве пистолет, и он геройски терпел, выжидая удобной минуты покончить с собой. Эта минута наступила, когда всеобщее внимание было отвлечено обмороком С. Муравьева. Еще во время жизни часто повторял он товарищам: «Свобода или смерть» и «смертию своею дока-

зал, что чувствовал и говорил одно». Его похоронили близ Трилес в одной могиле с Ипполитом Муравьевым и Щепиллой. Генерал-лейтенант Рот показывал кратко: «Убиты же поручик: Кузмин и Щепилла, брат Муравьева по квартирмейстерской части, прапорщик Муравьев же и 6 человек рядовых...». Но декабристы быстро узнали, как был убит Кузмин.

Следственная комиссия впервые узнала о славянах от Пестеля. В заседании 7 января 1826 года она слушала «показание Пестеля, из коего видно, что Борисов артиллерийский офицер в 3-м корпусе, будучи принят в Петербурге в Общество Соединенных Славян, сам принимал других. Впрочем Пестель говорит о сем как о слышанном, без собственной достоверности, ибо никого из нас сам не видел и не знает» [273]. Вслед за тем Матвей Муравьев выдал Горбачевского, Андреевича и Спиридова [274].

Начались аресты. Шли они постепенно, — не сразу арестовали всех членов Общества Соединенных Славян. Они раскрывались правительством мало-по-малу, выдаваемые южанами и отчасти арестованными Славянами. Не обошлось без трагических совпадений: корпусный командир поручил Веденяпину 1-му, еще не зная, конечно, об его причастности к заговору, арестовать Борисова 2-го. Приказание было выполнено. Когда Веденяпин, арестовав председателя того самого общества, в котором он состоял, и близкого своего друга, опечатывал его бумаги, ему попались славянские правила и присяга на польском и французском языках, те правила, которые он обязывался исполнять, и та присяга, которой он клялся. Почему он не уничтожил их, говорил ли он о чем-нибудь с Борисовым 2-м, уничтожил ли какие-нибудь другие документы, — неизвестно.

После первоначальных допросов в главной квартире армии Славян отправили под строгим караулом в Петербург. Там производилось основное следствие, и приводился в исполнение приговор верховного уголовного суда над 23 членами Славянского общества: Борисовым 2-м, Борисовым 1-м, Спиридовым, Горбачевским, Бечасновым, Пестовым, Андреевичем 2-м, Люблинским, Тютчевым, Громнитским (он всюду значится Громницким), Киреевым, Фурманом, Веденяпиными 1-м и 2-м, Шимковым, Мозганом, Ивановым, Фроловым, Мозалевским, Лисовским, Выгодовским, Берстелем и Шахиревым. Кроме того, были вызваны, но судились помимо верховного уголовного суда: подпоручик 9-й артиллерийской бригады Черноглазов, прапорщик 6-й конно-артиллерийской роты Высочин, секретарь графа Ильинского шляхтич Жебровский и подпоручик 9-й артиллерийской бригады Тихонов. Николай I лично положил резолюцию на их делах о тех или иных видах наказания, но

через верховный уголовный суд они не проходили и не числились в основном списке подсудимых Славян. Шеколлу, Костыру, Головинского, Ольшевского, Веселовского, Шультена, Киселевича, Ярошевича, Януша Ильинского, Скармировского, Драгоманова, Усовского, Островского, Невенгловского, Бельченку, Зарецкого и Красницкого в Петербург не возили. Их или судили в Могилеве, или же не привлекали к делу лично, ограничившись собранием о них сведений и большей частью тайным надзором. Три лица, так или иначе причастных к Славянскому обществу и упоминаемых вскользь в мемуарной литературе или даже в самых показаниях, к следствию не были привлекаемы совершенно: это — Андреев, помещик Полисанов [275] и подпрапорщик Полтавского пехотного полка Богословский. Главных деятелей восстания Черниговского полка Славян Сухинова и барона Соловьева судил могилевский военный суд при главной квартире армии. О суде над Трусовым и Троцким сказано выше.

Многочисленные сведения об Обществе Соединенных Славян были получены следственной комиссией от декабристов-южан, в частности от Бестужева-Рюмина. Последний передал сначала об обществе на допросе, что «оное было основано в России первоначально в 1-м пехотном корпусе каким-то князем (фамилии не помнит), который и соединил общество сие с сербами, что члены оного находятся во всей армии и наиболее в 1-м корпусе, что оное чрезвычайно демократическое, но коренной прямой цели еще не имеет, сам же основатель находится теперь в чужих краях. О сем слышал он от артиллерии офицера Борисова» [276]. Неизвестно, почему Бестужев счел нужным повторить легенду, которую сам Борисов опроверг, когда в последний раз рано утром приходил к нему в Лещинский лагерь; вероятнее всего, он надеялся этим скрыть связь Южного общества со Славянами и себя как посредника. Во всяком случае, в его показании нет ничего выгодного для Славян с точки зрения следствия и суда.

Первоначальные допросы со Славян, как обычно, снимал генерал Левашев и отправлял затем в крепость. Как известно, Николай I, кроме участия в первоначальных допросах, играл роль тюремщика и, препровождая декабристов в крепость к генералу Сукину, пересылал ему личные записки с указанием режима узников [277]. Записки относительно Славян очень однообразны. Борисов 2-й прибыл в крепость 21 января в 11 часов ночи с запиской: «присылаемого Борисова 2-го содержать строго и хорошо». Большинство других Славян имели записки: «такого-то посадить по усмотрению и содержать строго». Единственный Веденяпин 2-й, каявшийся, просивший прощенья и не скупившийся на при-

знания, имел записку: «посадить по усмотрению и содержать хорошо». Сравнительно малая причастность его к делу была очевидна.

Далее следовали вызовы в суд, личные допросы, письменные показания, очные ставки. С этой стороны следствие велось по тем же формам, как и для других декабристов. Держали себя Славяне на следствии различно. Были горько каявшиеся, выдававшие решительно все и молившие о пощаде; были упорно отрицавшие свою вину и оговаривавшиеся незнанием; были гордые и стойкие, сломленные лишь пыткой цепей, допросов и очных ставок.

Борисов 2-й держал себя благородно и стойко. Первоначальные сведения, данные им об Обществе Соединенных Славян, были во многом ложны и характерны тем, что он стремился никого не выдать и взять всю вину на себя. «В 1818 году в Одессе, — показывал он Левашеву, — я был принят в ложу масонскую французом Ольвиером и отстал от оной, когда вышло запрещение принадлежать масонским ложам. В 1823 году я познакомился в Новоград-Волынске с поляком Шашкевичем, который предложил мне взойти в союз Славян. Я на сие согласился и дал присягу, коей содержание нижеследующее: не щадить жизни для своих друзей и рано или поздно стараться достигнуть предпринятой цели. Цель сия была соединение всех славянских поколений, сделав федеративный союз, дав каждому приличные постановления. Я первый, который передал тайну оного общества моим товарищам. Решиться назвать их я не могу, ибо сам вовлек в сие несчастное положение и внушил им сии мысли. В 1825 году при сборе корпуса в Лещине я случайно познакомился с Муравьевым, узнал от него о тайном его обществе и наше к оному присоединил. Он мне открыл намерение их дать государству конституцию. Определительных средств к оному не упоминал». Даже вину соединения обществ Борисов 2-й брал на себя. В одном из последующих показаний говорится, что «шляхтич Шашкевич» застрелился, — этим Борисов 2-й думал совершенно выгородить своего друга Люблинского. Комиссия прибегла к своим обычным мерам: были угрозы, инквизиционные приемы симуляции того, что все дело в тонкостях уже комиссии известно, что все вопросы, предлагаемые Борисову 2-му, имеют-де цель — дать ему возможность искренностью смягчить свое преступление. 13 февраля комитет отметил «чрезвычайное упорство и закоснелость» [278], и положено было «испросить высочайшее повеление Борисова заковать за упорное запирательство». Рукою Николая сбоку докладной записки было приписано: «заковать». Ранее догадливые следователи вытребовали из Житомира священника Успенской церкви Матвея Соколовского и заставили его «увещевать» воль-

терьянца Борисова. В результате «увещания» была повторена легенда о шляхтиче Шашкевиче с добавлением об его самоубийстве, и дано любопытное показание: «из членов сего общества, кроме одного серба Магабле, уехавшего в свое отечество, никого не знаю, равно в оное сам никого не принимал». Но 13 февраля он был сломлен, сознался в ложности первых показаний и кое-что открыл. Стремление взять на себя всю вину и выгородить других пронизывает все его последующие показания.

Борисов 1-й во время следствия чрезвычайно горд и прям. Его показания — не дача сведений, а вызов. «Я не нахожу в себе ни вольнодумств ни либеральных мыслей, — надменно бросает он комиссии, — но все то, что здравый разум может внушить при беспристрастном и примерном рассматривании вещей. Всеобщий голос неудовольствия в народе дал мне идею к размышлению, и я заметил, что это происходит от несправедливых требований правительства. С каким прилежанием стараетесь вы искать историю прежних моих поступков, не с тем намерением, чтобы уменьшить оные, но дабы не утратить ни малейшего случая наказать достойно. Я откровенно об'явил, что сам себя считаю виновным против самовластного правления, но по своему рассудку не признаю [виновным] ни себя ни кого из моих товарищей. *Может быть в заблуждении, но я твердо уверен, что законы ваши неправы, твердость их находится в силе и предрассудках* *). Знаю, по законам должен быть, как заговорщик, расстрелян, а как цареубийца — четвертован. По смягчении приговоров буду приговорен, конечно, за первое — сослать на поселение, а за второе — в каторжную работу. А государь верно из сострадания переменит на вечное тюремное заточение. Следовательно, к чему еще ненужное признание прежних моих поступков. Если и за них наказывать, то есть закон (довольно их у нас): без суда да никто не накажется. Я уже был судьей арестован в Киеве, четверо суток находился в курской полиции и третью неделю нахожусь в крепости»... Ответы его лаконичны и резки, дают минимум фактического материала, вопросов комиссии в ответах своих он не повторяет, как то делают почти все декабристы. «Брат мой сообщил все сие по приезде моем в бригаду», — и только. «В 1823 году учредили Общество Соединенных Славян, а в 1817 году, мая 13, «Друзей Природы». На вопрос о том, присягал ли «на верное подданство ныне царствующему государю императору», кратко ответает: «Нет. Когда была присяга, я находился в дороге из Новоград-Волынска в Старо-Константинов», — очень редкий ответ для декабриста, действовавшего на юге. Борисов 1-й всячески

*) Курсив мой. *М. Н.*

стремился оправдать своего брата Петра и принимал на себя возводившиеся на того обвинения.

Люблинский стремился подчеркнуть свою отчужденность от общества, негодовал на слияние с Южным, говорил, что в конце совершенно от всего устранился. О первоначальной своей деятельности говорил, что уступал настойчивым просьбам надоедавших ему Борисовых и относился к ним несколько свысока. Показания он старался давать по возможности краткие и неконкретные, дал ряд ложных сведений, сказал, например, что ежегодно бывал «на исповеди и у святого причастия»: мы уже знаем, что это не так. О помиловании Люблинский не просил, обронив лишь раз сдержанную фразу: «Сожалею, что вступил в общество противозаконное Славян».

Кажется, больше всех испугался, каялся, молил о пощаде, выдавал товарищей Горбачевский. Он производит впечатление совершенно перепуганного и растерявшегося человека, готового на все, лишь бы выгородить себя. Обвинение во всем братьев Борисовых проходит через все его слезные мольбы о пощаде. «Они меня всему учили, все рассказывали, они поселяли [и поселили] во мне вольнодумческие мысли, беспрестанно уверяя, что все это из дружбы... К моему несчастию, они от меня не отставали, и всегда доставалось [вместе] на квартирах стоять... Петр Борисов, заслуживши все доверие, и я его не подозревал ни в чем, довершил, так сказать, свое торжество надо мною, принял в Славянское общество»... Он, бывший посредник, избранный на общем собрании, язвительно насмехается над Южным обществом и его слиянием со Славянами: «не было никаких особенных обрядов или учреждений для вступления в сие общество, — слушать вральство Бестужева, ему ни в одном слове не противоречить, а также Муравьеву, потом сказать, что на все согласен, чего он только хочет, вот что значит быть приняту в сие общество»... Часто Горбачевский лжет, чтобы выгородить себя, и подчас до того наивно и грубо, что, вероятно, комиссия бывала очень удивлена: клевещет на членов, что они-де и слова «республика» не понимали, уверяет, что, ставя крестики на списке цареубийц в последнее свидание с Бестужевым, не понимал, что делает, и что под «уничтожением августейшей фамилии» разумел ее юридическое, а не какое-либо иное уничтожение. Добавим еще, что безбожник Горбачевский, которого будет преследовать за богохульство сибирское духовенство и который ранее считал недопустимым влиять религией на неверующую солдатскую массу, — клянется богом через строчку в своих показаниях.

Особенно быстро сдался Спиридов, тоже слезно каявшийся и молившийся о пощаде. Ему не дают покоя воспоминания о заслугах его

предков и их верности престолу. Он в самом начале следствия пишет личное письмо Николаю I с мольбой о помиловании — допрос во дворце потряс его: «в доме царей моих сердце мое потрясалось взглядом на каждый из предметов, совесть явно укоряла в преступном заблуждении». Он молит о разрешении постричься в монахи, жалуется на «безмолвные стены хладного каземата». Вообще все его раскаяние и унижение облечено в форму романтического пафоса: «о, слабость человеческая, чему ты не была виною в сем суетном мире, сколько зол от тебя произошло... Великий творец, что мое перо чертит, не смею продолжать... Изменив присяге, поправ веру, стою ли какого доверия... Собственная тень меня страшит. Бездна зла перед глазами. Грехи и преступления обременяют душу и тело»... Пишет, что каждый день плачет в тюрьме, и этому можно поверить.

Совершенный контраст всему этому — дерзкий, гордый непреклонный Андреевич 2-й, прообраз будущих русских революционеров. Комиссия долго билась с ним, не зная, чем его сломить. Переписка начальства все время предупреждает об его упрямстве, непокорности. При самом аресте и отправлении его в Белую Церковь «он делал начальнику штаба 4-го пехотного корпуса дерзкие ответы, обнаруживающие буйственный его характер». Тактика Андреевича при первоначальных допросах — упорное отрицание всего. Никуда он без спросу начальства не отлучался, никуда на рождестве на три дня не ездил, ни к какому тайному обществу не принадлежит, с черниговскими офицерами не знаком, никаких собраний у него не было, никаких членов общества он не знает и наименовать не может, со Шварценбергом незнаком, о членах «других обществ» совершенно ничего не знает. На одной из подобных все отрицающих анкет, данных Андреевичу, есть его приписка: «выше писаные восемь ответных пунктов писал собственною рукою и что справедливо показал, могу утвердить присягою. 8-й артиллерийский подпоручик Андреевич 2-й». Генерал Демидов возмущенно писал, что при личном допросе Андреевича «заметил я в нем не только упрямство, но и закоснелость в неоткровенности ответов и даже некоторое исступление в речах», — и вообще: «Ваше Превосходительство (писано Татищеву, военному министру) — усмотреть изволите, что Андреевич замечен в свободомыслии и неприличных офицеру качествах». Относительно трехдневной своей отлучки Андреевич упорно твердил, что был в Киеве у одного знакомого майора все три дня, но не помнит его фамилии, дом забыл и даже если лицо майора ему показать, он его все равно не узнает. «А когда презус суда начал его усовещевать, чтоб он сознался и что майора сего, вероятно, не существует, и лишь

токмо им выдуман, то с дерзостным видом отозвался, что он с мертвыми никогда не говорил»... Следствие решило прибегнуть к испытанному приему — заковать в цепи и руки и ноги, оставив так на долгое время. Прочтя один из буйных ответов Андреевича (15 февраля), комиссия сочла, что он обнаруживает преступнейшие мысли и чувства. Положили: испросить высочайшее повеление его заковать. С боку — резолюция рукою Николая I: «заковать» [279]. Андреевич, живой и подвижной украинец, пылкий и нервный до болезненности, пыток не выдержал и сломился. Эта нервность была, вероятно, ранним симптомом будущей психической болезни: в Сибири Андревич сошел с ума на мысли о всемирном потопе. К 24 февраля Андреевич уже не выдержал и пишет полубезумное письмо следственной комиссии: «Облегчите мои страдания. Позвольте мне дышать открытым воздухом, ибо сей, коим дышу доселе, есть яд для меня, и жизнь мою он прежде времени истребляет. Рожденному со столь живыми чувствами, коими меня одарила природа, мне нельзя быть в сем несчастном положении, надеяться на продолжение моего бытия. Ах, уважьте сию униженную мою просьбу, она происходит из глубины души моей. Ускорьте приговор, мне определенный... Еще я молод, и кровь в жилах моих еще не остыла, живо чувствую мое преступление и мучения свои. Бездейственность, в коей нахожусь я в сем заключении, стесняет грудь мою. Умоляю именем бога. Если голос несчастного может быть внятен. Освободите меня». Его расковали только 28 апреля «во уважение замеченного в нем комитетом о злоумышленном обществе раскаяния и откровенности в показаниях».

Очень сдержанно и с достоинством вели себя Киреев и Пестов.

Следствие подходило к Славянам со своей меркой, своими заданиями, своей системой вопросов. Персонально оно все состояло из ярых представителей бюрократического мира, с которым так ожесточенно боролись декабристы. Система их вопросов не совпадает с вопросами детального ознакомления со Славянами, с которыми подошел бы к ним теперешний исследователь. Цареубийство для Славян после слияния их с Южным обществом было средство, а не цель, между тем следствие сосредоточило свои вопросы именно на цареубийстве. Вопрос об убийстве всей царской семьи или только одного царя какой-либо существенной роли в планах Славян не играл. Между тем следствие потратило огромную долю своей энергии именно на то, чтобы узнать, кого хотели убить. Некоторые Славяне оговаривались незнанием, избранные для «нанесения удара» говорили, что они об этом оповещены не были или не дали своего согласия. Комиссия признала безусловно согласными

на цареубийство Спиридова, Горбачевского, Борисова 2-го, Бечаснова и Пестова. Бечаснов был одним из утверждавших, что Бестужев говорил — и не в частном свидании, а на собрании, — что не только царя, а всю царскую семью надо убить «и прах их по земле развеять». Вопрос о цареубийстве и об уничтожении всей царской семьи вызвал ожесточенные разногласия Славян на следствии. Горбачевский в «Записках» пишет, что Муравьев и Бестужев во всех своих разговорах... никогда не упоминали о сей мере, и только на 4-м совещании, как мы видели, Бестужев, увлеченный энтузиазмом, в первый раз в присутствии Славян воскликнул: «Тогда тиран падет под нашими ударами». Впрочем, и сие восклицание можно было принять в переносном смысле, если бы на том же совещании он не сказал Борисову 2-му: «Мы, которые убьем законного государя». Это одно об'ясняет, почему многие из Славян показывали в следственной комиссии, что злоумышление на царствующий дом было известно всем Славянам и что об этом было говорено неоднократно, между тем Борисов 2-й, Горбачевский и еще некоторые всеми силами отрицали сии показания, и на их стороне была справедливость» [280]. Последний вывод несколько неожиданный: едва ли приходится сомневаться в том, что упорное отрицание некоторых Славян было естественным желанием смягчить пред'явленное им обвинение.

Следственная комиссия большое внимание уделила также выяснению плана ареста цесаревича. В этом признался лишь Борисов 2-й, автор этого плана. Огромное большинство Славян об этом ничего не знало. Вопрос о Таганрогском покушении Славянам в общем был неизвестен, и большинство из них впервые услыхало имена предназначенных к этому покушению Лосева и Рославлева. Убийство Александра I в Таганроге было задумано Южным обществом, и этот план имел свою историю. Славяне в него не были посвящены.

Строго расследуя дело Славян, — особенно наиболее преступные со своей точки зрения моменты, как цареубийство, арест цесаревича, пропаганда среди солдат, — комиссия совершенно переменила тон в сделанном Николаю I докладе, известном под названием «Донесение следственной комиссии», долгое время бывшем едва ли не единственным источником по изучению декабристов. Николай I во всяком случае знал весь процесс декабристов превосходно. Донесение издавалось, чтобы успокоить русское «общество» и взволнованную декабрьскими событиями «заграницу». Способы успокоения, характер официальных сообщений были согласованы с желаниями Николая I, с его настроениями. Основное чувство Николая I, порожденное 14-м декабря, возникшее уже в первые моменты восстания, невероятно усилившееся

во время восстания Черниговского полка и лишь слегка затихшее к концу процесса,—был *страх*. Он потом всю жизнь вспоминал своих друзей 14 декабря. И «донесение» должно было поэтому доказать, что ничего *страшного* нет, и бояться ни «заграницe» ни «благонамеренной части русского общества» нечего. Выяснить это надо было очень ловким приемом, показав, что движение это якобы не массовое, а декабристы просто мальчишки, действовавшие глупо, необдуманно, смешно, не имевшие никакой организации, затеявшие по влечению «сердец развратных и мечтательности дерзновенной» преступную, возмутительную глупость, ни в ком не встретившую сочувствия. Вся оценка деятельности декабристов пронизана такой иронией опытного, льстивого царедворца, умеющего не переходить тех границ в бесконечном почтении и преданности монарху, когда слишком бурное из'явление последних ставит под сомнение их подлинность. В «Русской Правде» Пестеля, образованность и ум которого признавались всеми — от товарищей декабристов и Пушкина до П. Киселева и Витгенштейна, пророчившего ему министерский портфель, «в названной «Русской Правде» обнаруживается едва вероятное и смешное невежество»... «Так все те, коих заговорщики назначали своими начальниками, в решительный день заранее готовились их покинуть». Особенно тонко было сказано по поводу безначалия: «в их рядах уже господствовало безначалие, коего ужасами они угрожали отечеству». Так как в донесении приходилось говорить о таких образцах стройного политического творчества, как «Русская Правда» и муравьевская конституция, то, не желая ударить лицом в грязь, автор пускался в научные обобщения и находил, что оба произведения... «имеют основанием безрассудное предположение, что всякое государство может принимать все виды по воле образователей»... Испуг Николая во время восстания мог быть затушеван путем восхваления его храбрости, и «Комиссия почитает ненужным описывать все происшествия сего дня (14 декабря), *ознаменованного буйством немногих и знаками общего усердия* *), нелицемерной преданности к престолу и, всего более, новым примером царственных доблестей, наследственных в сем августейшем доме, который был предметом безумной злобы мятежников». Ловко, вскользь, как нечто не требующее доказательств, упоминалось о буйстве *немногих* — ведь «народ»-де был за царя, он даже удивлялся восстанию.

Таким образом нельзя ожидать от «донесения», преследовавшего определенную цель, правдивого и точного сообщения о Славянском

*) Курсив мой. *М. Н.*

обществе. Чтобы яснее охарактеризовать отношение к Славянам, на которых комиссия смотрела с высокомерным удивлением, — зачем полезла в революцию эта неимущая офицерская голь и что ей собственно было надо, — приведем ряд фактических ошибок, допущенных в «донесении». Им там посвящено в общем 4—5 страниц из 65-ти всего текста. Общество это было «и не весьма многочисленно и не значительно ни по званию ни по свойствам членов». «Вздумал» основать общество Борисов 2-й и пригласил к этому брата и Люблинского. В цитатах из «клятвы» и «правил» искажен масонский знак, и цитирование нарочито небрежно: «воздвигнешь город и в нем своим могуществом посадишь на троне богиню просвещения и пр., и пр.». Далее, «целью общества они полагали соединить общим союзом и *единообразным* *) Республиканским правлением, но без нарушения независимости каждого, восемь славянских колен...» Нам известно, что по замыслу Славян республики должны были соответствовать особенностям каждого славянского племени и об *единообразии* их не было речи. «Когда он (Борисов 2-й) и другие члены сего тайного общества познакомились с Сергеем Муравьевым и Бестужевым, их было 36 человек». Но материал, собранный тою же следственной комиссией, дает основания утверждать, что Славян было не меньше 51 человека (см. список в конце книги). Заметим, что, несмотря на указание в тексте о 36 Славянах, в приложенном к «донесению» списке перечислено лишь 23 человека. События на об'единительных совещаниях Славянского общества с Бестужевым перепутаны невероятно. В передаче «донесения» Славяне клялись, целовали образ, затем были разделены на округа, и для округов были выбраны посредники (о Пестове не сказано ни слова, также не сказано о роли Муравьева), *потом* им был показан проект новых Республиканских законов», и следовали уверения, что князь Трубецкой возил их на одобрение за границу, *наконец,* было потребовано, чтобы они подготовили солдат и *затем* были *собрания* у Муравьева, где Славяне познакомились с членами Южного общества. «Государственный Завет» Пестеля, переданный Славянам, назван «Сокращением Русской Правды», хотя он достаточное время, вместе с самой «Русской Правдой», имелся в руках комиссии. О влиянии, оказанном Славянами на солдат, сознательно выбраны те цитаты из показаний последних, которые утверждают, что все спокойно (боязнь солдат, чтобы не вышло бунта, вопрос их о том, известно ли все государю), хотя, как мы видели, подавляющее количество основных солдатских показаний говорило о другом (вспомним клятву

*) Курсив мой. *М. Н.*

Анойченко привести роту солдат без офицеров и беспрестанные жалобы солдат на тяжелую службу). Вопрос о солдатах был особо щекотливым, и успокоительное сообщение «донесения» вовсе не вяжется с сотнями палок и шпицрутенов «через тысячу человек», которыми солдаты расплатились за пропаганду Славян. Отметим еще, что фамилия Сухинова перепутана: в самом тексте стоит «Сухинин».

Мы знаем очень мало о том, как велось следствие над солдатами, среди которых работали Славяне как пропагандисты. Делопроизводство южного следствия до нас почти не дошло. Следствие о солдатах велось в Белой Церкви. Петербургская следственная комиссия поддерживала постоянную связь с югом. Стоило кому-нибудь из офицеров-декабристов назвать чье-нибудь имя из причастных к делу рядовых, как тотчас же в комиссию военного суда в Белой Церкви мчался запрос, каково «нравственное состояние» солдат в роте этого офицера и предлагалось «строжайше» допросить таких-то рядовых. Трудно сказать, в чем именно заключались это «строжайшее исследование» и «настоятельные» допросы, какими способами получились сведения от солдат. Если офицеров-дворян заковывали в цепи и подвергали жестоким мерам психологического воздействия, то с солдатами, вероятно, стеснялись еще меньше. Следственная комиссия состояла из 8 членов под председательством Антонова. Караул несли солдаты 17-го егерского полка, сильно волновавшийся: среди них шел говор, что «весна откроет все и что они разбежатся по лесам и там соединятся»... и «вот мы теперь держим караул, а после сами, быть может, будем под караулом» [281]. Допрошенные солдаты были «размещены по-одному по домам жидовским, при каждом два часовых и денно и нощно, несмотря на то, что все почти в кандалах» [282]. Два южных солдата-декабриста, Гончаров и Фадеев (фейерверкеры), о которых говорилось выше, были привезены в Петербург и допрашивались следственной комиссией непосредственно (4 апреля — допрос, 19-го — очные ставки с Андреевичем 2-м). Известно, что фейерверкеры были закованы. В общем солдаты держались стойко, выдавали меньше, чем офицеры, усиленно отрицали многие обвинения, отговариваясь стереотипным незнанием. Редко кто сознавался в пропаганде среди своих товарищей, иногда вырывалось признание, что семеновские солдаты передавали содержание разговоров с офицерами своим же бывшим семеновцам, и только.

Известно, что верховный уголовный суд распределил всех декабристов по категориям с различными наказаниями. Первый разряд присуждался «к смертной казни отсечением головы». Сюда попали Борисов 2-й, Борисов 1-й, Горбачевский, Спиридов, Бечаснов, Андреевич 2-й

и Пестов. Вина Борисова 2-го была формулирована так: «Умышленное цареубийство, вызывался сам, дал клятву на совершение оного, и умышлял на лишение свободы его высочества цесаревича; учредил и управлял тайным обществом, имевшим целию бунт; приготовлял способы к оному; составил катехизис и клятвенное обещание; действовал возбуждением нижних чинов к мятежу». Вина Борисова 1-го заключалась в том, что он «умышлял на цареубийство принятием назначения в совершении оного, учреждал и управлял тайным обществом вместе с братом своим и содействовал к составлению устава; действовал возбуждением нижних чинов к мятежу». Горбачевский «умышлял на цареубийство, обещался с клятвою произвести сие злодеяние и назначал других; участвовал в управлении тайным обществом; возбуждал и подговаривал к бунту нижних чинов, в произведении бунта дал клятву, старался распространить общество принятием членов и возбуждал нижних чинов к мятежу». Спиридов «умышлял на цареубийство; вызывался сам, дал клятву на образе совершить оное и назначал к тому других; участвовал в управлении Славянским обществом; старался о распространении его принятием членов и возбуждал нижних чинов». Бечаснов «соглашался в умысле на цареубийство принятием с клятвою назначенных к совершению оного; участвовал в умысле бунта и подговором нижних чинов и принял в общество одного товарища». Андреевич 2-й «участвовал в умысле на цареубийство согласием; первый умышлял на лишение свободы его императорского высочества цесаревича, участвовал в умысле бунта возбуждением и подговором нижних чинов и приготовлял товарищей к воинскому мятежу». Наконец, Пестов «участвовал в умысле на цареубийство принятием с клятвой назначения к совершению оного, и соглашался на умысел бунта». 10 июля 1826 года Николай I, смягчая приговоры верховного уголовного суда для преступников первого разряда, велел в числе прочих изменить и участь Славян, только что указанных, — т.-е., «даровав им жизнь, по лишении чинов и дворянства, сослать вечно в каторжную работу». Тютчев, Громнитский, Киреев и Фролов попали во второй разряд, который был осужден «к политической смерти по силе указа 1753 года, апреля 29 числа, т.-е. положить голову на плаху, а потом сослать вечно в каторжную работу». Им всем одинаково вменялось в вину «участие согласием на цареубийство и согласие на бунт»; кроме того, Тютчев и Громнитский обвинялись в пропаганде среди солдат, а Киреев — в приготовлении товарищей к военному мятежу. В том же указе верховному уголовному суду Николай I смягчил приговор: «по лишении чинов и дворянства сослать в каторжную работу на двадцать лет,

а потом на поселение. В третьем разряде Соединенных Славян не числилось. В четвертый разряд попали Иванов, Мозган и Шимков. Первый обвинялся в том, что «участвовал в умысле принятием членов и приуготовлял товарищей к мятежу», Мозган «знал об умысле цареубийства, участвовал в умысле бунта принятием одного члена и возбуждал нижних чинов не противиться мятежу, когда он откроется». Шимков «знал об умысле цареубийства и участвовал в умысле бунта принятием в тайное общество одного члена». Все трое осуждались «к временной ссылке в каторжную работу на 15 лет, а потом на поселение». Николай I, изменив приговор, постановил: «по лишении чинов и дворянства, сослать в каторжную работу на двенадцать лет и потом на поселение». В пятом разряде преступников Славян не было. Люблинский попал в шестой разряд, обвинялся в том, что «знал умысел на цареубийство и участвовал в учреждении с Борисовым Славянского общества, с составлением и переводом планов, хотя после из оного и выбыл»; он присужден был «к временной ссылке в каторжную работу на 6 лет, а потом на поселение». Николай I переделал: «по лишении дворянства сослать в каторжную работу на 5 лет и потом на поселение». В седьмом разряде преступников оказались: Лисовский, Выгодовский и Берстель. Лисовский и Выгодовский обвинялись в знании «об умысле на цареубийство» и принадлежности «к тайному обществу со знанием цели» и, кроме того, первый обвинялся в знании подготовки к мятежу. Они осуждались к временной ссылке в каторжную работу на 4 года, а потом на поселение. Николай I смягчил участь Лисовского и Выгодовского, изменив срок каторги на 2 года, лишив чинов и дворянства. Берстель же был присужден к двум годам работы в крепости. В восьмом разряде числились Веденяпин 1-й, Фурман, Мозалевский и Шахирев. Первый «соглашался на умысел бунта и знал о приготовлении к военному мятежу», Фурман только «соглашался на умысел бунта», а Шахирев и Мозалевский принадлежали «к тайному обществу с знанием цели». Верховный уголовный суд осудил к «лишению чинов, дворянства и к ссылке на поселение», и Николай I не внес в приговор никаких изменений.

Были также особые распоряжения Николая I относительно Славян, не проходивших через верховный уголовный суд. 7 июля 1826 г. в Красном селе дан был приказ, в котором подпоручик Черноглазов признается изобличенным в участии в тайном обществе, но наказывается исправительными мерами без предания суду, а именно «переводится в гарнизонный Верхнеуральский батальон тем же чином с выдержанием в крепости еще два года» [283]. О прапорщике Высочине последо-

вала высочайшая резолюция (за подписью Дибича): «Продержав еще месяц в крепости, отправить попрежнему на службу, с переводом в другую роту» [284]. Над графом Янушем Ильинским, поручиком Шультеном, Костырой, Ольшевским, Красницким, Островским, Невенгловским и помещиком Скальмировским положено иметь тайный надзор. О шляхтиче Жебровском положено: «Вменяя арест в наказание, освободить и отправить на место жительства, поручив местной полиции иметь за ним надзор», а о подпоручике Тихонове: «подержав еще месяц в крепости, отправить на службу, с переводом в другую роту». Резолюция, последовавшая относительно портупей-прапорщика Шеколлы и юнкера Головинского, «которые, быв на совещании общества, знали, что цель оного клонилась к бунту, и не донесли о том начальству, продержав на гауптвахте месяц, определить в полки 3-й пехотной дивизии с тем, чтобы им служить за рядовых впредь до высочайшего разрешения»... «Драгоманова, бывшего членом Славянского общества и знавшего, что целью оного были некоторые перемены в правительстве, выдержать три месяца в крепости и потом перевести в полк 3-й пехотной дивизии под строгий надзор полкового, бригадного и дивизионного начальства». Киселевича, Ярошевича и уже упомянутого Януша Ильинского сочли непричастными к делу.

На юге Сухинов и барон Соловьев были судимы в кандалах (бежавшие от Муравьева во время восстания судились просто «арестованными», как передает Аудиториатский доклад, без цепей). Но тут встает вопрос о том, как пойман был Сухинов, бегство которого так взволновало самое крупное начальство округа. К сожалению, рамки настоящей работы не позволяют остановиться подробно на обстоятельствах этого интересного происшествия. Здесь можно дать лишь самое краткое описание бегства и поимки.

Мы помним, что местность, на которой отряд Гейсмара встретился с восставшим Черниговским полком, была открытая и ровная. Сухинов побежал по направлению к деревне Поленичинцам. На пути — глубокий овраг, полный снега. Солдаты-черниговцы, несмотря на угрозы гусар, помогли [285] Сухинову выкарабкаться из оврага, и он благополучно добежал до одной крестьянской избы. Крестьянин спрятал беглеца в погреб [286]. «В глубоком холодном погребе его терзали горестные мысли о несчастии товарищей и погибших надеждах. Крики гусар, рыскавших по соседству, беспрестанно напоминали ему об угрожавшей опасности и ожидавшей его участи». Сухинов после, якобы, передавал товарищам: «Сидя в холодном погребе, слыша лошадиный топот и крики гусар, я решился умереть. Со мною был заряженный пистолет: два раза клал

себе оный в рот, и два раза кремень осекался. Бросив, наконец, убийственное оружие, я подумал, что мне должно жить и ждать другой участи».

«Идыте, пане, до хаты, — сказал ему пришедший вскоре крестьянин: — нечутко никого. Москали побигли дале». Переодевшись в крестьянское платье, Сухинов около 10 часов ночи пришел в Гребенки к знакомому поляку, где был радушно встречен, а оттуда через несколько дней в село Каменки, в имение полковника Василия Львовича Давыдова, где жил лекарь Зинкевич, прежде служивший в Черниговском полку и знакомый Сухинову. Тот принял его радушно, но Давыдов, узнавши о пребывании Сухинова, запротестовал, и ему пришлось уехать. Он направился в Александрию, где жил его родной брат. Это было, по признанию Степана Сухинова, брата декабриста, «в средних числах января». Степан перепугался, узнав о случившемся, но Сухинов (по показанию Степана) расплакался: «теперь моя жизнь зависит от тебя, ибо я несчастнейший человек». Дальнейшее пребывание Сухинова в том же положении, без единого документа, было очень опасно. Стали фабриковать «пашпорт». Брат Степана служил в Александрийском уездном суде и уже однажды помогал брату в той же работе, когда надобно было подчистить свидетельство о дворянстве. В квартире Степана в тот момент находилась инструкция — грамота о явке в суд некоего гражданина. Глядя на грамоту, подделали подпись судьи, секретаря и протоколиста, а печать для приложения к «пашпорту» была тайно вынесена Степаном из уездного суда, дана Ивану и затем отнесена обратно. Здесь же Сухинов написал прошение о помиловании, запечатал в пакет и просил брата Степана отослать [287].

3 февраля Сухинов прибыл в город Дубоссары. Посланный из Херсона разыскивать его чиновник особых поручений Рубанович позже разузнал обстоятельства его приезда: Сухинов, «прибыв в Дубоссары на одной лошади в саночках, остановился в доме тамошнего мещанина еврея Абрама Шамикиса. На вопрос сего, откуда он, отозвался, что прибыл из одной деревни, состоящей около Балты, для приискания места или должности учительской». 4 февраля Сухинов пред'явил свой паспорт в городскую дубоссарскую полицию, где его прописали так: «пашпорт, данный Херсонской губернии из Александрийского уездного суда жительствующему в Александрийском уезде коллежскому регистратору Ивану Емельянову Сухинову от 10 ноября 1825 года, за № 36, на следование Российской Империи в разные города имеется надобность». Этот «апшит» по свидетельству частного пристава Моисеева в двух местах проеден был мышами.

Здесь же, в Дубоссарах, Сухинов написал брату письмо. Есть основания думать, что он действительно хотел этим письмом выдать себя начальству. Он знал уже, что его ищут, что за доставление его об'явлена награда. Друзья потом рассказывали, вспоминая, что Сухинову несколько раз приходила в голову мысль о бегстве за границу, но он не мог решиться, особенно когда вспомнил, что товарищи страдают, а он один еще на свободе.

«Спешу тебя уведомить, что еще слава богу жив и здоров и докудова счастлив, — писал он Степану, — но без приюта и места, и притом крайне меня влечет любопытство насчет моей бумаги, известной тебе. Не знаю, пошла ли она в дело, или нет. Пожалуйста, друг, поспеши уведомить с первой почтой, нимало не откладывая. Да пожалуйста опиши обстоятельнее обо всем и пиши ко мне Кишиневской области в г. Кишинев, ибо в случае твоего замедления, что уже может быть, и не застанет меня в том месте, если только не буду иметь места. Затем прощай и пр.

P. S. Пожалуйста, любезной друг, не можно ли будет выпросить у батюшки денег, хотя рублей 50 или сколько можно будет; ибо ты сам знаешь мое теперешнее положение, что крайне нуждаюсь во всем, что даже остаюсь без дневного пропитания. Пожалейте обо мне Адрес же ко мне: Кишиневской области, город Кишинев, его благородию милостивому государю Ивану И. Емельянову» [288].

Письмо было перехвачено, и Рубанович был спешно выслан (в 11 ч. ночи) на розыски Сухинова херсонским гражданским губернатором. Губернатор распорядился сейчас же составить на имя Сухинова подложную «карту» и повестку на 50 рублей, думая перехватить Сухинова, когда он придет получать «отцовские» деньги.

Так как Сухинов в Дубоссарах ходил по городу, покупал «из базару» хлеб, продал мещанину Смуле Тамбульскому свою лошадь за 20 рублей, то хозяин, у которого остановился Сухинов, Смуль и полицейский десятский рассказали Рубановичу приметы Сухинова: «росту высокого, лет около 33-х, лицем смугл, рябоват, волосы на голове темнорусые, глаза черные, говорит пространно, одет в старом черного цвета сюртуке, шинели байковой поношенной верблюжьего цвету, райтузах черных же, обшитых кожею, шапке черной из барашков наподобие крымки или жидовской ярмулки. Имел при себе нагольный короткий белых овчин тулуп, войлок небольшой серой, мешок холщевой наподобие торбы». Описанные приметы отчасти, но не совсем совпадают с приметами Сухинова, ранее указанными правительством: «росту двух аршин около 8-ми вершков, лица смуглого, худощавого, чистого, волосы на го-

лове и усах черные, бакенбардов нет, глаза черные, говорит сипливым голосом, лет около 35, на левой руке между кистью и локтем знак от раны пулею навылет».

Рубанович, «не теряя ни минуты времени, как в деле весьма важном», взял пристава Моисеева, заметившего Сухинова, и поскакал в Кишинев к полицмейстеру полковнику Радичу и принял всевозможные меры, чтобы Сухинов не убежал. «Убежище» его было открыто «в 3-й части города в доме здешнего жителя Семена Николаевича Чернова». 17 февраля он под строгим караулом отправлен был в Одессу, а 18-го в Могилев Белорусский [289], в главную квартиру 1-й армии. Сопровождавший Сухинова чиновник Кристич (получивший за поимку годовое жалованье «не в зачет») был груб и жесток. Он не хотел даже дать измученному Сухинову, у которого от всего пережитого открылись старые раны, отдохнуть в Житомире. Возмущенный Сухинов схватил нож, лежавший на столе, и, бросившись на него, вскричал в бешенстве: «Я тебя, каналья, положу с одного удара. Мне один раз отвечать, но твоя смерть послужит примером другим мошенникам, подобным тебе» [290]. Тот упал в страхе на колени, молил о пощаде и всю дальнейшую дорогу был вежлив и предупредителен, даже сам бинтовал раны.

На докладе Аудиториатского департамента Николай I наложил резолюцию: «Барона Соловьева, Сухинова и Мозалевского, по лишении чинов и дворянства и преломлении шпаг над их головами пред полком, поставить в г. Василькове, при собрании команд из полков 9-й пехотной дивизии, под виселицу и потом отправить в каторжную работу вечно. К той же виселице прибить имена убитых Кузмина, Щепиллы и Муравьева-Апостола как изменников, по выключке их из списков...». А первоначальная «сентенция» военного суда была: «...обоих их, барона Соловьева и Сухинова, как клятвопреступников, возмутителей, бунтовщиков, изменников и оскорбителей высочайшей власти, по силе уложения главы 2-й статьи I и воинских 19-го, 20-го 127 и 135 артикулов — четвертовать». Это были единственные Славяне, удостоившиеся того же первоначального приговора, что и пять декабристов, повешенных в ночь на 13 июля 1826 года на кронверке Петропавловской крепости. Та же сентенция гласила, что Кузмин и Щепилла, если бы они были в живых, заслуживали того же; ввиду того, что они оба убиты (правительство упорно не признавало самоубийства Кузмина), «то их исключили из списков как возмутителей, бунтовщиков, изменников и оскорбителей высочайшей власти, при чем на могилах их ни крестов ни каких памятников, приличных христианскому погребению, не соору-

жать, но по содержанию оглавления приговоров, поставя виселицу, и на оной, к вечному их посрамлению, прибить имена»...

18 июля Сухинов, Мозалевский и Быстрицкий были отправлены из Могилева в Острог, где квартировал новосформированный Черниговский полк [291]. 22 или 23 июля полк был собран на площади под командою известного нам Гебеля, который, оказывается, уже излечился от своих ран. Сначала прочли сентенцию Соловьеву и Быстрицкому и после преломления шпаг заковали. Быстрицкого прямо с площади отвели в тюрьму для пересылки в Сибирь, а Соловьева в кибитке отвезли в Житомир. Потом вывели Сухинова и Мозалевского и прочли сентенцию. Когда Сухинов услышал слова: «сослать в вечно-каторжную работу в Сибирь», то громко сказал: «и в Сибири есть солнце». Исполняющий сентенцию начальник штаба 3-го корпуса князь Горчаков с бешенством закричал ему, чтоб он молчал, и хотел отдать за это второй раз под суд.

Сухинова и Мозалевского также отправили в Житомир, а через месяц в Васильков. Горбачевский в своих «Записках» картинно передает, что там произошло: «23 августа, на другой день их приезда в сей город, они были выведены на городскую площадь, на которой собран был Тамбовский пехотный полк, занимавший в сие время прежние квартиры старого Черниговского полка, и батальон, составленный из солдат, собранных из всех рот каждого полка 9-й дивизии. На площади стояла огромная виселица, народ теснился кругом площади в ожидании необыкновенного зрелища. Помещики, не только киевляне, но и из Полтавской и Черниговской губерний, приехали в Васильков со своими семействами единственно для того, чтобы увидеть, каким образом повесят бунтовщиков. Кровли домов и заборы, все было унизано зрителями. По вторичном прочтении читанной уже сентенции палач каждого из них обводил кругом виселицы и оставлял всех трех некоторое время под оною. Тут же к виселице прибили доску с именами Щепиллы, Кузмина и Ип. Муравьева. По окончании сей церемонии Соловьев и его товарищи были сданы офицеру инвалидной команды, который их отвел в городскую тюрьму» [292].

К нижним чинам суд отнесся с различной строгостью. Активные участники восстания Черниговского полка, по разжаловании и отнятии знаков отличия у имевших их, были прогоняемы сквозь строй (сквозь тысячу человек) шпицрутенами от одного раза до двенадцати раз, смотря по степени вины. Относительно первых в сентенции имеется характерная приписка: «с наблюдением установленного порядка за счет тех, кои в один раз наказания не выдержат». Наименее виновные, «ни

в каких особенных преступлениях не оказавшихся и вовлеченных в шайку мятежников единственно по простоте своей и более примером начальствовавших над ними офицеров и унтер-офицеров», все же решено было «наказать всех палками по двести лозанов».

В 8-й артиллерийской бригаде, где действовали Борисов 2-й, Андреевич 2-й, Горбачевский и Бечаснов, было предано суду 27 человек. Фейерверкеры Иван Гончаров и Иван Фаддеев, оказавшиеся «по суду и собственному признанию виновными в добровольной готовности последовать внушаемому им офицерами зловредному замыслу и в преклонении к тому некоторых рядовых своих взглядов, разжаловав в готлангеры и лишив имеемых ими за прежнюю беспорочную службу нашивок на рукавах мундиров, прогнать шпицрутенами чрез тысячу человек каждого по три раза. «Фейерверкеры Федор Васильев, Никита Кузнецов, Иван Родичев, Федор Брагин, Николай Евдокимов, Иван Занин (Зенин?), канонир Григорий Крайников и готлангер Федор Бухарин за согласие всюду следовать за декабристами и жертвовать жизнью, — протонялись шпицрутенами через тысячу человек по 2 раза, при чем фейерверкеры и канонир разжаловывались в готлангеры, а Васильев, Кузнецов, Родичев и Зенин лишались нашивок за прежнюю беспорочную службу. Бомбардира Никифора Зиновьева, готлангера Василия Матвеева и Андрея Васильева, которых преклоняли Гончаров и Фаддеев, за об'явленное ими решение не отстать в случае согласия всей роты, положено было прогнать шпицрутенами через тысячу человек по одному разу, лишив предварительно Зиновьева имевшихся у него нашивок за беспорочную пятнадцатилетнюю службу. Всех поименованых выше было, кроме того, постановлено сослать на службу в Кавказский отдельный корпус. Фейерверкера Василия Озерина, бомбардира Андрея Гольцева, денщика Ефима Игнатова, трех бомбардиров и семь канониров школы Бечаснова: Николаева, Семенова, Петрова, Митрофанова, Сидорова, Макарова, Ярыгина, Степанова, Дуткина и Кириллова было решено освободить без наказания и вернуть на службу, но иметь под бдительным надзором.

В Саратовском пехотном полку, где действовал Спиридов, было предано суду 27 человек. Анойченко и Николаев (Федор) были присуждены к высшему наказанию, обычно смертельному: прогнать шпицрутенами через тысячу человек каждого по 12 раз. Граф Сакен в письме к барону Дибичу сообщал, что унтер-офицеры Иван Стеценко, Федор Ляшко, Матвей Иванов, Кондратий Яцук, Петр Мызников, Викентий Ганусовский и Денисий Мартынов, как главнейшие виновники в посещении Спиридова, «имевшего злодейские предприятия против монаршей власти», слушавшие его зловредные намерения и сообщавшие их своим

товарищам рядовым, прогонялись шпицрутенами через тысячу человек по четыре раза, при чем предварительно снимались нашивки у тех, которые их имели. Рядовые Федор Юраш, Семен Камбалюк, Степан Кожевников, Григорий Белый, Петр Воронов, Иван Мякушка, Андрей Пономарев, Михаил Платонов, Федосий Сапаев, Феноген Егорьевский, Демид, Карпаченко, Матвей Максимов и цырюльник Степан Осипов присуждались с теми же условиями к шпицрутенам — через тысячу человек каждого по три раза. Все упомянутые затем ссылались в Кавказский отдельный корпус. Рядовые Емельянов, Юдрашек, Иванов, Червонный, Кузьменко, Казаков и Матвеев ни в чем изобличены не были и опять направлялись на службу в тот же полк. 25 ноября Николай I «соизволил» утвердить конфирмацию, но велел последнюю группу рядовых перевести в другие полки.

«Сии приговоры, — пишет Горбачевский, упоминая лишь о Черниговском полке, — приведены были в исполнение в Белой Церкви генерал-майором Вреде». Последний якобы просил солдат бить полегче, что и было исполнено по отношению к нижним чинам, но солдаты не пощадили дворян — разжалованных Грохольского и Ракузу: «обрадовались случаю отомстить своими руками за притеснения и несправедливости, испытанные более или менее каждым из них от дворян» [293].

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Как связано общество Соединенных Славян с последующим революционным движением и что нового оно ему дало?

Своеобразие Соединенных Славян несомненно: их трудно спутать с другими декабристами. В то время, как легко представить Каховского — членом Южного Общества, а Тизенгаузена — членом Северного, Славянина же можно представить лишь членом Славянского общества. Единообразный подбор членов, одинаковый социальный их состав бросается в глаза, несмотря на некоторое идеологическое расхождение. Но и идеология Соединенных Славян, особенно до слияния с Южным обществом, тоже своя, своеобразная, несвойственная во всей своей характерности другим декабристам. Общество Соединенных Славян — самостоятельная единица в истории русского революционного движения.

До XIX века мы можем наблюдать стихийные народные движения, падающие на эпоху торгового капитализма. Движение декабристов — первое вооруженное восстание против самодержавия, знаменующее собою развитие промышленного капитала. Поэтому оно — первое революционное проявление, которым должен интересоваться тот, кто специально изучает буржуазную революцию в России.

Декабрьское движение в целом легко связывается с предыдущим дворянским революционным брожением. Выше были уже отмечены элементы дворцового заговора в тактике *военной* революции, которая так характерна для большинства декабристов. Они связывают их с прошлым. Но у Славян эти-то элементы как раз и отсутствуют. Они рано утеряли экономические признаки класса, — вместе с имениями и крепостными лишились они и тактики дворцового переворота. Заимствование масонской и карбонарской обрядности, идеалы французской революции и просветительной философии дореволюционного периода, — вот, в сущности, и все идеологические моменты, которые, вместе с панславизмом польского происхождения, связывают их с про-

шлым. Но они обращены лицом к будущему, а не к прошлому. Социальному слою, к которому они принадлежали, суждено было вековое революционное будущее.

Соединенные Славяне — первые в русском революционном движении носители революции *народной*. Ориентация на массы, на связь с ними отличает их глубоко от всех декабристов. Они не понимают, как можно сделать революцию без «народа», они не могут сразу усвоить, что такое *военная* революция, о которой восторженно толковал им Бестужев-Рюмин. Даже поняв, в конце концов, в чем дело, и, по видимости, подчинившись требованиям южных диктаторов, Славяне все-таки оживленно обсуждали вопрос, как бы «об'яснить черни», что без царя ей будет лучше житься, чем с царем. Эта ориентация на *массовую* революцию нашла свое выражение в самоотверженной пропаганде среди солдат, единственно ими планомерно проводившейся в среде декабристов. Сами Славяне столкнулись с Южным Обществом в период своего оформления, как организационного, так и идейного. Но, несмотря на незрелость общества, Славяне твердо знали цель — коренное изменение существовавшего строя путем вооруженного восстания. Они сами по себе не думали скоро начинать, и причиной этого была та же *ориентация на массы*. Средством, которым они надеялись достигнуть своей цели, было распространение общества до огромных пределов, захват им такого количества населения, чтобы революция стала неизбежно победоносной. Они верили в эту возможность всецело. Никто из декабристов не чувствовал своего движения настолько прочным, никто из них не сказал вдохновенных слов, подобных тем, которые Андреевич бросил в лицо следственному комитету. «Напрасно стараются разыскивать всех тех, кои к сему причастны, — это значит умножить число страдающих, и положение отечества для сильно чувствующих несправедливость делать разительнее. Вряд ли истребится пламя, возженное в сердце человеков: надобно разбирать естество оных, чтобы погасить горящие любовью сердца — другого средства нет. Да притом в нонешнее время чувствующих так, — [столь] много, что, дабы истребить их, надобно потерять большую часть войска и не в пример более граждан». Когда следствие сводило в одно главнейшие вины Андреевича, оно не забыло этих слов.

Все революционное движение XIX века удачно разделено М. Н. Покровским на три этапа: в первом революционеры ищут массу, во втором — находят ее, но еще не сливаются с ней и в третьем — налицо массовое движение. Эта периодизация сразу вскрывает то огромное будущее, которое суждено было замыслу и первой попытке революции

массовой, народной. Ближайший после декабристов крупный революционный этап — народовольческое движение всецело стоит на этой почве: об'ективные условия их эпохи позволяют этой мысли неузнаваемо расшириться и углубиться. Славяне лишь *ищут* свое место в еще неоформившейся социальной структуре нарождающегося буржуазного общества, ратуют за освобождение крестьян. Народовольцы и вообще все носители революции *народнической* действуют в обстановке уже ликвидированного формально крепостного права, — их ставка — ставка на разбуженного реформой обманутого крестьянина, который будет бунтовать. Социальная структура общества значительно оформленнее, яснее соотношение сил — и замысел революции массовой, народной, приобретает огромные размеры.

Дворянские революционные организации умирают вместе с декабристами. В будущем революционер-дворянин — лишь член разночинного революционного кружка и идеолог не своего класса. Общество Соединенных Славян представляет собою первый тип такой организации. Никаких чиновных и сословных перегородок приему в члены поставлено не было. К Славянам охотно шла и радушно ими принималась нечиновная и недворянская масса: тут и мелкие канцеляристы, и отставные поручики, и даже беглые крестьяне. Все они говорили на общем языке и хорошо понимали друг друга. Вспомним, как характеризовали николаевские шпионы организацию петрашевцев: «с гвардейскими офицерами и с чиновниками министерства иностранных дел рядом находились неокончившие курс студенты, мелкие художники, купцы, мещане, даже лавочники, торгующие табаком», вспомним, что во время казни народовольцев под виселицами стояли дворянка, крестьянин, мещанин, сын священника. Самому разночинному социальному составу общества Соединенных Славян суждено будущее. Прибавим, кстати, что мелкое дворянство, которому тяжелее всех остальных дворянских групп пришлось от крестьянской реформы, быстро социально перерождалось в мелкую буржуазию и часто пополняло собой ряды революционеров.

Планомерная агитация тесно связана с замыслом революции народной, массовой. Славянам в этом деле принадлежит почин. Одна черта их агитации чрезвычайно знаменательна: они стремились действовать через солдат на солдат, они действовали через фейерверкеров, через бывших семеновцев, которых Горбачевский прямо называет «агентами» Славян. Этот правильный революционный прием получил широкое применение. Сделать представителя массы агитатором среди самой этой массы, которая ему близка и к которой он близок, сделать его

проводником революционной мысли и организатором движения — этот организационный прием на деле проявил свою жизнеспособность.

Некоторые идеи Славян о политическом преобразовании России нашли отклик в дальнейшем революционном движении. Правда, федеративный союз славянских республик не осуществился в жизни, но этот замысел возрождался не раз, например, в Кирилло-Мефодиевском братстве, возникшем в Киеве в 1846 году. В его плане были повторены многие мысли Славян, даже с их аргументацией. «Мимо нашей воли, — пишет Костомаров, — стал нам представляться федеративный строй, как самое счастливое течение общественной жизни славянских наций. Мы стали воображать все славянские народы соединенными между собой в федерацию, *подобно древним греческим республикам или Соединенным Штатам Северной Америки,* с тем, чтобы все находились в прочной связи между собой, *но каждая* сохраняла свято свою отдельную автономию *). Программная прокламация братства — «К братьям-украинцам» во многом поражает своим сходством с программой Славян. «Мы принимаем, что *все славяне должны между собою соединиться,* но так, чтобы каждый народ составлял особенную речь посполитую и управлялся бы неслитно с другими, так, чтобы каждый народ имел свой язык, свою литературу, *свое общественное устройство.* Такими народами признаем великороссиян, поляков, литичан, иллиро-сербов, украинцев, чехов, корутян, болгар; чтобы *единствовал сейм или славянское собрание, где бы соединились депутаты от всех республик славянских* и там рассуждали бы и решали дела, которые относятся ко всему союзу славянскому; чтобы в каждой *республике* был правитель, избранный на время, и над целым союзом был такой же правитель, выбранный на время, чтобы в каждой республике было *всеобщее равенство* и свобода и никаких различий свободы» **).

Борьба за уничтожение сословных привилегий наполняет собою весь XIX век, завершаясь лишь в XX, на наших глазах. Мысль о *вооруженном восстании* находила в Славянах рьяных поборников. Протест Горбачевского против представителя Северного Общества, свеж и жизненен, несмотря на свой, в сущности, столетний возраст: «Но я тебя спрошу: республиканец он или нет? заговорщик или нет? Способен ли он (т.-е. И. И. Пущин. *М. Н.)* кверху дном все переворотить? Нет и нет, — ему надобны революции деланные, чтобы были на розовой воде: они все хотели все сделать переговорами, ожидая, чтобы сенат к ним

*) Курсив мой. *М. Н.*

**) «Былое», 1906, II, стр. 67—68.

вышел и, поклонившись, спросил: «Что вам угодно, — все к вашим услугам».

Замысел о демократической республике тесно связан с вопросом о цареубийстве. Если вспомнить, что соглашательская тактика все время спотыкалась об этот вопрос и не знала, что делать с царем, что длинный ряд умеренных прогрессивных организаций все время рассчитывал на возможность *столковаться* с царской властью, а рабочий класс понял всю невозможность этого лишь 9 января 1905 года, — через 80 лет после декабрьского движения, то сразу станет ясно, как последовательно-радикальны были революционеры-Славяне, наметившие цареубийц в последнее свидание с Бестужевым-Рюминым.

Народовольческий террор долго преследовал «коронованного зверя». Правда, народовольцы рассматривали цареубийство, как сигнал к народной революции, а Славяне считали его просто убийством тирана. Но цареубийство было центральным пунктом тактики тех и других. И самую возможность «сделать равенство» Славяне ставили в непосредственную зависимость от цареубийства: «Мы хотим сделать равенство — и это зависит от одного человека, — если мы умертвим государя» — говорит один Славянин другому. Часть Славян была особенно последовательна в этом вопросе, признавая необходимость убийства всей царской семьи: «Если устранить его и выслать за границу с целою фамилией, — рассуждает Славянин Лисовский, — он наберет партию, и республика может поколебаться». Вспомним заодно и план Борисова и Андреевича арестовать цесаревича при проезде его через Новоград-Волынск.

Вот — самое беглое перечисление того, что дали Славяне русскому революционному движению. Если кто-либо, подходя к ним с современной революционной меркой, выкованной в годы невиданного революционного под'ема, где каждый месяц приносит опыт десятилетий, сочтет, что они внесли мало, тот грубо нарушит историческую перспективу и ничего не поймет в обществе Соединенных Славян. Но их дело не погибло: ближайшие их потомки — разночинцы вынесли на своих плечах дело революционной России XIX века: это они собирались по пятницам на квартире Петрашевского, они ходили в народ, они в весенний день 4 апреля 1866 года стреляли в Александра II в Летнем саду за то, что он обманул народ, они взрывали царский поезд под Александровском, рыли подкоп, убили царя 1 марта. И наконец, часть их была захвачена и поднята невиданной еще революционной волной единственного до конца революционного класса — пролетариата.

ПРИЛОЖЕНИЯ

СПИСОК ЧЛЕНОВ ОБЩЕСТВА СОЕДИНЕННЫХ СЛАВЯН *).

1. Андреев — упомянут только в «Записках» Горбачевского (М., 1925 г., стр. 111), участник совещания в Житомире по вопросу о помощи восстанию Черниговского полка **).
2. Андреевич, Яков Максимович (Андреевич 2-й, род. в марте 1801 г., ум. 20 (18?) апреля 1840 г. ***), подпоручик 8-й артиллерийской бригады, из дворян Полтавской губ. Переяславского у., крестьян не имел, в Славянское Общество принят летом 1825 года во время Лещинского лагеря.
3. Бельченко, Николай Иванович, поручик Саратовского полка, приглашен в Славянское Общество Спиридовым (по показанию Шимкова, другие Славяне это отрицали).
4. Берстель, Александр Карлович (род. 1788 г., ум. 1830 г.), подполковник 9-й артиллерийской бригады, командир 2-й роты, из дворян Казанской губ., сын надворного советника, крестьян не имел. Принят в общество Борисовым 2-м во время Лещинского лагеря в 1825 г.
5. Бечаснов, Владимир Александрович (род. 1802 г., ум. в октябре 1859 г.), прапорщик 8-й артиллерийской бригады, из дворян, сын

---

*) В этот список внесены все Славяне, имена которых удалось установить по документам следствия и мемуарной литературе. Имена несколько сомнительные внесены в него соответственной оговоркой. Не внесены явно мифические члены общества Соединенных Славян, напр., граф Макгавлий. Число членов Славянского Общества больше, чем указано в списке: известно, например, что Борисов 1-й во время пребывания своего в отставке в Харьковской губ., принял в общество нескольких офицеров конных рот, там стоявших. («Записки» Горбачевского, изд. 1916 г., стр. 76, изд. 1925 г., стр. 110—111). Но ни имен этих членов, ни более точных сведений о них нет, поэтому они не вошли в список. Приводимые сведения о Славянах по документам иногда расходятся с данными «Алфавита декабристов», изд. под ред. Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса («Восстание декабристов». Материалы, т. VIII). Чины Славян относятся к моменту следствия.

**) Не следует смешивать его с подпоручиком л.-гвардии Измайловского полка Андреем Николаевичем Андреевым 2-м. Он ошибочно принят за одно лицо с последним в указателе имен к «Запискам» Горбачевского изд. 1916 и 1925 под ред. Б. Е. Сыроечковского.

***) Ср. Б. Кубалов, «Декабристы в Вост. Сибири». Иркутск, 1925 г. стр. 188.

чиновника 8-го класса, крестьян не имел. Принят в общество братьями Борисовыми в декабре 1823 года.

6. Богуславский — подпрапорщик Полтавского пехотного полка, приглашен в общество Кузьминым, но ничем себя не проявил.
7. Борисов 1-й, Андрей Иванович (род. 1798 г., ум. 1854 г.), отставной поручик, из дворян Слободско-Украинской губ., крестьян не имел, основатель общества Соединенных Славян.
8. Борисов 2-й, Петр Иванович (род. 1800 г., ум. 1854 г.), подпоручик 8-й артиллерийской бригады 1-й батарейной роты, брат предыдущего, основатель общества.
9. Бутович — поручик 5-й конно-артиллерийской роты, член общества по показанию Сухинова и Андреевича 2-го.
10. Веденяпин 2-й, Алексей Васильевич (род. 1805 г., ум. 1847 г.), прапорщик 9-й артиллерийской бригады, 9-й роты, из дворян Тамбовской губ. Темниковского у., «за отцом его вместе с братом 20 душ крестьян», принят в общество Горбачевским во время лагеря 1825 г.
11. Веденяпин 1-й, Аполлон Васильевич (род. 1803 г., ум.? в селе Селище Пенз. губ. Краснослободского у.*), подпоручик 9-й артиллерийской бригады, брат предыдущего. Принят в общество Пестовым в начале 1825 г.
12. Выгодовский, Павел Фомич (род. 1802 г., ум.?), писец в канцелярии волынского гражданского губернатора, сын крестьянина Подольской губ. Проскуровского повета Тимофея Дунцова, бежал из училища, назвавшись Выгодовским, принят в общество Ивановым в 1825 г.
13. Высочин, Александр Дмитриевич (род. 1802 г., ум. ок. 1830 г.), прапорщик 6-й конно-артиллерийской роты, принят в общество Борисовым 2-м в 1824 г.
14. Головинский, Павел Казимирович (род. 1805 г., ум.?), юнкер 4-й парочной батарейной роты, из дворян Волынской губ., крестьян не имел, приглашен Борисовым 2-м в общество в 1824 г., дал согласие в 1825 г. перед выступлением в лагеря.
15. Горбачевский, Иван Иванович (род. 1800 г., ум. 1869 г.), подпоручик 8-й артиллерийской бригады, из дворян, принят в общество Борисовым 2-м в конце 1823 г.
16. Громнитский, Петр Федорович (род. 1803 г., ум. 31 мая 1851 г.), поручик Пензенского пехотного полка, из дворян Пензенской губ., родители имели 267 душ крестьян, принят в общество Борисовым 2-м в начале 1824 г.
17. Драгоманов, Яков Акимович (род. 1803 г., ум.?), юнкер Полтавского пехотного полка, из дворян Полтавской губ., крестьян не имел, принят в общество Ивановым в апреле 1825 г.
18. Жебровский, Фаддей Антонович (род. 1800 г., ум.?), шляхтич, секретарь графа Ильинского, принят в общество Борисовым 2-м и Красницким в феврале 1824 г.

---

*) Место смерти сообщено М. Веденяпиным в письме от 31/XII 1925 г., адресованном им в иркутскую комиссию по подготовке юбилея декабрьского восстания. Благодарю В. Е. Дербину за присылку мне копии этого письма.

19. Зарецкий, Пётр Алексеевич (Аникеевич?) (род. 1800 г. ум.?), поручик Пензенского пехотного полка, из дворян Черниговской губ. Сосницкого повета, крестьян не имел, принят в общество Спиридовым в 1825 г.
20. Иванов, Илья Иванович (род. 1800 г., ум. 1838 г.), провиантский чиновник X класса, бухгалтер комиссионерства 3-го пехотн. корпуса, родом «из почталионских детей», принят в общество в начале 1825 г., по собственному показанию, Кузминым, по показанию Горбачевского — Красницким; Борисов 2-й показывает, что принял его сам.
21. Киреев, Иван Васильевич (род. 1802 г., ум. 1866 г.), прапорщик 8-й артиллерийской бригады, из дворян Тульской губ., крестьян не имел, принят в общество Борисовым 2-м в 1825 г. до Лещинского лагеря.
22. Кисилевич, капитан Троицкого пехотного полка, принят в общество Ивановым после Лещинского лагеря в 1825 г.
23. Костыра (Костырь), чиновник X класса, принят в общество Ивановым не позже февраля 1825 г.
24. Красницкий, Николай (род. 1801 г., ум.?), отставной поручик, из дворян, принят в общество Борисовым 2-м в 1824 г.
25. Кузмин, Анастасий Дмитриевич (род.? ум. 1826 г), поручик Черниговского полка, принят в общество, вероятно, в начале 1824 г.
26. Лисовский, Николай Федорович (род. 1803 г., ум. 1844 г.), поручик Пензенского полка, из дворян Полтавской губ., за отцом было 3 души крестьян, принят в общество Громнитским в 1825 г.
27. Люблинский, Юлиан Казимирович (род. 1798 г., ум. 1872 г. *), дворянин Волынской губ., основатель общества Соединенных Славян.
28. Мозгалевский, Николай Осипович (род. 1801 г., ум. 1844 г.), подпоручик Саратовского пехотного полка, из дворян Черниговской губ., крестьян не имел, принят в общество Шимковым в лагере в 1825 г.
29. Мозган, Павел Дмитриевич (род. 1801 г., ум. 1843 г.), подпоручик Пензенского пехотного полка, из дворян Таврической губ., крестьян не имел, приглашен в общество Ивановым в апреле 1825 г.
30. Невенгловский — польский дворянин, приглашен в общество Борисовым 2-м и Красницким, служил в имении гр. Уварова «Новый Звягель».
31. Ольшевский (род.?—ум. 1828 г.), прапорщик Саратовского пехотного полка, принят в общество Спиридовым в лагере под Лещиным в 1825 г.
32. Островский, польский дворянин, служил в имении гр. Уварова «Новый Звягель», приглашен в общество Борисовым 2-м и Красницким.
33. Пестов, Александр Семенович (род. 1803 г., ум. 1833 г.), подпоручик 9-й артиллерийской бригады, из дворян Херсонской губ., сын коллежского советника, крестьян не имел, принят в общество Борисовым 2-м в 1824 г.
34. Скальмировский, Ипполит, жил в Старо-Константиновском повете, принят в общество Тютчевым или Громнитским.
35. Соловьев, Вениамин Николаевич, (род. 1798 г., ум. 1871 или 1866 г.), штабс-капитан Черниговского пехотного полка, командир 2-й

---

*) Ср. Б. Кубалов, «Декабристы в Восточной Сибири». Иркутск, 1925 г., стр. 204.

мушкетерской роты, из дворян Рязанской губ., принят в общество, вероятно, в 1824 г.

36. Спиридов, Михаил Матвеевич (род. 1796 г., ум. 1854 г.), майор Пензенского пехотного полка, из дворян, крестьян имел, принят в общество С. Муравьевым-Апостолом и М. Бестужевым-Рюминым (sic!) в 1825 г. во время лагерей.
37. Сухинов, Иван Иванович (род. 1797 г., ум. 1 декабря 1828 г.), поручик Черниговского пехотного полка, принят в общество Кузминым.
38. Тихонов, Николай Ильич (род. 1800 г., ум., вероятно, в 1831 г.), подпоручик 9-й артиллерийской бригады, принят в общество Пестовым.
39. Троцкий, подпоручик Полтавского полка, принят в общество Драгомановым.
40. Трусов, Степан Иванович (род. 1803 г.), прапорщик Полтавского пехотного полка, принят в общество Драгомановым.
41. Тютчев, Алексей Иванович (род. 1802 г., ум. 1856 г.), капитан Пензенского пехотного полка, из дворян, крестьян имел, принят в общество Громнитским в начале 1825 года.
42. Усовский, Алексей Васильевич (род. 1802 г., ум.?), поручик Полтавского пехотного полка, из дворян Полтавской губ., г. Переяславля, мать имела несколько душ крестьян, принят в общество Горбачевским в 1824 г.
43. Фролов, Александр Филиппович (род. 1805 г., ум. 1885 г.), подпоручик Пензенского пехотного полка, из дворян Таврической губ., крестьян не имел, принят в общество Тютчевым в мае 1825 г.
44. Фурман, Андрей Федорович (род. 1795 г., ум. 1835 г.), капитан Черниговского пехотного полка из дворян, принят в общество Сухиновым и Кузминым во время лагеря 1825 г.
45. Черноглазов, Илья Михайлович (род. 1798 г., ум.?), подпоручик 9-й артиллерийской бригады, принят в общество Пестовым во время Лещинского лагеря 1825 г.
46. Шахирев, Андрей Иванович (род. 1799 г., ум. 1828 г.), поручик, ад'ютант ген. Тихановского, бригадного командира 1-й бригады 9-й пехотной дивизии, из дворян С.-Петербургской губ., принят в общество Кузминым во время лагеря 1825 г.
47. Шеколла, Викентий Иванович (род. 1802 г., ум.?), юнкер 1-й гренадерской роты Саратовского полка, принят в общество Мозгалевским во время лагеря 1825 г.
48. Шимков, Иван Федорович (род. 1802 г., ум. 1836 г.), прапорщик Саратовского пехотного полка, из дворян Полтавской губ. и у., отец крестьян имел, принят в общество Тютчевым и Громнитским.
49. Шультен — поручик 9-й артиллерийской бригады, приглашен Пестовым во время лагерей 1825 г.
50. Щепилла, Михаил Алексеевич (род.? — ум. 1826 г.), поручик Черниговского пехотного полка.
51. Ярошевич — поручик Троицкого пехотного полка, принят в общество Ивановым после Лещинского лагеря 1825 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]) 1821, № 2, стр. 193.

[2]) *Турчинович.* История сельского хозяйства в России. СПБ. 1854, стр. 58.

[3]) «Земледельческий Журнал», 1821, № 1.

[4]) *Н. Огановский.* «Закономерность аграрной эволюции».

[5]) «Труды Вольно-Экономического Общества», т. LXIX, LXXI, LXXII. «Земледельческий Журнал», 1821, (№ 1), 1823 (№ 2).

[6]) «Земледельческий Журнал», 1821, № 1.

[7]) «Труды Вольно-Экономического О-ва», т. LXII.

[8]) «Труды Вольно-Экономического О-ва», т. LXXII, 1812, стр. 149—150

[9]) Там же, стр. 93.

[10]) *Самарин,* Сочинения, т. II.

[11]) *В. И. Пичета.* История народного хозяйства в России XIX—XX вв. М., 1923 г., стр. 102.

[12]) «Земледельческий Журнал», 1821, № 11, стр. 210.

[13]) «Коммерческая газета», 1825, № 80. См. ст. *Шебунина,* в журнале «Борьба классов», № 1—2, стр. 55.

[14]) «Земледельческий Журнал», 1821, № 1 (М. 1821), стр. 11.

[15]) По чтению *В. И. Семевского* — Платона («Политические и общественные идеи декабристов», СПБ. 1909, стр. 311), по чтению *Н. Коробки* — Плотина («Декабристы братья Борисовы и Общество Соединенных Славян», «Современник», 1911, к. 5). В собственноручном тексте показания Борисова 2-го — Плотина.

[16]) *В. И. Семевский.* Политические и общественные идеи декабристов. СПБ., 1909, стр. 312—313.

[17]) ВИА, опись 847, связка 20, д. № 373, «Дело императорского военно-сиротского дома о подпоручике Корсуне 1-м, принадлежавшем к тайному обществу под названием «Друзей Природы».

[18]) В рапорте Адлерберга 1-го даны неверные сведения о том, что Корсун не упомянут Борисовыми в числе членов «Друзей Природы»: он упомянут обоими братьями. (Там же.)

[19]) Декабрист И. Д. Якушкин, познакомившийся с П. Борисовым в Сибири, передает, что большую роль в образовании последнего сыграла библиотека одного польского помещика. Борисов перечитал там множество произведений просветительной философии. Сам Борисов следственной комиссии на этот факт не указывает, хотя довольно откровенен в показаниях о своем чтении. Документального подтверждения сообщения Якушкина мною не найдено.

[20]) Это обстоятельство не было открыто следственной комиссией. О нем говорится лишь в списке декабристов, составленном И. И. Горбачевским на поселении по просьбе его друга М. П. Бестужева. (Записки и письма И. Горбачевского, М., 1925 г., стр. 369.) Люблинский оставил записки, они были в руках Герцена («Колокол», 1862), но, к сожалению, до нас не дошли.

[21]) АОР, отд. пад. ст. реж., XXI, № 315. «Дело о собрании сведений о положении и домашних обстоятельствах ближайших родных государственных преступников, осужденных Верховным Уголовным Судом».

[22]) АОР, отд. пад. ст. реж. XXI, № 438, л. 10—13 (Дело Люблинского.)

[23]) АОР, отд. пад. ст. реж. XXI, № 432. (Дело Борисова 1-го.)

[24]) Члены Славянского Общества, часто ошибочно принимают их за славян. Вообще список народностей у Славян не всегда одинаков.

[25]) Названия портов также различно передаются у Славян, иногда явно ошибочно: Ледовитый и Белый как два самостоятельных порта, Атлантический вместо Адриатического и пр. О портах подробнее см. в главе IV.

[26]) Например, по показанию Борисова 2-го его брат принял Бечаснова.

[27]) Фамилия Бечаснова пишется по-разному: Бечаснов, Бесчаснов, Бечасный и т. д. Сам декабрист пишет: Бечаснов.

[28]) АОР, отд. пад. ст. реж., XXI. Дело № 315.

[29]) «Записки декабриста Горбачевского», под ред. Б. Е. Сыроечковского, М. 1916, стр. 252 и сл.

[30]) Необходимость повысить качество офицерского состава была причиной издания 14 марта 1807 г. высочайшего повеления, которое устанавливало, что все дворяне, достигшие 16 лет и желающие поступить на военную службу, должны вместо зачисления в войско унтер-офицерами направляться в Петербург в кадетские корпуса. Подготовка их была возложена на 2-й кадетский корпус, при котором сформирован отдельный «волонтерский корпус», наименованный в 1808 г. «дворянским полком». В конце 1811 г. при нем, по мысли в. к. Константина Павловича, был сформирован дворянский кавалерийский эскадрон. (См. «Столетие военного министерства», т. I, стр. 270.)

[31]) АОР, отд. пад. ст. реж., XXI. Дело № 315; в других бумагах того же дела подрядчик назван Гуревичем.

[32]) Письмо И. И. Горбачевского к Е. П. Оболенскому от 22 марта 1862 г. «Записки», Горбачевского, стр. 252 и сл.

[33]) АОР, отд. пад. ст. реж., XXI. Дело № 315.

[34]) Так он сам пишет свою фамилию. В прочем же следственном материале и в литературе чаще: Громницкий. Мы сохраняем последнее начертание только в случае цитирования тех подлинников, где оно имеет место.

[35]) АОР, отд. пад. ст. реж., XXI. Дело № 315.

[36]) АОР, отд. пад. ст. реж., Дело № 146. «Шеколла — Саратов. пех. полка юнкер, Островский, Невегловский — польские дворяне, Головинский — 4-й парочной батарейной роты юнкер, Красницкий — отстав. поручик, Костыра — 10 класса», л. 37.

[37]) АОР, отд. пад. ст. реж., XXI. Дело № 102. «Жебровский Фаддей, шляхтич».

[38]) По данным «Алфавита декабристов» (Центрархив. «Восстание декабристов». Материалы, т. VIII, стр. 332) Красницкий после освобождения из-под ареста жил в Новоград-Волынске у матери. В апреле 1828 г. он ка-

ким-то образом сумел получить свидетельство о добропорядочном поведении после выхода в отставку с военной службы (т.-е. после 1823 г.) и разрешение на проезд в Тульчин и Кишенев. Выхлопотав на основании этих документов подорожную из казначейства, он выехал туда якобы для поступления в военную службу, но не застал там штаба 2-й армии. Он выдал себя за военного курьера, сделал подчистки в своих бумагах и скрылся. Разыскан в Москве в доме статского советника Уварова, где жил в качестве учителя музыки. Можно заподозреть, что он хотел скрыться в Варшаву. 12 декабря 1828 г. его арестовали, затем судили и приговорили отдать в солдаты в Оренбургский корпус.

[39]) Сохранены орфографические особенности.

[40]) АОР, отд. пад. ст. реж., XXI. Дело № 315, л. 341.

[41]) АОР, отд. пад. ст. реж., XXI. № 143. Дело Усовского, л. 1, об. 2.

[42]) *П. Трунев.* «Декабристы в Нерчинских рудниках», «Ист. В.» 1897 г., т. VIII, стр. 496—497.

[43]) АОР, отд. пад. ст. реж., XXI, № 443, л. 12. Дело Веденяпина 1-го.

[44]) Это местечко в «Записках» Горбачевского называется Черников.

[45]) В «Записках» Горбачевского есть указание (изд. 1925 г., стр. 65), что Кузмин и Соловьев к лету 1825 г. состояли в обществе Славян уже два года, но это явно ошибочное утверждение. Общество, как мы видели, основано в конце 1823 года.

[46]) Этот символический знак сильно искажен и в репродукции «Донесения следственной комиссии» («Декабристы. Тайные общества России. Следствие. Суд. Приговор. Амнистия. Официальные документы», изд. Саблина, М. 1906 г., стр. 34) и в работе *Довнар-Запольского* («Тайное общество декабристов», М., 1906 г.), стр. 145, ср. таблицу символических знаков, приложенную к настоящей книге.

[47]) В семье Ивановых сохранилось предание, что И. И. Иванов был фактически не из «почталионских детей», а являлся незаконнорожденным сыном князя Голицына, который и содействовал ему в поступлении на службу провиантским чиновником. Сохранилось воспоминание и о дневнике И. Иванова, в начале 60-х годов находившегося у внучки декабриста, вышедшей замуж за купца Яковлева. Сведения эти любезно сообщены мне Ю. А. Ивановым, преподавателем Саратовского университета, правнуком Павла Ивановича Иванова, приходившегося по семейным преданиям, родным братом декабристу.

[48]) Стихов Иванова не сохранилось: как известно, 29 мая 1826 года Николай I дал распоряжение следств. комитету «из дел вынуть и сжечь все возмутительные стихи».

[49]) ВИА, опись 847, связка 15, дело № 154. «Дело по показаниям поручика Сухинова и рядового Ракузы о возмутительном духе в 8-й, 9-й дивизии и 8-й артиллерийской бригаде, или о нравственном состоянии 3-го пехотного корпуса», л. 69.

[50]) Очевидно ошибка: «прошлым» для Громнитского в момент написания мог быть только 1825 год. К тому же Иванов в 1824 году еще не был членом.

[51]) П. Е. Щеголев полагает, что Выгодовский «сочинил себе фальшивый паспорт, в котором называл себя сыном дворянина». («Музей Революции», № 1, 1923 г., стр. 79.)

[52]) Письма П. Борисова к П. Выгодовскому и черновик ответа последнего опубликованы и комментированы мною в журн. «Каторга и ссылка», 1926, № 6 (статья «Три письма декабриста Петра Борисова»).

[53]) Сам декабрист пишет свою фамилию: Мозган.

[54]) «Русская Старина», 1882 г., т. 34, V—VI.

[55]) АОР, отд. пад. ст. реж., XXI. Дело № 315. Отец его назван там Степаном, а не Филиппом.

[56]) АОР, отд. пад. ст. реж., XXI, № 446. Дело Мозгана.

[57]) АОР, отд. пад. ст. реж., XXI, № 315. Итог 21½ коп. неверен (в другом месте — 31½ коп.), правильно 22½ коп.

[58]) АОР, отд. пад. ст. реж., XXI, д. 443, л. 12 и сл. Дело Веденяпина 1-го.

[59]) «Записки» Горбачевского, изд. 1916 г., стр. 4.

[60]) Там же. Стр. 5—6.

[61]) «Записки» Горбачевского. Изд. 1916 г., стр. 6.

[62]) В «Записках» Горбачевского вероятно ошибочно указана дер. Млинищи (изд. 1916 г., стр. 6). Борисов 2-й жил в Лещине. Эту ошибку повторяет Довнар-Запольский («Тайное общество декабристов», стр. 152).

[63]) «Записки» Горбачевского. Изд. 1916 г., стр. 6—7.

[64]) АОР, отд. пад. ст. реж., XXI, № 434. Дело Горбачевского.

[65]) АОР, отд. пад. ст. реж., XXI, д. 431, л. 55. Дело Борисова 2-го.

[66]) «Записки» Горбачевского, изд. 1916 г., стр. 8—9.

[67]) В общем, на основании изучения следственного материала с первого взгляда можно заключить, что собраний было скорее всего 4: первое — у Борисова 2-го, второе — у Андреевича (с Бестужевым), третье — у него же без Бестужева и четвертое — давалась клятва. Но против этого имеются соображения такого рода: на одном из собраний не были черниговские офицеры, так как Бестужев их не хотел или забыл оповестить; место собрания было внезапно перенесено из квартиры Веденяпина 1-го, где было ранее назначено, в квартиру Андреевича, на прежнее место. По всему ходу событий видно, что это собрание было ранее заключительного и что на нем был Бестужев, но в то же время оно не было первым собранием у Андреевича 2-го. Отсюда вывод, что оно было четвертым, а пятым было заключительное, с клятвой. Значит, собраний было не менее пяти.

[68]) «Записки» Горбачевского, изд. 1916 г., стр. 9—10.

[69]) АОР, отд. пад. ст. реж., XXI, д. № 315, лл. 309, 136; 160—161.

[70]) АОР, отд. пад. ст. реж., XXI. Дело № 184.

[71]) Интересные подробности о родителях декабриста М. М. Спиридова сообщены в книге *Г. М. Залкинда* «Г. П. Каменев. (1772—1803). (Опыт имущественной характеристики первого русского романтика)». Изд. автора, Казань, 1926, стр. 26 и 103. Отец декабриста Матвей Григорьевич Спиридов, действительный тайный советник, сенатор, камергер, в 1800 г. производил сенаторскую ревизию Казани вместе с известным масоном И. В. Лопухиным. Его жена — мать декабриста, дочь российского историографа кн. М. М. Щербатова, Ирина Михайловна — поэтесса, занималась также переводами (ср. *Е. Бобров.* «Литература и просвещение в России XIX в.», т. III, стр. 123,— цит. у Залкинда, ук. соч., стр. 103). Сохранилось заемное письмо сенатора Спиридова, выданное Г. П. Каменеву от 11 июня 1802 г. на 1.000 руб.

[72]) АОР, отд. пад. ст. реж., XXI, № 435, л. 21. Дело Бечаснова.

[73]) Там же.

[74]) АОР, отд. пад. ст. реж., XXI, № 452, л. 15., об. Дело Берстеля.

[75]) АОР, отд. пад. ст. реж., XXI, д. 443, л. 13. Дело Веденяпина 1-го.

[76]) Дело Веденяпина 1-го. Там же.

[77]) По «Запискам» Горбачевского эти лица и еще некоторые были поименованы Бестужевым во 2-м собрании. (Стр. 12 по изд. 1916 г.)

[78]) «Записки» Горбачевского, изд. 1916 г., стр. 10.

[79]) АОР, отд. пад. ст. реж., XXI. Дело 315, л. 353.

[80]) Там же, л. 339.

[81]) В «Записках» Горбачевского возраст Шеколлы указан неправильно: ему было не 20 лет, а 23 года. (Изд. 1925 г., стр. 61.)

[82]) Имеются лишь сводки их личных дел в докладе Аудиториатского департамента.

[83]) «Декабристы», неизданные материалы и статьи под ред. Б. Л. Модзалевского и Ю. Г. Оксмана. Труды Пушкинского дома. М., 1925, стр. 59 — 60.

[84]) «Записки» Горбачевского, стр. 11. (Изд. 1916 г.)

[85]) Имени и отчества Шультена разыскать не удалось.

[86]) «Записки» Горбачевского, стр. 11. (Изд. 1916 г.)

[87]) АОР, отд. пад. ст. реж., XXI, д. 435, л. 22. Дело Бечаснова.

[88]) Там же.

[89]) «Записки» Горбачевского, стр. 11—12. (Изд. 1916 г.)

[90]) Там же, стр. 12.

[91]) Там же, стр. 13.

[92]) Там же, стр. 13—14.

[93]) Там же, стр. 16.

[94]) АОР, отд. пад. ст. реж., XXI, д. 433, л. 4. Дело Спиридова.

[95]) «Записки» Горбачевского, стр. 26 — 27. (Изд. 1916 г.)

[96]) Там же, стр. 27.

[97]) Там же, стр. 28.

[98]) АОР, отд. пад. ст. реж., XXI, д. 435, л. 4. Дело Бечаснова.

[99]) АОР, отд. пад. ст. реж., XXI, д. 436, л. 12—13. Дело Пестова и Горбачевского, там же, д. 434, л. 19.

[100]) «Записки» Горбачевского, 28 и дело Горбачевского, 19 — 20. (Изд. 1916 г.)

[101]) Там же, стр. 28.

[102]) АОР, отд. пад. ст. реж., XXI, № 435, лл. 25—26. Ср. дело Бечаснова.

[103]) «Записки» Горбачевского, 28—29. (Изд. 1916 г.)

[104]) Там же, 29.

[105]) АОР, отд. пад. ст. реж., XXI, д. 434, л. 19. Дело Горбачевского.

[106]) «Записки» Горбачевского, стр. 29—30. (Изд. 1916 г.)

[107]) АОР, отд. пад. ст. реж., XXI, д. 434, л. 19. Дело Горбачевского.

[108]) Дело Бечаснова, лл. 46—47.

[109]) «Записки» Горбачевского, стр. 31. (Изд. 1916 г.)

[110]) АОР, отд. пад. ст. реж., XXI, № 443, л. 24. Дело Спиридова и «Записки» Горбачевского, стр. 32—33 указывают, что собрание было 9 сентября.

[111]) АОР, отд. пад. ст. реж., XXI, № 450, л. 15, об. 16. О раздоре Бестужева со Спиридовым — см. дело Лисовского.

[112]) «Записки» Горбачевского, стр. 32—33. (Изд. 1916 г.)

[113]) Там же.

[114]) Там же, стр. 34.

[115]) Там же, стр. 34—35.

[116]) Там же, стр. 35.

[117]) АОР, отд. пад. ст. реж., XXI, д. 431, л. 55. Дело Борисова 2-го.

[118]) Там же.

[119]) «Записки» Горбачевского, стр. 38 и сл. (Изд. 1916 г.)

[120]) Воспоминания об этой речи сохранились в показаниях Борисова 2-го, Горбачевского, Лисовского, Мозгана и Веденяпиных 1-го и 2-го.

[121]) АОР, отд. пад. ст. реж., XXI, № 450, л. 17. Дело Лисовского. Он говорит, что не целовал образа, так как далеко сидел, и что некоторые делали так же.

[122]) «Записки» Горбачевского, 45—46 и сл.

[123]) ЦАВС, связка 33, д. № 160. «Дело по отношению иркутского архиепископа о том, что государственные преступники Мозгалевский и Горбачевский не бывают у исповеди и даже в церкви и что последний оказывает богохульство» (1846 г.) В заглавии дела — ошибка: речь идет не о Николае Мозгалевском, а об Александре Мозалевском.

[124]) АОР, отд. пад. ст. реж., XXI, д. 440, л. 28. Дело Громнитского. Ср. дело Горбачевского.

[125]) АОР, отд. пад. ст. реж., XXI, д. 434, л. 43. Дело Горбачевского.

[126]) АОР, отд. пад. ст. реж., XXI, д. 436, л. 17. Дело Пестова. Ср. «Записки» Горбачевского, изд. 1916 г.; стр. 49—50.

[127]) АОР, отд. пад. ст. реж., XXI, д. 431. Дата совпадает с показанием Борисова 2-го. (Дело Борисова 2-го.)

[128]) Там же, л. 29.

[129]) Там же, л. 55.

[130]) АОР, отд. пад. ст. реж., XXI. Дело № 146.

[131]) АОР, отд. пад. ст. реж., XXI, № 450, л. 15 об. Дело Лисовского.

[132]) «Записки» Горбачевского, стр. 54. (Изд. 1916 г.)

[133]) АОР, отд. пад. ст. реж., XXI, д. 435. Дело Бечаснова, л. 47.

[134]) *Матвей Муравьев-Апостол.* «Воспоминания и письма», СПБ., 1922, стр. 81 — 82.

[135]) Ср. *А. Е. Пресняков.* «Экономика и политика в польском вопросе начала XIX века», «Борьба классов» 1924, № 1—2, стр. 29 и сл. *Н. Коробка.* «Польские общества начала 20-х годов и декабристы», сборник «О минувшем». 1909 г., стр. 189 и др.

[136]) Конец клятвы, сохранившийся в деле Выгодовского, дает несколько иной текст: «...все близко[е] к моему сердцу от сего оружие посреди страшных мучений издыхающим, а сей меч [на]стигая виновного, пускай покроет его ранами и бесславием и собравши на главу того все тягости физических и нравственных зол и напечатлеют на сем челе печать отвержения от целой природы».

Далее в деле Выгодовского буквы: Г. Ж. П. Ф. В. (карандашом: Гор. Житомир Павел Ф...ич Выгодовский) 3 мая 1825 года. Ниже знак печати Славян, см. таблицу Славянских знаков.

[137]) *В. И. Семевский.* «Политические и общественные идеи декабристов», стр. 312.

[138]) АОР, отд. пад. ст. реж., XXI, д. 442.

[139]) Н. Коробка усматривает в этом намек Борисова 1-го на подражание политическому строю Речи Посполитой. Я не вижу для этого оснований и считаю эти слова Борисова 1-го «цензурной вставкой» для следственной комиссии. Ср. «Современник», 1911, кн. V.

[140]) У Бечаснова: Россия, Польша, Богемия, Венгрия, Кроация, Далмация и Трансильвания, Молдавия, Валахия и Сербия.

[141]) Вероятно ошибка: пропущено Балтийское море и поставлены Адриатическое и Средиземное.

[142]) «Записки» Горбачевского, изд. 1916 г., стр. 17—18.

[143]) Случай с Сухиновым, которому М.-Апостол дал для этого денег.

[144]) «Записки» Горбачевского, изд. 1916 г., стр. 19.

[145]) «Записки» Горбачевского, изд. 1916 г., стр. 60—61.

[146]) Там же.

[147]) АОР, отд. пад. ст. реж., XXI, д. 144, л. 22.

[148]) «Записки» Горбачевского, изд. 1916 г., стр. 22—23.

[149]) ВИА, опись 847, св. 14. Дело № 97. «По показанию Полтавского пехотного полка полковника Тизенгаузена о происшествии, случившемся в одной роте Саратовского пехотного полка во время сбора 3-го пехотного корпуса под местечком Лещиным».

[150]) Там же.

[151]) «Записки» Горбачевского, изд. 1916 г., стр. 22.

[152]) Там же.

[153]) В показаниях Тизенгаузена неправильно: Борычева.

[154]) У Сотникова он назван генерал-майором.

[155]) ВИА, опись 847, связка 14, дело 97.

[156]) Рассказ Першина-Караксарского о том же происшествии (помещен в «Записках» Горбачевского. М. 1916 г.) со слов Горбачевского полон, как и вообще все его рассказы, таких фантастических подробностей, что я избегаю им пользоваться.

[157]) АОР, отд. пад. ст. реж., XXI, д. 433 (Спиридова), л. 33 и 68.

[158]) АОР, отд. пад. ст. реж., XXI, № 396. Дело Бестужева-Рюмина.

[159]) Дело Борисова 2-го и доклад Аудиториатского департамента.

[160]) АОР, отд. пад. ст. реж., XXI, д. 437 (Андреевича 2-го), лл. 42—45.

[161]) АОР, отд. пад. ст. реж., XXI, д. 433. Дело Спиридова, лл. 33, 63: 65—68, 71—72.

[162]) АОР, отд. пад. ст. реж., XXI, д. 439. Дело Тютчева, лл. 34—37, 40.

[163]) АОР, отд. пад. ст. реж., XXI, д. 441. Дело Киреева, лл. 2—3.

[164]) ВИА, опись 847, связка 15, дело 154.

[165]) «Записки» Горбачевского, изд. 1916 г., стр. 24.

[166]) Там же, стр. 67 (примечание 1-е).

[167]) Там же, стр. 53.

[168]) Там же, стр. 46.

[169]) АОР, отд. пад. ст. реж., XXI. Дело № 446, лл. 15—16. (Дело Мозгана.)

[170]) «Записки» Горбачевского, стр. 84. Ср. АОР, отд. пад. ст. реж., XXI, дело № 446, лл. 17—18.

[171]) АОР, отд. пад. ст. реж., XXI, д. 431, лл. 24—25.

[172]) АОР, отд. пад. ст. реж., XXI. Дело Бестужева-Рюмина.

[173]) АОР, отд. пад. ст. реж., XXI. Дело № 20, л. 55.

[174]) «Записки» Горбачевского, изд. 1916 г., стр. 61.

[175]) Там же, стр. 71—72.

[176]) Борисов 2-й показывает, что это произошло 20 декабря.

[177]) АОР, отд. пад. ст. реж., XXI, д. 434, л. 52.

[178]) «Записки» Горбачевского, изд. 1916 г., стр. 303.

[179]) Там же, стр. 71.

[180]) АОР, отд. пад. ст. реж., XXI, д. 395. Дело С. Муравьева-Апостола. В «Записках» Горбачевского предполагается, что поездка Бестужева-Рюмина имела какую-то тайную, возможно политическую, цель. Если это так, то поездка эта связана лишь с арестом Пестеля, а не с восстанием 14 декабря: в момент отправления в Житомир ни Бестужев ни Муравьев еще ничего не знали о 14 декабря. В «Записках» Горбачевского тут противоречие: он сообщает, что поездка в Житомир состоялась после того, как Муравьев узнал о 14 декабря (стр. 64), а ниже (стр. 88) говорит, что об этом происшествии он узнал лишь за обедом у генерала Рота. Первое неверно, второе совпадает с действительностью.

[181]) 22-го, как сообщает Матвей Муравьев в своих «Воспоминаниях» (стр. 51).

[182]) В воспоминаниях Матвея Муравьева-Апостола эти факты спутаны.

[183]) «Записки» Горбачевского, изд. 1916 г., стр. 89.

[184]) В последнее время опубликовано «Об'яснение» капитана Несмеянова, где он детально, с эпическим спокойствием докладывает о всем происшедшем и дает ряд новых деталей о восстании Черниговского полка («Памяти декабристов», Академия Наук СССР. Сборн. матер., т. II. Л., 1926, *С. А. Еремин.* «Об'яснение капитана Несмеянова (к истории бунта Черниговского полка).

[185]) «Записки» Горбачевского, изд. 1916 г., стр. 67—69.

[186]) Там же, стр. 68.

[187]) Доклад Аудиториатского департамента.

[188]) См. «Записки» Горбачевского, стр. 90—91.

[189]) Это подтверждается и показаниями Матвея Муравьева.

[190]) Воспоминания Матвея Муравьева-Апостола, стр. 51 (1922).

[191]) Так рассказывает Горбачевский («Записки», 88—93), но в точности рассказа приходится усомниться. Бестужев-Рюмин показывает, что мысль о самоубийстве пришла в голову Матвею Муравьеву по дороге из Любара в Трилесы. План же ареста генерала Рота был выработан в самих Трилесах; при выполнении его рассчитывали на Славян. (Дело Б.-Рюмина, лл. 151—152.) Кроме того, рассказ этот расходится с показаниями Матвея и Артамона Муравьевых. (АОР, отд. пад. ст. реж., XXI, д. Бестужева-Рюмина, л. 4.)

[192]) АОР, отд. пад. ст. реж., XXI, д. 396, л. 152. Дело Бестужева-Рюмина.

[193]) АОР, отд. пад. ст. реж., XXI, д. 1, л. 165. Дело С. Муравьева-Апостола.

[194]) Воспоминания Матвея Муравьева (стр. 52).

[195]) См. доклад Аудиториатского департамента, сводка о Сухинове.

[196]) АОР, отд. пад. ст. реж., XXI, д. 395, л. 52. См. первоначальное показание С. Муравьева-Апостола, снятое генералом Левашевым.

[197]) АОР, отд. пад. ст. реж., XXI, д. 396, л. 52. Дело Бестужева-Рюмина.

[198]) «Записки» Горбачевского, стр. 114 (сноска), изд. 1916 г. Здесь же сообщается, что Бестужев оставил Швейковскому записку по-французски,

где он призывает его к восстанию. Станционный писарь, после усмирения восстания Черниговского полка, доставил ее по начальству. То же в «Записках декабристов», Лондон, 1863, вып. 2—3, стр. 168.

[199]) «Записки декабристов», вып. 2 и 3, Лондон, 1863 г., стр. 168.

[200]) В «Записках» Горбачевского явно неправильно передана записка С. Муравьева к Кузмину. Сухинова С. Муравьев, как мы уже знаем, не приглашал.

[201]) В «Записках» Горбачевского сказано, что Кузмин ехал с Сухиновым, а Соловьев со Щепилло. Я придерживаюсь сведений Аудиториатского доклада. На основании последнего первыми в Трилесы приехали Кузмин и Щепилло, а по Горбачевскому — Кузмин и Сухинов. («Записки», стр. 104.) Но необходимо отметить, что показание С. Муравьева (л. 166 его дела) подтверждает версию Горбачевского.

[202]) «Записки» Горбачевского, стр. 106.

[203]) Доклад Аудиториатского департамента.

[204]) Сухинов спас Ланга — отвел его в дом священника и посадил в погреб. Сам Ланг при допросе подтвердил это присягою. (Ср. «Записки» Горбачевского, стр. 106—107.)

[205]) Доклад Аудиториатского департамента.

[206]) С. Муравьев это отрицает. Сведения об этом см. в Аудиториатском докладе.

[207]) Там же.

[208]) АОР, отд. пад. ст. реж., XXI, д. 395. Дело С. Муравьева-Апостола.

[209]) Там же.

[210]) См. доклад Аудиториатского департамента.

[211]) АОР, отд. пад. ст. реж., XXI, д. 395. Дело С. Муравьева-Апостола.

[212]) «Записки» Горбачевского, изд. 1916 г., стр. 302 и 157.

[213]) АОР, отд. пад. ст. реж., XXI, д. 395. Показание Мозалевского в деле С. Муравьева-Апостола.

[214]) Сейчас мы располагаем документальным материалом суждения об убытках, причиненных восстанием жителям. После восстания правительство собрало о них сведения: чаще всего население (особенно шинкари) жаловалось, что восставшие забирали водку и иные хмельные напитки; также на первом месте стоят одежда и провиант. Много зимней одежды было солдатами выменено на солдатскую. Стояли сильные холода, и Муравьев эту мену поощрял. Многие убытки явно дутые — например, шинкари заносят как убыток стоимость вина, которое могло бы быть продано, но по случаю закрытых из-за восстания шинков осталось непроданным. Правительство, выяснив, что убытки от восстания точно учесть невозможно, ассигновало 10.000 руб. для раздачи потерпевшим в качестве воспомоществования. (См. статью *В. Базилевича* «Збитки від повстання 1825—1826 рр.», («Декабристи на Україні», Киев, 1926 г.).

[215]) Доклад Аудиториатского департамента.

[216]) «Записки» Горбачевского, изд. 1916 г., стр. 121.

[217]) Он именуется то Крупниковым, то Крупенниковым. Командир 4-го корпуса кн. Щербатов рапортовал 2 января главнокомандующему, что в Курском пехотном полку Крупникова не оказалось, но «поручик Крупенников оказался отличным во всех отношениях офицером».

[218]) Доклад Аудиториатского департамента.

[219]) Тут было имение помещика Иосифа Руликовского, оставившего интереснейшие мемуары о восстании (см. «Декабристи на Україні. Українська Академія Наук. Збірник історично-філологічного відділу № 37. Збірник праць комісії для дослідів гргомадьских течий на Україні. За редакцию акад. С. Єфремова та В. Міяковського». У Київі 1926 статья Леонида Добровольского «Иосип Руліковський» и перевод мемуаров Руликовского с польского на украинский «Повстання Чернігівського полку».

[220]) Там же, ср. дело С. Муравьева (АОР, отд. пад. ст. реж., XXI, 395).

[221]) *В. С. Иконников.* Крестьянское движение в Киевской губернии в 1826—1827 гг. в связи с событиями того времени. (Сб. статей, посв. В. И. Лашанскому, т. II. СПБ. 1908, стр. 684.)

[222]) «Записки» Горбачевского, стр. 139, изд. 1916 г.

[223]) Там же, 140—149.

[224]) Свидетельство И. Руликовского. («Декабристи на Україні», Київ, 1924 г., стр. 71.)

[225]) «Записки» Горбачевского, стр. 143, изд. 1916 г.

[226]) Там же.

[227]) И. Руликовский (op. cit., стр. 73) рассказывает, что один из солдат Егерского полка, только что ушедшего из Белой Церкви, вернулся за чем-то на ротную квартиру, разузнал все о Муравьеве и предложил начальству «не допустить его до Белой Церкви», для чего нарочно попался Муравьеву в плен и заверил его, что егеря вышли, а на их место прибыли войска для усмирения восстания.

[228]) Доклад Аудиториатского департамента.

[229]) Воспоминания М. Муравьева, стр. 16. (1922 г.)

[230]) «Записки» Горбачевского, стр. 159. (1916 г.)

[231]) Там же. 159—160. Все это невероятно спутано у Довнар-Запольского (например, Сергей Муравьев спутан с Матвеем) — «Декабрьская революция 1825 года». «Голос Минувшего», 1917, № 7—8.

[232]) «Записки» Горбачевского, стр. 158.

[233]) Воспоминания М. Муравьева, стр. 54.

[234]) В «Записках» Горбачевского по-украински—Пилиниченцы (стр. 165, изд. 1916 г.).

[235]) Там же, 149.

[236]) Там же. Ср. дело Горбачевского, АОР, отд. пад. ст. реж. XXI, д. 434, л. 29.

[237]) «Записки» Горбачевского, стр. 76.

[238]) Там же.

[239]) Там же, 70.

[240]) АОР, отд. пад. ст. реж. XXI, д. № 437, л. 51.

[241]) «Записки» Горбачевского, стр. 70.

[242]) Там же, стр. 96—97.

[243]) АОР, отд. пад. ст. реж. XXI, д. 437, л. 51. Дело Андреевича.

[244]) «Записки» Горбачевского, стр. 99 — 100.

[245]) АОР, отд. пад. ст. реж. XXI, д. 437, лл. 30—31. Дело Андреевича 2-го.

[246]) Там же, л. 48.

[247]) «Записки» Горбачевского, стр. 101. (1916 г.)

[248]) Там же, 101—102.

[249]) АОР, отд. пад. ст. реж. XXI, д. 444, л. 17. Дело Веденяпина 2-го.

[250]) «Записки» Горбачевского, стр. 77.

[251]) АОР, отд. пад. ст. реж. XXI, д. 431. Борисов 2-й показывает, что брат его направлялся в Курскую губернию.

[252]) О раз'ездах Борисова 1-го см. в делах: Борисова 2-го, Спиридова, Шеколлы, Горбачевского, Бечаснова и Тютчева

[253]) АОР, отд. пад. ст. реж. XXI, д. 431. Дело Борисова 2-го.

[254]) В «Записках» Горбачевского он ошибочно назван Креницким, стр. 78.

[255]) АОР, отд. пад. ст. реж. XXI, д. 146, л. 4. Дело Шеколлы.

[256]) «Записки» Горбачевского, стр. 78.

[257]) Там же, 78—79.

[258]) АОР, отд. пад. ст. реж. XXI, д. 146, л. 11, об. и 12. Дело Шеколлы.

[259]) «Записки» Горбачевского, стр. 79 — 80.

[260]) АОР, отд. пад. ст. реж. XXI, д. № 440, л. 15 об. и 16. Дело Громнитского.

[261]) Там же, л. 16.

[262]) Там же, л. 16.

[263]) «Записки» Горбачевского, стр. 83 — 84.

[264]) В издании *М. М. Зензинова* «Декабристы, 86 портретов», М., 1906 — эти слова приписаны Бечаснову.

[265]) «Записки» Горбачевского, стр. 84 — 85.

[266]) Спиридов в то время стоял в Красилове. («Записки» Горбачевского, стр. 86—87.)

[267]) См. дело Борисова 1-го. АОР, отд. пад. ст. реж. XXI, д. 432.

[268]) Дело Бечаснова, л. 28.

[269]) «Записки» Горбачевского, стр. 81.

[270]) ВИА, опись 847, связка 14, д. № 111. «О прапорщике Саратовского [тут ошибка, следует: Полтавского. *М. Н.*] пехотного полка Трусове, преданном суду за дерзкие слова, произнесенные им против высочайшей особы государя императора» на 18 листах. 1826 год.

[271]) «Записки» Горбачевского, стр. 151 и сл.

[272]) Там же, стр. 153.

[273]) АОР, отд. пад. ст. реж. XXI, д. 26, л. 52. Журналы комиссии.

[274]) Там же, л. 81.

[275]) Там же, стр. 77.

[276]) АОР, отд. пад. ст. реж. XXI, дело № 25, л. 85.

[277]) «Былое», 1906, V.

[278]) АОР, отд. пад. ст. реж. XXI, д. № 25, заседание 13 февраля.

[279]) АОР, отд. пад. ст. реж. XXI, д. № 25, заседание 15 февраля.

[280]) «Записки» Горбачевского, стр. 79. Изд. 1925 г.

[281]) *Ольга Багалий.* «Салдатські маси в декабристському рухови» («Декабристи на Україні». Киев, 1926), — эти слова караульных сообщены были начальству Ракузой и подтверждены Грохольским.

[282]) Там же (стр. 35), цитата из письма прапорщика 18-го Егерского полка В. Е. Введенского к брату в Москву. Введенский понес наказание.

[283]) АОР, отд. пад. ст. реж. XXI, д. № 99, л. 39.

[284]) АОР, отд. пад. ст. реж. XXI, д. № 101, л. л. 11 — 12.

[285]) «Записки» Горбачевского, стр. 165 и сл. (1916 г.).

[286]) По «Запискам» Горбачевского — сначала в контору.

[287]) См. *В. Барвінський* «До біографії поручника І. І. Сухинова. (Лист Сухинова до Миколи І) («Декабристи на Україні». Киев, 1926). Вероятно, это письмо к Николаю I, чрезвычайно неискреннее по тону и неумело написанное, — тактический ход Сухинова, предполагавшего, что ему не избежать погони и ареста. Не имел ли брат Сухинова указаний — отправить письмо лишь в тот момент, когда до него дойдут слухи о преследовании или открытии Сухинова? Иначе непонятно, почему письмо оказалось неотправленным: очевидно, чего-то выжидали.

[288]) ВИА, опись 847, связка 15, дело 132.

[289]) По «Запискам» Горбачевского, — 15 февраля (стр. 226, изд. 1916 г.).

[290]) Там же, стр. 173.

[291]) Там же, стр. 182.

[292]) Там же, стр. 183.

[293]) Там же, стр. 185.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Адриатическое море. Стр. 105, 224.
Александрийский уезд Херсонской губ. — 35, 203.
Александрия, у. гор. Херсонской губ. — 203.
Александровск — 66, 213.
Англия — 82.
Ахтырский уезд Харьковской губ.—18.

Балта — 203.
Балтийское море — 89, 92, 105, 224.
Барановка, местечко — 84, 117, 118, 177, 185.
Белое море — 92, 105.
Белая Церковь, гор. Киевской губ. — 126, 131, 137, 150, 152, 162 — 165, 175, 194, 199, 208, 227.
Белгородок, гор. Киевской губ. — 171.
Бердичев — 120, 146, 176, 177.
Бердичевская дорога — 145.
Бобруйск—137, 144, 178—180, 182, 183.
Бобруйская крепость — 142, 180, 187.
Богемия — 224.
Боромля, село Ахтырского у. Харьковской губ. — 18.
Брусилов, местечко Киевской губ. — 147, 148, 150, 152, 153, 159, 160, 163, 171.
Брянск — 47.
Брянский уезд Орловской губ. — 47.
Будищи, местечко Полтавской губ.—22.

Валлахия — 224.
Вандея — 75.
Варшава — 24, 35, 105, 106, 109, 112, 154, 220.
Васильков, у. гор. Киевской губ. — 137, 143 — 145, 147 — 165, 170—172, 174, 175, 205, 206.
Венгрия — 224.
Виленская губерния — 32.
Вильна — 35.
Винница — 34.
Висла — 90.
Витебск — 31.
Витебская губерния — 31.
Волынь — 61, 89.
Волынская губерния — 24, 34, 37, 215.
Воронежская губ. — 128.
Выполово, дер. — 52.

Германовка — 161.
Гребенки, дер. — 203.
Греция — 21.
Грузия — 31.

Далмация — 224.
Дубоссары, гор. — 203, 204.

Европа — 9, 78, 90.
Ениколь, гор. — 43.

Житомир — 22, 36, 37, 39, 40, 44, 48, 51, 53, 55, 56, 62, 93, 103, 137, 138, 144 — 146, 159, 160, 162, 164, 169—171, 173, 176, 178—180, 182, 183, 185, 191, 205, 206, 214, 223, 225.
Житомирская губерния (sic) — 100.

Заслав — 182.
Зерентуйский рудник — 5, 142.
Зиньковский повет Полтавской губернии — 22.

Ибаково, дер. — 52.
Иркутск — 214, 216.
Испания — 58.

Кавказ — 113.
Казанская губ. — 214.
Казань — 221.
Калужская губерния — 31.
Каменка, село — 203.
Кануны, село — 29.
Керенский уезд Пензенской губ.
Киев — 41, 113, 118, 137 — 140, 144, 152, 153, 159, 163, 169, 170, 175, 176, 178, 183, 185, 192, 194, 212, 226, 227, 229.
Киевская губерния — 66, 227.
Киевская застава — 157.
Киевская Лавра — 29.
Кишенев — 204, 205, 220.
Кишеневская область — 204.
Кишинцы, дер.— 166.
Ковалевка, дер. — 150, 166.
Королевка, дер. — 166.
Костромская губ. — 13.
Красилово, дер. — 228.
Красное село — 201.
Краснослободский уезд — 215.
Краснокаменка, село Херсонской губ. — 66.
Кременчуг — 28, 50.
Кроация — 224.
Крылов, гор. — 66.
Кузмино, дер. — 183.
Курская губерния — 18, 228.

Ледовитое море (sic) — 105.
Ленинград — 1.
Летний сад — 213.
Лещин, местечко — 37, 54, 55, 57, 59, 60, 67, 124, 126, 130, 142, 144, 181, 191, 221, 224.
Лифляндия — 10.
Лондон — 225, 226.
Любар — 34, 145, 146, 152, 174, 176, 177, 183, 225.

Малороссия — 100.
Могилев — 190, 206.
Могилев-Белорусский — 205.
Могилевская губерния — 31.
Млинищи (Млынищ), дер. — 55, 63, 67, 221.
Молдавия — 224.
Москва — 1, 2, 12, 65, 75, 77, 130, 138, 139, 142, 143, 180, 220, 228.
Мотовиловка, дер. — 150, 153, 159, 160, 162, 163, 175, 176, 180.
Мытница, дер.— 150.

Некорость — 182.
Нерчинские рудники — 220.
Нижегородская губ. — 128.
Нижний, гор. — 66.
Новоград-Волынск — 24, 37, 43, 108, 112, 113, 117, 118, 130, 136—140, 147, 152, 164, 169, 170, 176, 178—183, 185, 191, 192, 213, 219.
Новый Звягель — 94, 216.

Овруч — 182.
Овручский повет — 182.
Одесса — 191, 205.
Орловская губерния — 47.
Острог — 124, 131, 206.
Острожек, местечко — 118, 138.

Пензенская губерния — 215.
Паволочь — 146, 173.
Париж — 92.
Переяславль — 36, 217.
Переяславский уезд (повет) — 59, 174, 214.
Пески, селение — 74, 76.
Петербург — 30, 33, 47, 75, 77, 85, 96, 116, 120, 126, 128, 177, 189, 190, 199.
Петербургская губ. — 217.
Петровский завод — 142.
Петропавловская крепость — 205.
Пилиповка, дер. — 166.
Подолия — 89.
Подольская губерния — 42, 215.
Полениченцы (Пилиниченцы), дер. — 166, 167, 202, 227.
Пологи, дер. — 163—165.
Полонное — 183.

Полтавская губерния — 21, 22, 30, 36, 44, 50, 59, 66, 94, 174, 206, 214—217.
Польша — 43, 90 — 94, 110, 224.
Приворожье (Приворотье), селение—42.
Проскуровский повет Подольской губ. — 42, 215.
Пруссия — 90.
Пятки, селение — 174—176.

Радомысль — 148, 171—173.
Речь Посполитая — 224.
Решетиловка, местечко Полтавской губ. — 21.
Рим — 76.
Российская империя — 203.
Россия — 3, 9—11, 13, 16, 37, 51, 57, 63, 69, 75, 78, 80, 89, 90, 93, 99, 101, 103, 104, 108, 109, 130, 209, 212, 224.
Рязанская губ. — 217.

Селище, село Пенз. губ. — 215, 220.
Сербия — 38, 109, 224.
С.-Петербургская губ. — см. Петербургская губ.
Сибирь — 5, 8, 29, 81, 108, 141, 195, 206, 214, 216.
Сквира, гор. — 163, 164.
Слободско-Украинская губерния — 10, 127, 215.
Смолдырево, дер. (Смолдырев) — 21, 138, 140.
Смоленская губерния — 31.
Снитинка, селение — 149.
Соединенные Штаты Северной Америки — 212.
Сосницкий повет Черниговской губ.— 216.
Средиземное море — 92, 105, 224.
Старо-Константинов — 51, 179, 181, 183—185, 192.
Старо-константиновский повет — 216.

Таврическая губерния — 48, 216, 217.
Таганрог — 112, 196.
Тамбовская губерния — 52, 215.
Тараща, гор. — 52.
Тверская губерния — 52.
Темниковский уезд Тамбовской губ. — 52, 215.
Теофильполь, местечко — 42.
Трансильвания — 224.
Траянов — 144, 173, 177, 178.
Трилесы — 146—148, 150, 152, 158, 160, 165, 166, 172, 174, 188, 189, 225, 226.
Тульская губ. — 62, 216.
Тульчин — 220.

Украина — 38, 229.
Устимовка, дер. — 166.

Фастов — 146, 174—176.
Феодосия — 46, 49.
Франция — 34.

Харьковская губерния — 169, 170, 176, 214.
Херсон — 203.
Херсонская губерния — 35, 66, 203, 206.
Хомутец — 165.

Червонная, дер. — 166.
Черниговская губерния — 66, 206, 216.
Чернихов, местечко — 39, 53, 54, 57, 220.
Черное море — 89, 92, 105.
Чудново, местечко — 177.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ [1]

Абамелик князь, генерал-майор, командир Киевского арсенала. Стр. 170, 175.

Аврамов Климент, солдат-декабрист, унтер-офицер, фельдфебель 2-й мушкатерской роты Черниговского полка — 162.

Адлерберг 1-й — 23, 218.

Алберти, отставной гвардии ротмистр — 136.

Алейник, поручик, служил в Киевском арсенале — 170.

«Александра», крепостной декабриста Артамона Муравьева — 177.

Александр I — 63, 91, 92, 112, 136, 196.

Александр II — 213.

Алексеев 2-й, поручик, полковой адъютант (Ахтырского гусарского полка) — 177.

Алексеев Иван, двоюродный брат декабриста Трусова — 186.

Андреев, декабрист, член ОСС — 178, 190, 214.

Андреев, 2-й, Андрей Николаевич, подпор. л.-гв. Измайловского полка — 214.

Андреев, солдат-декабрист — 130, 131.

Андреевич Василий Максимович, майор в отставке, брат декабриста — 60.

Андреевич Гордей Максимович (Андреевич 1-й, подпоручик 8-й артиллерийской бригады, брат декабриста — 60, 61, 138.

Андреевич Клавдий Максимович, поручик в отставке, брат декабриста — 60.

Андреевич Яков Максимович (Андреевич 2-й), декабрист, член ОСС, подпоручик 8 й артиллерийской бригады — 59, 60, 63, 67, 70, 71, 74, 76—79, 81, 83, 85, 99, 101, 108, 111—116, 118, 122, 127—130, 135, 137—140, 152, 169—176, 178, 179, 181, 185, 189, 194, 199, 200, 207, 210, 213—215, 221, 224, 227.

Анойченко Федор, солдат-декабрист, рядовой Саратовского пехотного полка — 121—127, 130, 131, 199, 207.

Антонов, генерал, председатель сл. ком. над солдатами-декабристами — 199.

Апостол-Кегич Егор Иванович, прапорщик, адъютант 2-го баталиона Черниговского полка — 151, 158, 160.

Аракчеев П. А., генерал-майор, Киевский комендант — 175.

Аргиров, поручик — 116.

Арсеньев Иван Алексеевич, подполковник Ахтырского гусарского полка — 176, 177.

Аскенази — 91, 92.

Багалий-Татаринова Ольга, историк — 228.

Базилевич Василий Митрофанович — 226.

Балашов, генерал-губернатор — 47, 52.

---

[1] Принятые в указателе сокращения: ОСС — Общество Соединенных славян, ЮО — Южное Общество декабристов. СО — Северное Общество декабристов.

Баратаев Михаил Петрович, князь, отставной штаб-ротмистр, Симбирской губ. предводитель дворянства — 14.
Барвінський В. историк, — 229.
Барычев — см. Брычев.
Бахметьев, пензенский генерал-губернатор — 32.
Башмаков Флегонт Миронович, декабрист, член ЮО, разжалованный в рядовые Черниговского полка из полковников артиллерии,—145, 152, 161, 174.
Beccaria Cesare, знаменитый итальянский публицист — 24.
Белелюбский Амплий Дмитриевич, прапорщик Черниговского пехотного полка — 151, 160.
Белой Григорий, солдат-декабрист, рядовой Саратовского пехотного полка — 208.
Бельченко Николай Иванович, декабрист, член ОСС, поручик Саратовского пехотного полка — 190, 214.
Берг З, генерал-майор, командир Бобруйской крепости — 187.
Бердяева Варвара Ивановна, урожд. Тютчева, сестра декабриста — 47.
Березин, поручик, командир 1-й Гренадерской роты Саратовского пехотного полка — 122, 123.
Берстель Александр Карлович, декабрист, член ОСС, подполковник 9-й артиллерийской бригады — 51, 64, 68, 88, 122, 133, 189, 201, 214, 222.
Берх-фон Петр, учитель — 35.
Бестужев-Рюмин Михаил Павлович, декабрист, член ЮО, подпоручик Полтавского пехотного полка — 8, 37, 40, 55—59, 61—65, 67—77, 79—81, 83—85, 98, 111—113, 116, 124, 125, 135—140, 142—148, 150—152, 155, 167, 169, 171, 172, 176, 178—181, 184—186, 188, 190, 193, 196, 198, 210, 213, 217, 219, 221, 222, 224—226.
Бечаснов Владимир Александрович, декабрист, член ОСС, прапорщик 8-й артиллерийской бригады — 28, 29, 34, 36, 59, 61, 63, 70, 71, 73, 76, 82, 83, 87—89, 99, 105, 117, 118, 120, 127, 130, 133, 138, 176—178, 185, 189, 196, 199, 200, 207, 214, 219, 221—224, 228.
Бечаснова Надежда Ивановна, мать декабриста — 28.
Бобылев — 125.
Бобров Е, литератор — 221.
Богославский — см. Богуславский.
Богословский — см. Богуславский.
Богуславский, юнкер Полтавского пехотного полка — 190, 215.
Богуславский Александр Андреевич (Богуславский 1-й), генерал-майор, начальник артиллерии 3-го корпуса,—36.
Боков Никита, денщик Андреевича 2-го — 170, 175.
Борисов Андрей Иванович (Борисов 1-й), декабрист, член ОСС, отставной поручик — 5, 18—29, 33, 36, 51, 83, 84, 88, 96, 98, 104, 127, 169, 170, 176, 179—185, 189, 192, 199, 200, 214, 215, 218, 219, 224, 228.
Борисов Иван Андреевич, отставной штаб-офицер Черноморского флота, отец декабристов Борисовых — 18.
Борисов Петр Иванович (Борисов 2-й), декабрист, член ОСС, подпоручик 8-й артиллерийской бригады — 3, 5, 18—29, 32—38, 41—44, 46, 48, 51—53, 55—59, 61—64, 68—76, 81—84, 86, 88, 89, 94—96, 98, 99, 102—105, 108—110, 112, 113, 115, 118—121, 123, 124, 126—128, 133, 135, 138—140, 169, 177—185, 189—193, 196, 198—201, 207, 213—216, 218, 219, 221, 223, 225, 228.
Брагин Федор, солдат-декабрист—207.
Браницкая, графиня — 161, 163.
Бродович Мальвина, невеста Борисова 2-го — 38.
Брычев полковник — 123, 124, 224.
Быстрицкий Андрей Андреевич, декабрист, подпоручик Черниговского пехотного полка — 148, 161, 162, 188, 206.
Бухарин Федор, солдат-декабрист, рядовой (готлангер) 8-й артиллерийской бригады — 207.

Бурбоны — 83.
Бутович, член ОСС, поручик 5-й арт. роты — 215.

Вадковский Александр Федорович, декабрист, член ЮО, подпоручик 17-го Егерского полка — 148, 150, 152, 163, 164, 175.
Васильев Андрей, солдат-декабрист, рядовой (готлангер) 8-й артиллерийской бригады — 128, 129, 207.
Васильев Федор, солдат-декабрист, фейерверкер 8-й артиллерийской бригады — 129, 207.
Введенский В. Е., прапорщик 18-го Егерского полка — 228.
Вегелин Александр Иванович, поручик Литовского пионерского баталиона — 109.
Веденяпин Алексей Васильевич (Веденяпин 2-й), декабрист, член ОСС, прапорщик 9-й артиллерийской бригады—51, 52, 89, 133, 137, 173, 178, 179, 180, 185, 189, 190, 215, 223, 228.
Веденяпин Аполлон Васильевич (Веденяпин 1-й), декабрист, член ОСС, подпоручик 9-й артиллерийской бригады, брат Алексея Веденяпина— 38, 51, 52, 63, 64, 65, 71, 72, 74, 76, 133, 137, 138, 173, 178, 180, 185, 189, 201, 215, 220, 221—223, 228.
Веденяпин Иван Васильевич, брат декабристов — 52.
Веденяпин М. — 215.
Веденяпина Надежда Васильевна — 52.
Веденяпины — 52.
Ведякин см. Видякин.
Веселовский Павел Семенович, шт.-ротмистр Белорусского гусарского полка — 190.
Видякин, фейерверкер — 118, 130.
Вельзевул — 97.
Wigodosky — см. Выгодовский П. Ф.
Вильканец, поручик Несвижского карабин. полка — 109.
Витгенштейн Петр Христианович, граф, главнокомандующий 2-й армией — 197.
Воехович, прапорщик Литовского пионер. баталиона — 109.
Войнилович Антон Станиславович, подпоручик Черниговского пехотного полка — 151, 154, 157.
Волков, юнкер гренад. артил. бригады — 21, 22.
Вольтер — 23, 25, 29, 33, 41.
Воронов Петр, солдат-декабрист, рядовой Саратовского пехотного полка — 208, 230.
Враницкий Василий Иванович, полковник квартирмейстерской части — 71.
Вреде, генерал-майор — 208.
Вронич, епископ — 92.
Вронский — 109.
Вульферт Самойло Иванович, капитан, командир 1-й мушкатерской роты Черниговского полка — 154.
Выгодовские — 43.
Выгодовский Павел Фомич, декабрист, член ОСС, писец канцелярии Волынского губернатора — 26, 42—44, 84, 89, 94, 96 — 98, 105, 189, 201, 215, 220, 221, 223.
Высочин Александр Дмитриевич (Высочин 1-й), декабрист, член ОСС, прапорщик конно-артиллерийской № 6 роты — 37, 189, 201, 215.

Ганиль (Ganilh) — 25.
Ганусовский Викентий, солдат-декабрист, унтер-офицер Саратовского пехотного полка — 131, 207.
Гебель Густав Иванович, подполковник, командир Черниговского пехотного полка — 145—150, 155—157, 161, 165, 173, 206.
Гебель Роза, жена Г. И. Гебеля — 156.
Гейсмар Федор Климентьевич, генерал-майор, командир 2-й бригады 3-й гусарской дивизии — 166, 188, 202.
Гельвеций, философ — 23, 33.
Георгиевский — см. Егорьевский.
Герцен Александр Иванович — 7, 219.
Голицын, князь — 220.

Головинский, поветовой маршал Овручского повета — 182.
Головинский Павел Казимирович, декабрист, член ОСС, юнкер 4-й парочной батарейной роты — 37, 51, 89, 94, 99, 103, 104, 182, 190, 202, 215, 219.
Гольцов Андрей (Голцев), бомбардир 8-й артиллерийской бригады — 207.
Гончаров Иван Леонтьевич, солдат-декабрист, фейерверкер 8-й артиллерийской бригады—127—129, 199, 207.
Горбачевский Иван Васильевич, надворный советник, служащий в Витебской казенной палате, отец декабриста — 29, 31.
Горбачевский Иван Иванович, декабрист, член ОСС, подпоручик 8-й артиллерийской бригады — 21, 28—34, 36, 37, 39, 44, 46, 53, 55—57, 59, 63, 65, 67, 68, 71—77, 79—84, 86, 88, 102, 143, 145, 148, 152—156, 159, 161—166, 168, 169, 172—189, 193, 196, 199, 200, 206—208, 211, 212, 214—217, 219—223.
Горбузаст, денщик — 170.
Горчаков, кн., нач. штаба 3-го корпуса — 206.
Гофман, подпоруч. Несвижского караб. полка — 109.
Гриневецкий Александр Матвеевич, кол. регистратор, чл. О-ва военных друзей—109.
Громнитский Петр Федорович (Громницкий), декабрист, член ОСС, поручик Пензенского пехотного полка — 32, 33, 39, 41, 46, 48—51, 53, 54, 56, 57, 59, 63, 65, 71, 81, 87, 111, 116, 133, 179—181, 183, 184, 189, 200, 215—217, 219, 220, 223, 228.
Громнитский Федор (Громницкий), отставной капитан, отец декабриста—32.
Громницкий Иван, бывший регент Валкомирского земского суда — 32.
Грохольский Дмитрий, декабрист, разжалованный из штабс-капитанов Полтавского полка в рядовые с переводом в Черниговский полк — 153, 161, 208, 228.
Гульбин Петр, солдат-декабрист, рядовой Пензенского пехотного полка — 125.
Гурвич (Гуревич), подрядчик — 30, 219.

Давыдов Василий Львович, отставной полковник — 203.
Демидов, генерал-адъютант — 93, 94, 194.
Демосфен — 31.
Дзвонковский, член тайного Польского Патриотического Общества — 92.
Дзюбенко, губернский секретарь, муж сестры декабриста И. Иванова — 40.
Дербина Вера Евгеньевна, — 215.
Дибич Иван Иванович, барон (граф), генерал-адъютант, начальник главного штаба е. и. в. — 47, 202, 207.
Добровольский Леонид, историк — 227.
Довнар-Запольский Митрофан Викторович, историк — 5, 220, 221, 227.
Доленга-Ходаковский (Адам Чарноцкий), польский обществ. деятель и писатель — 92.
Докудовский, генерал — 161.
Домбровский, шт.-капитан Полтавского полка — 186.
Дорохов, лейтенант — 62.
Драгоманов Яков Акимович, декабрист, член ОСС, прапорщик Полтавского пехотного полка — 44—46, 74, 88, 115, 186, 187, 190, 202, 215, 217.
Драгомановы — 45.
Дунальтет Михаил, учитель — 35.
Дунцов Тимофей, крестьянин, отец декабриста Выгодовского — 42, 215.
Дуткин, канонир 8-й артиллерийской бригады — 207.

Евдокимов Николай, солдат-декабрист, фейерверкер 8-й артиллерийской бригады — 207.
Егорьевский Феноген, солдат-декабрист, рядовой Саратовского пехотного полка — 130, 192, 208.

Екатерина II — 15, 90.
Емельян-Сухинов Иван — см. Сухинов И. И.
Емельянов, рядовой Саратовского пехотного полка — 208.
Емельянов Иван И. (псевдоним И. И. Сухинова) — 204.
Емельянов-Сухинов — см. Сухинов.
Ентальцов Андрей Васильевич, подполковник, командир конной артиллерийской № 27 роты — 134.
Еремин Степан Антонович, — 225.
Ефимов, капитан Саратовского пехотного полка — 184.
Ефремка (Ефрем Игнатов?), гандлангер — 130.
Єфремов С., акад. — 227.

Жебровский Фаддей Антонович, декабрист, член ОСС, шляхтич, секретарь графа А. Ильинского — 33—35, 93, 94, 189, 202, 215, 219.
Жиц, член тайного Польского Патриотического Общества — 92.
Жоффрен (Geoffrin) Мария Терезия, хозяйка Парижского литературного салона, корреспондентка Екатерины II — 15.
Жуковский Василий Андреевич, поэт — 34.

Заблоцкий-Десятовский Андрей Парфенович, исследователь крепостного права — 13.
Завалишин Дмитрий Иринархович, декабрист, лейтенант 8-го флотского экипажа — 48.
Залкинд Георгий Моисеевич — 221.
Занин — см. Зенин.
Зарецкий Петр Аникеевич, декабрист, член ОСС, поручик Пензенского пехотного полка — 183, 190, 216.
Засс Александр Павлович (Засс 1-й), генерал-майор, начальник 8-й пехотной дивизии — 124.
Зензинов Михаил Михайлович, издатель — 228.
Зенин Иван, солдат-декабрист, фейерверкер 8-й артиллерийской бригады — 89, 119, 120, 126, 127, 129, 133, 207.
Зинкевич, отставной штаб-лекарь Черниговского пехотного полка — 203.
Зиновьев Никифор, солдат-декабрист, бомбардир 8-й артиллерийской бригады — 128, 129, 207.

Иванов, рядовой Саратовского пехотного полка — 208.
Иванов, рядовой 5-й мушк. роты Черниговского полка — 149.
Иванов Илья Иванович, декабрист, член ОСС, провиантский чиновник X класса — 39—42, 44—46, 49, 50, 53, 54, 56—58, 64, 89, 96, 108, 131, 137, 173, 176, 178, 179, 185, 189, 201, 215—217, 220.
Иванов Матвей, солдат-декабрист, унтер-офицер Саратовского пехотного полка — 207.
Иванов Павел Иванович, брат декабриста — 220.
Иванов Юрий Алексеевич, препод. Саратовского университета — 220.
Игельстром Густав Густавович, ген.-майор — 109.
Игнатов Ефим, рядовой 8-й артиллерийской бригады, денщик И. И. Горбачевского — 207.
Иконников Владимир Степанович, историк — 227.
Ильинский Август Иванович, граф, сенатор — 34, 35, 215.
Ильинский Януш Августович, сын А. И. Ильинского — 190, 202.
Ипатов, денщик декабриста Горбачевского — 139.

Каблуков, муж сестры декабриста Мозгалевского — 66.
Казаков, рядовой Саратовского пехотного полка — 208.
Какауров, солдат-декабрист, унтер-офицер Черниговского пехотного полка — 150.
Камбалюк Семен, солдат-декабрист, рядовой Саратовского пехотного полка — 130, 208.
Каменев Г. П., поэт — 221.

Кармащукова Елена, мать декабриста И. Иванова — 40.
Карпаченко Демид, солдат-декабрист, рядовой Саратовского пехотного полка — 131, 208.
Карский, капитан, доносчик на Польское Патриотическое Общество — 92.
Катон-Марк, Катон Цензор (Катон Старший), государственный деятель древнего Рима, республиканец и демократ — 44.
Каховский Петр Григорьевич, декабрист, отставной поручик — 209.
Кашкарев поручик, дядя дек. Веденяпиных — 52.
Кегич — см. Апостол-Кегич.
Кейзер Даниил Федорович, священник — 160.
Киреев Иван Васильевич, декабрист, член ОСС, прапорщик 8-й артиллерийской бригады—56, 59, 62, 71, 76, 100, 103, 104, 111, 132, 137, 173, 178—180, 182, 183, 185, 189, 195, 200, 216, 224.
Киреева Авдотья Васильевна, сестра декабриста — 62.
Кириллов, канонир 8-й артиллерийской бригады — 207.
Кирпиченко — см. Карпаченко.
Киселев Павел Дмитриевич, генерал-адъютант, начальник штаба 2-й армии — 197.
Киселевич, капитан Троицкого полка — 179, 183, 190, 202, 216.
Клементьев, шт.-капитан — 123.
Кожевников Степан, солдат-декабрист, рядовой Саратовского пехотного полка — 208, 130.
Козлов Петр Федорович, капитан, командир 1-й гренадерской роты Черниговского полка — 149, 154, 160.
Кондырев Василий Яковлевич, подпоручик — 157, 158.
Конисские, известная украинская дворянская фамилия — 29.
Константин Павлович, цесаревич —32, 92, 110, 112, 136, 137, 139, 154, 160, 219.
Корнелий Непот (Cornelius Nepos), римский писатель — 19.
Коробка Н. И., историк — 5, 218, 223, 224.
Корсун Василий Иванович, юнкер 15-й артиллерийской бригады — 22, 218.
Корф, подполковник, командир 2-й легкой роты 8-й артиллерийской бригады — 83, 176.
Костомаров Николай Иванович, историк — 212.
Костыра (Костырь), декабрист, член ОСС, провиантский чиновник 3-го пехотного корпуса — 41, 42, 89, 168, 190, 202, 216, 219.
Коцебу Август, немецкий писатель—40.
Крайников Григорий, солдат-декабрист, канонир 8-й артиллерийской бригады — 121, 130, 207.
Красницкий Николай Осипович (Креницкий), декабрист, член ОСС, отставной поручик—33—35, 38, 39, 84, 94, 181, 182, 190, 202, 215, 216, 219, 228.
Кристич Ефтимий, чиновник — 205.
Крупенников (Крупников), подполковник, член тайного общества декабристов — 153, 159, 226, 227.
Крюденер А. А., барон — 10.
Кубалов, Борис Георгиевич, историк— 214, 216.
Кузьменко, рядовой Саратовского пехотного полка — 208.
Кузмин Анастасий Дмитриевич, декабрист, член ОСС, поручик Черниговского полка — 36, 39, 41, 66, 67, 71, 76, 77, 82, 123, 132, 133, 141, 143, 146—151, 153, 156—158, 160, 164, 167, 171, 188, 189, 205, 206, 215—216, 217, 220, 226.
Кузнецов Никита, фейерверкер 8-й артиллерийской бригады — 121, 129, 207.
Кузнецова Александра, учительница— 35.
Курильной Петр, кузнечный ученик— 176.
Кучков, солдат-декабрист, унтер-офицер 2-й мушкатерской роты Черниговского полка — 162.

Ламартин (Lamartine) Альфонс, французский поэт — 165.
Ланг, жанд. поручик — 146—149, 226.
Ламанский Владимир Иванович, ученый — 227.
Левашев Василий Васильевич, генерал-адъютант — 36, 147, 190, 191, 225.
Левицкий-Лазницкий, подполковник Полтавск. полка — 186.
Лелевель Иоахим, польский историк— 92.
Лейба, корчмарь — 176.
Ленин (Ульянов) Владимир Ильич—7.
Лисаневич Дмитрий Тихонович, генерал-лейтенант, команд. войсками Кавказской линии — 72.
Лисовская Авдотья Федоровна, мать декабриста — 50.
Лисовский Аркадий Федорович, брат декабриста — 50.
Лисовский Николай Федорович, декабрист, член ОСС, поручик Пензенского пехотного полка — 50, 51, 59, 63, 79, 81, 84, 89, 133, 179, 181, 183, 184, 189, 201, 213, 216, 222, 223.
Ломиковский В. Я., штабс-капитан — 11.
Лопухин И. В., масон — 221.
Лосев, юнкер Белорусского гусарского принца Оранского полка — 196.
Лукасинский Валериан — 91, 92.
Лукьянович, юнкер 52-й батарейной роты — 22.
Люблинская Констанция, мать декабриста — 24.
Люблинский Целестин Казимирович, брат декабриста — 24.
Люблинский Юлиан Казимирович, декабрист, член ОСС, дворянин Волынской губ. — 24—27, 29, 58, 70, 82, 84, 89, 92, 94, 96, 98, 108—110, 189, 191, 193, 198, 201, 216, 219.
Ляшко Федор, унтер-офицер Сарат. пехотного полка — 131, 207.
Лященко Петр Иванович, экономист — 11.
Маевский Карл Клементьевич, штабс-капитан Черниговского пехотного полка — 151, 155, 156.
Макаров, канонир 8-й артиллерийской бригады — 207.
Макгавлий (Макгавли, Магабле, Магавли) граф, вымышленное лицо—33, 38, 109, 192, 214.
Максимов Матвей, солдат-декабрист, рядовой Саратовского пехотного полка — 130, 208.
Malthus Thomas Robert, английский экономист — 25.
Малявин, ротмистр Ахтырского гус. полка — 174.
Мартынов Денисий, солдат-декабрист, унтер-офицер Саратовского пехотного полка — 131, 207.
Матвеев Василий, солдат-декабрист, гандлангер 8-й артиллерийской бригады — 129, 207.
Матвеев Логин, рядовой Саратовского пехотного полка — 130, 208.
Махницкий Казимир — 91.
Меднова Матрена, тетка декабристов Веденяпиных — 52.
Мещерский Александр Петрович, князь, прапорщик Черниговского пехотного полка — 158.
Милорадович Михаил Андреевич, генерал от инфантерии, Петерб. военный генерал-губернатор — 144.
Митрофанов, канонир 8-й артиллерийской бригады — 207.
Мияковський В. В., историк — 227.
Модзалевский Борис Львович, историк — 214, 222.
Мозалевский Александр Евтихиевич, прапорщик Черниговского пехотного полка — 142, 148, 152, 153, 155, 156, 158, 159, 161, 163, 175, 205, 206, 223, 226.
Мозгалевский Николай Осипович, декабрист, член ОСС, подпоручик Саратовского пехотного полка — 66, 116, 189, 201, 216, 217, 223.
Мозган Дмитрий, коллежск. советн., отец декабриста — 49.

Мозган Константин Дмитриевич, брат декабриста — 49.
Мозган (Мозгана) Павел Дмитриевич, декабрист, член ОСС, подпоручик Пензенского пехотного полка — 46, 48—50, 76, 118, 120, 189, 201, 216, 221, 223, 224.
Мозган Степан — 221.
Моисеев, частный пристав гор. Дубоссар — 203, 205.
Montesquieu Charles Louis, философ-просветитель — 25.
Мошинский Петр Игнатьевич, граф, член Польского тайного общества — 69, 70, 84, 109, 144.
Муравьев Александр — 144, 173.
Муравьев Артамон Захарович, декабрист, член ЮО, полковник, командир Ахтырского гусарского полка — 65, 71 — 73, 78, 139, 144, 146, 147, 152, 160, 173, 174, 176—178, 225.
Муравьева Вера Алексеевна, урожд. Горяинова, жена А. З. Муравьева — 177.
Муравьев-Апостол Ипполит Иванович, прапорщик квартирмейстерской части — 141, 151, 164, 167, 189, 206.
Муравьев-Апостол Матвей Иванович, отставной подполковник — 86, 110, 141, 144—149, 151, 164—167, 169, 172, 188, 189, 223, 225, 227.
Муравьев-Апостол Сергей Иванович, декабрист, член ЮО, подполковник Черниговского пехотного полка — 46, 55—59, 61—63, 68, 69, 71—73, 75, 77, 80—83, 98, 116, 117, 120, 122—126, 131, 133—135, 137, 139—178, 180, 181, 184—186, 188, 191, 193, 196, 198, 202, 205, 217, 224—227.
Мызников Петр, солдат-декабрист, унтер-офицер Саратовского пехотного полка — 207.
Мякушка Иван, солдат-декабрист, рядовой Саратовского пехотного полка — 130, 208.
Набоков Петр Александрович, команд. Кременч. полка — 148.
Нагель, ген.-майор — 187.
Наполеон I, франц. имп. — 78, 90, 91.
Нащокин Порфирий, декабрист, член ЮО, поручик конно-артиллерийской № 5 роты — 178.
Невенгловский, член ОСС, польский дворянин — 94, 181, 182, 190, 202, 216, 219.
«Неизвестный», псевдоним — 10.
Несмеянов, жандармский поручик — 145, 146, 158, 225.
Никифораки, поручик Ахтырского гусарского полка — 174.
Николаев, бомбардир 8-й артиллерийской бригады — 207.
Николаев Федор — 207.
Николай I Павлович — 100, 110, 136, 137, 144, 186, 187, 189, 190, 194, 196, 200, 201, 205, 208, 220, 229.
Новосильцев Николай Николаевич, государственный деятель — 92.
Норов Василий Сергеевич, декабрист, член ЮО, отставной подполковник — 142.

Облингер, учитель — 62.
Оболенский Евгений Петрович, князь, декабрист, член СО, поручик лейб-гвардии Финляндского полка — 29, 30, 219.
Огановский — 218.
Одинцов 2-й Григорий, подпоручик 8-й артиллерийской бригады — 37.
Озерин Василий, солдат-декабрист, фейерверкер 8-й артиллерийской бригады — 207.
Оксман Юлиан Григорьевич, историк — 222.
Октавий, римский император — 76.
Олизар Густав Филиппович, граф, б. Киевский губернский маршал — 147.
Ольвиер, вымышленное лицо — 191.
Ольшевский, член ОСС, прапорщик Саратовского пехотного полка — 190, 202, 216.
Ордынский Феликс, шляхтич — 109.

Осипов Степан, солдат-декабрист, рядовой Саратовского пехотного полка, полковой цирульник — 208.
Островский, член ОСС, польский дворянин — 94, 181, 182, 190, 202, 216, 219.

Пересеткин Макар, рядовой — 125.
Першин-Караксарский Петр Иванович, сибиряк, знакомый декабриста Горбачевского — 224.
Пестель Павел Иванович, декабрист, член ЮО, полковник, командир Вятского пехотного полка — 5, 65, 67, 68, 82, 138, 144, 189, 197, 198, 217, 225.
Пестов Александр Семенович, декабрист, член ОСС, подпоручик 9-й артиллерийской бригады — 35, 36, 38, 51, 52, 55, 59, 67, 68, 71, 72, 74, 76, 80—82, 103, 104, 189, 195, 196, 198, 200, 215, 216, 222, 223.
Пестов Семен, отец декабриста — 35.
Петин Василий Николаевич, поручик Черниговского полка — 151, 157.
Петр Пьер, учитель — 35.
Петрарка Франческо, итальянский поэт — 29.
Петрашевский Михаил Васильевич, революционер — 213.
Петров, бомбардир 8-й артиллерийской бригады — 207.
Пифагор, философ — 20.
Пичета Владимир Иванович, историк— 218.
Платон, философ — 218.
Платонов Михаил, солдат-декабрист, рядовой Саратовского пехотного полка — 208.
Плотин, философ — 21, 218.
Плутарх, греческий писатель — 19.
Повало-Швейковский Иван Семенович, декабрист, член ЮО, полковник — 65, 69, 71, 72, 142, 148, 160, 171—173, 180, 194, 226.
Погодаев Николай, солдат-декабрист — 125.
Покровский Михаил Николаевич, историк — 1, 210.
Полисанов Павел Алексеевич, подпоручик — 190.
Помпей — 76.
Пономарев Андрей, солдат-декабрист, рядовой Саратовского пехотного полка — 131, 208.
Понятовский, граф — 109.
Поццо-ди-Борго Карл Андрей, граф, русский дипломат — 92.
Пресняков Александр Евгеньевич, историк — 223.
Протагор, греческий философ — 44.
Пушкин Александр Сергеевич — 12, 29, 40, 197.
Пущин Иван Иванович, декабрист, член СО — 212.
Пыхачев Матвей Иванович, капитан конно-артиллерийской № 5 роты — 65, 71, 73, 134, 152, 166, 167.

Радич — 205.
Радкович — 120.
Разумовские, графы — 45, 46.
Разумовский, граф — 45.
Ракуза Игнатий, декабрист, разжалованный из поручиков Пензенского пехотного полка в рядовые с переводом в Черниговский полк — 132, 208, 220, 228.
Рейналь (Raynal Guillaume), французский историк и философ — 33.
Рихтер, батальонный командир — 116.
Родичев Иван, солдат-декабрист, фейерверкер 8-й артиллерийской бригады— 121, 207.
Рославлев Александр Петрович, корнет гусарского Белорусского принца Оранского полка — 196.
Рот Логгин Осипович, генерал-лейтенант, командир войск 3-го пехотного корпуса — 124, 138, 144, 166, 180, 189, 225.
Рубанович, чиновник особых поручений — 203—205.
Руликовский Иосиф, польский мемуарист — 227.
Рукевич Михаил Иванович — 109, 110.

Рыбаковский Владимир Николаевич, подпоручик Черниговского пехотного полка — 157.
Рымаренков, коллежский ассесор, муж матери дек. Мозгана по 2 му браку — 49.

Саблин, издатель — 220.
Савицкий, рядовой 5-й мушкатерской роты Черниговского полка—147.
Савоини Григорий Яковлевич, советник Херсонского губернского правления — 67.
Сакен Ф. В., граф, генерал-от-инфантерии, главнокомандующий 1-й армией — 122, 207.
Сазонов, генерал-адъютант — 28.
Самарин — 218.
Санаев Федосий, солдат-декабрист, рядовой Саратовского пехотного полка — 208.
Сегюр, французский писатель — 29.
Семевский Василий Иванович, историк — 5, 95, 218, 223.
Семенов, канонир 8-й артиллерийской бригады — 207.
Семичев Николай Николаевич, ротмистр Ахтырского гусарского полка — 146, 174.
Сиверс А. А., — 214.
Сидоров, бомбардир 8-й артиллерийской бригады — 120, 207.
Сизиневский Виктор Осипович, поручик Черниговского пехотного полка—151.
Ситников, рядовой — 177.
Скальмировский (Скармировский) Ипполит, житель Старо-Константиновского повета — 190, 202, 216.
Скоков, жандармский офицер—145, 146.
Смит (Smith) Адам, экономист — 25.
Соколовский Матвей, священник—191.
Соловьев Вениамин Николаевич, декабрист, член ОСС, штабс-капитан Черниговского полка — 39, 46, 66, 71, 82, 133, 141—143, 147—151, 153, 156 — 160, 162, 164, 167, 188, 190, 202, 205, 206, 216, 220, 226.
Сотников Василий Семенович, капитан, старший адъютант главного штаба 1-й армии — 115—117, 122, 124, 136—138, 224.
Софья Ивановна, девица, жившая в семье Арт. Муравьева — 177.
Спиридов Матвей Григорьевич, отец декабриста — 221.
Спиридов Михаил Матвеевич, декабрист, член ОСС, майор Пензенского пехотного полка — 62, 63, 68, 70, 71, 73—75, 80—82, 84, 86, 100, 114—116, 118, 122, 126, 130—133, 135, 139, 146, 181, 184—186, 189, 193, 196, 199, 200, 207, 214, 216, 221, 222, 224, 228.
Старков, денщик Арт. З. Муравьева — 177.
Стаценко — см. Стеценко.
Степанов, канонир 8-й артиллерийской бригады — 207.
Стеценко Иван, солдат-декабрист, унтер-офицер Саратовского пехотного полка — 131, 207.
Сукин Александр Яковлевич, генерал-адъютант, комендант Петропавловской крепости — 190.
Сухинов Иван Иванович, декабрист, член ОСС, поручик Черниговского пехотного полка, переведенный в Александрийский гусарский полк — 66, 67, 76, 77, 82, 132, 141—143, 147—151, 153—158, 160, 161, 163, 164, 166—168, 171, 188, 190, 199, 202—206, 215, 217, 220, 224—226, 229.
Сухинов Иван Трофимович, отец декабриста — 67.
Сухинов Михаил Осипович — 67.
Сухинов Степан Иванович, брат декабриста — 203.
Сципион (Африканский, Старший), знаменитый римский полководец (псевдоним декабриста Горбачевского)—44.
Сыроечковский Борис Евгеньевич, историк — 214, 219.
Сэй, экономист — 25.

Тамбульский Смуль, дубоссарский мещанин — 204.
Татищев Александр Иванович, граф, военный министр и председатель след-

ственной комиссии по делу декабристов — 31, 194.
Тизенгаузен Василий Карлович, декабрист, член ЮО, полковник Полтавского пехотного полка — 36, 37, 57, 65, 71—73, 122, 134, 138, 144, 180, 186, 209, 224.
Тиханов Николай Ильич, декабрист, член ОСС, подпоручик 9-й артиллерийской бригады — 68, 189, 202, 217.
Тихановский Степан Леонтьевич, генерал-майор — 133, 144, 217.
Тимофей, мальчик, крепостной Арт. Муравьева — 177.
Толь Карл Федорович, барон, начальник штаба 1-й армии, генерал-лейтенант — 136, 145, 162.
Требинский—см. Угричич-Теребинский.
Трескин, майор — 124.
Троцкий Емельян Николаевич, декабрист, чл. ОСС, поруч. Полтавск. пех. полка — 187, 190, 217.
Трубецкой Сергей Петрович, князь, декабрист, член СО, полковник, дежурный штаб-офицер 4 го пехотного корпуса — 64, 65, 198.
Трунев П., — 220.
Трусов Степан Иванович, декабрист, член ОСС, подпор. Полтавск. пех. полка—132, 186, 187, 190, 217, 228.
Трухин Сергей Степанович, подполковник, командир 1-го батальона Черниговского пехотного полка — 155, 156, 165.
Тулубьев — 33.
Тулубьев, гвардейский офицер — 83.
Турков Василий, солдат-декабрист, рядовой Черниговского пехотного полка, бывший семеновец — 125.
Турчинович Ф., экономист — 218.
Тютчев Алексей Иванович, декабрист, член ОСС, капитан Пензенского пехотного полка — 45—49, 51, 55—59, 63, 65, 68, 81, 88, 116, 119, 120, 132, 135, 146, 180, 181, 183, 184, 189, 200, 216, 217, 224, 228.
Тютчев Иван Иванович, отец декабриста — 47, 48.
Тютчев Иван Иванович, брат декабриста — 47.
Тютчев Михаил Иванович, брат декабриста — 47.
Тютчев Федор Иванович, брат декабриста — 47.
Тютчева Мария Ивановна, мать декабриста — 47.

Уваров, граф, генерал-адъютант — 33, 181, 216.
Уваров, домовладелец г. Житомира — 178.
Уваров, статский советник — 220.
Угричич-Теребинский Ананий, рядовой — 109.
Уминский, деятель польск. рев. движения — 91.
Усовский Алексей Васильевич, декабрист, член ОСС, поручик Полтавского пехотного полка — 36, 37, 59, 88, 101, 115, 118, 190, 217, 220.

Фадеев Иван Семенович, солдат-декабрист, фейерверкер 8-й артиллерийской бригады — 127, 128, 199, 207.
Филанджиери (Filangieri) Гаетано, итальянский экономист — 24.
Финк Иван, учитель — 35.
Фролов Александр Никитич, команд. арт. бригады — 65, 71, 134.
Фролов Александр Филиппович, декабрист, член ОСС, подпоручик Пензенского пехотного полка — 48, 49, 59, 64, 65, 85, 116, 119, 120, 132, 189, 200, 217.
Фурман Андрей Федорович, декабрист, член ОСС, капитан Черниговского пехотного полка — 59, 100, 115, 189, 201, 217.

Хенцинский Мацей, профессор — 42.
Хованский, генерал-губернатор губерний Могилевской, Витебской, Смоленской и Калужской — 31, 32.

Цезарь Юлий, римский император — 40.
Цицерон, римский полит. деятель — 31.

Чарторийский Адам Юрий, политический деятель — 92.
Червонный, рядовой Саратовского пехотного полка — 208.
Чернов Семен Николаевич, кишеневский домовладелец — 205.
Черноглазов Илья Михайлович, декабрист, член ОСС, подпоручик 9-й артиллерийской бригады—133, 189, 201, 217.
Чернолик, унтер-оф. 1-й грен. роты Черниг. полка — 160.
Чернышевский Николай Гаврилович, публицист и революционер — 7, 8.

Шамикис Абрам, мещанин г. Дубоссар — 203.
Шахирев Андрей Иванович, декабрист, член ОСС — 83, 133, 189, 201, 217.
Шахирев Иван, отец декабриста — 88.
Шашкевич, шляхтич, вымышленное лицо — 191, 192.
Швейковский — см. Повало-Швейковский.
Шварценберг полковник — 138.
Шебунин А. Н., историк — 218.
Шведов, крестьянин — 42.
Шведова Мария, тетка декабриста Выгодовского — 42.
Шеколла Викентий Иванович, декабрист, член ОСС, юнкер Саратовского пехотного полка — 66, 83, 84, 101, 123, 124, 190, 202, 217, 219, 222, 228.
Шимков Иван Федорович, декабрист, член ОСС, прапорщик Саратовского пехотного полка — 65, 66, 68, 184, 189, 201, 214, 216, 217.
Шнайдер, полковник — 92.
Шторх (Storch), экономист — 25.
Шуазель, граф — 144.
Шультен, декабрист, член ОСС, подпоручик 9-й артиллерийской бригады — 68, 190, 202, 217, 222.
Шутов, фельдфебель 5-й мушкатерской роты Черниговского полка — 147.
Щеголев Павел Елисеевич, историк — 220.
Щепилла (Щипилло) Михаил Алексеевич, декабрист, член ОСС, поручик Черниговского пехотного полка — 76, 132, 133, 140, 143, 147—151, 153, 155—158, 160, 164, 188, 189, 205, 206, 217, 226.
Щербатов, князь, командир 4-го корпуса — 226.
Щербатов Михаил Михаилович, историк — 221.
Щербатова Ирина Михайловна, в зам. Спиридова, мать декабриста — 221.
Щербатовы, княжеский род — 62.
Щекалин, портупей-прапорщик — 131.

Эйлер, полковник, командир 8-й артиллерийской бригады — 88, 138, 140.
Эккартсгаузен (Eckartshausen) Карл, немецкий писатель — 29, 117.
Энгельгард, юнкер — 172.
Эпельбейм Арум Лейба, житель гор. Василькова — 158.

Юдрашек, рядовой Саратовского пехотного полка — 208.
Юрашов (Юраш) Федор, солдат-декабрист, рядовой Саратовского пехотного полка — 126, 130, 208.

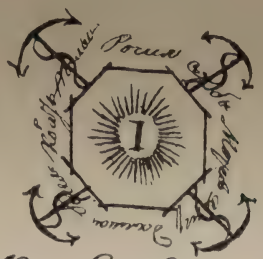
Яблоновский, князь — 69, 93.
Яковлев, купец — 220.
Якушкин Иван Дмитриевич, декабрист, член СО, отставной капитан — 218.
Янтарев (Янтарь) Антон, солдат-декабрист — 125, 130, 131.
Ярошевич, член ОСС, поручик Троицкого пехотного полка — 179, 183, 202, 217.
Ярыгин, канонир 8-й артиллерийской бригады — 207.
Яцук Кондратий, солдат-декабрист, унтер-офицер Саратовского пехотного полка — 131, 207.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

		Стр.
От автора		4—5
Глава I.	Диференциация дворянства в первой четверти XIX века	6—17
» II.	Возникновение Общества Соединенных Славян и первые его члены	18—54
» III.	Слияние Общества Соединенных Славян с Южным Обществом декабристов	55—86
» IV.	Идеология Общества Соединенных Славян	87—111
» V.	Подготовка восстания	112—140
» VI.	Восстание Черниговского полка	141—168
» VII.	Славяне во время восстания	169—187
» VIII.	Следствие и суд над Славянами	188—208
» IX.	Заключение	209
Приложения:		
1.	Список членов Общества Соединенных Славян	214
2.	Примечания	218
3.	Указатели: географический	230—232
	именной	233—245
4.	Таблица символических знаков Славян.	
5.	Карта района деятельности Общества Соединенных Славян.	

СИМВОЛИЧЕСКИЕ ЗНАКИ ОБЩЕСТВА СОЕДИНЕННЫХ СЛАВЯН

I.

Г. Ж. П. Ф. В.  3 Мая 1825 года

П. С. С.

II.

4. Простота воздержность искромность сии блюсти тельницы сохранят твое спокойствие.

III. П. С. С.

1. Не надейся ни на кого кромѣ твоих друзей и своего ѣ. Друзья тебѣ помогутъ ѣ тебя защитятъ.

IV. 16 въ ⚓ твоихъ святыняхъ будетъ цвѣсти торговля и морская сила а въ ⋮⋮ твоей срединѣ твоя справедливость для тебя обитать станетъ. —

ОБЪЯСНЕНИЕ К АВТОГРАФАМ.

I. По определению Борисова 2-го „девиз“ Общества Соединенных Славян: единица в лучах посредине восьмиугольника—символ единства; каждая грань восьмиугольника—одно из объединяемых славянских племен; четыре якоря означают четыре моря. Буквы слева означают: Г[ород] Ж[итомир] П[авел] Ф[омич] В[ыгодовский]. Буквы внизу—П[равила] С[оединенных] С[лавян].

(АОР, отд. пад. ст. рен. дело № 451 (Выгодовского), л. 3.

II. 4-е правило Соединенных Славян с символическим знаком ветви, означающим свободу. (Читается: „Простота, воздержанность и скромность, сии блюстительницы свободы сохранят твое спокойствие“).

Там же.

III. 1-е правило Соединенных Славян с символическим знаком оружия-штыка. (Читается: „Не надейся ни на кого, кроме твоих друзей и своего оружия (или штыка). Друзья тебе помогут оружие (или: штык) тебя защитит“).

(АОР, отд. пад. ст. рен. дело № 431 (Борисова 2), л. 3.)

IV. 16-е правило Соединенных Славян с двумя символическими знаками: первый означает „порт“ и состоит из трех якорей, символов моря; второй означает „город“. (Читается: „В портах твоих Славянин будет цвести торговля и морская сила, а в городе посреди земли твоей справедливость для тебя обитать станет“).

Там же, ч. 4.

Составлена на основании: 1) „Дислокационной карты III пехотного корпуса. 1823 года.“ (Каталог Военно-исторического архива в Москве, ч. 1, № 598/2409); 2) „Квартирной карты III пехотного корпуса. 1827 г.“ (Там же, № 728-А-37196).

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

ПОЭТЫ-ДЕКАБРИСТЫ

СБОРНИК

Под ред., со вступительной статей и примечаниями Ю. Н. Верховского.

Стр. 320. Ц. 1 р. 50 к.

Содержание: Предисловие. К. Ф. Рылеев. А. А. Бестужев-Марлинский. В. Ф. Раевский. Г. С. Батеньков. Н. А. Бестужев. М. А. Бестужев. П. С. Бобрищев-Пушкин. Н. С. Бобрищев-Пушкин. Н. И. Ларер. Н. А. Чижов. Н. Ф. Заикин. С. И. Муравьев-Апостол. В. К. Кюхельбекер. А. И. Одоевский. Приложение к поэме „К. Ф. Войнаровский" К. Ф. Рылеева.

ДЕКАБРИСТ М. С. ЛУНИН

ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

Письма из Сибири

С портретами и 5 снимками. Редакция и примеч. С. Я. Штрайха. (Музей Революции СССР).

Стр. 64. Ц. 80 к.

Б. Л. МОДЗАЛЕВСКИЙ

Роман декабриста

КАХОВСКОГО,

казненного 13 июля 1826 г.

(Труды Пушкинского Дома при Академии Наук СССР.)

Стр. 126. Ц. 1 р.

М. КЛЕВЕНСКИЙ

К. Ф. РЫЛЕЕВ

(„Биографическ. биб-ка")

Стр. 80. Ц. 25 к.

Биография написана с обстоятельным использованием всех имеющихся и, между прочим, только теперь публикуемых Центрархивом следственных материалов по делам о декабристах. Вместе с очерком жизни и деятельности К. Рылеева дан общий очерк эпохи движения декабристов и восстания 14 декабря 1825 г.

П. Е. ЩЕГОЛЕВ

ДЕКАБРИСТЫ

Стр. 362. Ц. 3 р.

В книге собраны все работы П. Е. Щеголева о декабристах, разновременно, начиная с 1903 года, появлявшиеся в печати.

А. Н. ШЕБУНИН

Н. И. ТУРГЕНЕВ

(„Биографическ. б-ка".)

Стр. 132. Ц. 25 к.

Прекрасное знание специальной литературы, умелое использование неизданных материалов, продуманность всей биографической и исторической схемы, деловитость и доступность изложения делают книжку одинаково интересной и для популярного чтения и для научного изучения. („Печ. и рев." 1925. Кн. 4.)

ДЕКАБРИСТ И. ПУЩИН

О ПУШКИНЕ

(Записки о Пушкине и письма)

Редакция и примеч. С. Я. Штрайха.

Книга о юношеских годах Пушкина, о том периоде его жизни, когда складывались его политические взгляды. Много внимания уделено вопросу об отношении Пушкина к декабристам. (Выходит из печати).

МУЗЕЙ РЕВОЛЮЦИИ

Сборник I. Под ред. П. Е. Щеголева. С многочисленными рисунками, фотографиями, снимками и портретами. Изд. Муз. Рев. Стр. 105. Ц. 1 р. 50 к.

Содержание: А. И. Герцен — Кондратий Рылеев и Николай Бестужев. П. Е. Щеголев — Каракозов в Алексеевском равелине. А. Шилов — Дело Арнгольдта, Сливицкого, Ростаковского и Щура 1862 г. (Из истории революционной пропаганды в армии.) В. И. Йохельсон — Календарь народной воли. (Из воспоминаний.) Р. Кантор — Александр III в заботах о своем народе. А. Ш.—Ег. С. Сазонов в бреду. П. Щеголев—К иконографии декабристов.— Памяти декабристов. — Первое заседание Музея Революции. Стенографический отчет. Илья Ионов — В орловской каторжной тюрьме (1912). — Вещи А. И. Желябова. Библиографич. Бюро Музея Револ. и его работы.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

ЦЕНТРАРХИВ

ВОССТАНИЕ ДЕКАБРИСТОВ

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ВОССТАНИЯ ДЕКАБРИСТОВ
Под ред. и с пред. М. Н. ПОКРОВСКОГО

ДЕЛА ВЕРХОВНОГО УГОЛОВНОГО СУДА И СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ, КАСАЮЩИЕСЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРЕСТУПНИКОВ

ВЫШЛИ:

ТОМ I. СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЛА: С. П. Трубецкого, К. Ф. Рылеева, Е. П. Оболенского 1-го, Н. М. Муравьева, П. Г. Каховского, Б. А. Щепина-Ростовского, А. А. Бестужева и М. А. Бестужева. Стр. 540. Ц. 6 р.

ТОМ II. СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЛА: А. П. Арбузова, Н. А. Бестужева, Н. А. Панова, А. Н. Сутгофа, В. К. Кюхельбекера, И. И. Пущина, А. И. Одоевского, А. И. Якубовича, Н. Р. Цебрикова, Н. П. Репина. Приготовил к печати А. А. Покровский. Стр. 420. Ц. 6 р.

ТОМ IV. СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЛА: П. И. Пестеля, С. И. Муравьева-Апостола. Приготовил к печати Б. Е. Сыроечковский. Стр. XI, 486. Ц. 6 р.

ТОМ VIII. Дела Следственной Комиссии о злоумышленных обществах.

АЛФАВИТ ДЕКАБРИСТОВ. Под ред. Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса. Стр. 4 н., 431, 5 н. Ц. 4 р. 50 к.

В книге воспроизведен текст подлинной рукописи книги, принадлежавшей Николаю I, находившейся всегда у него на столе для справок, как содержавшей в себе в азбучном порядке имена всех декабристов и других привлеченных к следствию о тайных обществах. Таких лиц было 579. В виде приложения к этому ценному историческому документу редакторами его Б. Л. Модзалевским и А. А. Сиверсом даны подробные биографические справки о всех упоминаемых в „Алфавите" лицах, при чем прослежена судьба каждого до 14 декабря и после до самой смерти.

ТОМ V. СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЛА: П. И. Борисова 2-го, А. И. Борисова 1-го, М. М. Спиридова, И. И. Горбачевского, В. А. Бечаснова, А. С. Пестова, Я. М. Андреевича, Ю. К. Люблинского, А. И. Тютчева. Подготовлен к печати Н. П. Чулковым. Стр. 495. Ц. 6 р.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

ТОМ III. СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЛА: А. М. Муравьева, И. Г. Якушкина, М. А. Фонвизина, Ф. П. Шаховского, М. С. Лунина, П. А. Муханова, Д. И. Завалишина.

ТОМ VI. Восстание Черниговского полка.

ТОМ VII. „Русская правда" П. И. Пестеля. Под ред. С. С. Мильмана и С. Н. Чернова.

Материалы дают впервые совершенно полное и точное воспроизведение дел с сохранением всех особенностей расположения, правописания и пунктуации.

2 р. 50 к.—Р.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

ЦЕНТРАРХИВ

М. Н. ПОКРОВСКИЙ

ДЕКАБРИСТЫ

Стр. 94. СБОРНИК СТАТЕЙ Ц. 80 к.

А. Е. ПРЕСНЯКОВ

14 ДЕКАБРЯ 1825 ГОДА

С приложением военно-исторической справки Г. С. Габаева „Гвардия в декабрьские дни 1825 года".

(Центрархив. Восстание декабристов. Исследования. Под ред. М. Н. Покровского).

Стр. 226 + 2 схемы. Ц. 2 р. 50 к.

ДЕКАБРИСТЫ

ОТРЫВКИ ИЗ ИСТОЧНИКОВ

Составил Ю. Г. Оксман

При участии Н. Ф. Лаврова и Б. Л. Модзалевского

Стр. 484. Ц. 2 р. 75 к.

Содержание: I. Экономика и политика 1815—1825 гг. в восприятии декабристов. II. Опыты использования легальных возможностей 1817—1823 гг. III. Первые тайные организации декабристов. IV. Революционная работа в районе первой и второй армии 1821—1825 гг. V. Северное общество (1821—1825 гг.). VI. 14 декабря 1825 года. VII. Агитация и пропаганда Южного Общества в войсках 3-го корпуса и восстание Черниговского пехотного полка. VIII. Следствие. Суд. Приговор.

МЕЖДУЦАРСТВИЕ 1825 ГОДА И ВОССТАНИЕ ДЕКАБРИСТОВ

В ПЕРЕПИСКЕ И МЕМУАРАХ ЧЛЕНОВ ЦАРСКОЙ СЕМЬИ

Подготовил к печати Б. Е. Сыроечковский

Стр. 248. Ц. 3 р.

Из содержания: **I. Записки и дневники.** Записка Николая I о вступлении на престол. Заметки Николая I на полях рукописи М. А. Корфа. Воспоминания Михаила Павловича о событиях 14 декабря 1825 г. Из дневников Николая Павловича. Из дневников Александры Федоровны. Из дневников Марии Федоровны. Из воспоминаний принца Евгения Вюртембергского. **II. Письма.** Из официальной переписки членов царской семьи.

МОСКВА, 9, ГОСИЗДАТ, „КНИГА — ПОЧТОЙ" высылает все эти книги и другие, имеющиеся на книжном рынке, немедленно по получении заказа почтовыми посылками или бандеролью наложенным платежом. При высылке вперед всей стоимости заказа (до 1 руб. можно почтовыми марками) пересылка бесплатно.

450

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00033260319